Е
175

ЖИЗНЬ
ЗА ОКЕАНОМЪ

ОЧЕРКИ

религіозной, общественно-экономической и политической жизни
въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

СОЧИНЕНІЕ

А. ЛОПУХИНА.

Б.МАК

С.-Петербургъ, 1882.

21

„Пров 38“

Типографія С. Добродѣева.
32. — Троицкій переулокъ. — 32.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМІЯ
1102
39

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прошли вѣка съ того времени, какъ геніальный Колумбъ открылъ и подарилъ человѣчеству материкъ Новаго Свѣта, но для насъ русскихъ онъ до сихъ поръ остается terra incognita и мы еще должны ждать своего Колумба, который бы вновь открылъ Америку — спеціально для насъ. Не смотря на то, что мы называемъ и нелицемѣрно считаемъ американцевъ своими заатлантическими друзьями, мы совершенно не знаемъ ихъ. Литература наша въ этомъ отношеніи не дала до сихъ поръ ни одного произведенія, которое бы носило на себѣ печать дѣйствительнаго изученія или по крайней мѣрѣ внимательнаго, умѣлаго, а не верхогляднаго наблюденія. Мнѣ пришлось лично убѣдиться въ этомъ. Отправляясь за океанъ, я внимательно перечиталъ существующія у насъ книги о Соединенныхъ Штатахъ, и на каждомъ шагу печально долженъ былъ убѣждаться въ ихъ несоотвѣтствіи дѣйствительности. И замѣчательно, въ этихъ книжкахъ мнѣ постоянно приходилось встрѣчаться съ прямыми вымыслами, очевидно разсчитанными на эффектъ, а дѣйствительная жизнь нашла въ нихъ лишь самое блѣдное, лубочное отображеніе. Между тѣмъ дѣйствительная жизнь молодаго американскаго народа представляетъ массу

интереснѣйшихъ и поучительнѣйшихъ явленій, которыя въ своей неподкрашенности неизмѣримо интереснѣе всякаго вымысла бѣдной фантазіи авторовъ нашихъ книгъ о ней. Живя за океаномъ, я на каждомъ шагу поражался кипучестью и своеобразностью американской жизни и дѣлился съ разными періодическими изданіями результатами своихъ наблюденій и изученія. По отзыву моихъ друзей, мои скромныя замѣтки обнаружили нѣсколько такихъ чертъ въ американской жизни, которыя дотолѣ не находили отраженія въ русской литературѣ. Ухватившись за этотъ комплиментъ, я рѣшился издать отдѣльную книгу, въ которую вошла значительная часть моихъ писемъ и очерковъ, какъ напечатанныхъ уже, такъ и новыхъ. Если бы эта книга встрѣтила хоть малѣйшую долю того сочувствія, съ которымъ относились къ моимъ письмамъ мои, конечно небезпристрастные, друзья, то это было бы для автора лучшей наградой и лучшимъ поощреніемъ къ дальнѣйшему изученію дѣйствительно интересной и поучительной жизни американскаго народа, среди котораго ему предстоитъ жить и дѣйствовать еще нѣсколько времени.

С.-Петербургъ.
7 Сентября 1881 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПО ПУТИ ВЪ АМЕРИКУ.

I. Отъ С.-Петербурга до Вѣны.

Западно-русскій край и граница.—Столица тріединой имперіи.—Достопримѣчательности.—Братья-славяне.—Нѣмцы и спекуляція на нигилизмъ 1

II. Цюрихъ.

Альпійскіе виды.—Природа и люди.—Цюрихъ и его достопримѣчательности.—Соціализмъ и борьба съ нимъ.—Литературный курьезъ.—Университетъ и лекція Іоганна Шерра 9

III. Женева.

Сердце Швейцаріи.—Женева и національное торжество въ ней.—Достопримѣчательности.—Два философа.—Фернейскій патріархъ и его дворецъ.—Русская церковь и русская библіотека.—Укрощеніе своенравнаго.—Что такое свобода 17

IV. Парижъ.

Французская земля.—Парижъ и первыя впечатлѣнія.—Достопримѣчательности.—Соборъ Богоматери.—Пантеонъ.—Гробъ Наполеона I.—Богослуженіе въ церкви св. Рока.—Русская церковь и богослуженіе въ ней.—Парижскіе нравы.—Фальшивыя деньги подъ фирмой: свобода, равенство и братство 25

V. Лондонъ.

Бурный проливъ — стражъ Альбіона. — Лондонъ и первыя впечатлѣнія.—Невыносимость атмосферы и кипучесть движенія.—Достопримѣчательности. — Соборъ св. Павла и Вестминстерское аббатство.—Библія въ Лондонѣ.—Библейскій театръ.—Праздникъ «показыванія лорда мэра» и народное веселье 37

VI. Десять дней на океанѣ.

Ночь предъ посадкой на океанскій корабль. — Утро и переѣздъ на «Скиѳію».—Путь отъ Ливерпуля до Квинстоуна.—Открытый океанъ.—Буря.—Состояніе и надежды пассажировъ. — Колумбъ и его вѣра. — Воскресное богослуженіе среди океана.—Берегъ «того свѣта» . . 47

ЗА ОКЕАНОМЪ.

I. Нью-Іоркъ.

Ворота въ Новый Свѣтъ. — Пристань и первыя впечатлѣнія. — День благодаренія.—Общій видъ города и достопримѣчательности.—Черты религіозности.—Янки—новый израиль.—Страшная вѣсть съ родины и богослуженіе въ русской церкви 61

II. «Веселый кристмасъ».

Приготовленія къ святкамъ. — Празднованіе Рождества Христова въ церквахъ, семействахъ и на улицахъ.—Русское и американское праздничное веселье.—Русское Рождество за океаномъ 73

III. Карнавалъ и постъ.

Князь плоти и князь духа.—Черты религіозности.—Благородный порывъ благотворенія.—Царственная жертва газеты.—Сила настойчивости 83

IV. Пасха въ Америкѣ.

Великая пятница и Пасха.—Пасхальное богослуженіе въ церкви знаменитаго проповѣдника.—Музыка и проповѣдь.—Десять центовъ за входъ въ соборъ.—Пасха въ обыденной жизни 91

V. Религія въ свободной странѣ.

Свобода, культура и религія.—Будни и воскресенье.—Общество дѣловыхъ людей.—Религіозные митинги.—Общество молодыхъ христіанъ. 98

VI. Земля положительнаго знанія.

Религія и положительная наука.—Свѣтобоязнь невѣрія.—Исповѣданіе вѣры со стороны ученыхъ.—Новоиспеченныя теоріи.—«Религія будущаго» 107

VII. Библія въ Америкѣ.

Общественное значеніе Библіи у американскаго народа. — Библія въ языкѣ, литературѣ, искусствѣ и политикѣ.—Новоисправленный переводъ Новаго Завѣта и общественный интересъ по поводу этого событія.—Характеръ перевода.—Газета въ полбибліи величиной . 115

VIII. Царство доллара и проповѣди.

Всемогущій долларъ.—Продажа мѣстъ въ церквахъ.—Аукціонъ и хорошая выручка.—Курьезный процессъ.—Проповѣдники и проповѣдничество.—Юморъ и телефонъ на проповѣднической каѳедрѣ . . . 125

IX. Въ лагерѣ спасенія.

Лѣтній сезонъ въ религіи.—Исходъ пасторовъ.—Религіозные лагери.—На берегу океана. — Воины спасенія. — Воскресный день. — Цвѣтной проповѣдникъ и негритянскій гимнъ 133

X. Рыцари тайны.

Страсть къ процессіямъ.—Откровеніе масонамъ.—Египетскій обелискъ и масонскія церемоніи. — Общественное и религіозное положеніе масоновъ 144

РОДНЫЕ ОТГОЛОСКИ.

I. Русскій праздникъ за океаномъ.

Русскій юбилей.—Голоса американцевъ. — Взглядъ ихъ на минувшее двадцатипятилѣтіе Россіи.—Русская и американская печать . . . 156

II. Русское горе.

Отголосокъ русскаго горя за океаномъ. — Соболѣзнованія американцевъ. — Голоса общества, печати и правительства. — Панихиды въ Вашингтонѣ и Нью-Іоркѣ.—Американскій проповѣдникъ о свободѣ и злоупотребленіи ею 165

III. Русская церковъ въ Нью-Іоркѣ.

Планъ Нью-Іорка.—Мѣстоположеніе русской церкви.—Американскій домъ и помѣщеніе, занимаемое церковью.—Освященіе.—Настоятель и псаломщики. — Прихожане. — Лѣтопись десятилѣтія. — Русское благотворительное общество.—Воскресное богослуженіе и пестрое собраніе богомольцевъ 179

IV. Американцы въ русской церкви.

Американскіе посѣтители русскаго воскреснаго богослуженія. — Ихъ впечатлѣнія.—Общественное положеніе русскаго священника.—Потребность въ ознакомленіи съ русскою церковью.—Важное значеніе церковнаго органа.—Заключеніе 194

ОБЩЕСТВЕННЫЯ и ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I. Наши заатлантическіе друзья.

Одна изъ причинъ руссофобіи иностранной печати.—Русскіе корреспонденты въ американскихъ газетахъ.—Сбиваніе съ толку американскаго общественнаго мнѣнія.—Образчики американскаго отношенія къ русскимъ вопросамъ.—Русско-турецкая война на американской сценѣ. 207

II. Эмиграція.

Садъ эмигрантовъ. — Великое переселеніе народовъ. — Небывалый наплывъ переселенцевъ въ Америку.—Цѣнность труда и денегъ, вывезенныхъ изъ Европы.—Русскіе переселенцы.—Самарскіе нѣмцы и печальная повѣсть ихъ похожденій 225

III. Страна, текущая молокомъ и медомъ.

Сыновья и пасынки —Торговый Вавилонъ.—Небывалое развитіе торговли. — Отзывы торговыхъ людей. — Земля—истинное богатство. — Урожай прошлаго года. — Революція въ агрикультурѣ. — Море пшеницы.—Финансы страны.—Безконечныя цифры.—Приливъ и производство золота. — Царь Крезъ и янки. — Геніальный самопродавецъ. — Царица драмы 236

IV. Американское хозяйство.

Европа и Америка.—Пшеничная житница міра.—Хлѣбная спекуляція: — Стоимость производства. — Перевозка. — Земледѣльческія машины.— Хлѣбные и садовые плоды.—Скотоводство и мясная торговля.— Овцеводство. — Свиньи и ихъ соціальное положеніе. — Чему намъ учиться у американцевъ 252

V. Таннеръ или постящійся докторъ.

Постящійся докторъ. — Возбужденный имъ интересъ. — Мученикъ славы. — Окончаніе поста и торжественный обѣдъ. — Арбузъ вмѣсто аптекарскихъ дозъ. — Ужасъ и недоумѣнія. — Исторія поста. — Изъ прошлой жизни.—Виды на будущее. 268

VI. Страсть къ состязаніямъ.

Рыцари черепахи и обжорливый генералъ. — Борцы и пѣшеходы. — Сочетаніе удовольствія съ пользой.—Лѣтняя перипатетическая школа философіи.—Царь изобрѣтателей и новое свѣтило для нашей планеты.—Романъ въ жизни Эдисона 279

VII. На берегу океана.

Лѣтнія убѣжища янки.—На берегу океана.—Чудеса построекъ.—Башня столѣтней годовщины и желѣзный ресторанъ. — Кубанецъ и гаитянинъ.—Морское купанье.—Народныя увеселенія.—Голова негра вмѣсто мишени.—Ночь на островѣ.—Ночная экскурсія по океану. . . . 290

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНІЯ 1880 ГОДА.

I. Открытіе кампаніи.

Отъ лямки до президентства. — Частные кандидаты. — Президентскій бумъ.—Американская Пиѳія.—Конвенція республиканской партіи въ Чикаго.—Отчаянная борьба и пораженіе Гранта.—«Темный конь» и парящій орелъ 303

II. Демократы.

Угрюмый островокъ и его счастливый обитатель. — Демократическая конвенція.—Демократы и ихъ политическая программа.—Кандидаты и хитрость Тильдена.—Демократическій избранникъ и его государственный формуляръ.—Темный конь и сѣрый солдатъ 314

III. Зеленоспинники и леди.

Мелкія политическія партіи.—Гринбекеры или зеленоспинники.—Бумажныя деньги.—Конвенція зеленоспинниковъ.—Сочетаніе съ соціалистами. — Политиканствующія леди и исторія ихъ неудачныхъ похожденій. — Женскій вопросъ у нашихъ заатлантическихъ друзей. — Противники и защитники правъ женщинъ на голосованіе 323

IV. На полѣ битвы.

Президентская кампанія и орудія борьбы.—Демократическій скверъ.—Негодующіе бурбоны.—Республиканская крѣпость.—Факельное шествіе Африки.—Положеніе цвѣтной расы въ политикѣ.—Грубое насиліе.—Колебаніе шансовъ. — Заслуги республиканской партіи передъ страною.—Картина благосостоянія 334

V. Въ станѣ демократовъ.

Въ бординг-гаузѣ.—Демократическая аттака.—Адская канонада ракетами и рѣчами.—Отношеніе партій.—Крайности республиканцевъ.—Семьдесятъ тысячъ, а можетъ быть и меньше, въ строю огненной арміи.—Препирательства изъ за цифръ.—Стоимость процессіи . 344

VI. Курьезы президентской кампаніи.

Республиканская демонстрація.—Встрѣча Гранта.—Легіонъ милліонеровъ. — Карманные политики. — Переполохъ чиновниковъ. — Способы борьбы. — Презрѣнный металъ въ кампаніи. — Антихристово число. — Китайское письмо.—Уженье рыбы въ мутной водѣ 354

VII. Рѣшеніе народной воли.

Конецъ президентской кампаніи. — Въ ожиданіи рѣшенія народной воли.—Всенародное голосованіе.—Счастливый лямщикъ и несчастный генералъ.—Обзоръ кампаніи.—Причины республиканской побѣды.—Сѣверъ и Югъ.—Республиканскій избранникъ.—Личность президента Гарфильда и его кабинетъ 366

ПО ПУТИ ИЗЪ АМЕРИКИ.

I. Чрезъ океанъ.

Возвращеніе на родину. — На палубѣ нѣмецкаго корабля. — Жертва акулы. — Потомокъ варяговъ. — Братъ-славянинъ и международный языкъ славянскихъ народовъ.—Воскресный день и двѣ проповѣди.—

Американскій проповѣдникъ.—Берегъ стараго свѣта.—Каналъ и Нѣмецкое море.—Горе и радость 382

II. Отъ Бремена до С.-Петербурга.

Ганзейскій городъ.—Воспоминанія о быломъ.—Нѣмецкая земля.—Столица бога войны.—Русскій духъ въ сердцѣ нѣмечины.—Ярославцы въ Берлинѣ и борьба русской культуры съ нѣмецкою. — На палубѣ парохода на Балтійскомъ морѣ. — Прусскіе офицеры и русскія барыни. — Кронштадтъ и видѣніе Петра Великаго. — Опять на родной землѣ 393

ПО ПУТИ ВЪ АМЕРИКУ.

I. Отъ С.-Петербурга до Вѣны.

Западно-русскій край и граница.—Столица тріединой имперіи.—Достопримѣчательности.—Братья-славяне.—Нѣмцы и спекуляція на нигилизмъ.

Интересно состояніе человѣка, впервые отправляющагося заграницу. До того времени онъ привыкъ видѣть вокругъ себя и природу и людей, къ которымъ онъ съ дѣтства присмотрѣлся и которые не вызываютъ особыхъ чувствъ и представленій, подернутые покрываломъ обыденности. Теперь же предъ нимъ готовится открыться новый міръ—новая природа и новые люди, и онъ съ торопливымъ вниманіемъ останавливается на всемъ, что носитъ на себѣ хоть отпечатокъ «заграничности». Съ такимъ торопливымъ вниманіемъ выглядывалъ изъ вагона и пишущій эти строки, отправившись изъ Петербурга въ первыхъ числахъ октября 1879 года въ заграничное путешествіе. Ночь прервала любопытство, зато слѣдующее утро возбудило его съ новою силою: неутомимо несущійся на невидимыхъ крыльяхъ пара поѣздъ успѣлъ примчаться въ западно-русскій литовскій край, и глазамъ путешественника представились новые виды. Русская земля—широкая и ровная какъ море, приближаясь къ западнымъ границамъ, какбы содрагается, и волнистыя горы, какъ морщины на неспокойномъ страдальческомъ лицѣ, густой вереницей тѣснятся по сторонамъ. Чрезъ одну изъ прелестныхъ

лѣсистыхъ долинъ открылся очаровательный видъ на Вильно. Такихъ видовъ мнѣ не приходилось еще видѣть въ Россіи; на нихъ дѣйствительно лежитъ своеобразный отпечатокъ. На станціи васъ поражаетъ нерусскій говоръ: польско-еврейско-нѣмецкій элементъ затушевываетъ русскую стихію; появляются и нерусскія деньги. Самый городъ Вильно окончательно отбиваетъ охоту думать, что вы еще на родной почвѣ: узкія до невозможности улицы, оригинальныя постройки съ черепичными кровлями, костелы, польско-еврейскія лица. Пользуясь краткимъ промежуточнымъ между поѣздами временемъ, я быстро осмотрѣлъ городъ. Какое богатство историческихъ памятниковъ заключаетъ онъ въ себѣ и сколько думъ возбуждаютъ они даже въ случайномъ зрителѣ! Здѣсь можно читать всю многострадальную исторію западнорусскаго края, можно прослѣдить всю кровавую борьбу двухъ началъ православія и католицизма Исторія эта славна своимъ концомъ—побѣдой православія. Но въ городѣ этого незамѣтно, по крайней мѣрѣ для бѣглаго взгляда. Вездѣ вы видите костелы съ латинскими надписями и скульптурными статуями, около нихъ тѣснятся колѣнопреклоненные богомольцы съ воздѣтыми или скрещенными руками, патеры часто переходятъ вамъ дорогу, принимая отъ окружающихъ знаки почтенія. Мой возница-полякъ постоянно снималъ свою шапку, доѣзжая до того или другаго храма, чѣмъ и давалъ мнѣ знать, что это костелъ, а не православный храмъ. Быть можетъ католицизмъ здѣсь беретъ верхъ своею внѣшностью, которую онъ такъ любитъ, а не внутреннею силою, не тѣмъ религіознымъ чувствомъ, которое двигаетъ горы; но какъ угодно — впечатлѣніе этой силы склоняется на сторону католицизма. На большой городской площади красуется массивный каѳедральный костелъ, съ колоссальными изваяніями. Надъ нимъ высится живописная гора, гдѣ нѣкогда пылалъ костеръ проповѣдниковъ католичества, — впечатлѣніе грандіозное. Проѣзжая обратно на станцію желѣзной дороги мимо литовской духовной семинаріи, я мысленно пожелалъ ей еще и еще неустанно бороться за господство истиннаго христіанскаго начала въ краѣ,

и еще и еще выставлять дѣятелей для этой борьбы, какъ она выставляла ихъ до сихъ поръ.

За Вильной родная земля все еще не успокоивается, волнуется; верстахъ въ десяти поѣздъ даже пронизываетъ чрезъ туннель гору. Но затѣмъ опять начинаются равнины и поля — поселенія древнихъ полянъ, теперешнихъ поляковъ. А вотъ и сердце польщизны—Варшава. Городъ богатый, роскошный; но послѣ Вильны онъ уже не представляетъ чего либо необычайнаго, новаго: типъ одинъ и тотъ же. Только кажется религіознаго фанатизма здѣсь меньше, чѣмъ въ католическомъ населеніи Вильны; по крайней мѣрѣ здѣсь не встрѣчалось видѣть столько колѣнопреклоненій и воздѣваній рукъ, какъ въ литовской столицѣ. За Варшавой опять тянутся равнины. На довольно грязныхъ станціяхъ васъ всюду поражаетъ скопище польскихъ жидовъ, и надо признаться, великій писатель, описывая ихъ въ своемъ «Тарасѣ Бульбѣ», употребилъ еще не всѣ краски для изображенія ихъ невыносимой внѣшности и грязной типичности. Но вотъ и граница. Сердце невольно дрогнуло при видѣ надписи «Граница» на послѣдней русской таможенной станціи. Здѣсь кончается наша земля и начинается царство нѣмцевъ.

Послѣ быстраго осмотра паспортовъ, австрійскій поѣздъ помчалъ насъ чрезъ границу къ австрійской таможенной станціи. Здѣсь уже полное царство нѣмцевъ—нѣмецкіе мундиры, нѣмецкая рѣчь, хотя и съ примѣсью пейсовъ и польскихъ физіономій. Послѣ скораго, но тщательнаго осмотра вещей у пассажировъ со стороны австрійскихъ таможенныхъ чиновниковъ, поѣздъ помчался далѣе. И замѣчательно — не только люди, самая природа быстро измѣнилась. Вдали стали вырисовываться высокія горы, по сторонамъ замелькали чистенькія деревушки. Компаньонами стали почти исключительно являться нѣмцы — съ своей туманной философіей, дурными сигарами и предубѣжденіемъ къ Россіи; есть евреи и поляки, но непремѣнно съ нѣмецкою рѣчью. Видя это, невольно чувствуешь великое преимущество нѣмцевъ надъ нами въ

ассимилированіи подвластныхъ народовъ: таже Польша, тѣже поляки и евреи и здѣсь, — но здѣсь все приняло нѣмецкій образъ; а въ нашей русской Польшѣ все остается попрежнему, какъ во времена Рѣчи Посполитой, и въ Варшавѣ рѣдко можно встрѣтить человѣка, который бы хорошо понималъ по-русски.

«А вотъ и Вѣна, наша красавица Vindobona»!—выкликнулъ мой сосѣдъ-нѣмецъ, ужасный резонеръ и филологъ, надоѣдавшій мнѣ всю дорогу своими филологическими соображеніями и производствами, между которыми особенно остроумнымъ казалось ему самому найденное имъ родство словъ Іегова и Юпитеръ. Названіе «Вѣны» онъ производилъ отъ vina-do-bona, какъ будто бы назвали ее еще римляне. Была ночь, и потому сразу нельзя было убѣдиться въ вѣрности отзыва нѣмецкаго патріота о красотѣ столицы тріединой имперіи. Утромъ я отправился осматривать Вѣну и ея достопримѣчательности, и, надо отдать справедливость нѣмцу, онъ не преувеличилъ нисколько, назвавъ Вѣну красавицей. Это дѣйствительно красавица-столица, и поражаетъ посѣтителя сколько грандіозностью своихъ зданій, столько и изящностью ихъ архитектуры, чистотою, опрятностью улицъ, садами и аллеями. Главная улица, называющаяся Кольцо—Ring, широка какъ Невскій проспектъ, но ея грандіозно-прелестныя зданія, богатые и роскошные магазины, непрерывно-тянущіяся аллеи по обѣимъ сторонамъ — даютъ больше впечатлѣній, чѣмъ довольно-однообразный, хотя и прелестный проспектъ нашей сѣверной столицы.

Улица Кольцо кругообразно обходитъ самый древній центръ столицы. Въ этой центральной части улицы узки и неправильны, и тутъ же на Стефановской площади возвышается величественный соборъ св. Стефана. Готическая башня его видна съ Кольца. По указанію ея я отправился къ этому чуду архитектурнаго искусства. Трудно передать впечатлѣніе, производимое соборомъ. Вы стоите какбы предъ исполинскимъ перстомъ самой земли, устремившей его къ небу для указанія суетящемуся вокругъ крохотному человѣчеству его вѣч-

наго назначенія, которое часто забывается имъ въ житейской суетѣ. Внѣшній видъ собора суровъ и мраченъ: онъ носитъ на себѣ тяжести болѣе семи столѣтій. Основаніе его относится къ 1144 году. Башня его, представляющая, по отзыву знатоковъ, одинъ изъ изящнѣйшихъ образцовъ готическаго искусства, возвышается на 62½ сажени надъ основаніемъ, и послѣ страсбургской башни есть высочайшая въ мірѣ. Съ благоговѣніемъ вошелъ я въ этотъ храмъ вѣчности. Внутри онъ такъ же мраченъ, какъ и совнѣ, и все однакоже устремляетъ духъ горѣ. Нѣсколько богомольцевъ тихо и благоговѣйно стояли предъ различными алтарями и творили молитву. Стѣны собора испещрены множествомъ надписей, но время до того обезцвѣтило ихъ, что читать ихъ можно только съ большимъ трудомъ. Болѣе конечно поддаются зрѣнію скульптурныя произведенія и они поражаютъ какъ красотою своего стиля, такъ и оргинальностью композиціи. Сколько здѣсь пищи для религіозно-эстетическаго чувства и сколько матеріала для исторической науки! Въ полуистертыхъ надписяхъ собора заключается многовѣковая лѣтопись историческихъ судебъ какъ города, такъ пожалуй и народа. Счастливъ народъ, который можетъ указать на подобный грандіозный памятникъ своей старины: это достаточный свидѣтель его не безплодной жизни на землѣ. Съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ какимъ вошелъ въ храмъ, я и вышелъ изъ него, упорядочивая въ своей головѣ вынесенныя впечатлѣнія. На двери вывѣшено объявленіе. Я подошелъ къ нему, думая найдти извѣщеніе о какомъ либо богослуженіи или торжествѣ, какъ это водится заграницей, и вдругъ — читаю и не вѣрю своимъ глазамъ. Объявленіе буквально гласитъ слѣдующее: «Запрещается приводить съ собою въ церковь собакъ, равно проходить съ ними чрезъ церковь, а также не позволяется проносить чрезъ соборъ большія тяжести, чтобы ничѣмъ не нарушать отправленія богослуженія»..... Мои возвышенно настроенныя чувства никакъ не могли сначала мириться съ такимъ страннымъ объявленіемъ, но ока-

залось, что это объявленіе вызвано настоятельною потребностью. Теперешніе потомки своихъ благочестивыхъ предковъ-строителей собора не сохранили въ себѣ одушевлявшаго послѣднихъ уваженія къ святынѣ, и, не желая дать себѣ труда обойти соборъ, предпочитали переходить на другую сторону Стефановской площади прямо черезъ соборъ, ведя съ собою собакъ и неся различныя ноши—корзины, тюки и т. п. Съ тяжелымъ чувствомъ оставилъ я порталъ знаменитаго собора.—Другимъ уже совершенно новымъ образчикомъ готическаго стиля въ Вѣнѣ служитъ такъ называемая Votivkirche—поминальная церковь. Она воздвигнута въ память спасенія императора Франца-Іосифа отъ злодѣйской руки. Храмъ тоже построенъ въ чистоготическомъ стилѣ, но производитъ менѣе впечатлѣнія, несмотря на все богатство его оконной живописи, которой я совсѣмъ не замѣтилъ въ соборѣ св. Стефана. При входѣ въ церковь я замѣтилъ также объявленіе, но къ счастью уже не прежняго содержанія: объявленіе гласило о продажѣ «руководителя по церкви». Руководитель составленъ довольно подробно и толково. Это пробудило во мнѣ мысль: отчего бы и нашимъ московскимъ археологамъ не составить подобнаго руководителя по московскимъ святынямъ? Всякій поклонникъ навѣрное предпочелъ бы заплатить за него нѣсколько копѣекъ, чтобы только толково и спокойно осмотрѣть драгоцѣнныя святыни, не подвергаясь нападенію назойливыхъ и безграмотныхъ чичероне, всего чаще при обозрѣніи запускающихъ глаза на карманъ поклонниковъ. Право не дуренъ нѣмецкій обычай.

Пройдя далѣе по Кольцу, я замѣтилъ у колоссальнаго зданія съ громадными колоннами и барельефами множество народа, входящаго и выходящаго изъ зданія. Предполагая, что это тоже храмъ Бога Вышняго и порѣшая въ умѣ вопросъ о религіозности жителей австрійской столицы, я тоже вошелъ въ зданіе; но преобладаніе въ толпѣ еврейскихъ физіономій сразу дало знать, что это не храмъ Бога Вышняго, а храмъ мамоны, того бога, которому съ такимъ усердіемъ покло-

няется нашъ спекуляторскій вѣкъ. Это—вѣнская биржа, потому-то и много здѣсь народу, не то что въ соборѣ св. Стефана или въ другихъ церквахъ. Изъ другихъ достопримѣчательностей Вѣны обращаютъ на себя вниманіе императорская библіотека, императорская сокровищница и множество различныхъ музеевъ. Въ сокровищницѣ можно видѣть регаліи Карла Великаго, смарагдъ Карла Смѣлаго въ 2,780 каратовъ, ятаганъ Тимура, а также различныя священныя вещи и останки: гвозди отъ живоноснаго креста, зубъ св. Іоанна Крестителя, часть одежды ев. Іоанна, нѣсколько колецъ отъ цѣпей апостоловъ Петра и Павла, часть живоноснаго креста и часть скатерти, лежавшей на столѣ во время Тайной вечери. Въ стоящей недалеко отъ сокровищницы церкви св. Августины показывается художественная группа знаменитаго Кановы, представляющая мавзолей герцогини Маріи-Христины. Группа изъ бѣлаго мрамора производитъ чарующее впечатлѣніе превосходною композиціею и художествомъ работы. Въ этой же церкви покоятся мощи нѣсколькихъ папъ и посреди самой церкви стоитъ кружка съ скромною надписью: «Для его папской святости Льва XIII».

Осматривая столицу тріединой имперіи, большая половина которой состоитъ изъ славянъ, я напрасно искалъ признаковъ существованія въ имперіи нашихъ братьевъ по крови. Все подернуто нѣмецкимъ элементомъ, который даже на вывѣскахъ уступаетъ нѣсколько мѣста только французскому элементу и уже въ захолустьяхъ—еще мадьярскому. Славянскаго и духа нѣтъ. И между людьми напрасно искалъ я своихъ братьевъ—всюду нѣмецкая рѣчь. Я уже отчаявался видѣть славянъ въ столицѣ полуславянскаго государства, какъ вдругъ неожиданно встрѣтился съ чехомъ. Это былъ мой извозчикъ. Узнавъ, что я русскій, чехъ забросалъ меня вопросами и прежде всего о томъ, не былъ ли я подъ Плевной (такое впечатлѣніе произвела эта памятная Плевна!). Видя, что я плохо понимаю его вѣнскій жаргонъ, онъ попытался было заговорить со мной по-чешски; но конечно «разумѣніе» мое тутъ оказалось еще слабѣе и чехъ опять свернулъ на нѣмецкій жаргонъ. На мой вопросъ, много

ли славянъ въ Вѣнѣ, чехъ отвѣчалъ, что ихъ много тутъ, и почти съ восхищеніемъ сталъ разсказывать, что кучера, дворники, посыльные, половые—почти всѣ славяне, нѣмцамъ тутъ нѣтъ мѣста. «Бѣдные славяне, думалось мнѣ; вы рады и тому, что хоть здѣсь успѣшно ведете борьбу съ нѣмцами». Мы проѣхали мимо отстраивающагося колоссальнаго зданія — на подобіе дворца. Чехъ объяснилъ, что это отстраивается новый парламентъ, и не преминулъ упомянуть, что и чехи будутъ засѣдать въ немъ. Да, это конечно хорошо, что будутъ засѣдать,—отвѣтилъ я чеху,—но не будутъ ли они и въ этомъ парламентѣ занимать тоже положеніе, которое занимаютъ въ парламентѣ общественной жизни...

Трудно прямодушному славянину бороться съ лукавымъ нѣмцемъ. Онъ такъ и норовитъ эксплоатировать его со всѣхъ сторонъ, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ. Послѣдніе прискорбные внутренніе безпорядки въ Россіи, произведенные стоглавой гидрой нигилизма, дали нѣмцамъ поводъ къ самой широкой спекуляціи на счетъ этого нигилизма—и притомъ на книжномъ рынкѣ. При осмотрѣ книжныхъ магазиновъ такъ и пестрятъ въ глазахъ книги, трактующія о нигилизмѣ; тутъ есть и quasi-научныя изслѣдованія о происхожденіи нигилизма, о его развитіи и цѣляхъ, а есть и съ такими заглавіями, какъ: «романъ нигилистки». Нечего и говорить, какою дичью переполнены всѣ эти книжонки, какой сумбуръ понятій и представленій показываютъ онѣ въ своихъ авторахъ, — но общій мотивъ ихъ звучитъ рѣзковраждебнымъ тономъ по отношенію къ славянамъ вообще и къ русскимъ въ особенности. Среди этой нѣмецко-жидовской литературы по части нигилизма красуется нѣсколько русскихъ книгъ — самыхъ уже настоящихъ нигилистовъ. Стоило только развернуть и почитать хоть одну изъ нихъ, чтобы придти къ тому убѣжденію, что книжонки эти дѣйствительно могутъ быть печатаемы только тамъ, гдѣ полная непонятность содержанія не можетъ претить даже наборщику трудиться надъ этимъ жалкимъ произведеніемъ человѣческаго безумія. Но одно невольно бросается въ глаза, что какъ нѣ-

мецкіе, такъ и русскіе нигилистическіе сочинители берутъ въ унисонъ одну и туже ноту—злобную и враждебную по отношенію ко всему русскому и тому государственному строю, надъ которымъ русскій народъ трудился цѣлое тысячелѣтіе, созидалъ его потомъ и кровію и защищалъ своими головами.

II. Цюрихъ.

Альпійскіе виды. — Природа и люди. — Цюрихъ и его достопримѣчательности. — Соціализмъ и борьба съ нимъ. — Литературный курьезъ. — Университетъ и лекція Іоганна Шерра.

Скорый поѣздъ изъ Вѣны несется съ ужасающею быстротою. Предъ вами то и дѣло мелькаютъ хорошенькія деревушки, ютящіяся по отлогимъ холмамъ; однакоже нѣтъ еще ничего такого, что приковывало бы взглядъ. Но вотъ граница тріединой имперіи; за ней начинается Баварія, составляющая южную часть сколоченной желѣзнымъ канцлеромъ германской имперіи. Вотъ Мюнхенъ, но въ немъ я къ сожалѣнію не могъ остановиться.

За Мюнхеномъ виды быстро мѣняются. И безъ того волнистая почва начинаетъ все болѣе и болѣе колыхаться; часъ отъ часу волны вздымаются выше и грознѣе. Вы любуетесь этой игрой волнующейся земли; но вотъ взглядъ вашъ перебрасывается чрезъ волны, и надъ ними какъ облака вздымаются — Альпы. Трудно передать чувства, которыя охватываютъ при этомъ зрѣлищѣ. Вы устремляете въ эти заоблачныя выси неподвижный взоръ и не можете оторваться. Въ этихъ высотахъ, въ этихъ грубыхъ произведеніяхъ природы столько чарующей силы, столько величія, что предъ ними жалкими кажутся всѣ

самыя грандіозныя построенія рукъ человѣческихъ. Но поѣздъ неустанно мчится. Альпійскія высоты понемногу сбрасываютъ съ себя облачное одѣяніе, и вотъ онѣ уже вблизи васъ. Еще нѣсколько моментовъ и—поѣздъ грохочетъ уже среди неприступныхъ скалъ баварскихъ Альповъ. Ландшафты мѣняются съ неуслѣдимою быстротою: то вы мчитесь при подошвѣ сливающейся съ небесами горы, то вдругъ надъ зіяющею пропастью, въ которой вѣковой лѣсъ кажется ничтожнымъ кустарникомъ, то туннелемъ пронизываете гору. Глаза наконецъ утомляются отъ этой непривычной смѣны крайнихъ противоположностей. Вы отдыхаете нѣсколько моментовъ, устремляя взоръ на бархатистую, чисто весеннюю зелень долинъ. А эти долины представляютъ едва ли еще не больше интереса. Тутъ ютятся почти волшебныя деревушки, съ домиками безукоризненной бѣлизны и чистоты кругомъ. Можно подумать, что это игрушечные домики и въ нихъ не живетъ человѣкъ съ его обычной житейской, почти необходимой (по нашему русскому понятію) нечистотой, и однакоже въ этихъ домикахъ обитаютъ дѣйствительные люди, съ обычными заботами и трудами. Вонъ среди бархатистой зелени выдается клочекъ черной земли и на немъ съ киркой въ рукахъ копошится какой-то господинъ въ пиджакѣ и франтовитыхъ брюкахъ: это крестьянинъ обработываетъ свою землю. А вотъ какая-то госпожа съ книгой сидитъ подъ деревомъ, а невдалекѣ красивыя и крупныя коровы съ колокольчиками щиплютъ сочную траву: это пастушка пасетъ свое стадо. Горные ручьи, съ шумомъ устремляющіеся по долинамъ и по указанію человѣка орошающіе поля и обтекающіе домики, — довершаютъ картину. Мнѣ много разъ приводилось любоваться альпійскими видами въ произведеніяхъ живописи, но прелестнѣе того, что представляла сама природа моимъ глазамъ, я никогда не видѣлъ даже и въ этихъ произведеніяхъ, которыя однакоже часто возбуждали мысль о преувеличеніи и несоотвѣтствіи дѣйствительности. Смотря на этотъ земной рай, нельзя и подумать, чтобы здѣсь также могъ быть недоволенъ чѣмъ нибудь человѣкъ. И однакоже онъ недоволенъ, и недовольство его здѣсь

даже грознѣе, чѣмъ гдѣ либо не въ столь благодатныхъ странахъ. Но это впрочемъ скорѣе относится собственно къ Швейцаріи, а не къ Баваріи, о которой идетъ рѣчь.

Переправившись изъ Линдау на пароходѣ чрезъ восхитительно-живописное Боденское озеро, я сталъ на швейцарскую землю. Поѣздъ помчался въ Цюрихъ. Швейцарскіе собственно виды въ этомъ направленіи уже не представляли ничего особеннаго и уступали описаннымъ баварскимъ. Даже деревни не такъ чисты и люди не такъ опрятны, какъ тамъ. Пользуясь этимъ, я углубился въ себя и оставался въ этомъ состояніи до Цюриха. Не безъ смущенія вступилъ я въ этотъ городъ. Тутъ соціализмъ свилъ себѣ давнишнее гнѣздо, тутъ прибѣжище революціонеровъ всего свѣта, тутъ наконецъ наслаждается полною своею волею и нашъ россійскій нигилизмъ. Но при самомъ вступленіи въ городъ слышу звуки музыки и пѣсенъ; это ободрило духъ, потому что, по правдивому изреченію нѣмецкаго поэта, «гдѣ поютъ—тамъ можешь быть спокоенъ: не знаютъ злые люди пѣсенъ» *). Цюрихъ, какъ послѣ оказалось, весьма пѣвучій и музыкальный городъ. Общій видъ его однакоже производитъ довольно тяжелое впечатлѣніе. Дома высоки, но сумрачны, съ малыми окнами, старинной архитектуры. Зато мѣстоположеніе очаровательно. Прелестное цюрихское озеро большимъ заливомъ врывается въ городъ, а двумя своими потоками прорѣзываетъ его насквозь и дѣлитъ пополамъ. По сторонамъ живописныя лѣсистыя горы. Улицы узки, неправильны, а нѣкоторыя такъ круты, что подниматься по нимъ можно только съ большимъ трудомъ. Храмовъ въ Цюрихѣ немного—и тѣ стариннаго построенія. Надъ главнымъ потокомъ на холмѣ высятся двѣ башни, какбы соперничающія вышиной. Это главный соборъ города, такъ называемый Grossmünster. Онъ мраченъ и повидимому дряхлъ; башни его какбы съ усиліемъ поддерживаютъ себя въ прямомъ положеніи. Храмъ этотъ дѣйствительно

*) Wo man singt, da lass dich ruhig nieder:
Böse Menschen haben keine Lieder.

замѣчательная древность; онъ почти ровесникъ городу. Нѣкоторые археологи предполагаютъ, что построеніе собора относится къ VIII—IX столѣтію, но конечно не въ теперешнемъ его видѣ. Онъ нѣсколько разъ перестраивался, возобновлялся, надстраивался. Внутренность храма проста и сурова. Три картины на окнахъ, представляющія Спасителя и апп. Петра и Павла, составляютъ все его украшеніе. Вмѣсто органа стоитъ большая гармонія. Но бѣдный по украшеніямъ, соборъ этотъ богатъ по своимъ воспоминаніямъ. Въ его стѣнахъ впервые раздались смѣлыя проповѣди извѣстнаго швейцарскаго реформатора Цвингли; здѣсь же онъ совершалъ первую упрощенную имъ обѣдню—на простомъ столѣ съ деревянными сосудами; здѣсь была его и послѣдняя проповѣдь—предъ тѣмъ, какъ онъ погибъ въ кровавой сѣчѣ за свои религіозныя начала. Посреди церковнаго двора бьетъ родникъ, украшенный статуею Карла Великаго.—Чрезъ мостъ на другой сторонѣ потока стоитъ другой соборъ, Fraumünster, по древности почти современный первому. Основаніемъ своимъ онъ обязанъ нѣкоей аббатиссѣ, чѣмъ и объясняется его названіе — женскаго собора. Недалеко отъ него стоитъ церковь св. Петра; внѣшность ея такъ же мрачна, какъ и первыхъ двухъ; въ этой церкви состоялъ священникомъ прославившійся своими оригинальными физіогномическими изслѣдованіями Лафатеръ. Теперь въ эту церковь привлекаетъ, какъ говорятъ, много слушателей знаменитый проповѣдникъ Генрихъ Лянгъ, представитель такъ называемаго свободнаго христіанства въ Швейцаріи. Рядомъ съ нею стоитъ опять мрачная и древняя Августинская церковь, принадлежащая теперь старокатоликамъ. Представленный обзоръ церквей съ достаточною ясностью показываетъ, что идеи швейцарскаго реформатора объ излишествѣ внѣшности въ богослуженіи вполнѣ привились къ населенію и наглядно выражаются въ той небрежности, въ которой содержатся въ Цюрихѣ храмы церковные.

При осмотрѣ Цюриха меня больше всего однакоже интересовалъ вопросъ: гдѣ же, въ чемъ собственно кроется здѣсь

та страшная, стоглавая гидра, называющаяся соціализмомъ, которая будто бы здѣсь свила себѣ спокойное гнѣздо и отсюда распространяетъ свое разрушительное племя по всей Европѣ? Въ самомъ городѣ нѣтъ и признаковъ его существованія, если только такими признаками считать выраженія озлобленности бѣдныхъ на богатыхъ, пролетаріата на собственниковъ. Рабочіе здѣсь добродушны какъ русскіе, вѣжливы какъ французы. Правда, вы услышите здѣсь, какъ навеселѣ идя по улицѣ блузникъ отчаянно напѣваетъ и насвистываетъ Марсельезу; но вы тутъ же замѣтите, что онъ поетъ ее съ такою невинностью и съ такою же благонамѣренностью, съ какою у насъ поются мотивы знаменитой патріотической оперы. Наряду съ необыкновенно-распространенными мотивами изъ Вильгельма Телля здѣсь Марсельезу поютъ и мальчишки на улицахъ, занимаясь къ тоже время пусканіемъ волчка. Въ этомъ очевидно нѣтъ соціализма. Но вотъ по крутымъ улицамъ, часто смѣняющимся каменными лѣстницами, вы взбираетесь на отлогость прелестной пригородной горы. По сторонамъ тянутся безконечные виноградники, изъ золотистаго поля которыхъ величаво выдвигаются зеленыя шапки грушевыхъ деревъ. Оглянитесь назадъ внизъ: предъ вами безподобно-красивая панорама города съ озеромъ, его потоками и противолежащими высотами. Но забудьте про окружающую природу, всмотритесь въ самый городъ и — вы увидите гнѣздо соціализма. Надъ высокими узкооконными домами какъ башни поднимаются фабричныя трубы, изрыгающія клубы удушливаго дыма, распространяющаго смрадъ по всему городу. Трубы эти почти такъ же многочисленны, какъ дома. Вотъ тутъ и есть гнѣздо соціализма. На цюрихскихъ фабрикахъ и заводахъ скучено почти все безземельное населеніе кантона, и живетъ оно въ этихъ дымныхъ берлогахъ, не зная отдыха и не видя солнечнаго свѣта, не дыша даже свѣжимъ горнымъ воздухомъ, который тутъ же разлитъ по горамъ, какбы нарочно дразня страдальцевъ и услаждая чужеземцевъ-англичанъ, рыскающихъ по живописнымъ отло-

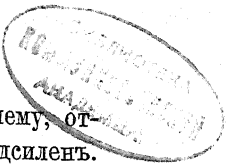
гостямъ горъ на выхоленныхъ скакунахъ. При видѣ этой картины страннымъ даже становится, почему соціализмъ не принялъ здѣсь еще болѣе рѣзкихъ формъ, чѣмъ въ какихъ онъ существуетъ теперь. Но это объясняется здравымъ смысломъ населенія, которое понимаетъ роковую необходимость своего положенія и считаетъ болѣе выгоднымъ подчиняться ему, чѣмъ предаваться какимъ либо несбыточнымъ и однакоже преступнымъ мечтаніямъ. На помощь рабочему классу приходитъ здѣсь кромѣ того общественная и частная благотворительность, также нѣсколько парализующая соціалистическія поползновенія. Въ Цюрихѣ существуетъ довольно много обществъ, которыя имѣютъ въ виду улучшеніе положенія рабочихъ классовъ въ религіозно-нравственномъ и матеріальномъ отношеніи. Въ первомъ отношеніи особенно важныя услуги рабочему люду оказываетъ «евангелическое общество», которое уже болѣе 40 лѣтъ успѣшно ведетъ свою религіозную и нравственно-просвѣтительную, а вмѣстѣ и благотворительную дѣятельность. Оно имѣетъ съ этою цѣлію нѣсколько спеціальныхъ учрежденій. Изъ нихъ особенно извѣстны: библіотека, изъ которой рабочимъ раздаются для чтенія книги религіозно-нравственнаго содержанія; читальня, гдѣ взрослые рабочіе могутъ проводить часы отдыха за газетнымъ чтеніемъ, и богадѣльня съ прислуживающими діакониссами, гдѣ находятъ пріютъ больные и престарѣлые. Въ матеріальномъ отношеніи важныя услуги оказываетъ «вспомогательное общество», которое выдаетъ рабочимъ вспоможенія и ссуды и имѣетъ столовую, гдѣ рабочіе могутъ имѣть здоровую пищу за самую дешевую плату. То и другое общество, вмѣстѣ съ многими другими второстепенными, чрезвычайно много содѣйствуютъ улучшенію положенія рабочаго люда и удачно отсѣкаютъ многія особенно ядовитыя головы соціалистической гидры.

Такимъ образомъ соціализмъ не имѣетъ въ Цюрихѣ рѣзко бросающихся въ глаза формъ. Тоже самое можно сказать и о литературномъ соціализмѣ. Осматривая книжные магазины, я съ трудомъ могъ насчитать пять-шесть книгъ соціалистиче-

скаго содержанія, —ясно, что запросъ на нихъ незначителенъ, Но зато въ большемъ чѣмъ въ Вѣнѣ количествѣ въ здѣшнемъ книжномъ мірѣ имѣетъ своихъ проявленій русскій нигилизмъ, хотя эти проявленія опять-таки не таковы, чтобы можно было сказать, что вотъ здѣсь-то именно и сидитъ этотъ веелзевулъ нашего времени и отечества. Книжонки за стеклами магазиновъ выставлены тѣже самыя, какія мнѣ приводилось видѣть уже въ Вѣнѣ, и только двѣ-три новыхъ, изъ которыхъ назову двѣ книги: «Скопческія духовныя пѣсни» и «Жизнь Іисуса» Ренана, новое *популярное* изданіе. Я съ недоумѣніемъ остановился на послѣднемъ изданіи, которое благожелатели нашего народа назвали «популярнымъ». Какъ это они изъ такой самой по себѣ популярнѣйшей книги французскаго писателя ухитрились сдѣлать какое-то еще особенно *популярное* изданіе — для меня осталось загадкой, а внутрь книги не пришлось заглянуть. Между прочимъ мнѣ пришлось встрѣтиться тутъ съ однимъ загадочнымъ литературнымъ курьезомъ. Среди другихъ русскихъ книгъ я замѣтилъ тощенькую книжонку какбы московскорыночнаго изданія подъ заглавіемъ: «Бунтарь въ деревнѣ, Берлинъ 1879 г.». Предполагая, что это твореніе какого-нибудь полуграмотнаго нигилиста, популяризирующаго свои идеи деревенскому люду, я захотѣлъ знакомствомъ съ этой книжонкой еще разъ убѣдиться въ неумѣніи пропагандистовъ объясняться съ русскимъ народомъ. Каково же было мое удивленіе, когда читая ее я нашелъ въ ней въ драматической формѣ послѣдовательно изложенное опроверженіе нигилистическихъ бредней со стороны замысловатыхъ русскихъ мужичковъ. Какъ хотите—quiproquo довольно пріятное, хотя, надо признаться, книжка, при своей теоретической цѣнности, составлена очевидно человѣкомъ, не вполнѣ понимающимъ духъ мысли и рѣчи русскаго мужичка, такъ какъ онъ часто влагаетъ въ уста своихъ разговаривающихъ лицъ знанія, соображенія и рѣчи, совершенно неподсильныя и чуждыя простому русскому люду. Но конечно надо быть благодарнымъ автору и за его благія намѣренія. Но почему онъ

издалъ свою книжку заграницей въ Берлинѣ—подъ Липами,—это непостижимо.

Одною изъ достопримѣчательностей Цюриха, дающею ему особенную извѣстность въ Россіи и Европѣ, является его знаменитая политехническая школа, часть которой составляетъ университетъ. Зданіе политехникума громадно и занимаетъ превосходное положеніе на высокой горѣ, открывающей далекій видъ на всю панораму города и его окрестностей. Я счелъ своимъ долгомъ посѣтить этотъ храмъ наукъ. Между множествомъ снующихъ взадъ и впередъ студентовъ всевозможныхъ націй, я встрѣтилъ и нѣсколькихъ русскихъ. Одинъ изъ нихъ особенно старательно выставлялъ себя русскимъ, но типъ и рѣчь ясно выдавали въ немъ русскаго—еврея. Онъ горько жаловался, что политехникумъ не принимаетъ съ русскими документами безъ экзамена. Среди вывѣшенныхъ объявленій на университетскихъ стѣнахъ я замѣтилъ собственноручное извѣщеніе извѣстнаго писателя профессора всемірной исторіи Іоганна Шерра, что 24 (12) октября онъ открываетъ лекціи по исторіи второй половины XIX столѣтія. Я не преминулъ воспользоваться случаемъ послушать знаменитаго профессора и писателя. Лекція назначена была въ 5 час. вечера. Въ большую аудиторію собралась масса слушателей. Зажжены были лампы. Вошелъ профессоръ Іоганнъ Шерръ, привѣтствуемый почтительнымъ поклономъ слушателей. Взойдя на высокую каѳедру, за которой можно только стоять, онъ началъ вступительную лекцію. Рѣчь его громка, отчотлива и смѣла, какъ слогъ его сочиненій. Предметомъ своей лекціи онъ избралъ оцѣнку сравнительнаго значенія матеріалистическаго и идеалистическаго міросозерцанія для развитія человѣчества. Высказавъ нѣсколько горькихъ, но правдивыхъ укоровъ современному практическому матеріализму, подавляющему и заглушающему высшіе порывы духа, онъ сказалъ, что матеріализмъ какъ научная теорія имѣетъ нѣкоторое развивающее значеніе, но весьма ограниченное. Онъ содѣйствуетъ подробному научному изслѣдованію явленій природы,



но неизбѣжный для человѣческаго ума вопросъ: почему, откуда, для чего?—для матеріалистической теоріи не подсиленъ. Поэтому величайшіе умы, составляющіе цвѣтъ и красу человѣчества, всегда склонялись болѣе къ идеалистическому міросозерцанію, одною изъ формъ котораго является религія. «Прослѣдите внимательно исторію человѣчества, сказалъ вдохновенный профессоръ, и вы найдете, что все великое и славное въ дѣлахъ человѣческихъ имѣетъ свой источникъ въ этомъ міросозерцаніи, какъ свѣтъ и тепло на нашей планетѣ имѣютъ свой источникъ въ центральномъ свѣтилѣ нашей солнечной системы». Съ чувствомъ глубокой удовлетворенности оставилъ я аудиторію по окончаніи лекціи. Впечатлѣніе, произведенное лекціей было громадно, и студенты наперерывъ другъ предъ другомъ дѣлились имъ. Самъ я никогда не забуду этого впечатлѣнія, и оно навсегда останется у меня какъ одно изъ дорогихъ воспоминаній. Знаменитый публицистъ-профессоръ уже пожилыхъ лѣтъ, съ густою просѣдью, но бодръ и молодъ духомъ какъ юноша.

Зайдя въ университетскій читальный залъ и пересмотрѣвъ газеты, я оставилъ политехникумъ и по лѣстницеобразной улицѣ спустился въ городъ.

III. Женева.

Сердце Швейцаріи.—Женева и національное торжество въ ней.—Достопримѣчательности. — Два философа. — Фернейскій патріархъ и его дворецъ. — Русская церковь и русская библіотека. — Укрощеніе своенравнаго.—Что такое свобода.

На другой день я оставилъ Цюрихъ, и поѣздъ помчался въ Женеву, чрезъ самое сердце Швейцаріи. И надо сказать, что у этой маленькой республики великое и притомъ вполнѣ

каменное сердце. Исполинскія горы громоздятся одна на другой и какъ сѣдовласые тысячелѣтніе великаны, съ свѣтящимися лысинами, молчаливо и угрюмо смотрятъ изъ-за облаковъ на поѣздъ, который подобно змѣю извивается среди нихъ, отыскивая себѣ ущелій для прохода. Облака не смѣютъ подняться до ихъ вершинъ и украдкой пробираются по поясницамъ каменныхъ великановъ, и только альпійскіе орлы вольно парятъ надъ облаками и на блещущяхъ бѣлизною вершинахъ дѣлаютъ свой царственный отдыхъ. Человѣкъ обыкновенно приниженно пресмыкается у подошвы горъ, но иногда и онъ поднимается на головокружащую высоту, и тамъ на узкихъ отлогостяхъ горъ его жилища ютятся подобно орлинымъ гнѣздамъ. А поѣздъ все гремитъ и извивается, и то поднимается въ голубую высь, подъ которой зіяетъ пропасть, то врывается въ темную утробу горъ, гдѣ водворяется мгновенная ночь. Но вотъ—какбы новое небо вдругъ открылось внизу поѣзда; пассажиры удивленно бросились къ окнамъ и—увидѣли предъ собой знаменитое Женевское озеро. Невозможно отыскать красокъ для изображенія дѣйствительно чудныхъ красотъ этого озера. Въ продолженіи двухъ часовъ поѣздъ мчится по его берегу, окаймленному золотистыми виноградниками, и вы не можете оторваться отъ чарующаго зрѣлища, которое впрочемъ то и дѣло прерывается мрачными туннелями, какбы нарочно расчитанными на то, чтобы крайнею противоположностью еще больше усилить впечатлѣніе красоты. За прелестнымъ городкомъ Лозанна, ютящемся на отлогости, спускающейся къ озеру, вдали показалась Женева, и чрезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ самой столицѣ Женевской республики.

Расхаживая по чистымъ и прямымъ улицамъ города, я былъ пораженъ ихъ пустотою и мертвенностью. На улицахъ не видно было ни души, магазины закрыты и занавѣшены. Я уже готовъ былъ произнести невыгодный для города приговоръ касательно его безжизненности, но вспомнилъ, что это былъ воскресный день, и сразу все объяснилось. Видно, что историческіе уроки не пропадаютъ даромъ и суровая проповѣдь швейцар-

скихъ реформаторовъ сказывалась въ этомъ почтеніи воскреснаго дня. Незамѣтно однакоже я вышелъ на площадь, примыкавшую къ набережной озера, и она кишѣла народомъ. Среди толпы возвышался памятникъ, на который устремлены были взоры тысячей народа. Не понимая въ чемъ дѣло, я обратился съ распросомъ, и надо было видѣть то усердіе, съ которымъ женевскіе французы начали вводить иностранца въ предметъ своего торжества. Оказалось, что въ этотъ день происходило открытіе памятника женевскому патріоту герцогу Карлу Брауншвейгскому. «Да, мусье, говорилъ мнѣ одинъ женевецъ, женевскій народъ умѣетъ почитать своихъ великихъ мужей! Смотрите какая прелесть — этотъ мавзолей! Какая грація и роскошь формъ», и женевецъ, съ сверкающимися глазами и трепещущимъ отъ патріотическаго пламени голосомъ, началъ объяснять какъ значеніе самаго памятника, такъ и особенно величіе «женевскаго народа». Мнѣ интересенъ былъ не столько памятникъ, сколько говорящій женевецъ, повидимому воплощавшій въ себѣ весь патріотическій огонь крохотнаго народа. Такого жгучаго патріотизма мнѣ еще не приходилось встрѣчать среди большихъ народовъ и я видѣлъ интересное подтвержденіе исторической истины, что сила патріотизма въ народѣ находится въ обратномъ отношеніи къ его численной или пространственной величинѣ. Что же касается заслугъ самого героя торжества, то, какъ оказалось, онѣ состояли въ томъ, что герцогъ умирая завѣщалъ городу все свое громадное состояніе, стоимостью до двадцати милліоновъ франковъ. Очевидно, при такихъ заслугахъ не только было за что воздвигнуть ему хорошій памятникъ, но и было—на что его воздвигнуть.

Между тѣмъ наступилъ вечеръ, на небѣ и въ озерѣ заблистали звѣзды и изъ за сѣдыхъ прибрежныхъ горъ выплыла золотая луна. Массы народа плавно и тихо двигались по великолѣпной набережной, на темномъ фонѣ озера мелькали волшебные огни лодокъ, а гдѣ-то вдалекѣ чуть слышались звуки страннаго рева вьючнаго осла. На самомъ берегу любитель красотъ природы поставилъ телескопъ и предлагалъ желаю-

щимъ полюбоваться и окружающими горами, и золотою луной, и кольцеобразнымъ сатурномъ. Это было дивное зрѣлище и наполняло душу какимъ-то неопредѣлимо сладостнымъ, рѣдко испытываемымъ чувствомъ.

Женева по внѣшности изящный и хорошенькій городъ. Это говорятъ—маленькій Парижъ. Онъ богатъ достопримѣчательностями всякаго рода, но меня болѣе всего интересовали двѣ его главныя достопримѣчательности—философы Руссо и Вольтеръ. Тѣнь этихъ великановъ прошлаго вѣка живетъ еще до сихъ поръ въ Женевѣ, гдѣ они главнымъ образомъ созидали свои преобразовательныя и разрушительныя теоріи. Тамъ можно видѣть памятники имъ обоимъ. Памятникъ Руссо воздвигнутъ надъ озеромъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ его синія воды съ шумомъ рвутся къ выходу въ рѣку Рону. Замѣчательный философъ, видѣвшій все зло въ человѣчествѣ въ его уклоненіи отъ естественнаго первобытнаго порядка природы и во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ провозглашавшій свой неизмѣнный девизъ—Returnons a la nature (возвратимся къ природѣ!), задумчиво сидитъ надъ рукописью, а кругомъ его въ загороди плаваютъ и плещутся лебеди. Обстановка удачная и вполнѣ соотвѣтствуетъ духу философа, любившему природу и рвавшемуся къ ней изъ мертвящихъ оковъ искусственной жизни. Меня всегда поражала и поражаетъ глубокая внутренняя правда идеала женевскаго философа. Можно не соглашаться съ его частностями и внѣшними надстройками и толкованіями, но общій духъ его — есть духъ всего человѣчества. Въ немъ слышится тоска человѣческаго духа по потерянному первобытному состоянію райскому, гдѣ человѣкъ жилъ съ природой и блаженствовалъ въ гармоническомъ единеніи съ нею. Вѣдь дѣйствительно всѣ удручающія человѣчество бѣдствія ведутъ свою родословную съ того момента, когда человѣкъ своимъ непослушаніемъ нарушилъ данный ему законъ и порвалъ связь съ природой, и когда прогремѣлъ божественный голосъ правды: проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ!

Иного свойства другая философская достопримѣчательность

—фернейскій патріархъ Вольтеръ. Его называютъ другомъ Руссо. Это ошибка: для дружбы между ними не было психологическихъ основаній. Это просто были пріятели въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Памятникъ Вольтера стоитъ не въ самой Женевѣ, а въ пригородѣ ея Фернеѣ, верстахъ въ трехъ отъ города, на французской границѣ. Человѣчество любитъ великихъ людей, даже если бы они только остроумно издѣвались надъ его глупостью, какъ это дѣлалъ Вольтеръ, и потому дорога въ Ферней проложена тысячами путешественниковъ, считающихъ своимъ непремѣннымъ долгомъ посѣтить умственнаго великана. Я машинально послѣдовалъ примѣру другихъ и прокатился на извощикѣ въ мѣстожительство разрушительнаго генія. Ферней—небольшое поселеніе, основанное Вольтеромъ и находящееся за чертой швейцарской границы.

Женевцы, какъ извѣстно, изгнали Вольтера изъ своего города за его богохульство и безпокойный нравъ. Чтобы досадить своимъ гонителямъ, философъ основалъ свою резиденцію за чертой швейцарской границы, въ трехъ верстахъ отъ города, и оттуда началъ тиранить женевцевъ своими ядовитыми остротами. Насмѣхаясь между прочимъ надъ маленькими размѣрами города, Вольтеръ говорилъ, что ему достаточно встряхнуть свой парикъ, чтобы облакомъ пыли закрыть всю Женеву. Эта острота, по моему мнѣнію, очень знаменательна. У почтеннаго философа дѣйствительно много было пыли не только въ косматомъ парикѣ, но и въ самой головѣ, и онъ этой-то пылью, которую онъ ловко умѣлъ бросать въ глаза, главнымъ образомъ и прославился. Возьмите семьдесятъ восемь томовъ его сочиненій,—вѣдь сколько тамъ пыли, и горе тому, кто читаетъ ихъ безъ предохранительныхъ очковъ критики и разума. Между тѣмъ женевскій извощикъ, пощелкивая своимъ хлыстикомъ и понукая лошадь страннымъ междометіемъ — дю! дю!—подкатилъ уже къ самому Фернею и тамъ на первомъ трактирѣ красовалась вывѣска великаго философа. «Трактиръ Вольтера»—гласила вывѣска. За трактиромъ не отставали и другія заведенія, и имя великаго философа виднѣлось да

надъ дверьми маленькаго кабачка. Но не здѣсь былъ главный храмъ жреца невѣрія. У Вольтера былъ свой дворецъ, въ которомъ онъ принималъ поклоненія отъ своихъ многочисленныхъ холоповъ и откуда посылалъ міру свои разрушительные перуны. Была торжественная тишина кругомъ, когда я подъѣхалъ къ этому дворцу; только слышался легкій шопотъ окружающихъ его вѣковыхъ каштановъ и фонтанъ среди двора выбрасывалъ журчащія струйки. Величественная природа разливала миръ и блаженство въ душѣ; но среди этой чарующей и ласкающей природы какъ демоническій призракъ смотрѣла саркастически-мефистофелевская физіономія самого хозяина дворца. Мнѣ много разъ приходилось видѣть статуи и портреты философа, но нигдѣ онъ такъ рельефно не выражаетъ всей сущности своего духа. «Разрушу міръ, и буду только насмѣхаться надъ дѣломъ своего разрушенія», ясно и громко говоритъ эта физіономія. Между тѣмъ прибыло еще нѣсколько путешественниковъ и старый слуга повелъ насъ осматривать дворецъ и его достопримѣчательности. «Вотъ кабинетъ, гдѣ писалъ Вольтеръ... вотъ спальня, гдѣ онъ спалъ... вотъ палка, съ которою онъ гулялъ, а вотъ и туфли, которыя онъ по утрамъ надѣвалъ»,—механическимъ речитативомъ распѣвалъ слуга, и всѣ путешественники съ трепетнымъ умиленіемъ разсматривали и палку и туфли, а саркастическая физіономія хозяина этихъ вещей смотрѣла съ разныхъ стѣнъ дворца своимъ пронзительнымъ взглядомъ и неизмѣнно повторяла: «О, люди, люди! какъ вы жалки и глупы!» За оградой дворца высится небольшая церковь съ пѣтухомъ вмѣсто креста, а фронтонная надпись гласитъ: Deo erexit Voltaire—«Богу воздвигъ Вольтеръ». Въ моменты благодушія Вольтеръ любилъ побогохульствовать, и въ одинъ изъ такихъ моментовъ онъ порѣшилъ построить церковь,—чтобы прочнымъ памятникомъ увѣковѣчить свое богохульство. И что можетъ быть богохульственнѣе той надписи, которою онъ украсилъ эту церковь? Это сатанинская гордость тѣхъ, которые желаютъ быть яко бози... Въ свое время однакоже это капище служило приход-

скою церковью для поселянъ и въ ней совершалось католическое богослуженіе, но теперь она служитъ только предметомъ удивленія праздныхъ туристовъ.

Настоящихъ храмовъ въ Женевѣ немного и всѣ они простаго типа, такъ что не представляютъ ничего особеннаго. Какъ въ Цюрихѣ, такъ и здѣсь проповѣдь швейцарскихъ реформаторовъ повидимому пала на добрую почву и принесла плоды въ видѣ пренебрежительнаго отношенія къ внѣшности церковной. Зато тѣмъ съ большею рельефностью выдается между ними русская церковь. Расположенная на просторной площадкѣ, составляющей одинъ изъ уступовъ большой террасы, она съ своими пятью золотыми главами на византійскомъ корпусѣ составляетъ истинное украшеніе города. Это вполнѣ сознаютъ женевцы и потому усердно помѣщаютъ ее среди достопримѣчательностей города въ своихъ фотографическихъ альбомахъ и даже на почтовой бумагѣ въ качествѣ украшающей виньетки. Она маленькихъ размѣровъ, но это еще больше придаетъ ей легкости и красоты. Окружающія ее густыя кудрявыя акаціи довершаютъ прелесть картины, отъ которой вѣетъ сладостнымъ привѣтомъ роднаго.

Внутри церкви мнѣ не пришлось побывать, а также не пришлось узнать о величинѣ и составѣ здѣшней русской колоніи. Но что она довольно многочисленна, объ этомъ можно было судить по тѣмъ признакамъ, которые бросались въ глаза при осмотрѣ города. Въ Женевѣ больше чѣмъ въ двухъ прежнихъ видѣнныхъ мною городахъ встрѣчалось предметовъ, указывающихъ на присутствіе русскаго элемента. Такъ на вывѣскахъ частенько попадались русскія надписи и одна вывѣска золотыми буквами возвѣщала о «русскихъ пасхахъ и куличахъ». Но болѣе всего русскихъ надписей виднѣлось надъ разными книжными магазинами, возвѣщавшими о продажѣ русскихъ книгъ. Наконецъ въ одномъ мѣстѣ я съ радостью прочиталъ крупную вывѣску, гласившую о цѣлой «Русской библіотекѣ»; но лишь только впрочемъ подошелъ къ зеркальной витринѣ магазина и взглянулъ на ряды вы-

ставленныхъ тамъ книгъ, какъ понялъ, что вывѣска гласитъ вопіющую ложь. Это совсѣмъ не русская библіотека и даже неизмѣримо менѣе русская, чѣмъ любая французская или нѣмецкая библіотека. Правда, на книгахъ виднѣются русскія буквы и слова,—но духъ ихъ, духъ—увы—нигилистическій, и потому конечно не русскій. И чего-то только тамъ нѣтъ, о Боже правосудный! Добрая половина книгъ, какъ сокровище предлагаемыхъ въ продажу, представляетъ уже старую и грязную ветошь. Но находятся вѣроятно и на нее умные покупатели.

Кстати мнѣ пришлось встрѣтиться съ духомъ нигилизма не только въ мертвыхъ книгахъ, но и въ живомъ тѣлѣ. Въ самый день пріѣзда въ Женеву, проходя вечеркомъ по набережной озера и любуясь какъ тихимъ плескомъ синихъ волнъ, такъ и окружающей тишиной воскреснаго дня, я вдругъ пораженъ былъ глухимъ гуломъ, вырвавшимся изъ какого-то закрытаго мѣста. Лишь только я успѣлъ обратить на этотъ шумъ вниманіе, какъ изъ-за угла вывернулся молодой блузникъ и и зычнымъ голосомъ заоралъ порусски: «Впередъ же, впередъ...» Какъ ни радостно встрѣтить земляка на чужбинѣ, но въ виду того, что землякъ слишкомъ усердно писалъ русское мыслете, я сталъ только издали наблюдать за нимъ и былъ невольнымъ свидѣтелемъ невозможной тиранніи республиканской полиціи. Не успѣлъ землячокъ спѣть перваго куплета своего гимна, какъ откуда-то вывернувшійся полицейскій сержантъ, сердито дернувъ его за плечо, строго проговорилъ: «мусье, прошу васъ замолчать, иначе я арестую васъ за нарушеніе общественнаго порядка». Вольный сынъ свободы вздрогнулъ и на полсловѣ прервалъ свой гимнъ. Немного оправившись и оглянувъ сержанта мутными глазами, блузникъ на французско-нижегородскомъ языкѣ не то извинялся предъ сержантомъ, не то упрекалъ его за стѣсненіе свободы; но во всякомъ случаѣ укротилъ свой нравъ. Покачиваясь, онъ поплелся дальше и только уже тоненькимъ и жалобнымъ голоскомъ тянулъ про себя: впередъ же, впередъ...Съ тѣмъ и скрылся въ какія-то

трущобы. А я остался наслаждаться вновь водворившеюся тишиною женевскаго воскреснаго дня, и невольно думалъ о томъ, что такое свобода?...

Полицейскій сержантъ очевидно думалъ, что онъ защищалъ свободу, укрощая моего соотечественника, а мой соотечественникъ напротивъ думалъ, что сержантъ стѣснялъ его свободу. Да, «проклятый вопросъ», сказалъ бы Гейне.

IV. Парижъ.

Французская земля.—Парижъ и первыя впечатлѣнія.—Достопримѣчательности.—Соборъ Богоматери.—Пантеонъ.—Гробъ Наполеона I.—Богослуженіе въ церкви св. Рока.—Русская церковь и богослуженіе въ ней.—Парижскіе нравы.—Фальшивыя деньги подъ фирмой: свобода, равенство и братство.

Чрезъ нѣсколько минутъ по выходѣ изъ Женевы поѣздъ пересѣкаетъ швейцарскую границу. Швейцарія кончается, но не кончаются еще горы. Въ продолженіи двухъ или трехъ часовъ поѣздъ мчится по берегу рѣки Роны, какбы пользуясь проложеннымъ ею путемъ; и дѣйствительно, по ея теченію природа нагромоздила страшныя скалистыя высоты, проломить которыя могла только дикая стихія, а не человѣкъ. Но это послѣднія усилія швейцарской природы, сила ея замѣтно ослабѣваетъ. При встрѣчѣ съ ліонской вѣтвью желѣзной дороги поѣздъ круто поворачиваетъ на сѣверъ и—горъ какъ не бывало: предъ вами открывается далекая зеленая равнина, на которой глазъ видитъ лишь непрерывающіеся ряды стройныхъ тополей. Это земля французовъ. На полпути къ Парижу опять начинается волненіе почвы и поѣздъ проходитъ много туннелей, но къ самому Парижу

горы ступевываются и уступаютъ мѣсто равнинамъ, на одной изъ которыхъ расположился и этотъ современный Вавилонъ.

Была ночь, когда я ступилъ на мостовую Парижа. Скрывая отъ глазъ новичка эту пресловутую столицу міра, темнота способствовала тѣмъ самымъ развивать воображенію чудовищныя картины видовъ и жизни этого города, имя котораго неразрывно связано со множествомъ великихъ — и въ трагическомъ и въ комическомъ смыслѣ — всемірно-историческихъ событій. Но естественная въ пути усталость взяла свое и на время заставила забыть и о Парижѣ и обо всемъ мірѣ. На другой день первою мыслью было отправиться на тріумфальную арку, съ которой по описаніямъ открывается дивная панорама всего Парижа. Вотъ предо мною весь городъ. Отъ арки, возвышающейся на площади Звѣзды, во всѣ стороны лучеобразно расходятся стройныя улицы—аллеи, покрытыя рядами деревъ; за ними виднѣются уже безпорядочныя массы домовъ, надъ которыми изрѣдка высятся бурыя башни и—только... Панорама совершенно не оправдываетъ ожиданій, и безконечно уступаетъ той панорамѣ, которая открывается съ колокольни Ивана Великаго на Москву. Внутри зато Парижъ подавляетъ своимъ разнообразіемъ и въ два-три дня совершенно невозможно оріентироваться въ немъ, чтобы вынести опредѣленное впечатлѣніе. Можно осмотрѣть только отдѣльные пункты.

Самая широкая изъ лучеобразно-расходящихся отъ площади Звѣзды улицъ, такъ называемыя «Елисейскія поля», упирается въ знаменитую площадь Согласія. Трудно было вступить на эту площадь, сохраняя спокойствіе въ душѣ. Историческія воспоминанія бурнымъ потокомъ врываются въ душу и лишаютъ возможности спокойнаго созерцанія. Сколько здѣсь крови человѣческой пролито, сколько самыхъ дикихъ и безумныхъ преступленій совершено! Направо и налѣво шумятъ великолѣпные фонтаны, выбрасывающіе воду многими и разнообразными струями,—но журчаніе этихъ прозрачныхъ струй лишь усиливаетъ воспоминаніе о пролитыхъ здѣсь по-

токахъ крови. На этой площади неистовствовали революціонеры прошлаго столѣтія; тутъ обезглавлены были король и королева и тутъ же демонская машина — гильотина — совершала свою кровавую работу надъ тысячами человѣческихъ головъ...Здѣсь же буйствовала главнымъ образомъ и послѣдняя коммуна; за садомъ высятся печальныя развалины когда-то великолѣпнаго Тюльерійскаго дворца. На развалинахъ, какбы въ посмѣяніе здраваго человѣческаго смысла и въ оскорбленіе лучшихъ человѣческихъ стремленій, красуется опозоренный нечистыми, злодѣйскими, преступными руками— великій девизъ: свобода, равенство и братство...Нѣтъ, это не площадь Согласія, а площадь безумствъ, преступленій и крови! Одно воспоминаніе однакоже вливаетъ отраду въ русское сердце: здѣсь на этой площади въ 1814 году въ присутствіи трехъ царей съ императоромъ Александромъ Благословеннымъ во главѣ совершенъ былъ торжественный благодарственный молебенъ о завершившихся вступленіемъ союзныхъ армій въ Парижъ побѣдахъ надъ забывшимъ предѣлы умѣренности военнымъ геніемъ—Наполеономъ I. Русскія войска тогда расквартированы были въ Елисейскихъ поляхъ. Въ самомъ центрѣ площади высится великолѣпный египетскій, такъ называемый Люксорскій, обелискъ, исписанный іероглифами, прославляющими фараона Рамзеса II. Эта сорока-вѣковая древность вноситъ нѣкоторый миръ въ представленіе о площади. Обелискъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ отъ безумной ярости коммунаровъ.

Осмотрѣвъ цѣлый рядъ дворцовъ и богатѣйшій Луврскій музей, я отправился къ знаменитому собору парижской Богоматери. Соборъ этотъ болѣе интересенъ, кажется, связанными съ нимъ историческими воспоминаніями, чѣмъ своею внѣшностью. Онъ угрюмъ и мраченъ, а двѣ *безглавыя* башни его наводятъ грустныя думы. Вѣдь сколько разъ въ теченіи даже одного столѣтія патронизируемый парижскою Богоматерью городъ *терялъ* свою голову! На стѣнахъ его постоянно бросается въ глаза опять тотъ-же революціонный девизъ: сво-

бода, равенство и братство. Вырѣзанныя на каменныхъ плитахъ буквы этого девиза здѣсь отливаются краснымъ цвѣтомъ,—цвѣтомъ много разъ здѣсь пролитой крови. Какъ извѣстно, этотъ соборъ не разъ былъ предметомъ безумнаго кощунства вожаковъ революціи. Въ 1793 году дикая, упоенная разрушеніемъ, толпа хотѣла разрушить и соборъ Богоматери, но ограничилась только разрушеніемъ скульптурныхъ статуй, во множествѣ украшавшихъ его стѣны. Зато та же толпа вполнѣ удовлетворила себя нанесеніемъ внутренняго оскорбленія храму. Въ этомъ же году онъ превращенъ былъ въ храмъ безумной религіи Разума, на мѣсто Богоматери поставлена была статуя Свободы и на мѣсто церковныхъ гимновъ въ стѣнахъ его раздались вольнопатріотическія пѣсни національной гвардіи. На хорахъ пылалъ факелъ Истины, а надъ нимъ возвышался храмъ Философіи съ бюстами Вольтера, Руссо и др. Среди храма на тронѣ возсѣдала фигура Разума въ образѣ балетной танцовщицы Мэйляръ и принимала божеское поклоненіе отъ обезумѣвшихъ поклонниковъ Разума. Дѣвы въ бальныхъ костюмахъ съ факелами въ рукахъ торжественно обходили храмъ, но тутъ же, свернувъ въ боковыя капеллы, предавались дикимъ оргіямъ...Такому осквернению подвергалась великая парижская святыня. Послѣдняя коммуна также хотѣла испробовать на народной святынѣ свои разрушительные инстинкты, — буйная толпа подкладывала подъ нее огонь, который къ счастью принесъ не много вреда. Всѣ эти воспоминанія невольно переживаетъ посѣтитель собора, тѣмъ болѣе что руководители по собору то и дѣло съ особеннымъ интересомъ останавливаются на указаніи признаковъ, связанныхъ съ этими воспоминаніями. Внутренность и внѣшность собора украшена множествомъ статуй — и религіозныхъ и просто историческихъ. Такъ напр. одна галлерея сплошь занята статуями французскихъ королей. Смотря на это богатство и разнообразіе статуй, такъ и думаешь, что находишься въ одномъ изъ отдѣленій Луврскаго музея. Средина храма отдѣлена отъ остальныхъ частей высокой рѣшеткой,

на которой вывѣшены объявленія о цѣнахъ на мѣста тамъ. Особенный интересъ для посѣтителя имѣетъ соборная сокровищница (tresor), въ которой собрано много богатой церковной утвари и роскошныхъ архіепископскихъ одѣяній, пожертвованныхъ различными королями. Трудно сравнивать эту парижскую сокровищницу съ нашей московской патріаршей ризницей, потому что и стилемъ и содержаніемъ онѣ много различаются; но французская сокровищница при первомъ поверхностномъ обозрѣніи поражаетъ не меньшимъ блескомъ и роскошью, чѣмъ московская,—хотя быть можетъ здѣсь эффекту много содѣйствуютъ чрезвычайно искусно сдѣланныя хранилища: предъ вашими глазами онѣ раскрываютъ свои сокровища съ истинно-театральною ловкостью и изяществомъ. Между сокровищами здѣсь показываются терновый вѣнецъ Спасителя, пріобрѣтенный Людовикомъ Святымъ, золотой крестъ императора Мануила Комнена, часть Животворящаго креста, а также одно богатое русское знамя, потерянное нами въ Севастополѣ, и окровавленныя одежды нѣсколькихъ парижскихъ архіепископовъ, павшихъ отъ рукъ революціонеровъ, и многое другое. Крутыя винтообразныя лѣстницы ведутъ на башни. При входѣ на площадку храма, съ которой собственно начинаются башни, васъ поражаетъ множество каменныхъ статуй, представляющихъ самыя дикія формы діавола и аггеловъ его. Тутъ кажется изображены всѣ формы діавола, какія только могла создать мрачная католическая фантазія среднихъ вѣковъ; видите напр. безобразнѣйшаго чорта, который съ остервененіемъ грызетъ кошку и т. п. Трудно равнодушно смотрѣть на эти статуи. Въ одной изъ башенъ виситъ знаменитый французскій колоколъ—Бурдонъ *), составляющій для парижанъ предметъ такой-же гордости, какъ для москвичей знаменитый Царь-колоколъ. Французъ съ увлеченіемъ объяснялъ механизмы, посредствомъ которыхъ приводится въ движеніе языкъ колокола; но я согрѣшилъ предъ скромностью и прервалъ

*) Bourdon по-русски можно передать: басъ-колоколъ, *Басило*.

француза замѣчаніемъ, что у насъ въ Россіи цѣлые десятки такихъ колоколовъ и даже есть въ нѣсколько разъ больше,— и во всѣ ихъ звонятъ безъ всякаго механизма. Въ самомъ дѣлѣ французскій Бурдонъ совершенный карликъ предъ нашимъ Царемъ-колоколомъ и вѣситъ менѣе одной тысячи пудовъ. Рядомъ съ Бурдономъ виситъ нашъ русскій колоколъ, взятый французами въ Севастополѣ. Нашъ севастополецъ гораздо меньше Бурдона, и я ударяя его молоткомъ, чтобы звукъ его сравнить съ гордымъ звукомъ сосѣда, хотѣлъ услышать жалобную повѣсть его плѣненія и тоски по родинѣ; но къ удивленію—звукъ его оказался гуще и басистѣе самого Бурдона, хотя быть можетъ это зависитъ отъ его русской «грубости» сравнительно съ утонченнымъ французскимъ сосѣдомъ. Видъ съ башенъ не представляетъ ничего особеннаго. Можно любоваться только голубыми извилинами Сены, теряющейся въ массахъ громадныхъ зданій.

Другой изъ наиболѣе интересныхъ парижскихъ храмовъ есть храмъ св. Женевьевы или Пантеонъ. Основаніе его относится ко времени предшествовавшему великой революціи, но революціонеры постарались сдѣлать его *своимъ* храмомъ и превратили въ простой монументъ великимъ мужамъ французскаго народа. Въ 1851 году онъ опять превращенъ въ церковь и въ немъ совершается богослуженіе. Но до сихъ поръ церковь эта представляетъ странную смѣсь религіозныхъ и политическихъ элементовъ. Внутренность ея очень благообразна, украшена великолѣпными статуями и картинами религіознаго католическаго культа, и для благочестивой католической души тамъ несомнѣнно много назидательнаго и поучительнаго, но зато внѣшность его носитъ вполнѣ политическій и, можно сказать, языческій характеръ. Прежде всего фронтонная надпись говоритъ, что это не церковь, а простой монументъ. Она гласитъ: «Великимъ мужамъ признательное отечество». Это бы еще конечно ничего: церковь не чуждается великихъ людей... Но всмотритесь въ барельефы и вы увидите языческій элементъ. Фронтонные барельефы представляютъ

въ образахъ женщинъ: отечество, свободу и исторію. Отечество, конечно по внушенію своихъ сосѣдокъ, раздаетъ пальмы великимъ людямъ, которымъ оно обязано своимъ величіемъ и своею славою. По сторонамъ толпятся великіе мужи. Направо стоятъ военные геніи и между ними на первомъ планѣ Наполеонъ I, а налѣво толпятся ученые и философы и между ними рядомъ съ Фенелономъ, Лапласомъ, Кювье и Лафайетомъ наградныхъ пальмъ со стороны неразборчиваго отечества удостоиваются и такіе мужи какъ Вольтеръ, Мирабо и др. Къ Вольтеру эта церковь впрочемъ особенно благосклонна и въ своемъ подвалѣ какъ святыню хранитъ гробъ его, а также и статую—съ его извѣстной саркастической физіономіей, которая здѣсь еще саркастичнѣе—быть можетъ потому, что стоитъ не на мѣстѣ. На внутреннихъ стѣнахъ храма обращаетъ на себя особенное вниманіе рядъ картинъ, изображающихъ жизнь св. Женевьевы—отъ дѣтства до кончины. Въ картины введены многіе весьма интересные и характерные эпизоды изъ современныхъ героинѣ историческихъ событій (изъ временъ Аттилы). На двухъ колоннахъ вывѣшены объявленія, приглашающія на спеціальныя богослуженія въ пользу эльзасцевъ и лотарингцевъ. Какой смыслъ эти богослуженія заключаютъ въ себѣ, политическій или просто благотворительный,—я не могъ узнать. Архитектурная внѣшность храма вполнѣ отвѣчаетъ его названію —Пантеонъ.—Нѣсколько подобенъ описанному храму соборъ инвалидовъ, заключающій въ себѣ гробъ Наполена I: таже смѣсь религіозныхъ и политическихъ элементовъ. Совнѣ между превосходными колоннами греческаго стиля стоятъ статуи: Карла Великаго и Людовика Святаго, а ниже статуи четырехъ добродѣтелей: Справедливости, Умѣренности, Благоразумія и Силы. Золотой куполъ, кажется единственный въ Парижѣ, гордо высится надъ колоннадой. Внутренность храма поражаетъ своею аристократичностью. Стѣны бѣлаго мрамора и полъ блещутъ необыкновенной изящностью и чистотой, приводящею даже въ смущеніе непривычнаго посѣтителя. При входѣ внутрь—среди самаго храма вы видите какбы фонтанный круг-

лый бассейнъ. Но когда подойдете ближе—предъ вами въ глубинѣ открывается гробъ великаго Наполеона. Впечатлѣніе сильное, но трудно опредѣлимое. Саркофагъ изъ краснаго финляндскаго мрамора, подареннаго нашимъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, стоитъ среди самаго углубленія, а по сторонамъ его какбы на стражѣ стоятъ скульптурныя фигуры двѣнадцати главныхъ сподвижниковъ Наполеона. Рядомъ съ ними укрѣплено множество знаменъ, побѣдныхъ трофеевъ военнаго генія; знамена склоняются ко гробу. Между ними несомнѣнно есть и русскія, но при недостаточномъ свѣтѣ разсмотрѣть было трудно. Надъ гробомъ возвышается великолѣпный алтарь съ надписью, выражающею завѣтное желаніе Наполеона—найти мѣсто упокоенія въ миломъ его сердцу отечествѣ. По стѣнамъ храма много живописныхъ изображеній. Особенно интересна картина на куполѣ, изображающая Людовика Святаго, вручающаго Іисусу Христу шпагу, которою онъ побѣждалъ враговъ христіанства.

Много интереснаго и своеобразнаго представляютъ и другіе осмотрѣнные мною парижскіе храмы, но описаніе ихъ заняло бы слишкомъ много мѣста. Упомяну только о церкви св. Сульпиціи, гдѣ на стѣнахъ вывѣшено множество объявленій, гласящихъ о раздачѣ индульгенцій съ указаніемъ подвиговъ, дающихъ право на нихъ; о церкви св. Магдалины, представляющей типъ греческаго храма, и о церкви св. Рока, славящейся своей артистической музыкой. Мнѣ довелось быть при богослуженіи въ этой церкви. Это было въ субботу 20-го октября, 1-го ноября по новому стилю, въ великій для французовъ праздникъ «всѣхъ святыхъ». Молящихся было множество, такъ что не доставало стульевъ, и многіе толпились и жались по стѣнамъ. Мертвая тишина царила въ храмѣ, нарушаемая лишь едва слышнымъ возгласомъ священнослужителя. Но вотъ возгласъ окончился и «amen» громоносныхъ теноровъ огласилъ стѣны. На хорахъ въ отдаленіи расположенный органъ началъ мелодію и ее подхватилъ громадный хоръ внизу, аккомпанируемый нѣсколькими

контрбасами. Впечатлѣніе было грандіозное и пѣніе пріятное для слуха; но трудно было заставить себя думать, что находишься въ храмѣ: эти ряды стульевъ, эти контрбасы съ смычками, эти свиторы (suisse) въ театральныхъ костюмахъ, съ булавами въ рукахъ и въ трехъугольныхъ шляпахъ на головахъ, и самый хоръ съ своимъ артистическимъ напѣвомъ — все это имѣло характеръ концерта, но не богослуженія. По окончаніи пѣнія органъ въ отдаленіи продолжалъ еще мелодію, которая потомъ какбы и замерла на хорахъ. Надо быть католикомъ, чтобы изъ этого моря эстетики почерпнуть хоть каплю религіознаго чувства.

На слѣдующій день, въ воскресенье, мѣрные удары колокола созывали православныхъ богомольцевъ въ русскую церковь. На чужбинѣ всегда сильнѣе чувствуется любовь къ родному, и православный «благовѣстъ» русскаго колокола радостною вѣстью отозвался въ моемъ сердцѣ и съ неодолимою силою повлекъ меня въ православный храмъ. Богослуженіе совершалъ почтенный настоятель церкви протоіерей В. А. Прилежаевъ: пѣвчіе-французы стройно и гармонично пѣли непонятныя для нихъ православныя пѣсни и, къ удивленію, такъ отчотливо и хорошо выговаривали слова даже такой длинной пѣсни какъ символъ вѣры, что заставляли забывать о ихъ національности и производили впечатлѣніе чисто-русскаго церковнаго пѣнія. Исполненіе Херувимской (№ 3-й Бортнянскаго) было особенно стройно и хорошо и напоминало въ миньатюрѣ пѣніе нашего превосходнаго александроневскаго митрополичьяго хора. Богомольцевъ была полная церковь, быть можетъ вся русская колонія въ Парижѣ, и во главѣ ея его императорское высочество великій князь Николай Николаевичъ Старшій, занимавшій мѣсто у праваго клироса. Такимъ образомъ здѣсь была чисто-русская атмосфера: русское богослуженіе, русскіе люди. Густой солидный басъ діакона вполнѣ довершалъ русскую картину. Впрочемъ нѣтъ, не басъ діакона довершалъ эту картину, а *русскіе нищіе*, стоявшіе въ притворѣ. Надо удивляться, откуда взялись русскіе нищіе въ Парижѣ, но это фактъ и

объясненіе его можно находить развѣ только въ непреложномъ словѣ Спасителя: «нищихъ всегда имѣете при себѣ». Самая церковь, чисто-московскаго стиля съ пятью золотыми главами, производитъ очень хорошее впечатлѣніе и для Парижа служитъ одною изъ усердно показываемыхъ его обитателями достопримѣчательностей. Жаль только, что она стоитъ на совершенно невыгодномъ мѣстѣ, на дворѣ, окруженномъ не совсѣмъ художественными зданіями, съ выходомъ на ничтожную, глухую, узкую и заброшенную улицу, на которой пустыри съ мусоромъ стоятъ незанятыми по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ. Эта невзрачная обстановка много скрадываетъ у нея величія и красоты. Внутренность очень благообразна, а боковыя углубленія съ картинами Боголюбова производятъ сильное эстетическое впечатлѣніе. Основаніе купола занято написаніемъ пѣсни «Да молчитъ всякая плоть». Пробѣжавъ ее глазами, я замѣтилъ нѣсколько довольно грубыхъ грамматическихъ ошибокъ: причемъ нельзя было не посѣтовать на недостаточную внимательность къ русской святынѣ тѣхъ, отъ кого могла зависѣть, большая правильность текста. Но во всякомъ случаѣ общее впечатлѣніе остается великолѣпное, и я съ вполнѣ удовлетвореннымъ чувствомъ вышелъ изъ храма.

При обозрѣніи достопримѣчательностей Парижа, мнѣ естественно хотѣлось проникнуть и во внутреннюю жизнь его обитателей. Но надо сознаться, что достигнуть этого небыло никакой возможности за то короткое время, которое было въ моемъ распоряженіи. Жизнь такого многолюднаго города слишкомъ сложна, чтобы въ два-три дня можно было оріентироваться въ ней и произвести болѣе или менѣе интересныя наблюденія. Я видѣлъ жизнь парижанъ только на улицѣ, а не въ тѣхъ сокровенныхъ тайникахъ, гдѣ она проявляется безъ всякихъ прикрасъ; и надо сказать, что уличная жизнь парижанъ производитъ довольно хорошее впечатлѣніе и совершенно не оправдываетъ тѣхъ ходячихъ представленій о ея распущенности, которыя существуютъ въ Россіи. Быть можетъ прежній легконравный Парижъ, проученный тяжелымъ испы-

таніемъ прошлой войны, остепенился и суровымъ воздержаніемъ хочетъ загладить свои прежнія беззаконія, но во всякомъ случаѣ «выставки порока», которою, по сказаніямъ, блистала въ прежнее время столица французовъ, теперь совершенно не видно. Въ будничное время Парижъ даже нѣсколько скученъ и какбы безлюденъ; въ праздникъ онъ чрезвычайно многолюденъ, но опять-таки тихъ и скроменъ. Въ большой для французовъ праздникъ «всѣхъ святыхъ» Парижъ представлялъ даже трогательное зрѣлище: это праздникъ поминовенія усопшихъ, и надо было видѣть то трогательное усердіе, съ которымъ всѣ съ букетами, цвѣтами, иммортелями устремлялись на кладбища помянуть своихъ отцовъ и братій. Тотъ народъ имѣетъ въ себѣ много нравственной силы, который любитъ почитать своихъ предковъ, а такими именно и заявили себя парижане. Вечеромъ того же дня устроены были народныя гулянья и между прочимъ въ Тюльерійскомъ саду—бросаніе мяча. Эта любимая, совершенно невинная и пожалуй дѣтская игра собрала вокругъ себя необозримыя массы народа и интересно было смотрѣть, какъ пожилые люди соперничали съ дѣтьми въ силѣ и ловкости бросанія мяча. Игра эта производила впечатлѣніе невинности, но тѣмъ важнѣе фактъ, что эта невинная игра собирала множество зрителей и участниковъ. Нечего и говорить, что въ этихъ необозримыхъ массахъ не было видно ни одного изъ тѣхъ молодцовъ, которые какъ у насъ до того празднику рады, что бываютъ досвѣту пьяны. Тишина и спокойствіе были удивительны и совершенно не было дѣла «городовымъ», которые у насъ, какъ извѣстно, по праздникамъ пропадаютъ отъ «дѣлъ».

Нравственность есть дѣтище религіи, и я старался отыскать въ Парижѣ эту причинную связь между ними. Но замѣчательно, этой связи-то здѣсь и не замѣтно, если только вѣрно мое наблюденіе. Религія съ своими проявленіями какбы прячется въ Парижѣ въ какіе-то сокровенные уголки. Я съ большимъ усердіемъ напр. отыскивалъ церковныхъ журналовъ и газетъ—и при всемъ стараніи не могъ найти. Былъ въ бога-

тыхъ читальняхъ, гдѣ выписывается множество всевозможныхъ газетъ и журналовъ, но изъ церковныхъ—не видѣлъ ни одной. Даже клерикальныхъ газетъ трудно встрѣтить и я долженъ былъ усомниться въ силѣ здѣшняго клерикализма. Правда, тутъ часто встрѣчаются патеры и члены различныхъ монашескихъ орденовъ, напр. капуцины; но они какъ тѣни ходятъ по улицамъ, не обращая на себя ничьего вниманія, кромѣ развѣ шалуновъ-мальчишекъ, которые непрочь поглазѣть на обнаженныя полубритыя головы капуциновъ въ ихъ широкихъ коричневыхъ кафтанахъ. Тѣхъ колѣнопреклоненій и воздѣваній рукъ, которыя мнѣ на каждомъ шагу приводилось видѣть въ нашей окатоличенной Вильнѣ, здѣсь нѣтъ и слѣда.

Рабочіе здѣшніе, этотъ главный контингентъ революціи и коммуны, скромны и вѣжливы, и какъ индюки ходятъ на улицахъ въ своихъ накрахмаленныхъ, но неподпоясанныхъ синихъ блузахъ. Многихъ изъ нихъ мнѣ приводилось встрѣчать въ луврскомъ музеѣ, занятыхъ осматриваніемъ его художественныхъ сокровищъ. Какъ же объяснить послѣ этого тѣ ужасы разрушенія и преступленія, которые производились еще недавно этими самыми рабочими? Самую большую вину несомнѣнно нужно приписать постороннимъ поджигательствамъ, а извѣстно, что при долгомъ и частомъ поджиганіи и раздуваніи загорится самый сырой матеріалъ. Потому-то благомыслящіе люди здѣсь съ содроганіемъ смотрятъ на будущее въ виду объявленной амнистіи коммунистамъ. Многіе изъ послѣднихъ уже возвратились изъ ссылки въ Парижъ и на первыхъ же порахъ заявили свой строптивый, крамольный нравъ, и, пользуясь происходившимъ въ половинѣ октября рабочимъ конгрессомъ въ Марселѣ, старались агитировать населеніе въ пользу революціонныхъ замысловъ тамошняго конгресса. Но пока это не удается имъ. Теперь имъ пока остается только безплодно оглашать воздухъ своимъ девизомъ: свобода, равенство и братство. Девизъ этотъ, замѣчу кстати, въ послѣднее время окончательно скомпрометированъ: подъ его вывѣской появились фальшивыя деньги—пятифранковыя

монеты. Во Франціи существуютъ серебрянныя пятифранковыя монеты попреимуществу съ гербомъ бывшаго императора Наполеона III; но злонамѣренный фальшивый монетчикъ предпочелъ издать монеты съ республиканскимъ штемпелемъ и девизомъ, возвѣщающимъ о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Всякій теперь, получивъ такую монету, вполнѣ чувствуетъ горечь и невыгодность подобныхъ «свободы, равенста и братства». По неосторожности или вѣрнѣе по неопытности и я заполучилъ одну изъ подобныхъ монетъ и теперь при своихъ строгихъ монархическихъ убѣжденіяхъ имѣю досадное удовольствіе постоянно носиться съ республиканскимъ девизомъ. Ни въ одной лавочкѣ не берутъ...

V. Лондонъ.

Бурный проливъ—стражъ Альбіона.—Лондонъ и первыя впечатлѣнія.—Невыносимость атмосферы и кипучесть движенія. — Достопримѣчательности. — Соборъ св. Павла и Вестминстерское аббатство. — Библія въ Лондонѣ. — Библейскій театръ. — Праздникъ «показыванія лорда мэра» и народное веселье.

Быстрый поѣздъ въ нѣсколько часовъ пробѣгаетъ пространство отъ столицы французовъ до крайняго пункта европейскаго континента—до городка Кале. Часа за два до прибытія въ этотъ городъ вы чувствуете, что материкъ какбы таетъ предъ вами, а все болѣе сгущающаяся синева даетъ знать о приближеніи другой стихіи. Но вотъ и знаменитый проливъ —Па-де-Кале. Поѣздъ останавливается у самаго берега какбы въ досадѣ, что новая капризная стихія не даетъ ему дальше хода. Пассажиры пересаживаются на пароходъ. Біеніе сердца

невольно учащается при перемѣнѣ стихіи, а эта стихія какбы нарочно своимъ безпокойствомъ заставляетъ сожалѣть объ оставляемомъ материкѣ. Пароходъ съ увѣренностью помчался по пѣнистымъ волнамъ, но сильные шквалы не даютъ ему ровнаго хода, и онъ содрагаясь и качаясь передаетъ свое безпокойство и пассажирамъ, изъ которыхъ многіе потребовали роковыхъ чашекъ и угнетенно сидѣли надъ ними, отдавая дань свирѣпому проливу. Ухватившись обѣими руками за бортъ (безъ поддержки на палубѣ стоять было немыслимо), я больше съ любопытствомъ, чѣмъ со страхомъ смотрѣлъ на ярящуюся стихію и думалъ: вотъ она родная стихія знаменитыхъ островитянъ-мореплавателей, въ ней одной для нихъ достаточный залогъ и ихъ всемірнаго господства и ихъ неприступности. Дѣйствительно, бурный проливъ это—природный стражъ Албіона, и о его неподатливость нѣкогда сломилась, какъ извѣстно, почти несокрушимая на материкѣ сила великаго военнаго генія французовъ. Но вотъ волненіе стало успокоиваться, пароходъ смѣлѣе разрѣзывалъ волны, и ожившія отъ страха лэди стали пробовать безъ поддержки пройти по одной доскѣ палубы. Вдали изъ густой синевы показались крутые бѣлые,—можно бы сказать сахарные, еслибы они не были мѣловые,—берега гордаго Албіона. Англійскій поѣздъ, принявъ пассажировъ, помчался чрезъ Дувръ въ знаменитое обиталище лордовъ, въ Лондонъ. Чрезъ два часа поѣздъ гремѣлъ уже надъ самымъ Лондономъ, по рельсовому пути, проложенному по домамъ.

Самое вступленіе въ Лондонъ, — эта чудная поѣздка по массивнымъ домамъ и по мостамъ, переброшеннымъ чрезъ улицы,—конечно имѣло въ себѣ всѣ условія для того, чтобы знаменитая «метрополія» англичанъ произвела на новичка подавляющее впечатлѣніе. И я дѣйствительно съ суевѣрнымъ страхомъ смотрѣлъ изъ вагона внизъ, гдѣ на улицахъ суетливо двигались массы народа и экипажей, не обращавшія ни малѣйшаго вниманія на грохотъ и свистъ мчавшагося надъ ихъ головами поѣзда. Но еще большее впечатлѣніе Лондонъ про-

извелъ на меня, когда я по пріѣздѣ имѣлъ возможность, ходя по улицамъ, наблюдать уличную жизнь уже вблизи и въ подробности, а не съ высоты птичьяго полета. Надо сказать, что въ Лондонѣ улицы довольны узки и неправильны, но это тѣмъ болѣе способствуетъ уличной толкотнѣ. Трудно описать, что представилось моему наблюденію. Множество всевозможныхъ каретъ и омнибусовъ тянется и взадъ и впередъ; кучера во все горло кричатъ не столько на лошадей, сколько на массы перебѣгающаго имъ дорогу народа; массы народныя буквально бѣгутъ по тротуарамъ, постоянно, сталкиваясь и сбиваясь; газетчики-мальчуганы рѣжущими голосами трубятъ о новостяхъ; имъ басами вторятъ здоровенные дѣтины, увѣшанные спереди и сзади громадными картинами съ объявленіями; нищенствующіе шарманщики своими пискливыми мелодіями испрашиваютъ подачки; неподалеку отъ нихъ раздается жалобное тріо какой-то дамы съ двумя малютками, надрывающими неокрѣпшія легкія печальною пѣснью; уличные мальчишки въ шутовскихъ колпакахъ съ пѣснями везутъ телѣжку съ какимъ-то чучеломъ и безцеремонно расталкиваютъ встрѣчающихся имъ на дорогѣ; ловкіе волосипедисты какъ бѣсы безстрашно снуютъ между рядами каретъ; стонъ и гулъ до боли надрываютъ барабанную перепонку уха, а свистъ и грохотъ то и дѣло перебѣгающихъ чрезъ улицы поѣздовъ—довершаютъ эту истинно вавилонскую картину. Мнѣ прежде приходилось читать и слышать разсказы о необыкновенномъ движеніи въ Лондонѣ, но что представилось моимъ собственнымъ глазамъ—превосходитъ всякое описаніе. Пораженный этой людской суматохой, я сначала не замѣтилъ даже особенности лондонской атмосферы, но выходя въ другой и третій разъ—понялъ всю прелесть ея. Надо быть истиннымъ британцемъ, чтобы выносить ее. Помнится, въ письмѣ изъ Цюриха я выразился, что главная причина тамошняго соціализма заключается въ фабричной атмосферѣ рабочихъ. Теперь я долженъ взять свое слово назадъ. Такой тяжелой, удушливой, дымной атмосферы которою въ Лондонѣ постоянно дышатъ величайшіе въ мірѣ ка-

питалисты, нѣтъ, можно смѣло сказать, ни на какой, самой неопрятной, фабрикѣ. Самое солнце здѣсь не справляется съ туманомъ и только изрѣдка показываетъ угрюмо красное, не имѣющее никакого блеска лицо свое надъ городомъ. По метеорологическимъ даннымъ, солнце въ Лондонѣ въ продолженіи прожитой мною здѣсь недѣли свѣтило только *восемь* часовъ, хотя погода была сухая и сравнительно ясная. Но, замѣчательно, въ этой до невыносимости удушливой атмосферѣ живутъ такіе рослые, здоровые, свѣжіе люди, какихъ трудно еще гдѣ встрѣтить.

Если о Парижѣ я принужденъ былъ сказать, что трехъ дней для его осмотра совершенно недостаточно, то о Лондонѣ, величайшемъ городѣ въ мірѣ, надо сказать, что для него недостаточно и мѣсяца, а не только недѣли, которую мнѣ пришлось прожить въ немъ. Онъ до того подавляетъ своимъ сумрачнымъ и суетливымъ разнообразіемъ, что, проживъ цѣлую недѣлю, человѣкъ только начинаетъ болѣе или менѣе выдѣлять изъ общей массы отдѣльные пункты. Я опишу только наиболѣе знаменитыя достопримѣчательности его, не упомянуть о которыхъ въ письмѣ изъ Лондона было бы равносильно тому, какъ еслибы описывать Римъ и забыть о папѣ. Я разумѣю каѳедральный соборъ св. ап. Павла и Вестминстерское аббатство.

Величественный соборъ св. Павла расположенъ въ центрѣ города въ такъ называемомъ Сити. Это чрезвычайно внушительное и колоссальное зданіе, которому еще болѣе грандіозности быть можетъ придаетъ черный отъ атмосферической копоти внѣшній видъ. Въ Лондонѣ вообще всѣ дома черны и закоптѣлы и производятъ мрачное впечатлѣніе. Въ архитектурномъ отношеніи этотъ храмъ представляетъ сходство съ извѣстнымъ римскимъ храмомъ святыхъ апп. Петра и Павла и по обширности есть третій въ числѣ другихъ храмовъ христіанскаго міра. Внѣшность его богато изукрашена статуями и различными изображеніями не только религіознаго, но и политическаго характера. Съ особеннымъ интересомъ надъ

южнымъ портикомъ показываютъ феникса съ надписью — Resurgam (воскресну). Разсказываютъ, что когда составленъ былъ планъ храма и отмѣренъ участокъ земли, одному рабочему приказано было принести изъ развалинъ стараго собора камень для закладки зданія; онъ принесъ и на этомъ камнѣ оказалась такая надпись, что конечно сочтено было за благопріятный признакъ. Внутренность храма поражаетъ величіемъ своихъ размѣровъ и красотою сводовъ. Я былъ въ этомъ храмѣ во время вечерняго богослуженія. Газовое освѣщеніе, огненными дугами описывающее арки сводовъ, придавало храму торжественный видъ: два стройные хора пѣвчихъ гармоническимъ антифоннымъ пѣніемъ оглашали своды и пробуждали въ душѣ сладостное чувство, напоминая далекую родину. Общая обстановка богослуженія съ подобнымъ антифоннымъ пѣніемъ удивительно похожа на наше церковное богослуженіе, хотя внутренность храма много отступаетъ отъ типа русскихъ храмовъ. Осматривая послѣ богослуженія храмъ св. Павла, я къ удивленію замѣтилъ, что въ немъ весьма много политическихъ элементовъ и стѣны сплошь и рядомъ уставлены и украшены статуями и картинами, представляющими апотеозу различныхъ военныхъ и политическихъ героевъ англійскаго народа. Такъ я видѣлъ изображеніе смерти одного геройскаго капитана англійской службы, который послѣ многихъ побѣдъ надъ непріятелемъ былъ тяжело раненъ въ одной битвѣ: ангелъ съ вѣнцомъ въ рукѣ поддерживаетъ его и принимаетъ отъ него послѣднее дыханіе. На лѣвой сторонѣ храма представлена цѣлая битва англичанъ съ русскими во время Крымской кампаніи, причомъ конечно побѣждаютъ англичане. Въ виду всего этого храмъ св. Павла не только храмъ во славу Бога Вышняго, но и храмъ славы собственно британской. Проповѣдническая каѳедра его,—высокая какъ башня,—славится въ Лондонѣ и славу ея въ настоящее время съ успѣхомъ поддерживаетъ извѣстный деканъ собора Станлей. Противъ собора чрезъ улицу пестрятъ вывѣски, гласящія: «каѳедральный отель», «ресторанъ св. Павла» и т. п.

Если уже каѳедральный соборъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторые политическіе элементы, то Вестминстерское аббатство съ своею главною церковью есть настоящій Пантеонъ великихъ мужей Албіона, истинный «храмъ славы британской». Аббатство, прежде всего нужно сказать, поражаетъ своею внѣшностью. Это рядъ высокихъ, чрезвычайно своеобразныхъ, увѣнчанныхъ башнями, зданій, скорѣе похожихъ на старотипныя крѣпости, чѣмъ на монастырь. Внутри это настоящій музей. Тутъ направо и налѣво вы видите статуи, плиты, гробницы знаменитѣйшихъ людей, съ надписями, объявляющими объ ихъ заслугахъ признательному отечеству. Тутъ покоятся и адмиралы, и герцоги, государственные мужи и писатели, архіепископы и ораторы—для всѣхъ ихъ отечество создало памятники, такъ или иначе свидѣтельствующіе объ ихъ великихъ дѣяніяхъ. Нѣкоторые и даже многіе монументы носятъ на себѣ слѣды высокохудожественнаго творчества и для посѣтителя составляютъ предметъ высокаго эстетическаго наслажденія. Не даромъ англійскіе поэты прославляютъ аббатство въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ и многіе заявляютъ, что разсматриваніе его памятниковъ служило однимъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ ихъ поэтическаго творчества. Аббатство и теперь даетъ у себя пріютъ наиболѣе замѣчательнымъ людямъ Англіи, и я замѣтилъ въ немъ гробницу недавно умершаго извѣстнаго геолога Ляйеля. Надпись на его гробницѣ гласитъ: «всю свою жизнь онъ посвятилъ разгадыванію отрывочной лѣтописи по исторіи земли, неутомимо изслѣдывалъ настоящій порядокъ природы и тѣмъ расширилъ предѣлы знанія, оказавъ на научную мысль громадное вліяніе. Какъ велики дѣла Твои, Господи! дивно глубоки помышленія Твои! Вообще изъ обозрѣнія аббатства посѣтитель выноситъ много поучительнаго: оно наглядными памятниками вводитъ въ культурную исторію англійскаго народа.

Противъ аббатства высится грандіознѣйшій храмъ живыхъ столбовъ Албіона—парламентъ съ его палатами лордовъ и общинъ. Я только совнѣ посмотрѣлъ это на своего рода архи-

тектурное чудо и, махнувъ на него рукой, вошелъ внутрь стоящаго рядомъ «двора правосудія». Здѣсь моимъ глазамъ представилась почти сказочная картина. Рядъ расположенныхъ амфитеатромъ партъ занятъ былъ сѣдыми какъ лунь адвокатами и судебными чиновниками; противъ нихъ за отдѣльнымъ столомъ сидѣли двое еще болѣе сѣдыхъ судей; но изумленію моему не было предѣла, когда я замѣтилъ, что сѣдина всѣхъ ихъ накладная. Оказывается, въ Англіи у служителей правосудія до сихъ поръ удержалась средневѣковая форма, требовавшая непремѣнно отъ судьи сѣдины, какъ реальнаго доказательства его мудрости. Съ сѣдымъ завитымъ парикомъ соединяется и странный средневѣковый широкій плащъ. Происходило какое-то судебное разбирательство, но мнѣ не пришлось узнать, насколько англійскіе судьи въ своихъ сѣдыхъ парикахъ оправдываютъ извѣстное изрѣченіе, гласящее: «сѣдина мужа мудрость его есть».

Отъ міра накладныхъ сѣдинъ я отправился въ міръ дѣйствительныхъ многовѣковыхъ и тысячелѣтнихъ древностей, собранныхъ въ знаменитомъ Британскомъ музеѣ. Учрежденіе это настолько замѣчательно, что не посѣтить его во время пребыванія въ Лондонѣ значило бы совершить величайшее преступленіе предъ наукою. Но оно въ тоже время такъ обширно и такъ много сокровищъ заключаетъ въ себѣ, что я при посѣщеніи его счелъ нужнымъ ограничить себя только однимъ его отдѣломъ—археологическимъ, осмотрѣвъ попреимуществу египетскія и ассирійскія древности. И сколько здѣсь великаго и важнаго въ этихъ обломкахъ сѣдой старины! Вотъ гдѣ источникъ этой новой исторической науки, которая въ послѣднее время начала проливать лучезарный свѣтъ на многія попреимуществу археологическія данныя Библіи. Стоитъ только знающимъ окомъ присмотрѣться къ этимъ ничтожнымъ повидимому обломкамъ и вы увидите въ нихъ научное, фактическое подтвержденіе многихъ библейскихъ сказаній. Къ сожалѣнію, наша отечественная богословская литература не представила еще въ этомъ отношеніи ни одного болѣе или менѣе

удовлетворительнаго труда. Зато англичане въ этомъ отношеніи сдѣлали величайшіе вклады въ библейско-историческую науку и заслуживаютъ того, чтобы быть поставленными въ примѣръ намъ—русскимъ.

Англичане впрочемъ вообще такъ любятъ Библію, какъ едва-ли какой нибудь еще христіанскій народъ. Въ Парижѣ напр. вы не только Библіи, но даже и какой нибудь церковной газеты не скоро отъищете. Здѣсь напротивъ Библію вездѣ вы видите прежде всего. Не говоря уже о томъ, что она составляетъ принадлежность каждаго домохозяина, вы видите ее и въ общественныхъ домахъ и учрежденіяхъ. Я удивился, когда, войдя въ Лондонѣ въ великолѣпный роскошно обставленный читальный залъ при отелѣ, прежде всего на столѣ увидѣлъ въ богатомъ англійскомъ переплетѣ Библію. Въ книжныхъ магазинахъ, которые по своему богатству и роскоши несомнѣнно составляютъ одну изъ интереснѣйшихъ достопримѣчательностей Лондона, за зеркальными окнами вы непримѣнно встрѣтите на первомъ планѣ Библію—въ роскошнѣйшихъ изданіяхъ и въ самыхъ изысканныхъ переплетахъ. Вмѣстѣ съ Библіей, какъ книгой, англичане любятъ и библейскіе тексты. Магазины мало-мальски соприкасающихся съ религіею или церковью товаровъ унизаны текстами въ родѣ: «Богъ есть любовь», «любите враговъ вашихъ» и т. п. Даже газетныя объявленія часто подтверждаются библейскими текстами. Такъ, разсматривая объявленія въ одной газетѣ, я съ удивленіемъ встрѣтилъ цитату изъ книги Второзаконія и съ текстомъ, гласящимъ: «*кровь* человѣка жизнь его есть», но тутъ же подъ текстомъ прочиталъ спекулятóрскую рекламу, извѣщающую, что тамъ-то можно получить лучшее въ мірѣ очистительное для *крови* средство, избавляющее отъ всякихъ болѣзней и представляющее вѣрные шансы дожить до глубокой старости и т. п. Если судить впрочемъ по внѣшности, то надо признать англичанъ вообще религіознѣйшимъ народомъ. Извѣстно то ригористическое почтеніе, съ которымъ они относятся къ воскресному дню. Мнѣ пришлось провести одно воскресенье въ Лондо-

нѣ и я долженъ сказать, что видѣнное мною превзошло всякія ожиданія: какбы какая нибудь всемогущая сила мгновенно остановила это повидимому неутишимое море человѣческой суеты. Тамъ, гдѣ въ будничные дни вывѣшиваются громаднѣйшія объявленія о театральныхъ спектакляхъ и различныхъ спекуляторскихъ предпріятіяхъ, въ воскресенье можно было видѣть только такія же громадныя объявленія, въ которыхъ проповѣдники различныхъ церквей извѣщали о предполагаемыхъ ими къ произнесенію воскресныхъ проповѣдяхъ. И народъ съ неменьшимъ любопытствомъ останавливался у этихъ объявленій, какъ и у театральныхъ, да кажется и въ церковь шелъ не съ меньшимъ усердіемъ. По крайней мѣрѣ громаднѣйшій соборъ св. Павла въ проведенное мною въ Лондонѣ воскресенье былъ переполненъ молящимися. Не знаю, насколько англійскій храмъ удовлетворяетъ религіозное чувство,—а что оно довольно сильно—въ этомъ кажется трудно сомнѣваться. Быть можетъ только этому сильному религіозному чувству англичанъ, предъявляющему большой запросъ для своего удовлетворенія, нужно приписать и то невѣроятное количество различныхъ религіозныхъ и библейскихъ обществъ, которое существуетъ въ Лондонѣ. Но я затрудняюсь сказать, чему приписать образовавшееся теперь здѣсь новое «библейско-театральное общество». Это оригинальное общество задало себѣ цѣль образовать библейскій театръ, гдѣ бы драматически-обработанные библейскіе сюжеты находили соотвѣтственную театральную постановку; причомъ предполагается въ костюмировкѣ и декораціяхъ строго держаться научныхъ данныхъ библейской археологіи. По газетнымъ извѣстіямъ первою изъ подобныхъ библейскихъ драмъ поставлена будетъ на сценѣ піеса подъ заглавіемъ «Моисей въ Египтѣ»; роль дочери Фараона уже будто бы взяла на себя одна изъ извѣстнѣйшихъ лондонскихъ драматическихъ артистокъ. Любопытно—что изъ этого выйдетъ.

Въ понедѣльникъ 10-го ноября (по новому стилю) въ Лондонѣ былъ народный преинтересный праздникъ «показыванія народу новаго лорда мэра». Я не имѣю времени и мѣста описывать этотъ праздникъ, но замѣчу только, что онъ послу-

жилъ для лондонцевъ поводомъ къ выраженію своихъ признательныхъ чувствъ премьеру Биконсфильду и его сподручнику старому мэру. Обоихъ ихъ по улицамъ въ обязательной церемоніальной процессіи народъ привѣтствовалъ криками: «зулусы, зулусы!», а въ одномъ мѣстѣ въ карету стараго мэра даже пущенъ былъ громадный камень, который къ счастью не причинилъ ему вреда. Такъ народъ отмщалъ покойному премьеру его забывшее предѣлы честолюбіе, въ жертву которому онъ своею зулусскою войною принесъ цѣлые десятки милліоновъ народныхъ денегъ.

Вечеромъ тогоже дня мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ лондонскаго народнаго веселья, и признаюсь, я никогда не видѣлъ ничего подобнаго. Зажглась иллюминація и на улицы высыпали несмѣтныя массы народа, двигавшагося какой-то сплошной стихіей. Англичане вообще серьезный и солидный народъ, но въ этотъ вечеръ все превратилось въ безконечное веселье и ребяческую шалость. Мужской элементъ вооруженъ былъ какими-то адскими машинками, которыя при прикосновеніи къ прекрасному полу производили пронзительный трескъ, вызывая крикъ у пугливыхъ дѣвъ; а самъ прекрасный полъ вооруженъ былъ ручными фонтанчиками, которые холодной струей обдавали лицо всякаго, кого только красавицы избирали жертвой своей шалости. Все это шумѣло, кричало, смѣялось и гоготало, охваченное неудержимымъ порывомъ шаловства и веселья. Никогда мнѣ не приходилось видѣть такого беззаботнаго ребячества народной массы, а тѣмъ болѣе никогда я не могъ предположить, чтобы такому безконечному шаловливому веселью могли предаваться обитатели угрюмаго и туманнаго Лондона. Но замѣчательно, что въ этой безчисленной, упоенной веселостью, массѣ народа совсѣмъ не видно было «веселыхъ» въ нашемъ русскомъ смыслѣ. Все было весело, но благопристойно, шалило, но не безобразничало, упоено, но не пьяно, и разумѣется не слышно было ни объ арестахъ, ни о протоколахъ.

VI. Десять дней на океанѣ.

Ночь предъ посадкой на океанскій корабль.—Утро и переѣздъ на «Скиѳію». — Путь отъ Ливерпуля до Квинстоуна. — Открытый океанъ. — Буря. — Состояніе и надежды пассажировъ. — Колумбъ и его вѣра. — Воскресное богослуженіе среди океана.—Берегъ «того свѣта».

Отъ мрачнаго гнѣзда лордовъ быстрый поѣздъ въ пять часовъ переноситъ васъ въ объятія младшаго брата Лондона—богатаго и втораго по промышленности въ Англіи города Ливерпуля. Деревенская погода въ Англіи далеко не то, что лондонская, и я любовался прелестными ландшафтами и пейзажами, блиставшими на яркомъ солнцѣ почти весенними красотами. Но ноябрьское солнце не щедро на лучи и скоро скрылось; между тѣмъ приближался приморскій городъ, а съ нимъ и его красоты. Выглянувъ въ окно чрезъ какихъ-нибудь полчаса по закатѣ солнца, я уже не узналъ прежнихъ веселыхъ пейзажей: ослѣпительный туманъ покрывалъ все непроницаемымъ мракомъ, сквозь который едва можно было разсмотрѣть густой иней, бѣлосинею пеленою разстилавшійся по землѣ. Сердце невольно дрогнуло при видѣ такой разительной перемѣны; въ недоумѣніи я обратился съ наивнымъ вопросомъ—что это такое?—къ своему сосѣду нѣмцу, который отвѣтилъ, что это—«Англія—сестра Сибири». Мнѣ никогда не приводилось быть въ Сибири, но я не думаю, чтобы въ ней могла быть такая удручающая картина, какая представилась въ окрестностяхъ Ливерпуля. Предъ самымъ городомъ поѣздъ почему-то остановился на нѣсколько минутъ и повидимому надъ какой-то бездной, въ которой ничего небыло видно, но изъ глубины которой доносилось пыхтѣніе какихъ-то машинъ, учащенные свистки и глухой грохотъ,—картина поистинѣ адская. Въ Ливерпулѣ я долженъ былъ «спокойно провести ночь», какъ мнѣ рекомендовалъ агентъ океанской пароходной компаніи, на корабль которой я имѣлъ билетъ, — чтобы поутру пораньше

встать и отправиться на корабль. «Спокойно»... какимъ сарказмомъ звучало для моего уха это добродушное слово ласковаго агента! Случалось-ли вамъ когда-нибудь проводить ночь предъ такимъ событіемъ въ вашей жизни, которое сопряжено съ величайшими по вашему представленію опасностями и рѣшиться на которое стоило для васъ страшной нравственной борьбы?—Такою была для меня ливерпульская ночь: о спокойномъ снѣ не могло быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе сила ломитъ и солому, и усталость сковала некрѣпкимъ тревожнымъ сномъ возбужденный духъ, искавшій теперь единственной опоры въ тихой, но необычайно громко и много говорившей для сердца молитвѣ.

Поутру агентъ обѣщался разбудить меня въ 7 часовъ, но возбужденный духъ предупредилъ его услугу: я самъ всталъ гораздо раньше. И удивительно—въ душѣ уже не было вчерашней тревоги! Яркое солнце разсѣяло туманъ и въ 9 часовъ я отправился на пароходъ, перевозившій пассажировъ на стоявшій въ отдаленіи отъ берега океанскій пароходный корабль «Скиѳію» (Scythia). Океанскій исполинъ спокойно и величаво стоялъ на водѣ, разводя пары, а вокругъ его суетливо бѣгали перевозные пароходы, доставляя пассажировъ и грузъ. Занявъ свою каюту, я отправился осматривать «малое древо», которому ввѣрялъ свою жизнь и на которое возлагалъ свою надежду—добраться до «того свѣта». «Древо» это было болѣе 60 саженъ въ длину съ громадною красною трубою и нѣсколькими мачтами. На палубѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ усердно работали паровыя подъемныя машины, поднимавшія грузъ съ барокъ и пароходовъ, и повсюду толпились пестрыя группы пассажировъ. Панорама открывалась во всѣ стороны очаровательная. Съ трехъ сторонъ виднѣлись населенные берега, четвертая сливалась съ небесами; безчисленныя суда и пароходы по всѣмъ направленіямъ разсѣкали сверкавшія на солнцѣ легкія волны залива, а въ воздухѣ роились съ веселымъ крикомъ морскія чайки. Присмотрѣвшись къ пассажирамъ, я замѣтилъ, что въ «новый свѣтъ» стремились не только юноши, ищущіе простора

жизни, но и глубокіе старцы, всѣ желанія которыхъ повидимому должны бы ограничиваться теплымъ спокойнымъ мѣстомъ на материкѣ; не только одинокіе, но и семейные люди—съ женами и дѣтьми. Для меня, въ представленіи котораго «новый свѣтъ» былъ почти равносиленъ названію «того свѣта», это было явленіемъ сколько неожиданнымъ, столькоже и ободряющимъ. Но еще болѣе удивило и ободрило меня веселое настроеніе этихъ пассажировъ: можно было подумать, что они отправлялись въ какое-нибудь путешествіе по Волгѣ, примѣрно отъ Нижняго до Астрахани, но ни чуть не по безпредѣльному, пугающему воображеніе океану. Изъ всего этого я понялъ, что путешествіе изъ Европы въ Америку далеко не необычное явленіе для этихъ людей и для этихъ мѣстъ — и страхи стали разсѣеваться. Войдя въ великолѣпный общій залъ или «салонъ», я подмѣтилъ здѣсь также успокоивающіе признаки: все здѣсь было легко и изящно; надъ столами на деревянныхъ полкахъ стояла въ углубленныхъ мѣстечкахъ хрустальная и фаянсовая посуда; цѣлость ея очевидно предполагала отсутствіе такой отчаянной качки, какою пугаютъ описатели плаваній по океану. Хотя послѣ я долженъ былъ нѣсколько разубѣдиться въ истинности своихъ заключеній, но тѣмъ не менѣе они сослужили для меня свою добрую службу, успокоивая на первыхъ порахъ.

Въ 12 часовъ въ субботу 3-го ноября (15 по н. ст.) «Скиѳія» снялась съ якорей и ровнымъ ходомъ, какбы съ гордымъ сознаніемъ своей силы, двинулась въ свой далекій путь. По сторонамъ замелькали обгоняемые ею суда и пароходы, а сзади тонули въ водахъ берега. Прощальногрустнымъ взглядомъ слѣдилъ я за удаляющимися берегами; а они все болѣе и болѣе утопали, и наконецъ совершенно скрылись. На просторѣ подулъ свѣжій вѣтерокъ, который въ союзѣ съ спустившеюся ночью заставилъ пассажировъ укрыться въ каюты. Въ салонѣ сервированъ былъ великолѣпный обѣдъ, послѣ котораго пассажиры, разбившись на группы, занялись играми, бесѣдами, чтеніемъ, письмоводствомъ, что все представляло картину

обыкновенной «земной» жизни: ничто не давало знать, что весь домъ этотъ съ веселымъ людомъ построенъ не на іескѣ даже, а прямо надъ бездной, гдѣ бродятъ страшныя чудовища—акулы и киты *). На другой день утромъ показались берега и скоро брошенъ былъ якорь на великолѣпномъ рейдѣ ирландскаго города Квинстоуна. Это первая и послѣдняя станція на великомъ атлантическомъ пути. Пассажиры торопились сдать на почту письма, а нѣкоторые отправлялись на берегъ, чтобы выслушать воскресное богослуженіе и такимъ образомъ запастись новыми силами на великій и трудный путь. Въ 4 часа вечера корабль снялся съ якоря и сказалъ Европѣ послѣднее «прости!»—Отъ Квинстоуна начинается открытый океанъ.

Кто видѣлъ обыкновенное море, въ которомъ берега не видятъ другъ друга, для того не представитъ ничего особеннаго и океанъ въ его спокойномъ состояніи: тотъ же громадный, математически правильно выведенный циркулемъ иллюзіи, кругъ воды, периферіями сливающійся съ небесами. Такимъ и я увидѣлъ Атлантическій океанъ, выйдя поутру въ понедѣльникъ на палубу. Солнце попрежнему ярко свѣтило и играло съ волной и чайки спокойно занимались обычнымъ рыболовствомъ. Такъ прошелъ цѣлый день и я сталъ разсуждать самъ съ собой, что океанъ совсѣмъ не страшная штука; путешествіе по нему не только не опасно и не трудно, а даже пріятно, но только нѣсколько однообразно; и при этомъ въ головѣ промелькнула мысль: хоть бы вѣтерокъ поразнообразилъ путешествіе... О, тысячу разъ каюсь я въ этомъ не-

*) «Скиѳія» въ одинъ изъ своихъ рейсовъ имѣла страшное столкновеніе съ громаднымъ китомъ. Столкновеніе было столь сильно, что значительно повредило ея носовую часть и принудило воротиться назадъ въ Ливерпуль для исправленія поврежденія. Зато и китъ недолго пережилъ столкновеніе: чрезъ нѣсколько дней громадный трупъ его найденъ былъ плавающимъ неподалеку отъ мѣста столкновенія. Кости его теперь хранятся въ конторѣ компаніи, какъ побѣдный трофей «Скиѳіи».

счастномъ вожделѣніи! Какъ бы желая проучить за необдуманное желаніе, океанъ рѣшился выйти изъ своего спокойнаго состоянія: исполинъ проснулся и мощно задвигалъ своимъ ужасающимъ тѣломъ. Во вторникъ къ полудню уже не было яснаго солнышка на горизонтѣ, тучи закрыли его лицо; вмѣсто него порывистый вѣтеръ засвистѣлъ и завылъ въ снастяхъ корабля. Океанъ побурѣлъ и насупился. Пѣнистыя волны сердито забѣгали по его лицу. «Скиѳія» задрожала, но все еще попрежнему стройно мчалась впередъ, разсѣкая и отбивая гнѣвныя волны. А вѣтеръ все крѣпнулъ и волны вздымались все выше. Пассажиры притихли и примѣстившись на защищенной отъ вѣтра сторонѣ палубы сумрачно посматривали на свирѣпыя волны. А эти слуги океана, подгоняемые бичами вѣтра, все съ большею и большею яростію набрасывались на «Скиѳію» и отчаянно штурмовали ее съ боковъ. Она не выдержала и закачалась. Качка скоро усилилась до того, что на палубѣ невозможно было стоять, не придерживаясь за перила. Ряды пассажировъ на палубѣ порѣдѣли; многихъ океанъ позвалъ къ принесенію ему отвратительной жертвы. Но вотъ еще отчаянный ударъ волны — и корабль накренило до того, что пѣнистая волна ринулась на палубу, и кресла, на которыхъ сидѣли пассажиры, съ шумомъ покатились къ борту, производя невообразимую суматоху. Одна почтенная мать семейства, заботливо укутанная своимъ супругомъ, сидѣла спокойно съ своими троими дѣтьми: ударъ этотъ мгновенно сбилъ ихъ всѣхъ съ мѣста и они буквально покатились къ борту, гдѣ ихъ обдало пѣнистой водой. Отецъ съ ужасомъ бросился поднимать ихъ, но услугами его воспользовалась только перепуганная мать, а дѣти—о, они съ веселымъ смѣхомъ повскакали сами и предметъ страха для взрослыхъ обратили въ забаву. При видѣ этого и взрослымъ стало веселѣе. Послѣ этого пассажиры укрылись въ каюты. На палубѣ остался лишь буйный морской вѣтеръ да его друзья—англійскіе матросы корабля. Одѣвшись въ кожаные костюмы, они какъ привидѣнія пробирались по палубѣ и, на-

тягивая или исправляя снасти, пѣли подъ свистъ вѣтра свою англійскую рабочую пѣсню, мотивъ которой едва ли еще не безотраднѣе извѣстной нашей русской рабочей «дубины». Звонокъ позвалъ къ обѣду (въ 6 ч. веч.), но на него явилась едва четвертая часть пассажировъ и ни одной женщины: всѣ страдали морскою болѣзнью. Салонъ теперь представлялъ раздирающую душу картину: тарелки, не смотря на наложенныя на столы рѣшетки съ мѣстами для нихъ, выбрасывали свое содержимое, ложки, ножи, вилки—бѣгали и грохотали по столамъ, а привѣшенная наверху посуда своимъ звономъ и дребезжаньемъ какбы пѣла послѣднюю прощальную пѣснь. Сонъ въ послѣдовавшую затѣмъ ночь очевидно не могъ быть спокойнымъ, если только вообще онъ былъ у кого нибудь. Поутру вѣтеръ повидимому сталъ затихать и пассажиры немного ожили; но увы—новый штормъ и почти съ противоположной стороны опять засвисталъ по снастямъ и мгновенно рушилъ надежды. Океанъ покрылся бѣлой пѣнистой пеленой и представлялъ видъ снѣжныхъ сугробовъ, по которымъ пѣнистыя брызги носились и кружились отъ вѣтра какъ снѣжная метель. На палубѣ участились сигнальные звонки и свистки, призывавшіе матросовъ, и чаще волна врывалась на нее. Качка усилилась до того, что мой сосѣдъ посовѣтовалъ мнѣ не ложиться спать на моей привѣшенной высоко койкѣ. Я было выразилъ надежду на улучшеніе погоды, но онъ увѣренно замѣтилъ, что завтра будетъ еще хуже... И слова его оправдались. 8-го числа въ четвергъ «Скиѳія» съ своими пассажирами должна была вынести настоящую свирѣпую бурю. Вѣтеръ съ страшною силою бушевалъ на палубѣ и своимъ свистящимъ и грохочущимъ воемъ надрывалъ душу. Пѣнистая метель высоко вздымалась надъ поверхностью и неслась чрезъ корабль. Волны возрасли до ужасающихъ размѣровъ и какъ снѣговыя горы грозно двигались по лицу океана, какбы ища кого задавить... Громадный корабль предъ ними умалился до обыкновеннаго ничтожнаго пароходика и, едва слышно постукивая винтомъ, какъ бы умолялъ о по-

надѣ... Во вторникъ и среду онъ, можно сказать, еще съ нѣкоторою увѣренностью боролся съ волнами и, съ страшною силою отбивая ихъ напоръ, давалъ океану чувствовать превосходство надъ нимъ человѣческаго генія. Теперь—увы, океанъ уже бралъ верхъ и мстилъ за вчерашнее превосходство. Волны одна за другой подхватывали «Скиѳію» и какъ мячъ перебрасывали другъ другу. Происходившая отъ этого качка превосходитъ всякое описаніе, а вода уже вполнѣ завладѣла палубой и непрестанно гуляла по ней, шумно переливаясь съ боку на бокъ. Каюты всѣ были герметически закупорены, и пассажиры, сидя въ нихъ, слышали только какъ надъ ними съ яростнымъ ревомъ бѣгала свирѣпая влага...

Что должны были чувствовать въ это время пассажиры?— Прежде всего почти всѣ они, за немногими счастливыми исключеніями, къ которымъ благосклонная судьба сверхъ чаянія причислила и меня, тяжко страдали отъ морской болѣзни. Но не менѣе всѣ страдали и нравственно: эта качка, не дающая ни на минуту физическаго покоя, этотъ непрерывный трескъ каютъ, заставляющій постоянно содрогаться, это дребезжанье посуды, надрывающее душу, это журчанье воды надъ головой, этотъ наконецъ свирѣпый вой и стонъ бури — все это ложилось на душу такимъ тяжкимъ бременемъ, подъ которымъ могли бодро стоять только довольно крѣпкіе духомъ... Первая надежда всѣхъ при такихъ обстоятельствахъ была конечно на Того, въ десницѣ Котораго и жизнь и смерть всей твари, и замѣтно было, что не только сердца, но и уста многихъ благоговѣйно творили молитву. Кромѣ этой непостыдной надежды, значительнымъ утѣшеніемъ для многихъ, покрайней мѣрѣ лично для меня, служила вѣра въ человѣческій геній. Въ самомъ дѣлѣ, думалось мнѣ, буря эта не первая на океанѣ, и если при всѣхъ случайностяхъ ея человѣческій геній нашелъ возможнымъ установить *правильное* сообщеніе чрезъ океанъ, то очевидно онъ предусмотрѣлъ всѣ возможныя случайности и имѣетъ въ неисчерпаемой сокровищницѣ своей изобрѣтательности надлежащія средства защиты. Настоящая компанія напримѣръ (Cunard Line)

существуетъ уже 37 лѣтъ и ежегодно перевозитъ чрезъ океанъ до 100,000 человѣкъ и до сихъ поръ, какъ гласитъ удостовѣренная лѣтопись ея, ни одинъ изъ ея пароходовъ не потерпѣлъ *ни одного такого несчастья*, въ которомъ бы погибъ хоть *одинъ человѣкъ*. Ясно, что человѣческій геній съумѣлъ вообще обезпечить себя противъ ярости океана. Значитъ, можно съ вѣроятностью полагать, что и настоящая буря не представляетъ ничего особеннаго... Размышленія эти заключали въ себѣ весьма много успокоительнаго для меня и я бодрѣе сталъ выносить непріятности качки.—Мысль между прочимъ, занятая подобными разсужденіями на тему о величіи человѣческаго генія, перенеслась на нѣсколько вѣковъ тому назадъ, когда океанъ впервые увидѣлъ на себѣ отважнаго человѣка, рѣшившагося во что-бы то ни стало перешагнуть чрезъ него. Чѣмъ руководился этотъ человѣкъ, впервые рѣшившійся проложить небывалую дорогу? На что онъ надѣялся, когда пускался въ невѣдомый, грозившій всякими фантастическими и дѣйствительными ужасами путь? Это былъ поистинѣ великій, геніальный человѣкъ; но все его величіе почерпало свою дѣйствительную силу въ его непреоборимой вѣрѣ, въ такой вѣрѣ, которую трудно еще съ чѣмъ сравнить, кромѣ той великой евангельской вѣры, что двигаетъ горы. Въ самомъ дѣлѣ данныя тогдашней науки смиренно безмолвствовали на его запросы, совѣтъ ученѣйшихъ мужей утверждалъ, что за плоскостью воды лежитъ страшная пропасть, а простонародная фантазія наполняла эту пропасть страшными чудовищами, готовыми поглотить всякаго осмѣлившагося приблизиться къ нимъ. И не смотря на все это, великій мореплаватель, повинуясь исключительно своей геніальной вѣрѣ, пускается въ невѣдомый путь, и—человѣчество обязано ему величайшимъ всемірноисторическимъ событіемъ—открытіемъ невѣдомаго полміра, западнаго полушарія земли. Своей вѣрой онъ сдвинулъ горы невѣденія съ океана и проложилъ чрезъ него торную широкую дорогу. Да, Христоферъ Колумбъ былъ глубоковѣрующій человѣкъ и предполагаемая канони-

зація его въ римской церкви была бы одною изъ самыхъ удачныхъ въ ней, если бы только курія руководилась при этомъ исключительно нравственными, а не политическими мотивами.

Между тѣмъ матросъ пришелъ съ радостною вѣстью, что буря замѣтно ослабѣваетъ. Мгновенно всѣ ожили, а нѣсколько спустя смѣльчаки попробовали отворить дверь на палубу. По ней еще бѣгала вода и не врывалась въ дверь только благодаря высокому порогу. Вѣтеръ ослабѣлъ, но волны какъ горы продолжали ходить по океану и то и дѣло бросали «Скиѳію» съ боку на бокъ. Но послѣ перенесеннаго, это страшно было только по виду, и мало-по-малу нѣкоторые осмѣлились пробираться на самую палубу, цѣпляясь за перила. Скоро привѣтливо выглянуло солнце и страховъ какъ не бывало. Пассажиры высыпали на палубу и любовались предметомъ только что пережитаго страха. И было чѣмъ любоваться. Громадныя волны, синія какъ бы отъ чрезмѣрнаго напряженія, съ пѣнящимися вершинами, при яркихъ лучахъ солнца представляли точь въ точь швейцарскіе виды—только еще съ придаткомъ жизни, движенія. По глубокимъ долинамъ между водяными горами летали морскія чайки и довершали иллюзію,—которую впрочемъ тутъ же разрушали эти самыя волны, немилосердно качая бѣдную «Скиѳію». Качка продолжалась еще цѣлую ночь и только къ утру водяныя горы, не выдерживая своей собственной тяжести, расплылись по океану. Поутру поверхность океана представляла странное зрѣлище громадной равнины съ плоскими возвышенностями и довольно глубокими низменностями, такъ что кораблю приходилось то подниматься на возвышенность, то спускаться въ котловину. Возвышенности и низменности имѣли почти неестественную для воды устойчивость и только медленная тихая зыбь мѣняла ихъ отношеніе. Надъ поверхностью опять летали неизмѣнные спутники корабля—морскія чайки, которыя, замѣчу кстати, сопровождали корабль почти чрезъ весь океанъ и только уже дня за три пути до Америки почему-то оставили

его, вѣроятно полагая, что дойдетъ уже и безъ ихъ обязательнаго и, надо сказать, ободряющаго духъ конвоя. Появились онѣ опять уже у береговъ. Дня за четыре до Америки показались на водѣ цѣлыя стаи водяныхъ птицъ, изъ породы утокъ-нырковъ, и дали знать о приближеніи Новаго Свѣта *).

Въ воскресенье 11-го ноября надъ входною дверью салона было вывѣшено объявленіе, гласившее, что «въ салонѣ въ 10 часовъ 30 м. утра имѣетъ быть совершена божественная служба», на которую приглашались какъ матросы, такъ и пассажиры. Дѣйствительно послѣ завтрака салонъ быстро превратился въ храмъ служенія Богу Всевышнему: среди его возвышался бархатный аналой, а на столахъ появились англійскіе молитвословы и тетрадки съ нотными переложеніями гимновъ. Въ назначенное время въ салонъ собрались матросы въ праздничныхъ платьяхъ и пассажиры—и надо сказать, въ такомъ количествѣ, въ какомъ они во все время плаванія не собирались къ столу. Пришолъ капитанъ корабля, почтенный пожилой человѣкъ съ ласковымъ и умнымъ лицомъ, и занялъ кресло предъ аналоемъ. Воцарилась торжественная тишина. Капитанъ, исправлявшій должность священника, далъ возгласъ, на который пассажиры отвѣтили «amen», и затѣмъ раздалось общее пѣніе утренняго гимна по нотнымъ тетрадкамъ. Пѣніе это было какбы пѣніемъ самого ярко взошедшаго на горизонтѣ дневнаго свѣтила и своими торжественными звуками разливало столько отрады въ сердцѣ, такъ восторгало духъ, что англійскіе стихи утренняго гимна въ моей русской душѣ невольно слагались въ русскія риѳмы. И я осмѣливаюсь предложить не суду, а снисходительному

*) Птицъ этихъ впрочемъ на слѣдующій день опять уже не было и странное появленіе ихъ среди океана послѣ объяснилось тѣмъ, что корабль въ тотъ день проходилъ не далеко отъ великой Ньюфаундлэндской мели.

вниманію читателей стихотворное переложеніе этого гимна. Океанъ слышалъ слѣдующій гимнъ:

Воспрянь, душа, и съ солнечнымъ свѣтиломъ
Обычный долга путь теки;
Цѣпь лѣни сбрось: молитвеннымъ кадиломъ
Творцу куренье принеси.

Загладь растраченное туне время
И жизнь святую вновь начни;
Стряхни грѣховъ навьюченное бремя
И страшный день въ умѣ храни.

Пути твои да будутъ правы
И совѣсть ясна какъ полудня свѣтъ;
Все зритъ всевидящій Царь славы —
И мыслей тайныхъ предъ Нимъ нѣтъ!

Возстань, душа, и съ хоромъ силъ небесныхъ,
Немолчно славящихъ Творца,
Прославь и ты въ тонахъ словесныхъ
Тебѣ жизнь давшаго Отца!

И дѣйствительно пѣніе это скорѣе сливалось съ пѣніемъ хора небесныхъ силъ, чѣмъ съ пѣніемъ земли. Земля не слышала этого пѣнія; его слышалъ только безпредѣльный океанъ, да растилающееся надъ нимъ еще болѣе безпредѣльное небо, куда всецѣло устремлены были помыслы поющихъ. Священнодѣйствующій капитанъ корабля прочиталъ еще нѣсколько псалмовъ и молитвъ, причомъ чтеніе было антифонное, т. е. одинъ стихъ прочитывалъ капитанъ, а слѣдующій хоромъ произносили остальные молящіеся. Богослуженіе было заключено хвалебнымъ пѣніемъ 100-го псалма (по англ. Библіи) въ его стихотворномъ переложеніи. По окончаніи пѣнія капитанъ всталъ съ своего мѣста и поздравилъ пассажировъ съ праздникомъ, а также съ благополучнымъ переплытіемъ большей половины океанскаго

пути, на что конечно пассажиры отвѣтили соотвѣтствующими поздравленіями и выраженіями признательности почтенному начальнику за его искусное управленіе кораблемъ.

Праздничное воскресное настроеніе разлилось по всему нашему мірку: всѣ какъ-то смотрѣли бодрѣе и были сообщительнѣе, дѣти веселѣе играли и бѣгали на палубѣ, солнце ярче свѣтило на горизонтѣ, и синія волны ласковѣе журчали за бортомъ... Такую нравственно-живительную силу имѣетъ религія—даже въ такомъ до послѣдней степени незатѣйливомъ и простомъ богослуженіи, какимъ была наша воскресная служба. Тѣмъ не менѣе, какъ гласитъ лѣтописный альбомъ компаніи, бывали не разъ случаи, что противъ отправленія этого воскреснаго богослуженія на кораблѣ дѣлались возраженія со стороны людей *не признающихъ религіи*, и нѣкоторые изъ капитановъ въ виду правила, предписывающаго имъ полнѣйшее уваженіе къ личности пассажировъ, дѣйствительно колебались въ этомъ отношеніи и готовы были отмѣнить богослуженіе. Но теперь возможность эта вполнѣ устранена. Почтенная компанія, ничего не жалѣющая для удовлетворенія самыхъ прихотливыхъ желаній своихъ пассажировъ, въ отношеніи богослуженія поставила строгое, недопускающее исключеній правило: непремѣнно каждое воскресенье во время плаванія совершать божественную службу, и капитанамъ на случай новыхъ возраженій предписано просто ссылаться на это правило, для нихъ обязательное. Нельзя не отдать честь почтенной компаніи, показавшей въ себѣ этимъ рѣшительнымъ шагомъ не только глубокую религіозность, но и высокую справедливость. Въ самомъ дѣлѣ странно было бы изъ-за праздныхъ бахвальственныхъ возраженій единичныхъ невѣровъ отмѣнять прекрасный христіанскій обычай и лишать религіознаго утѣшенія на морѣ цѣлыя сотни пассажировъ, — именно тамъ, гдѣ душа болѣе всего жаждетъ молитвы, какъ это прекрасно и сильно выражено въ извѣстной русской пословицѣ.

Остальные дни плаванія, при великолѣпной погодѣ, не представляли ничего особеннаго. Только замѣтно было, какъ

съ приближеніемъ къ материку возрастали веселость и оживленіе въ обществѣ пассажировъ: всѣ очевидно соскучились по матушкѣ-землѣ и теперь радовались скорому свиданью съ ней. Послѣдній обѣдъ на кораблѣ былъ настоящимъ банкетомъ: говорились поздравительныя рѣчи и пѣлись заздравные гимны, раздавались крики — ура, гейда! Капитану во многихъ рѣчахъ принесена была публичная благодарность отъ всѣхъ пассажировъ, въ отвѣтъ на что онъ также сказалъ великолѣпную и остроумную рѣчь, вызвавшую нескончаемые возгласы одобренія и восторговъ. Одинъ изъ пассажировъ между прочимъ предложилъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ «вспомнить безпріютныхъ дѣтей нашихъ (разумѣется англійскихъ) бравыхъ моряковъ и принести посильную жертву въ ливерпульское общество попеченія о нихъ», и отвѣтомъ на этотъ призывъ раздался дружный звонъ сувереновъ и долларовъ, бросавшихся на обносимыя тарелки. Мнѣ, единственному русскому человѣку въ этомъ почти исключительно англійскомъ обществѣ, трудно было выгородить себя отъ общаго увлеченія благороднымъ порывомъ, и я также вложилъ свою ничтожную лепту въ пользу дѣтей «бравыхъ моряковъ», которыхъ по политическимъ отношеніямъ долженъ бы считать врагами. Но сказано—«любите враговъ вашихъ!..» И нельзя впрочемъ не любить такихъ враговъ, особенно тому, кто былъ съ ними на морѣ. Любо было смотрѣть на этихъ бравыхъ молодцовъ, когда они при страшныхъ порывахъ вѣтра, не дававшихъ возможности стоять на палубѣ, какъ бѣлки рыскали по мачтамъ и снастямъ и на сигнальные свистки только весело покрикивали: all right—«все исправно!»

Въ среду 14-го—26-го ноября уже съ утра вдали стали вырѣзываться изъ воды очертанія земли — нѣкоторыхъ прибрежныхъ острововъ. Пассажиры съ биноклями въ рукахъ и съ радостнымъ трепетомъ въ сердцѣ привѣтствовали землю. Въ 3 часа пополудни мы были уже на почвѣ «Новаго Свѣта», въ столицѣ его—Нью-Іоркѣ.

Такъ совершился одинъ изъ многихъ переѣздовъ чрезъ

Атлантическій океанъ. Общее впечатлѣніе отъ пройденнаго океанскаго пути то, что геній человѣческій окончательно побѣдилъ страшную естественную преграду на пути изъ «Стараго Свѣта» въ «Новый». Дѣдушка-океанъ смирился предъ этимъ геніемъ и теперь служитъ уже не раздѣлителемъ, а соединителемъ двухъ міровъ. И путь, въ какихъ нибудь десять дней переносящій васъ изъ Европы въ совершенно новый міръ—Америку, служитъ однимъ изъ неопровержимыхъ доказательствъ неземной мощи человѣческаго духа. Въ немъ видится исполненіе заповѣди Творца, давшаго человѣку господство надъ природой, и лежитъ залогъ еще такихъ завоеваній въ ней, о какихъ даже не снилось самымъ смѣлымъ мечтателямъ.

ЗА ОКЕАНОМЪ.

I. Нью-Іоркъ.

Ворота въ Новый Свѣтъ.—Пристань и первыя впечатлѣнія.—День благодаренія.—Общій видъ города и достопримѣчательности.—Черты религіозности.—Янки—новый израиль.—Страшная вѣсть съ родины и богослуженіе въ русской церкви.

14 ноября около 2 часовъ дня океанскій пароходъ «Скиѳія» приблизился къ берегамъ Новаго Свѣта. Великолѣпный заливъ при ясной почти лѣтней погодѣ представлялъ очаровательную картину. По тихимъ водамъ его во всѣхъ направленіяхъ скользили парусныя суда и пароходы, по холмистымъ берегамъ въ живописномъ безпорядкѣ ютились въ тѣнистыхъ рощахъ дачи и загородныя помѣщенія. Къ самому материку заливъ съузился и предъ кораблемъ открылись лишь узкія ворота внутрь материка—стѣсненное горами устье рѣки Гудсона. Стальныя жерла пушекъ выглядывали изъ-за береговыхъ брустверовъ и какъ церберы сторожили входъ въ Новый Свѣтъ. За устьемъ открылась прелестная панорама цѣлой плеяды городовъ съ Нью-Іоркомъ въ центрѣ. Съ напряженнымъ вниманіемъ пассажиры всматривались въ величественную панораму, а она по мѣрѣ приближенія парохода болѣе и болѣе расширялась. Для меня вся эта картина почему-то удивительно напоминала панораму, открывающуюся при входѣ въ Петербургъ со стороны Финскаго залива. Только берега

здѣсь нѣсколько выше, а также краснокоричневый цвѣтъ зданій отдавалъ чѣмъ-то совсѣмъ не русскимъ и разрушалъ иллюзію. Гудсонъ, стѣсненный при устьѣ горами, къ Ньюіорку расширяется и представляетъ величественную площадь воды, кипящую необыкновенною жизнью и движеніемъ. Пароходы всевозможныхъ видовъ и величинъ—отъ крохотнаго карлика до океанскаго исполина и трехъэтажной громады пароходовъ такъ называемаго у насъ на Волгѣ «американскаго типа»—разрѣзывали эту площадь по всѣмъ направленіямъ, и разноголосный свистъ ихъ — отъ высочайшаго рѣжущаго сопрано до густоревущей и потрясающей воздухъ октавы — представлялъ для непривычнаго уха страшно раздирательный концертъ. Еще за нѣсколько верстъ до пристани къ «Скиѳіи» стали одинъ за другимъ подбѣгать необыкновенно быстрые маленькіе пароходы, находу ловко прицѣплялись къ ней, набрасывали сходню и кореспонденты мѣстныхъ газетъ буквально налету хватали интересныя для нихъ новости и газеты, привезенныя изъ Европы, и опять быстро мчались въ городъ, обгоняя другъ друга. Пароходы различныхъ торговыхъ и промышленныхъ фирмъ также роемъ кружились около «Скиѳіи», прицѣплялись къ ней и, сдѣлавъ нужныя справки, также мчались въ городъ. На пристани между тѣмъ насъ ожидала густая масса народа, въ которой безчисленныя руки махали платками, привѣтствуя пассажировъ. Впереди толпы рѣзко выдавались высокія шляпы съ бляхами и длинополые кафтаны съ золотыми пуговицами полицейскихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ берегъ Новаго Свѣта имѣлъ совсѣмъ не тотъ видъ, въ какомъ онъ представился первому европейцу, ступившему на него. Большая сходня дала возможность буквально ступить на американскую почву.

Итакъ я былъ въ странѣ, подаренной человѣчеству великимъ Колумбомъ,—въ странѣ, гдѣ богиня свободы, по общему представленію, основала себѣ могущественное царство! Расхаживая по громадному доку, я подъ вліяніемъ такого представленія прежде и болѣе всего старался отыскать и

уловить черты пресловутой свободы, но—ихъ не было видно. Масса какъ и вездѣ дѣлилась на богатыхъ и бѣдныхъ, а слѣдовательно свободныхъ и несвободныхъ; а черные сыны африканскихъ пустынь, исполняющіе тяжелую поденщину, не только напоминали о недавномъ полномъ варварскомъ рабствѣ, процвѣтавшемъ здѣсь подъ знаменемъ богини свободы, но краснорѣчиво давали знать, что это рабство въ экономической формѣ существуетъ и теперь. Полисмены, загородившіе дорогу къ выходу и приглашавшіе къ осмотру багажа, и таможенные чиновники, немилосердно тормошившіе багажныя вещи, съ непонятною подозрительностью раскапывая всѣ уголки, окончательно отбили охоту думать о богинѣ свободы. Нѣтъ, богиня! Чтобы основать царство свободы, не достаточно перенести его за моря и океаны; его надо основать въ сердцѣ людей. Надо познать истину: только она освободитъ!

Стемнѣло уже, когда я могъ свободно выйти на открытый воздухъ. Тутъ прилично одѣтый господинъ предложилъ свои услуги отвести меня въ своей каретѣ за недорогую плату въ ближайшій отель. Я обрадовался конечно, но — радость моя была не продолжительна: свободный янки обманулъ неопытнаго иностранца во всѣхъ пунктахъ. Карета его оказалась скверной колымагой, дорога къ отелю растянулась версты на три и недорогая плата обратилась въ два доллара (по курсу болѣе четырехъ рублей). Сочетаніе «свободы и обмана» рѣжущимъ диссонансомъ отдалось въ моей душѣ, но доллары все таки нужно было заплатить. Въ отелѣ встрѣтилъ меня франтовски одѣтый «цвѣтной джентльменъ» *) и съ добродушно осклабленною черною физіономіею поднялъ меня на машинѣ на одинъ изъ этажей и проводилъ до комнаты. Здѣсь я могъ успокоиться отъ долговременнаго пути. Недо-

*) Довольно многочисленные здѣсь негры терпѣть не могутъ первоначальнаго своего названія «негръ», и обижаются, когда называютъ ихъ такъ; напротивъ черная физіономія ихъ просіяваетъ и съ наивнымъ самодовольствомъ осклабляется, когда ихъ называютъ «цвѣтной джентльменъ», «цвѣтная леди».

рогая комната была довольно хорошо обставлена; на столѣ лежала въ хорошемъ переплетѣ книга. Я развернулъ ее: это была «святая Библія». Недоумѣвая, какъ она попала сюда, я спросилъ прислуживавшаго цвѣтнаго джентльмена и онъ объяснилъ, что «святая Библія» у нихъ въ отелѣ находится въ каждомъ номерѣ и что объ этомъ заботится американское библейское общество, которое распространяетъ св. книги въ подобныхъ заведеніяхъ даромъ. Одно это сообщеніе заставило меня забыть и простить первыя не совсѣмъ пріятныя впечатлѣнія въ Америкѣ. Великою должно быть нравственною и религіозною силою обладаетъ этотъ народъ, когда онъ даетъ возможность существованію среди себя такого свободнаго, поддерживаемаго исключительно доброхотными даяніями, общества, которое можетъ даромъ раздавать десятки и сотни тысячъ библій!

Поутру можно было осмотрѣться въ городѣ. Отель, оказалось, находился въ одной изъ лучшихъ частей города и выходилъ на великолѣпный скверъ, окруженный величественными зданіями. Направо высилось солидное зданіе городской думы, увѣнчанное башнею и американскимъ одноглавымъ орломъ; налѣво красовались дворцы американскихъ газетъ—высочайшія зданія съ башнями и флагами; противъ нихъ расположился колоссальный почтамтъ—на подобіе дворца; по противоположной сторонѣ сквера проходила главная улица города—Бродвей; далѣе остроконечными шпицами указывали къ небу готическія башни нѣсколькихъ церквей. Народъ массами двигался по улицамъ, вострые мальчуганы шмыгали между ними съ кипами газетъ; вагоны конножелѣзныхъ дорогъ непрерывными караванами тянулись по нѣсколькимъ параллельнымъ линіямъ. Въ одномъ углу народъ поднимался по лѣстницамъ на какую то странную рѣшетчатую площадку, укрѣпленную высокими столбами надъ улицей. Пыхтѣніе паровоза и грохотъ поѣзда объяснили въ чемъ дѣло. Это такъ называемая воздушная желѣзная дорога. Построеніе ея представляетъ едва ли не самый оригинальный образчикъ демони-

ческой изобрѣтательности американскаго ума. Это почти въ буквальномъ смыслѣ воздушная желѣзная дорога, такъ какъ она идетъ по рѣшетчатымъ полотнамъ повидимому весьма легкой постройки, поддерживаемымъ изрѣдка стоящими желѣзными столбами. Обыкновенно она идетъ въ двѣ линіи по правой и по лѣвой сторонѣ улицъ, а на главныхъ станціяхъ въ четыре и болѣе, такъ что сѣть ихъ покрываетъ всю улицу, давая лишь слабый просвѣтъ къ небу. За пять центовъ или американскихъ копѣекъ вы можете проѣхать весь городъ изъ конца въ конецъ. Впрочемъ надо попривыкнуть къ американской головоломной суматохѣ, чтобы спокойно пользоваться подобнымъ удовольствіемъ. Я, живя въ Нью-Іоркѣ, долго не могъ спокойно выносить грохотъ несущагося надъ моей головой поѣзда и постоянно боязливо оглядывался на него.

Эта воздушная дорога своею чудовищною грандіозностью далеко оставляетъ за собой поразившую меня на первый разъ лондонскую желѣзную дорогу, перебѣгающую чрезъ улицы. Въ Лондонѣ можетъ соперничать съ нею въ этомъ отношеніи развѣ *подземная* дорога, идущая *подъ* городомъ—въ мрачной утробѣ этого мрачнаго современнаго Вавилона.

Проходя по одной улицѣ, я замѣтилъ громадную толпу уличныхъ мальчишекъ. Молодое поколѣніе шумѣло и бѣсновалось. Я заинтересовался этимъ скопищемъ и подошелъ поближе; но каково было мое удивленіе, когда я замѣтилъ, что большинство этихъ оборвышей вооружено было ружьями, которыми они прицѣливались въ проходящихъ и другъ въ друга, отчаянно щелкая курками. Равнодушно смотрѣвшій на эту забаву полисменъ объяснилъ мнѣ, что сегодня (15-го—27-го ноября) у американцевъ большой праздникъ—«День благодаренія» и что ружья розданы мальчикамъ для участія ихъ въ процессіяхъ. Къ полудню мнѣ дѣйствительно пришлось быть свидѣтелемъ этихъ процессій. Разряженные мальчики съ лентами, цвѣтами, знаменами и ружьями маршировали по улицамъ, предводимые барабанщикомъ и нѣсколькими горниста-

ми, отчаянно исполнявшими національные гимны. Толпы зѣвакъ провожали ихъ восторженными криками. «День благодаренія», какъ я узналъ послѣ, дѣйствительно большой праздникъ у американцевъ. Это день торжественнаго выраженія народомъ благодарности Богу за всѣ благодѣянія, излитыя на него въ продолженіе года. Онъ удивительно напоминаетъ одинъ библейскій праздникъ, когда народъ также выражалъ благодарность Іеговѣ за собранные плоды земные. По громаднымъ афишамъ, пестрѣвшимъ на каждомъ шагу, можно было видѣть, что мѣстные проповѣдники приготовляли къ этому дню лучшія проповѣди и приглашали народъ къ присутствованію при «великолѣпномъ» богослуженіи. Магазины и нѣкоторыя увеселительныя заведенія были закрыты. Различныя благотворительныя заведенія давали годичные торжественные обѣды, на которые и приглашали публику. Мальчики кипами носили пригласительные билеты по улицамъ и раздавали ихъ прохожимъ. Получивъ подобный билетъ, я прочиталъ на немъ цѣлый очеркъ исторіи и дѣятельности одного благотворительнаго заведенія и довольно складное стихотвореніе, воспѣвающее предлагаемый обѣдъ, съ заключительнымъ воззваніемъ къ благотворителямъ о посильной милостынѣ. Подобная форма публикаціи очень распространена въ Нью-Іоркѣ и ею пользуются различные спекулянты для своихъ цѣлей. Когда я разсматривалъ и читалъ курьезный пригласительный билетъ, вострый мальчуганъ сунулъ мнѣ въ руки другой подобный же билетъ. Я также сталъ разсматривать его, но— къ удивленію — читалъ въ немъ уже очеркъ исторіи и дѣятельности одной сапожной фирмы, которая приготовляетъ-де лучшую въ мірѣ обувь. Достоинства и красоты этой обуви тутъ же воспѣваются въ восторженныхъ стихахъ какого-то сапожнаго піиты, заманивающаго къ себѣ въ лавочку.

Во всѣхъ видѣнныхъ мною городахъ для того, чтобы осмотрѣть ихъ съ высоты птичьяго полета, необходимо было взбираться на высокія башни. Въ Нью-Іоркѣ для этой цѣли можетъ служить воздушная желѣзная дорога, и я, чтобы познакомиться

съ общимъ видомъ города, поднялся по лѣстницѣ на одну изъ многочисленныхъ станцій. Поѣздъ съ пыхтѣніемъ и стукомъ быстро примчался къ ней и, въ полминуты принявъ новыхъ пассажировъ, помчался далѣе, на моментъ останавливаясь на каждой станціи—черезъ пять-шесть кварталовъ. Сначала жутко смотрѣть внизъ, гдѣ подъ рѣшетчатымъ полотномъ на улицахъ кишатъ массы народа,—но потомъ конечно привычка беретъ свое. Общій видъ города, какимъ онъ представляется при такомъ бѣгломъ обзорѣ, поражаетъ не красотой, а своей дѣловитостью, промышленнымъ, базарнымъ характеромъ. Житейская суета здѣсь повидимому основала свой престолъ и вкупѣ съ алчнымъ богомъ мамоной деспотически владычествуетъ надъ вѣрноподданными рабами. Среди краснокирпичной массы высокихъ домовъ кое-гдѣ поднимаются стройные шпицы готическихъ башенъ церквей также попреимуществу коричневаго цвѣта. Подобныхъ, увѣнчанныхъ башнями, церквей въ Нью-Іоркѣ не особенно много; зато вы то и дѣло читаете на вывѣскахъ обыкновенныхъ домовъ надписи, гласящія, что это храмъ такой-то общины, а это такой-то. Религіозная мысль, раздробившись здѣсь на безчисленные мелкіе толки, и вовнѣ проявляется въ мелкихъ храмахъ. Такихъ храмовъ въ Нью-Іоркѣ чрезвычайно много, и одинъ перечень ихъ въ «путеводителѣ» по городу занимаетъ *четырнадцать* столбцовъ убористой печати. Изъ большихъ храмовъ здѣсь замѣчательны церковь св. Троицы и римскокатолическій каѳедральный соборъ. Первая замѣчательна своею древностью, и основаніе ея относится къ 1696 году, когда Нью-Іорку было не болѣе 50 лѣтъ отъ роду. Храмъ этотъ великолѣпной готической архитектуры съ высокою башнею, на которой сложный часовой механизмъ исполняетъ въ опредѣленные моменты патріотическіе и религіозные гимны. Внутри, какъ и совнѣ, онъ отличается изящною простотою. Кругомъ его въ оградѣ стоятъ стройными рядами надгробные памятники. Высокая, устремленная къ небу, башня этой церкви съ окружающимъ ее мѣстомъ вѣчнаго покоя представляетъ поучительный контрастъ съ кипящею вокругъ суетою самой дѣловой и про-

мышленной части города. Римскокатолическій соборъ—совершенно новый храмъ и настолько замѣчателенъ, что ему можно удѣлить отдѣльную краткую тираду.

Идя по Пятому Авеню, одной изъ лучшихъ улицъ города, по направленію къ великолѣпному Центральному парку, вы можете вполнѣ, вдали отъ шума, насладиться созерцаніемъ роскошныхъ шоколадныхъ зданій аристократической части города. Довольно часто здѣсь поднимающіяся къ небу готическія башни церквей, также шоколаднаго цвѣта, довершаютъ прелесть картины. Среди этихъ стройныхъ рядовъ шоколадныхъ зданій и башенъ, какъ волшебная громада снѣговаго дворца, сверкаетъ бѣлизной на яркомъ, южномъ солнцѣ *) величественный бѣломраморный соборъ св. Патрика. Контрастъ цвѣта придаетъ собору необыкновенно-эффектный видъ. Смотря на эти роскошныя формы изъ сверкающаго на солнцѣ бѣлаго мрамора, вы не можете не думать, что стоите предъ храмомъ самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ человѣческихъ чувствъ. Соборъ начатъ постройкой 15-го августа 1858 года и освященъ 25-го мая 1879 года; но въ настоящее время онъ еще не оконченъ. На немъ еще нѣтъ предполагаемыхъ по плану двухъ высокихъ готическихъ башенъ. Когда бѣлыя мраморныя башни будутъ возвышаться надъ соборомъ, то онъ несомнѣнно будетъ представлять чудо архитектурнаго искусства. По объясненію руководителя по собору, храмъ этотъ представляетъ образецъ вычурнаго геометрическаго стиля готической архитектуры, процвѣтавшаго въ Европѣ въ XIII и XIV вѣкахъ и выразившагося въ построеніи знаменитыхъ соборовъ реймскаго, амьенскаго и кельнскаго и зданія Вестминстерскаго аббатства въ Лондонѣ. Но новый нью-іоркскій соборъ—по чистотѣ стиля, оригинальности рисунка, гармоніи частей, красотѣ матеріала и быстротѣ построенія — не имѣетъ соперника въ

*) Нью-Іоркъ вполнѣ южный городъ и находится подъ однимъ градусомъ с. ш. съ Мадритомъ, Неаполемъ, Константинополемъ и др.

Европѣ, между храмами однороднаго стиля. Внутри соборъ чрезвычайно просторенъ и масса свѣта разливается по всѣмъ его частямъ, придавая ему весьма веселый, торжественный видъ. Стройные ряды высокихъ бѣломраморныхъ колоннъ и богатѣйшая оконная живопись составляютъ несравненное его внутреннее украшеніе. Нѣкоторыя живописанныя окна настолько дороги, что при перевозкѣ ихъ изъ-за границы (они приготовлялись во Франціи) однихъ пошлинъ нужно было платить по 4,000 долларовъ за каждое. При вечернемъ богослуженіи соборъ освѣщается газомъ и съ этою цѣлію капители колоннъ и куполы усажены цѣлыми букетами газовыхъ рожковъ (всего 1,800 штукъ), которые даютъ великолѣпную иллюминацію. Отопленіе производится паромъ, который приготовляется въ одной изъ сосѣднихъ улицъ и оттуда посредствомъ желѣзныхъ подземныхъ трубъ проводится въ стѣны храма. На двухъ боковыхъ колоннахъ я замѣтилъ вывѣшенныя таблицы. Таблицы изображали планъ храма съ номернымъ указаніемъ скамеекъ и съ обозначеніемъ годичной *платы* за нихъ. Просмотрѣвъ эти таблицы, я нашелъ, что молитва въ соборѣ обходится не дешево. Шестимѣстныя скамейки, представляющія нѣчто въ родѣ ложъ, цѣной колеблются, смотря по удобству расположенія и близости къ алтарю, между тридцатью и полуторастами долларовъ (30—150). Обычай продажи мѣстъ въ домѣ Отца Небеснаго конечно отзывается для русскаго православнаго чувства торгашествомъ и вопіющимъ нарушеніемъ правъ каждаго — особенно бѣдняка, не имѣющаго и копѣйки за душой, — безпрепятственно приходить въ домъ общаго Отца съ сердечной молитвой, и съ этой стороны такса цѣнъ на мѣста въ соборѣ произвела на меня тяжелое впечатлѣніе. Впечатлѣніе это впрочемъ нашло нѣкоторый противовѣсъ въ другой мысли. Такса конечно сообразуется съ спросомъ. Если же мѣста въ соборѣ занимаются, не смотря на чрезвычайно высокую—по нашему русскому представленію—плату за нихъ, то какую значитъ религіозную потребность имѣетъ здѣшнее римскокатолическое общество и какою силь-

ною ревностью къ храму одушевлено оно! Колеблясь между этими двумя противоположными мыслями, я вышелъ изъ храма.

Американцы, какъ можно было замѣтить даже при бѣгломъ наблюденіи, народъ довольно религіозный. Для удовлетворенія своего религіознаго чувства они по воскресеньямъ сразу останавливаютъ колесо своей повидимому безконечной житейской суеты и идутъ въ храмы съ такимъ усердіемъ, которому нельзя не позавидовать. Побыть въ воскресный день при богослуженіи и выслушать утреннюю и вечернюю проповѣдь у нихъ считается однимъ изъ высшихъ удовольствій. Какой важный интересъ дня составляютъ здѣсь воскресныя проповѣди, можно судить даже по тому факту, что *свѣтскія* газеты въ понедѣльниковыхъ номерахъ открываютъ спеціальный отдѣлъ «по церковной каѳедрѣ», гдѣ и обозрѣваются произнесенныя наканунѣ проповѣди съ большими выдержками изъ лучшихъ. Библія у нихъ настольная книга, и въ книжныхъ магазинахъ, которые въ Нью-Іоркѣ своей красотой и богатствомъ едва-ли не превосходятъ даже лондонскіе магазины, на первомъ мѣстѣ и въ самыхъ изящныхъ, роскошныхъ и до безконечности разнообразныхъ формахъ и переплетахъ вы непремѣнно видите «святую Библію», какъ она обыкновенно называется у нихъ. Чуткимъ чувствомъ религіозности быть можетъ объясняется и тотъ бросающійся въ глаза фактъ, что имя «Бога» у нихъ окружено какою-то недоступною святостью и неумѣстное употребленіе этого слова считается большимъ неприличіемъ, такъ что обыкновенный разговорный языкъ вычеркнулъ его изъ своего словаря. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ религіозной жизни американцевъ можно замѣчать въ высшей степени странныя—на нашъ взглядъ—черты. Такъ, одна взрослая восьмнадцатилѣтняя дѣвушка — христіанка (!) приглашала моего хорошаго знакомаго *къ себѣ на крестины*; другая очень образованная дѣвушка такого же возраста, въ случайно зашедшемъ разговорѣ по религіозному вопросу, сообщила къ моему крайнему удивленію, что отецъ ея еписко-

палъ, мать методистка, а она еще не принадлежитъ *ни къ какому* исповѣданію и выберетъ его по исполненіи 18-ти лѣтъ, а теперь считается просто христіанкой-универсалисткой. Храмъ, какъ внѣшнее выраженіе религіозныхъ чувствъ служенія Богу, также не окруженъ требующимся по нашимъ понятіямъ почтеніемъ, и въ газетныхъ объявленіяхъ можно нерѣдко читать извѣщеніе, что такая-то церковь такой-то общины имѣетъ быть продана съ аукціона за долги, или такой-то великолѣпный храмъ арендованъ такимъ-то театральнымъ антрепренеромъ, который и предполагаетъ начать въ немъ рядъ драматическихъ или оперныхъ представленій. И въ отношеніи къ воскресному дню не всегда соблюдается строгій пуританизмъ. Театры обыкновенно въ этотъ день закрываются, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даются такъ называемые на афишахъ «Священные концерты» (sacred concerts). Подкупленный этимъ названіемъ, я отправился въ одинъ изъ ближайшихъ театровъ (превращенный изъ бывшей церкви), но—въ дѣйствительномъ содержаніи концерта не было ни единой черты, которая соотвѣтствовала-бы его названію, и онъ весь состоялъ изъ вольныхъ и скабрезныхъ пѣсенъ и музыкальныхъ піесъ. При всемъ томъ янки гордятся своею христіанственностью и въ этомъ отношеніи считаютъ себя новымъ избраннымъ народомъ, новымъ израилемъ. Къ немалому удивленію подобную мысль я даже встрѣтилъ въ газетномъ отчотѣ объ одной воскресной проповѣди. Почтенный проповѣдникъ, обозрѣвая историческія судьбы человѣчества, останавливается на поразительномъ сходствѣ исторіи израиля съ исторіей американскаго народа. Европа была для него страною египетскаго рабства; океанъ—Чермное море, которое нужно было перейти, чтобы избавиться отъ этого рабства; притязанія на него Англіи это — погоня Фараона съ его воинствомъ; борьба съ индѣйцами—это борьба съ нечестивыми ханаанитянами и т. д. и т. д. Если присмотрѣться къ общественной жизни американцевъ, то кажется и помимо этой проповѣди можно придти къ убѣжденію, что янки—новый израиль, только не въ библейскомъ смыслѣ, а въ

смыслѣ, который связанъ съ названіемъ теперешнихъ представителей древнеизбраннаго народа въ Европѣ. Такого жидовскаго торгашества, такой спекуляторской горячки, такой бездны обмана и плутовства, съ какими европеецъ можетъ здѣсь встрѣтиться на каждомъ шагу, трудно гдѣ нибудь найти въ Европѣ; а опустошеніе казенныхъ и общественныхъ сундуковъ здѣсь производится въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, которые для нашихъ отечественныхъ любителей содержимаго казенныхъ и земскихъ сундуковъ могутъ быть только—увы—неосуществимымъ идеаломъ, — хоть-бы просто даже потому, что сундуки-то эти у насъ по большей части пусты. Въ Нью-Іоркѣ наприм. въ самое послѣднее время одинъ подрядчикъ по постройкѣ крупныхъ общественныхъ зданій съумѣлъ обмануть общество на громадную сумму 20 милліоновъ долларовъ! Что касается мелкаго плутовства и надувательства, то это—обыкновенное явленіе, и настолько обычное, что не составляетъ даже позора. «Если вы,—разсказывалъ мнѣ одинъ мой здѣшній русскій знакомый, пробывшій въ Нью-Іоркѣ три года,—уличите кого нибудь въ глаза въ направленномъ на вашъ карманъ плутовствѣ или обманѣ, то не думайте, что уличенный сконфузится! Ни чуть не бывало: развязный янки только ухмыльнется и, пріятельски похлопавъ васъ по плечу, лукаво замѣтитъ, — что значитъ вы тоже джентльменъ — не промахъ!»—Истинный израиль!..

Городъ, и безъ того постоянно оживленный, день-ото-дня оживлялся все болѣе; приготовляясь къ «Веселому Кристмасу», какъ называется здѣсь праздникъ Рождества Христова. Среди этихъ веселыхъ приготовленій счастливаго или вѣрнѣе самодовольнаго народа, какъ громъ поразила насъ русскихъ принесшаяся къ намъ страшная вѣсть о новомъ ужасномъ покушеніи (подъ Москвой) на жизнь Вѣнценоснаго Главы русскаго народа... Стыдно было смотрѣть на свѣтъ и на людей, когда американцы, возмущенные этимъ ужаснымъ попраніемъ не только божескихъ законовъ, но законовъ и требованій простой человѣчности, обращаясь къ намъ русскимъ, съ негодованіемъ

спрашивали: «что это такое дѣлается у васъ?» Единственное наше утѣшеніе и оправданіе было лишь въ томъ, что Провидѣніе опять чудесно отвратило злодѣяніе и опять спасло Монарха. Въ ближайшее воскресенье въ здѣшней русской церкви назначено было благодарственное молебствіе по поводу чудеснаго избавленія нашего Государя Императора отъ страшной опасности и по этому поводу къ богослуженію собрались всѣ русскіе, проживающіе здѣсь, съ официальными представителями во главѣ. Такое собраніе народа въ церкви бываетъ, по отзыву служащихъ въ ней, разъ-два въ году, не болѣе. Славянская литургія съ недурнымъ пѣніемъ двоихъ псаломщиковъ проливала отраду въ страждущія души молящихся сыновъ далекаго терзаемаго злодѣяніями отечества. Мотивъ симоновской херувимской пѣсни, импровизированный, какъ извѣстно, подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ великаго патріотическаго бѣдствія— взятія Москвы французами, — своимъ, до боли сердца грустнымъ, воззваніемъ къ «отложенію нынѣ всякаго житейскаго попеченія», указывалъ на ужасное положеніе нашего отечества, плѣненіе его темною шайкою злодѣевъ... Послѣ благодарственнаго молебствія и заключительнаго многолѣтія едва-ли кто въ народѣ, при выходѣ изъ церкви, не думалъ тяжелую думу: когда же наконецъ воспрянетъ здравый смыслъ народа отъ преступной летаргіи и съ корнемъ вырветъ не «позорящее» только, а губящее русскую землю зло?...

II. «Веселый Кристмасъ».

Приготовленія къ святкамъ. — Празднованіе Рождества Христова въ церквахъ, семействахъ и на улицахъ.—Русское и американское праздничное веселье.—Русское Рождество за океаномъ.

Чтобы лучше разсмотрѣть нравственный обликъ народа, надо видѣть его не въ будничное время, когда тяжелая забота

объ удовлетвореніи житейскихъ нуждъ искажаетъ его черты, а въ праздникъ, когда облегченная душа спокойно можетъ отражаться въ своемъ «зеркалѣ», открыто выказывая свои достоинства и недостатки. По отношенію народа къ своимъ праздникамъ можно также опредѣлять степень его религіознаго или нравственнаго развитія. Праздникъ Рождества Христова, какъ краеугольный праздникъ христіанскаго міра, для наблюдателя религіозной жизни представляетъ поэтому одинъ изъ наиболѣе интересныхъ моментовъ, въ которые можно подмѣтить характерныя черты религіозности или христіанственности того или другаго народа. Столица американскаго материка представила въ этомъ отношеніи также небезъинтересныя данныя.

Праздникъ Рождества въ Америкѣ имѣетъ чрезвычайно большое значеніе; съ него фактически начинается новый годъ. Поэтому приготовленія къ нему можно было замѣчать въ городѣ еще недѣли за три. Въ обыкновенное будничное время Нью-Іоркъ представляетъ громадную машину, въ которой свободные граждане бездушными винтами вертятся и работаютъ изо дня въ день отъ утра до вечера. Съ приближеніемъ праздника винтики замѣтно стали распадаться и, переодѣвшись джентльменами и леди, стали попраздничному расхаживать по тротуарамъ, высматривая въ магазинахъ вещи для покупки къ празднику. Магазины украсились великолѣпными вензелями, которые въ разноцвѣтныхъ огненныхъ буквахъ возвѣщали о «веселомъ Кристмасѣ»; у домовъ и церквей зазеленѣли елки; въ газетныхъ объявленіяхъ о проповѣдяхъ запестрѣли темы, имѣющія ближайшее отношеніе къ празднику. Въ народныхъ массахъ, день ото дня уплотнявшихся на улицахъ, громадное большинство составляли дѣти: Кристмасъ здѣсь въ большей своей половинѣ есть дѣтскій праздникъ и обычай налагаетъ на родителей закупать предъ праздникомъ для своихъ дѣтей игрушекъ на цѣлый годъ. Особая дѣтская рождественская литература, предназначенная также на праздничные подарки дѣтямъ, въ это время имѣетъ громадный сбытъ. Въ этой дѣтской лите-

ратурѣ поменьшей мѣрѣ двѣ трети книгъ имѣютъ своимъ содержаніемъ разсказы о рождествѣ Спасителя и сопровождавшихъ его обстоятельствахъ и всѣ исключительно проникнуты глубоко религіознымъ, христіанскимъ духомъ. Школы устраиваютъ торжественныя процессіи. Такъ изъ воскресной школы при церкви св. Троицы наканунѣ Рождества около 700 дѣтей составили великолѣпную процессію, направлявшуюся къ вечернему богослуженію. Мальчики шли съ своими классными знаменами и хоромъ исполняли рождественскіе гимны. Въ церкви послѣ вечерней молитвы имъ розданы были праздничные подарки. Въ подаркахъ заинтересованы не одни дѣти: обычай наложилъ и на взрослыхъ долгъ—дѣлать другъ другу подарки. Мужъ и жена, братъ и сестра и т. д. непремѣнно дѣлаютъ другъ другу подарки. «Вечерній канунъ Рождества» *), составляющій здѣсь фактическое начало праздника, представляетъ въ семействахъ трогательныя картины тихихъ радостей. Подъ тѣнію непремѣнной въ каждомъ домѣ вѣчно-зеленой елки, этого символа возрожденія и вѣчной жизни, переживаются сладкіе часы взаимнаго удовлетворенія.

Наступленіе праздника во всѣхъ церквахъ привѣтствуется буквально «полунощнымъ» богослуженіемъ, начинающимся съ 12 часовъ ночи, какъ у насъ на Пасху. Церкви были убраны елками и цвѣтами и блистательно освѣщались газовыми вензелями. Проповѣдники говорили лучшія проповѣди. Чтобы дать образчикъ какъ церковной обстановки, такъ и праздничной проповѣди, вкороткѣ опишу ночное богослуженіе въ ближайшей ко мнѣ церкви св. Благодати. Эта церковь расположена на Бродвеѣ, главной улицѣ города, можно сказать въ самомъ центрѣ Нью-Іорка, и представляетъ обычный здѣсь типъ готическаго храма, сѣраго цвѣта. Въ будничное время массы суетящагося люда непрерывно снуютъ по тротуарамъ, идущимъ мимо ограды, и пунктъ этотъ представляетъ истинный базаръ житейской суеты. Вечеромъ наканунѣ Рождества какбы какая не-

*) The Eve Christmas.

видимая сила смела отсюда людскую суету,—здѣсь царила торжественная тишина. Въ оградѣ зеленѣли елки и горѣли яркіе огни. Около 12 часовъ раздался на колокольнѣ музыкальный звонъ, тотъ звонъ, который такъ памятенъ всякому побывавшему въ Англіи и который воспѣтъ поэтомъ въ дивномъ стихотвореніи, начинающемся словами: «Вечерній звонъ, вечерній звонъ! какъ много думъ наводитъ онъ!» На звуки его почти мгновенно явилось множество бодрствовавшаго въ ту ночь народа и наполнило церковь. Храмъ великолѣпно былъ убранъ зеленью, престолъ утопалъ въ цвѣтахъ, надъ алтаремъ ярко горѣли огненныя слова ангельской пѣсни: «Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ!» Ровно въ 12 часовъ раздались звуки органа и большой хоръ запѣлъ за нимъ великолѣпный гимнъ: «О священная ночь!», за которымъ слѣдовало полное вечернее богослуженіе. По окончаніи богослуженія пасторъ взошелъ на высокую каѳедру, убранную елями и цвѣтами, и прочиталъ текстъ своей проповѣди изъ евангелія Луки II, 8: «Въ той странѣ были на полѣ пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего». Звучный отчетливый голосъ оратора-проповѣдника приковалъ вниманіе слушателей. Послѣ нѣсколькихъ моментовъ торжественной тишины, проповѣдникъ началъ рѣчь, приглашая слушателей перенестись мыслью за 2,000 лѣтъ тому назадъ, къ той ночи, которая предшествовала первому дню праздника Рождества Христова. Ничего не можетъ быть менѣе схожаго между собою, чѣмъ эти двѣ ночи. Въ теперешнюю ночь тысячи народа бодрствуютъ, чтобы встрѣтить только день памяти о рождествѣ Спасителя; въ ту же ночь, когда совершилось самое рожденіе Его, весь міръ спалъ, и встрѣтили Его лишь бодрствовавшіе по обязанности убогіе пастухи. Нѣкоторые однакоже думаютъ, что христіане ошибаются, празднуя рожденіе Христа въ это время года, такъ какъ въ Сиріи стада содержатся въ загородяхъ съ ноября до марта. Но вѣдь зима въ Палестинѣ не постоянна. Въ странѣ Виѳлеема около 15-го декабря всегда наступаетъ нѣчто въ родѣ «индѣйскаго лѣта», выростаетъ трава, ра-

спускаются цвѣты, и стада выгоняются на пастбища. Поэтому нѣтъ ничего несообразнаго въ томъ, что пастухи стерегли свои стада ночью, когда ангелы явились имъ возвѣстить о рожденіи Христа. Описывая обстоятельство рожденія Царя Небеснаго, ораторъ перенесся мыслью къ обстоятельствамъ, окружавшимъ рожденіе одного изъ земныхъ царей — Людовика XIV, и яркими красками изобразилъ всю бездну контраста, раздѣляющаго эти два событія. Съ одной стороны убогая бѣдность, заключившая человѣческія существа въ обиталища животныхъ; съ другой — ослѣпительная пышность, обоготворявшая человѣка. И въ тоже время въ одеждѣ убожества родился Вѣчный Царь славы, а въ одѣяніи пышности — ничтожный червь, смертный человѣкъ!... Мастерски нарисованная, картина эта произвела глубокое впечатлѣніе. Послѣ рѣчи произведенъ былъ сборъ добровольныхъ подаяній на рождественскіе подарки бѣднымъ, живущимъ въ приходѣ. Во время сбора одна изъ лучшихъ оперныхъ артистокъ пѣла гимнъ: «Какъ прекрасны стопы тѣхъ, кто проповѣдуетъ евангеліе мира», и все богослуженіе заключено было хоровымъ пѣніемъ рождественской пѣсни: «осанна, осанна! пойте высшую хвалу!»

Тоже самое происходило и во всѣхъ другихъ церквахъ съ измѣненіями въ частностяхъ, какъ это можно было видѣть по газетнымъ объявленіямъ. Газетныя объявленія о богослуженіи и проповѣди здѣсь обычное явленіе; въ субботнихъ и предпраздничныхъ номерахъ газетъ они обыкновенно занимаютъ по нѣскольку громадныхъ столбцовъ подъ общимъ заглавіемъ: «религіозныя извѣщенія». Къ Рождеству они только усилились и расширились. Чтобы дать образчикъ этихъ объявленій, выписываю взятое наудачу: «Методистская епископальная церковь. Адресъ: 18-я улица, близъ 8 авеню. Утреннее богослуженіе въ 11 часовъ. Проповѣдь говоритъ почтенный докторъ Годманъ. Тема: Высочайшая проблема. Поютъ университетскіе цвѣтные пѣвцы. Великолѣпная декорація. Вечеромъ въ 7 ч. 30 м. проповѣдуетъ почтенный пасторъ Стробричъ. Тема: Кто были мудрецы съ востока. Эффектная иллюминація. Ино-

странцы сердечно приглашаются къ богослуженію». Къ этому присоединяется еще особая программа музыкальныхъ піесъ, назначенныхъ къ исполненію, съ перечнемъ приглашенныхъ артистовъ. По руководству этихъ объявленій каждый выбираетъ для выслушанія воскреснаго или праздничнаго богослуженія ту церковь, въ которой церковная декорація или тема проповѣди по его мнѣнію интереснѣе.

Утромъ въ самый день Рождества погода стояла одна изъ самыхъ невеселыхъ, но обыкновенно ясному небу ходили свинцовыя тучи и моросилъ дождь. Тѣмъ не менѣе на музыкальный звонъ церквей текли безчисленныя массы народа. Утреннее богослуженіе обыкновенно совершается въ 11 часовъ, и въ это время по всему городу разливалась колокольная музыка, которая была тѣмъ отчотливѣе, что коннаго движенія по улицамъ совсѣмъ почти не было. Колокола церкви св. Троицы дивно исполняли рождественскій гимнъ: «Ангелы изъ царства славы». Пѣсня эта чрезвычайно популярна въ городѣ и слушать колокольное исполненіе ея собралась многочисленная толпа народа. Богослуженіе было торжественное съ хорошими проповѣдями, о характерѣ которыхъ впрочемъ можно судить по данному выше описанію. Особенною своеобразностью отличались только нѣкоторыя нѣмецкія католическія церкви, которыя въ богослуженіе вводили, по оставшемуся отъ среднихъ вѣковъ обычаю, драматическую сцену подъ названіемъ: «Ясли». Она представляетъ исторію рожденія Христа въ драматической формѣ, болѣе или менѣе обработанной въ деталяхъ, сообразно средствамъ, находящимся въ распоряженіи клира. Предъ алтаремъ обыкновенно ставятся болѣе или менѣе художественно приготовленныя ясли и въ нихъ полагается или дитя или просто фигура, изображающая его. Вокругъ яслей разбрасывается солома, а у головы и ногъ ребенка занимаютъ положеніе его родители или кто нибудь изъ постороннихъ, для изображенія Іосифа и Маріи. Большая декорація изображаетъ въ отдаленіи Виѳлеемъ, изъ за него въ мимической процессіи являются маги съ длинными сѣдыми бородами, а наверху сіяетъ газовая или электрическая звѣзда

указывающая имъ путь. Въ менѣе богатыхъ церквахъ вмѣсто звѣзды предъ магами просто носится шестъ съ фонаремъ. Послѣ поклоненія маговъ, къ яслямъ подходятъ всѣ присутствующіе, кланяются ребенку и дѣлаютъ нѣкоторыя приношенія его матери. Такое участіе ребенка въ церемоніи здѣшними нѣмецкими матерями считается величайшимъ счастіемъ для него и всего семейства, и поэтому каждая изъ нихъ старается дать для этой церемоніи своего ребенка.

Выйдя вечеромъ въ самый день праздника (Кристмасъ въ Америкѣ празднуется только одинъ день) на улицу, я хотѣлъ удостовѣриться здѣсь въ истинности прилагаемаго обыкновенно къ Кристмасу названія «веселый». Къ крайнему удивленію тутъ не было ничего соотвѣтствующаго, по русскимъ понятіямъ, такому названію. Улицы были совершенно безлюдны; магазины и увеселительныя заведенія закрыты; электрическія солнца, которыя по буднямъ волшебнымъ свѣтомъ сіяютъ надъ улицами, поддерживаемыя невидимыми проволоками, представляли лишь темныя точки; тишина царила невѣроятная для такого обыкновенно шумнаго города и изрѣдка стоявшіе полисмены замѣтно тяготились своимъ бездѣятельнымъ состояніемъ. При видѣ этой праздничной мертвенности, мысль по ассоціаціи контраста перенеслась въ нашу русскую сѣверную столицу. Необозримыя массы народа, какъ бурное море волнуемыя тѣмъ «духомъ», о которомъ съ увѣренностью можно сказать, «откуда онъ приходитъ и куда идетъ», разливаются тамъ по улицамъ; увеселительныя заведенія отправляютъ свою страдную пору; вопль восторговъ стономъ стоитъ надъ городомъ, и отчаянный призывъ «городоваго», какъ бранный кличъ на бранномъ полѣ, раздается со всѣхъ сторонъ... Въ чемъ же у американцевъ состоитъ святочное «веселіе»?—Оно просто состоитъ въ наслажденіи тихими семейными радостями. Разсѣвшись вокругъ праздничной елки, члены семейства ведутъ бесѣду о праздникѣ, читаютъ какую нибудь святочную книгу или поютъ рождественскіе гимны. Въ удовлетвореніе этой потребности газеты обыкновенно въ своихъ праздничныхъ но-

мерахъ даютъ по нѣсколько глубокорелигіозныхъ статей и разсказовъ; музыкальные журналы переполнены рождественскими гимнами, предназначенными для семейнаго исполненія. Мнѣ случайно попался въ руки праздничный номеръ одного изъ этихъ журналовъ. Пробѣжавъ его содержаніе, я нашелъ, что онъ весь состоялъ изъ святочныхъ пьесъ, о характерѣ которыхъ можно судить по слѣдующему перечню ихъ. Тутъ были: «Рождественская пѣсня», «Виѳлеемскій гимнъ», «Однажды въ годъ бываетъ Кристмасъ», «Успокой васъ Богъ, веселые джентльмены», «Когда Христосъ родился», «Рождественскій звонъ на морѣ», «Рождественскій вальсъ». Всѣ эти пьесы исполняются и распѣваются въ семейныхъ кружкахъ, при пылающемъ каминѣ и зеленѣющей елкѣ. Такое святочное веселье очевидно совсѣмъ не похоже на наше русское праздничное «веселіе», которое, надо признаться, до сихъ поръ еще крѣпко держитъ свой прадѣдовскій характеръ и состоитъ попреимуществу въ томъ, чтобы «пити»...

Общее впечатлѣніе, выносимое изъ наблюденія надъ празднованіемъ великаго христіанскаго праздника въ Нью-Іоркѣ, чрезвычайно хорошее. Видно, что народъ здѣсь христіанизированъ въ этомъ отношеніи настолько, что считаетъ своею глубокою потребностью проводить христіанскіе праздники по христіански, съ сознаніемъ ихъ священной важности. Такое отношеніе къ праздникамъ показываетъ въ тоже время, что этотъ народъ внутри себя имѣетъ достаточно нравственнаго содержанія, чтобы въ немъ одномъ находить для себя источникъ праздничныхъ радостей, не прибѣгая къ какимъ либо внѣшнимъ, пришпоривающимъ средствамъ. Распространенныя у насъ въ Россіи сказанія о чрезмѣрномъ пьянствѣ въ Америкѣ — нуждаются въ большомъ ограниченіи и особомъ истолкованіи. Если бы у насъ въ Россіи наша русская пословица: «пить-то пей, да дѣло разумѣй» находила хоть десятую долю такого практическаго приложенія, какое она находитъ здѣсь, то процессъ отрезвленія нашего народа былъ бы обезпеченъ.

Чрезъ двѣнадцать дней послѣ американскаго «веселаго Кристмаса» наступило русское Рождество. Вслѣдствіе разности русскаго календаря съ западнымъ русскіе на чужбинѣ оказываются въ затруднительномъ положеніи. Годичные общехристіанскіе праздники заграницей бываютъ раньше русскихъ, и русскій человѣкъ вслѣдствіе всеобщаго прекращенія занятій по необходимости долженъ праздновать вмѣстѣ со всѣми другими. Праздники эти проходятъ, опять наступаетъ рабочая пора, и среди этой-то поры только еще наступаютъ родные праздники. Американцы отпраздновали свои святки, встрѣтили новый годъ и уже забыли обо всемъ этомъ, погрузившись въ море обычной житейской суеты, а у насъ, русскихъ, 6-го января только еще наступилъ великій праздникъ Рождества. День этотъ у американцевъ вполнѣ будничный, они не почитаютъ западноевропейскихъ «трехъ царей». Вслѣдствіе этого предполагалось, что и въ церкви не много будетъ народа, такъ какъ большинство его занято работой и службой. Но—православный человѣкъ далъ себя знать и за океаномъ, онъ стряхнулъ бремя будничной суеты и пришелъ въ храмъ выслушать родную рождественскую пѣснь. Молящихся собралось весьма много, съ офиціальными представителями во главѣ. Много было и американцевъ, привлеченныхъ любопытствомъ, которое они и показывали фактически, вытягивая головы, чтобы проникнуть въ недоступную и таинственную для нихъ область—алтарь. Самыми любопытными конечно были газетные репортеры. Одинъ изъ нихъ доставилъ царю американской печати «Геральду» слѣдующее не безъинтересное описаніе этого богослуженія.

«Космополитическій характеръ нью-іоркскаго населенія нашелъ вчера интересную иллюстрацію въ богослуженіи, совершавшемся въ грекорусской капеллѣ. Богомольцы начали собираться съ ранняго утра, и когда началась служба въ 11 часовъ, то въ капеллѣ было много народу всякихъ національностей—московиты, славяне, греки, американцы и другіе, привлеченные частью любопытствомъ, частью чувствомъ долга въ

благоговѣйномъ соблюденіи Кристмаса по старомукалендарю. Богослуженіе почти во всемъ было сходно съ римско-католическимъ, хотя конечно тутъ не могло быть такой пышной церемоніальности, которая поражаетъ въ большихъ соборахъ западнаго міра. Украшенія маленькой капеллы были просты, но со вкусомъ. (Слѣдуетъ подробное описаніе *картинъ*, т. е. иконъ, и подсвѣчниковъ съ точной цифрой свѣчей). Службу совершалъ Мг. Бьеррингъ въ интересномъ восточномъ одѣяніи и высокой цилиндрической войлочной шапкѣ (это такой-то показалась репортеру обыкновенная камилавка!). Псалмистъ хорошо исполнялъ оригинальные восточные гимны. Но самою выдающеюся чертой богослуженія было то, что оно совершалось на славянскомъ языкѣ или мѣстномъ нарѣчіи русскаго народа (?). Небольшая рѣчь на англійскомъ языкѣ, сказанная почтеннымъ Бьеррингомъ, была заключеніемъ службы. (Извлеченіе изъ проповѣди). Собраніе обмѣнялось сердечными поздравленіями и желало другъ другу «веселаго Кристмаса» по истинно русскому обычаю».

Все праздничное богослуженіе имѣло для православныхъ великое нравственноживительное значеніе. Съ какою силою отзываются родные православноцерковные звуки въ православнорусской душѣ, заброшенной за моря-океаны, выказалось во время этой обѣдни. Богомольцы, въ большинствѣ простые русскіе люди изъ матросовъ, внимательно слушали церковное пѣніе и молча клали поклоны. Но вотъ псалмистъ запѣлъ всѣмъ извѣстный и всѣмъ родной по воспоминаніямъ рождественскій тропарь: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ», и сразу, какбы по мановенію волшебнаго жезла, цѣлый хоръ простыхъ русскихъ голосовъ среди церкви подхватилъ родную пѣснь... Воспоминанія о родинѣ, которыми послѣ обѣдни тутъ же дѣлились между собой эти простые русскіе люди, сопровождались у многихъ слезами. О родина, родина! Что милѣе тебя?..

III. Карнавалъ и постъ.

Князь плоти и князь духа. — Черты религіозности. — Благородный порывъ благотворенія.—Царственная жертва газеты.—Сила настойчивости.

Если бы какая нибудь волшебная сила мгновенно сняла крыши съ домовъ столицы американскаго материка въ теченіи первыхъ десяти дней февраля новаго стиля, то глазамъ наблюдателя съ высоты птичьяго полета представилась бы интересная картина поголовно пляшущаго города. Это дни такъ называемаго карнавала, дни высшаго веселья и непрерывныхъ удовольствій. Балы одинъ за другимъ возвѣщаются и рекламами и шутовскими каретами, разъѣзжающими по улицамъ съ флагами, бубенчиками и фантастически разряженными сѣдоками. И массы народныя, вѣрныя дѣдовскимъ преданіямъ, неудержимо текутъ на эти балы, чтобы отдать традиціонную дань князю карнавалу. Нѣкоторые балы просто чудовищны по количеству собиравшагося на нихъ народа и состояли изъ громадной цифры 15 тысячъ посѣтителей. Смотря на это служеніе князю карнавалу или просто говоря—князю плоти и ея страстей, постороннему наблюдателю оставалось бы только пожать плечами и воскликнуть: всуе мятутся люди! Но изобрѣтательный американскій умъ съумѣлъ извлечь пользу изъ этого повидимому безцѣльнаго и безплоднаго бѣснованія; денежный сборъ отъ этихъ баловъ въ большинствѣ идетъ въ пользу бѣднаго населенія города и различныхъ благотворительныхъ заведеній. Если принять во вниманіе, что сборъ этотъ на нѣкоторыхъ балахъ достигаетъ до тридцати тысячъ долларовъ, то карнавальное бѣснованіе едва-ли найдетъ безплоднымъ даже и посторонній наблюдатель.

По мѣрѣ приближенія къ концу карнавальный разгулъ разливался все шире и вихрь удовольствій мощно захватывалъ и кружилъ все населеніе города. Князь плоти праздно-

валъ свое высшее торжество, но вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднее: изъ-за плеча его пресыщенной наслажденіями фигуры выглядывалъ суровый ликъ князя духа—великаго поста. Въ воскресенье 8-го февраля въ церквахъ раздались проповѣди о «прелестяхъ міра сего», «духъ котораго тщеславенъ и языкъ лживъ, который шепчетъ въ уши людей сладкія обѣщанія и наполняетъ ихъ сердце обманчивыми мечтами, никогда неосуществимыми», — какъ характеризовалъ его одинъ проповѣдникъ. И замѣчательно почтеніе къ воскресному дню: самый сильный разгулъ карнавальныхъ удовольствій не отвлекъ народныя массы отъ богослуженія; всѣ наиболѣе замѣчательные храмы были переполнены молящимися. Проходя по Пятому Авеню, богатѣйшей и лучшей улицѣ въ городѣ, послѣ 12 часовъ дня, когда обыкновенно оканчивается служба, я видѣлъ зрѣлище, которое не приходилось видѣть на родинѣ: необозримыя массы богомольцевъ плавно двигались по великолѣпнымъ тротуарамъ, надъ которыми то и дѣло высятся готическія башни церквей, заключительные гимны звучныхъ органовъ мощно вырывались на улицу изъ растворенныхъ дверей и игривый блескъ на яркомъ солнцѣ отъ тысячей золотообрѣзныхъ молитвенниковъ разноцвѣтными огнями разливался по массамъ и придавалъ этой живой картинѣ чрезвычайно торжественный видъ. Слѣдующіе два дня были послѣдними днями карнавала: шумное веселье его заключилось вторникомъ 10-го февраля. Среда была уже днемъ великаго поста, «средою пепла», какъ она называется здѣсь, и благочестивые католики съ пепельными крестами на лбу двигались въ храмы—для молитвы и терпѣнья. Въ газетахъ появились правила для содержанія поста; чтобы дать обращикъ ихъ, выписываю правила, опубликованныя нью-іоркскимъ кардиналомъ Мак-Клосскимъ для руководства здѣшнихъ католиковъ. Вотъ эти правила: «1) во всѣ будничные дни поста отъ пепельной среды до пасхальнаго воскресенья позволяется имѣть только одно блюдо за обѣдомъ и умѣренную закуску вечеромъ; 2) правило пощенія требуетъ воздержанія отъ употребленія мяснаго

блюда, но по снисходительности къ слабости человѣческой мы позволяемъ въ своемъ діоцезѣ употреблять мясо въ дозволенномъ блюдѣ по понедѣльникамъ, вторникамъ и четвергамъ поста, исключая великій четвергъ; 3) по воскреснымъ днямъ не полагается ни поста, ни воздержанія; 4) не позволяется употреблять рыбу съ мясомъ въ одномъ и томъ же кушаньѣ; 5) не запрещается употреблять яйца, масло и сыръ, разумѣется въ количествѣ, предписываемомъ общими правилами пощенія; 6) свиное сало можетъ быть употребляемо постоянно для приготовленія рыбныхъ или растительныхъ кушаньевъ и т. п.; 7) церковь освобождаетъ отъ обязательства пощенія (но не отъ воздержанія отъ мяса, кромѣ особенныхъ случаевъ болѣзни) слѣдующихъ лицъ: слабыхъ, занятыхъ изнурительными работами, подростающихъ, беременныхъ или питающихъ дѣтей женщинъ и слабыхъ по преклонности лѣтъ». Свѣтскія газеты привѣтствовали «постный сезонъ» передовыми статьями. Нью-іоркскій «Геральдъ» писалъ между прочимъ слѣдующее: «По неизмѣнному теченію временъ постъ приходитъ къ намъ каждый годъ и, надо сказать, каждый годъ онъ оставляетъ міръ лучшимъ, чѣмъ его находитъ. Помимо всякихъ религіозныхъ соображеній, дѣйствіе поста чрезвычайно благотворно даже для тѣхъ, кто хранитъ его не болѣе того, какъ лишь принято въ обществѣ. Милліоны сердецъ заняты бываютъ невольнымъ анализомъ своего внутренняго содержанія, и самый упорный скептикъ, если только онъ имѣетъ сердце, не будетъ отрицать нравственнаго величія того періода, когда такое множество людей пытается подняться надъ уровнемъ простой матеріально-животной жизни».

Постъ дѣйствительно самымъ своимъ появленіемъ вноситъ какую-то особенную атмосферу, невольно дѣйствующую на тѣхъ, кто вращается въ ней. Съ наступленіемъ его чаще стали устраиваться литературные вечера, проповѣдники чаще говорятъ проповѣди и самыя газеты чаще обращаютъ вниманіе на то, что вѣчно и свято. Уже изъ приведеннаго мнѣнія лучшей газеты о значеніи поста можно видѣть, съ какою

серьезностью здѣшняя свѣтская печать относится къ установившимся фактамъ религіозной жизни. Но религіозность ея не ограничивается этимъ. На столбцахъ свѣтскихъ газетъ вы то и дѣло можете встрѣчать статьи по различнымъ религіознымъ и богословскимъ вопросамъ, понедѣльниковые номера переполнены выдержками изъ воскресныхъ проповѣдей, за записью которыхъ репортеры отправляются съ такою же серьезностью, какъ за записью парламентскихъ рѣчей и преній. Одно время, именно года два тому назадъ, по свидѣтельству одного проповѣдника, вся свѣтская печать поголовно занята была вопросомъ о «вѣчности мученій»; а когда читавшій здѣсь лекціи извѣстный физикъ Тиндаль позволилъ себѣ намекнуть на безполезность молитвы, такъ какъ-дескать все управляется неизмѣнными, роковыми физическими законами, то не было такой свѣтской газеты, которая не помѣстила бы трактата по этому вопросу—въ преобладающемъ большинствѣ апологетическаго характера. Все это конечно обусловливается сильнымъ религіознымъ чувствомъ здѣшней читающей публики. До какой степени чутко здѣсь сознаніе къ важности фактовъ религіозной жизни, показываетъ самый недавній случай. Одна солидная газета помѣстила статью, въ которой съ ѣдкостью фельетонной сатиры осмѣиваетъ двухъ голландскихъ пасторовъ, издавшихъ комментированную Библію, за ихъ неразборчивый раціонализмъ, по которому они половину библейскихъ фактовъ относятъ къ области миѳа и вымысла. Кажется, чего лучше?—можно бы только сочувствовать газетѣ. Такъ нѣтъ: на другой день въ газетѣ появилось нѣсколько «писемъ къ издателю», въ которыхъ различныя лица выражаютъ свое неудовольствіе на то, что редакція поручила такой важный предметъ фельетонисту... Воскресный день въ Америкѣ окруженъ столь же ригористическимъ почтеніемъ, какъ и въ Англіи. Въ одномъ большомъ городѣ, именно Цинциннати, содержатель театра вздумалъ дать нѣсколько воскресныхъ представленій. Это сразу подняло страшную бурю въ городѣ, образовались митинги попреимуществу изъ женщинъ высшихъ

классовъ, которыя выработали слѣдующую резолюцію: «признавая, что театральныя и оперныя представленія по воскресеньямъ противны доброму порядку и доброй нравственности общества, мы нижеподписавшіяся обѣщаемся воздерживаться отъ посѣщенія тѣхъ театровъ и бальныхъ собраній, которыя будутъ открывать свои двери для развлеченій этого рода по воскреснымъ днямъ послѣ 16-го февраля 1880 года». Резолюція эта по церквамъ стала собирать многочисленныя подписи и несомнѣнно отозвалась бы на смѣломъ содержателѣ театра полнымъ разореніемъ, если бы онъ не поспѣшилъ печатно извиниться предъ обществомъ, съ обѣщаніемъ никогда впредь не давать воскресныхъ представленій. Одна пресвитеріанская газета нашла возможнымъ вывести урокъ для нарушителей воскреснаго дня даже изъ страшнаго бѣдствія, случившагося недавно въ одинъ изъ воскресныхъ дней въ Шотландіи, гдѣ цѣлый поѣздъ провалился на мосту и утонулъ со всѣми пассажирами, такъ что никого не осталось въ живыхъ, кто бы даже могъ разсказать объ этомъ ужасномъ несчастіи. «Катастрофа эта, по мнѣнію газеты, можетъ быть разсматриваема какъ судъ Всемогущаго надъ тѣми, которые въ такой субботохранительной странѣ, какъ Шотландія, совершаютъ беззаконіе, оскорбляя святость Господня дня праздными разъѣздами по желѣзнымъ дорогамъ. Никакія молитвы или слезы не могутъ высвободить ихъ (погибшихъ пассажировъ) отъ того мѣста, гдѣ Богъ перестаетъ быть милостивымъ; но мы можемъ молиться о томъ, чтобы этотъ, страшный судъ былъ спасительнымъ и небезплоднымъ предостереженіемъ для всѣхъ другихъ нарушителей воскреснаго дня».

Американцы чрезвычайно подвижной и увлекающійся народъ и увлеченіе ихъ, направленное въ добрую сторону, часто представляетъ замѣчательное зрѣлище. Подобное зрѣлище представлялъ ихъ благородный порывъ—помочь голодающимъ ирландцамъ. Извѣстно бѣдствіе, которое постигло въ 1879 г. несчастную Ирландію, гдѣ цѣлыя сотни тысячъ народа, благодаря безпардонной эксплоатаціи со стороны англійскихъ

лордовъ, доведены до ужасающей нищеты, которая въ союзѣ съ неурожаемъ того года породила настоящій голодъ, истреблявшій населеніе несчастной страны. Для возбужденія сочувствія и собиранія милостыни въ пользу бѣдствующаго народа въ Америку пріѣзжалъ извѣстный ирландскій агитаторъ Парнелль; но миссія его не имѣла большаго успѣха, такъ какъ американская печать неодобрительно встрѣтила его безтактный планъ агитаціи, въ которой онъ къ благотворительнымъ элементамъ примѣшивалъ крайніе революціонные. Сборъ пожертвованій взяла въ свои руки редакція здѣшней царя-газеты «Геральда», и какбы по мановенію волшебнаго жезла взоры американцевъ приковались къ бѣдствующей странѣ, сердца забились неудержимымъ порывомъ помочь несчастнымъ и доллары золотой рѣкой потекли изъ широко открытыхъ кармановъ. Сама газета открыла сборъ своимъ собственнымъ, поистинѣ царственнымъ вкладомъ 100 тысячъ долларовъ, что по курсу составляетъ около 200 тысячъ рублей. Чрезъ 11 дней редакція имѣла въ своемъ вспомогательномъ фондѣ уже болѣе 200 тысячъ долларовъ. Одушевленіе, охватившее мгновенно всѣхъ, можно сравнить развѣ только съ одушевленіемъ русскаго народа, охватившимъ его во время великаго славянскаго движенія. Такую нравственную силу имѣетъ этотъ бумажный царь, громадные выпуски котораго ежедневно расходятся въ 120 тысячахъ экземпляровъ, а читаются несомнѣнно въ десять разъ большимъ количествомъ людей.

Грандіозная жертва великодушной газеты составила важный интересъ дня и проповѣдники многихъ церквей избирали ее предметомъ своихъ воскресныхъ проповѣдей. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ, именно д-ръ Талмичъ, говорилъ между прочимъ, что эти «сто тысячъ значатъ гораздо болѣе, они означаютъ милліоны. Пожертвованіе это какбы окрылило другихъ даятелей, дѣйствіе его распространялось повсюду съ электрическою быстротою и силою. Если бы это приношеніе сдѣлано было на поощреніе искусства, то оно было-бы одобрительнымъ. Если бы оно было сдѣлано на учебныя

заведенія, оно было бы славно. Но назначеніе его лучше и выше всего этого: приношеніе это сдѣлано для избавленія народа отъ голодной смерти. Да восплещетъ народъ руками и поетъ аллилуія! Народъ, живущій въ области телеграфной сѣти, обнимающей весь христіанскій міръ, не долженъ быть допущенъ до страданія. Но сильнѣе и быстрѣе чѣмъ электрическій токъ есть связь сочувствія, которою Богъ соединилъ всѣ народы. Не будемъ никогда подавлять въ себѣ этого сочувствія. Жалость и состраданіе къ бѣдствіямъ міра облагораживаютъ человѣческое сердце, стачиваютъ острые углы юдольной жизни и дѣлаютъ насъ взаимно благодарными. 1.400.000,000 человѣческаго рода всѣ соединены струнами человѣческаго сродства, и всѣ эти струны сродства, скрѣпляя насъ между собою, несутъ величественный звукъ любви къ сердцу Бога, такъ что мы всѣ составляемъ одно: небо и земля, Богъ и человѣчество—все едино». Этотъ же проповѣдникъ по поводу американской хлѣбной торговли, которою, какъ извѣстно, американцы начинаютъ подавлять всѣ другіе земледѣльческіе народы и между прочимъ оттѣсняютъ даже Россію, пользуясь ея послѣдними неурожаями, говорилъ слѣдующее: «Соединенные Штаты могутъ быть кормильцемъ міра. Другія націи кричатъ Америкѣ: дайте намъ 230.000,000 четвериковъ хлѣба, а мы отвѣчаемъ имъ: мы дадимъ, если вы заплатите намъ больше, чѣмъ это стоитъ! Если это дѣйствительно такъ *), то я предсказываю разореніе большинства американскихъ хлѣботорговцевъ. Такое барышничанье на счетъ голодныхъ народовъ не потерпится на небѣ, если оно есть на землѣ. Богъ разнесетъ ихъ полныя житницы. Если Богъ поражаетъ нивы и на нихъ не рождается хлѣба, то намъ остается только преклониться предъ Неисповѣдимымъ. Но если, послѣ того какъ Богъ наполнилъ житницу народную, жадные люди стараются переполнить ее на счетъ

*) Проповѣдникъ основывался на газетномъ извѣстіи о стачкѣ американскихъ хлѣботорговцевъ для возвышенія цѣны на хлѣбъ при отпускѣ заграницу.

голодныхъ,—я бью тревогу, звоню въ набатъ. Кто играетъ кусками хлѣба, тотъ играетъ кровью человѣческой, и я поддерживаемый народнымъ крикомъ буду противодѣйствовать этому. Все, что касается хлѣба, затрогиваетъ сущность народной жизни. Эта блокада пшеничнаго рынка грабитъ массы народныя и здѣсь и въ другихъ странахъ, чтобы только обогатить играющихъ хлѣбомъ. Если мы несправедливы къ другимъ народамъ, то намъ придется опасаться возмездія и съ ихъ стороны». Языкъ и пріемы этого проповѣдника чрезвычайно своеобразны и его проповѣди всегда собираютъ многочисленныхъ слушателей.

Увлеченіе какой-нибудь идеей въ Америкѣ часто переходитъ въ непреклонное упорство, порождающее курьезы чисто американскаго свойства. Примѣромъ такого увлеченія можетъ служить никто иной какъ жена бывшаго президента Гейеса. Она состоитъ членомъ обширнаго общества «воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ», и постоянно отличалась необыкновенною энергичностью въ распространеніи идей общества. По избраніи ея мужа президентомъ, она, переселившись въ президентскую резиденцію въ Вашингтонѣ—въ такъ называемый Бѣлый Домъ, рѣшилась со всею непреклонною настойчивостью истинной американской леди примѣнять правила «общества воздержанія» къ высшему вашингтонскому обществу, рѣшилась не предлагать своимъ гостямъ вина. Дать государственный официальный обѣдъ безъ вина считалось чистою невозможностью; все вашингтонское общество было противъ нея, и вопросъ этотъ чуть не сдѣлался государственнымъ вопросомъ. Цѣлый годъ она была мишенью различныхъ остротъ, которыя такъ трудно выносить женщинѣ. Но она терпѣливо выносила все это и своею непоколебимою устойчивостью наконецъ побѣдила общественный деспотизмъ. Она никогда не предлагала вина и дотого пріучила къ этому высшее фешенебельное вашингтонское общество, что большіе официальные обѣды безъ вина сдѣлались наконецъ обычнымъ явленіемъ, и въ настоящее время Ва-

шингтонъ можно считать самою трезвою столицею въ мірѣ. Фактъ этотъ самъ по себѣ, можно сказать, не идетъ дальше курьеза, но та нравственная смѣлость и настойчивость, съ которою единичная женщина рѣшилась бороться съ весьма существенною привычкою общества и побѣдила, — поистинѣ замѣчательны!

IV. Пасха въ Америкѣ.

Великая пятница и Пасха.—Пасхальное богослуженіе въ церкви знаменитаго проповѣдника.—Музыка и проповѣдь.—Десять центовъ за входъ въ соборъ.—Пасха въ обыденной жизни.

Страстная недѣля называется у американцевъ — святою недѣлей. Великая пятница служитъ и здѣсь поворотнымъ пунктомъ въ скорбной жизни христіанскаго духа. У американцевъ впрочемъ она не имѣетъ такого трогательно-торжественнаго характера, какъ у насъ въ Россіи, и въ законодательствѣ страны нѣтъ для нея какихъ либо особыхъ постановленій. Но тѣмъ замѣчательнѣе фактъ, что сама жизнь, помимо всякаго закона, окружила ее знаками особаго почтенія. Многія увеселительныя заведенія закрываются и здѣшняя итальянская оперная трупа въ присутствіи многочисленныхъ слушателей исполняла вмѣсто обычнаго представленія геніальное произведеніе Россини «Stabat Mater», этотъ страдальческій вопль материнскаго сердца, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть вопль всякой христіанской души, способной проникнуться сознаніемъ необъятной важности воспоминаемаго момента. Въ одной изъ лучшихъ церквей въ это же время громадный хоръ изъ 400 артистовъ исполнялъ знаменитую

«Музыку страданій» Баха, составляющую музыкальное воспроизведеніе 26 и 27 главъ евангелія Матѳея. Лучше, возвышеннѣе и умилительнѣе этой музыкально-евангельской поэмы трудно себѣ что нибудь представить. Земля и небо, человѣкъ и природа здѣсь какбы слились въ одинъ радостно-плачущій восторгъ — въ виду величія безцѣнной жертвы, которую нужно было принести для спасенія человѣчества.

Въ Нью-Іоркѣ, какъ и у насъ въ Россіи, страстная недѣля уже носитъ много признаковъ приготовленія къ Пасхѣ. За окнами въ магазинахъ появились пасхальныя визитныя карточки съ изображеніемъ пасхальныхъ яицъ, крестовъ и непремѣнно съ словами, текстами и цѣлыми стихотвореніями, прославляющими воскресеніе Христа. Эти карточки у американцевъ при пасхальныхъ поздравленіяхъ другъ друга замѣняютъ наши пасхальныя яйца. Для дѣтей онѣ приготовляются съ особеннымъ занимательнымъ фокусомъ. Вы видите напримѣръ какбы простую карточку съ барельефнымъ цвѣткомъ. Но потяните ее за одинъ кончикъ: цвѣтокъ мгновенно подымется и предъ вами откроется цѣлая сцена воскресенія Христова съ подписанными словами, взятыми или изъ евангелія или изъ богослужебныхъ книгъ. Цѣлыя тысячи набожныхъ леди въ страстную субботу занимались украшеніемъ церквей живыми цвѣтами, и цвѣточники собирали большіе барыши. Въ виду громаднаго спроса на цвѣты, они продавались чрезвычайно дорого. Такъ розы покупались по 25 и 30 долларовъ за сотню, а лиліи по 50—75 долларовъ за штуку. Если принять во вниманіе, что церкви утопали въ цвѣтахъ, то можно себѣ представить, какъ дорого стоило Нью-Іорку подобное украшеніе. Въ газетахъ—въ церковныхъ объявленіяхъ появились пышныя рекламы о пасхальномъ богослуженіи, съ описаніемъ церковныхъ украшеній, съ программами музыкальныхъ пьесъ и перечнемъ приглашенныхъ артистовъ.

Воскресенье 28-го марта по новому стилю было въ 1880 году пасхальнымъ воскресеньемъ для западнаго міра. Съ 10 часовъ утра по городу начала разливаться колокольная му-

зыка, и на призывъ ея текли безчисленныя массы народа. Чтобы дать представленіе о характерѣ пасхальнаго богослуженія въ Америкѣ, предлагаю описаніе богослуженія въ церкви одного изъ знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ, именно въ такъ называемой «Скиніи д-ра Талмича», въ Бруклинѣ *).

Скинія д-ра Талмича пользуется необыкновенною популярностью и программа пасхальнаго богослуженія въ ней была одною изъ наиболѣе выработанныхъ и интересныхъ. При входѣ въ церковь посѣтителямъ раздавались листки съ программою богослуженія и цѣлыми гимнами, назначенными къ исполненію. Текстъ программы былъ обвитъ великолѣпнымъ золотымъ ободкомъ, на вершинѣ котораго красовались слова: «Радуйтесь, Спаситель нашъ живъ»! Самая церковь представляла настоящій цвѣтникъ, красота цвѣтовъ котораго соперничала съ весеннимъ благоуханіемъ ихъ. Надъ алтаремъ виднѣлись слова: «Христосъ воскресъ» изъ бѣлыхъ и малиновыхъ розъ укрѣпленныхъ на плющѣ, надъ ними корона изъ цвѣтовъ же, а вверху всего горѣла электрическая звѣзда, разливавшая волшебный свѣтъ по всему цвѣтнику. По бокамъ алтаря расположились два хора изъ мужскихъ и женскихъ голосовъ, а наверху противъ алтаря громадный оркестръ духовой и инструментальной музыки. Раздались звуки органа и воцарилась торжественная тишина. Изъ боковой двери алтаря показалась солидная фигура д-ра Талмича. Движенія его были гибки и эластичны, а пожилыя щеки пылали яркимъ румянцемъ — предвѣщавшимъ необыкновенно одушевленную проповѣдь, какъ объясняли постоянные посѣтители и поклонники знаменитаго проповѣдника. Облокотившись на престолъ, проповѣдникъ какбы подъ тяжестью чувствъ склонилъ свою голову и закрылъ лице руками. Послышались звуки нѣсколькихъ инструментовъ, за

*) Бруклинъ, богатѣйшій пригородъ Нью-Іорка, отдѣленный отъ него только рѣкою, имѣетъ полмилліона жителей и извѣстенъ подъ названіемъ «города церквей».

которыми грянулъ весь оркестръ, внизу подхватили его хоры и все слилось въ восторженную пѣснь воскресенію Христа. Затѣмъ слѣдовало исполненіе всей программы, состоявшей изъ лучшихъ пьесъ знаменитыхъ композиторовъ Генделя, Бетховена, Моцарта, Гуно и пр. Оркестръ и хоры смѣнялись солистами инструментальными и вокальными. Между прочимъ профессоръ музыки Али исполнилъ пасхальный гимнъ на корнетѣ. По мановенію руки профессора, всѣ богомольцы поднялись съ своихъ мѣстъ и стоя слушали артистическое соло, которое американскому слуху казалось какбы трубнымъ гласомъ ангеловъ, возвѣщавшихъ о воскресеніи Христа. Все богослуженіе состояло изъ музыки и пѣсенъ и только Молитва Господня и Символъ вѣры читались пасторомъ, за которымъ каждое слово хоромъ повторяли всѣ богомольцы. По окончаніи богослужебной программы производился праздничный сборъ и подъ звуки долларовъ оперная артистка пѣла гимнъ: «Я знаю, что мой Спаситель живъ».

Богослужебная программа была составлена очевидно во вкусѣ американцевъ и производила на нихъ сильное впечатлѣніе. Когда д-ръ Талмичъ взошелъ на проповѣдническую каѳедру, то слушатели его были уже наэлектризованы до кончиковъ волосъ. Для своей пасхальной проповѣди онъ избралъ текстъ изъ евангелія Іоанна XIX, 41: «Въ саду гробъ новый». Осмотрѣвшись кругомъ себя, проповѣдникъ сказалъ, что онъ чувствуетъ себя какбы въ благоухающемъ цвѣтникѣ неба, и затѣмъ предался личному элегическому размышленію. «Цвѣты, цвѣты!» говорилъ онъ какбы про себя, касаясь ихъ рукой. «Быть можетъ вы навсегда завянете, а быть можетъ вы и безсмертны. Ваше благоуханіе быть можетъ есть ваша душа, и я бы не удивился, возвышая голосъ говорилъ ораторъ, если бы, перейдя долины временности, я сталъ рвать эти розы на неизслѣдимыхъ холмахъ вѣчности». Возвращаясь затѣмъ къ тексту, проповѣдникъ сказалъ, что его текстъ относится къ тому времени, когда богатый джентльменъ, Іосифъ по имени, одинъ изъ семидесяти судей Христа, проходя

по своему саду нашелъ мѣсто удобное для гробницы, которое онъ приготовилъ для упокоенія своихъ бренныхъ останковъ. «Хорошенько всмотритесь въ этотъ гробъ», внушительно воскликнулъ ораторъ: «этотъ гробъ самый замѣчательный мавзолей во всей исторіи!» Затѣмъ онъ нарисовалъ поразительно живописную картину этого всемірноисторическаго погребенія; Никодимъ, другой богатый человѣкъ, приготовляетъ благоухающія травы, оба они окуриваютъ ими тѣло и готовятъ его для погребенія, вмѣстѣ съ двумя женами переносятъ тѣло въ гробницу, полагая его въ разсѣлину скалы. Дверь закрывается и запечатывается, но не навсегда, у этой двери произойдетъ борьба, борьба между небомъ и адомъ, отъ которой рушатся врата гроба. Отъ этого простаго, но вѣчнопамятнаго погребенія проповѣдникъ перешолъ къ похоронамъ настоящаго времени и, изобразивъ ихъ пышную суетность, совѣтовалъ тѣмъ изъ своихъ слушателей, которые могутъ сдѣлать для своихъ родственниковъ и друзей только убогое погребеніе, помнить, что при погребеніи Христа не было безконечной процессіи траурныхъ каретъ и массы печалющихся зрителей: тамъ было лишь четверо искреннихъ друзей умершаго. Теперешнія требованія при похоронахъ такъ велики, что человѣку нельзя и умереть, если только онъ не богатый *). Каковъ бы ни былъ нашъ гробъ, мы возстанемъ изъ него. «Соберите гранитъ со всей земли и навалите его на нашъ гробъ: мы возстанемъ и изъ подъ-него; врата гроба выскочутъ со своихъ петлей и превратятся въ прахъ. Веселись, земля! веселись небо! О мои слушатели! Исполнитесь радостью въ это пасхальное утро!» Можно было думать, что проповѣдникъ кончилъ свою рѣчь, но онъ захотѣлъ сказать еще нѣсколько словъ въ пользу бѣдствующей Ирландіи. «Въ этотъ день благоволенія къ людямъ, говорилъ онъ, есть нѣчто и за предѣлами Нью-Іорка, что невыразимо терзаетъ мое сердце.

*) Похороны въ Нью-Іоркѣ дѣйствительно совершаются съ безумною роскошью, требующею громадныхъ расходовъ.

Вонъ старый фрегатъ «Созвѣздіе», посылаемый Соединенными Штатами въ Ирландію и нагруженный хлѣбомъ пятью стами тысячъ пудовъ. Управь путь этому кораблю, о Христосъ изъ Назарета! Ты преломлялъ хлѣбъ для пяти тысячей, преломи этотъ хлѣбъ для пятидесяти тысячей! Ты держишь вѣтры въ Твоихъ рукахъ, наполни паруса корабля попутнымъ вѣяніемъ! Подождите еще немного, потерпите еще мало, о умирающіе люди Ирландіи, голодающія женщины, изнуренныя малютки! «Созвѣздіе» идетъ къ вамъ!» Надо знать мощную силу ораторскаго искусства д-ра Талмича, чтобы вполнѣ оцѣнить и понять впечатлѣніе этихъ рѣчей на слушателей. Многіе изъ нихъ рыдали и самъ проповѣдникъ едва сдерживалъ слезы.

Впечатлѣніе было столь сильное, что, когда проповѣдникъ закончилъ свою рѣчь и склонилъ голову на руки, закрывъ ими свое лицо, вся масса богомольцевъ оставалась нѣсколько моментовъ въ нѣмомъ оцѣпененіи. И только тихіе звуки органа какбы вновь влили жизнь въ эту замершую массу. Послѣдовавшее затѣмъ исполненіе послѣдней части музыкальной программы вполнѣ оживило богомольцевъ и возвратило ихъ къ пасхальнопраздничной настроенности. Въ этомъ отношеніи вѣроятно особенно оживляющее значеніе имѣло исполненіе такъ называемаго въ программѣ «хороваго пасхальнаго аллилуія». Оно состоитъ изъ ряда пасхальныхъ стиховъ, изъ которыхъ каждый заключается однократнымъ аллилуія. Музыка стиховъ по композиціи нѣсколько напоминаетъ «Вѣрую» Березовскаго: тотъ же переходъ въ тонахъ. Но лишь только хоръ доходилъ до аллилуія, какъ ударялъ оркестръ, хоръ разсыпался въ пѣніи подобномъ пѣнію весеннихъ птицъ и изъ массы всевозможныхъ звуковъ яснѣе всего слышались звуки трехъугольника: динь-динь-динь, которыми и заканчивалось каждое аллилуія. По окончаніи богослуженія д-ръ Талмичъ благодарилъ всѣхъ, кто дѣлалъ приношенія для украшенія церкви цвѣтами, а также артистовъ и артистокъ, которые приняли живое участіе въ богослуженіи. Отсюда

можно заключить, что пасхальная пышность описаннаго богослуженія въ большей своей части обязана была доброхотной ревности любителей церковнаго благолѣпія.

Подобно описанному совершалось богослуженіе и въ другихъ церквахъ. Только музыкальная программа разнообразилась до безконечности. Въ церквахъ мелкихъ религіозныхъ общинъ она теряла раздѣлительную грань между богослуженіемъ и концертомъ. Въ богослужебной программѣ церкви такъ называемаго «божественнаго отечества» значился даже вагнеровскій маршъ изъ «Тангейзера». Описанное выше «пасхальное хоровое аллилуія» должно быть во вкусѣ американцевъ, такъ какъ оно значилось въ большинствѣ богослужебныхъ программъ. Изъ католическихъ церквей самое пышное богослуженіе было конечно въ каѳедральномъ соборѣ св. Патрика. Мнѣ довелось быть въ соборѣ при послѣобѣденномъ богослуженіи около 3-хъ часовъ пополудни. Это богослуженіе было не въ счотъ абонимента и предназначалось спеціально для бѣдныхъ, которые не въ состояніи снимать въ немъ годичныхъ дорогихъ мѣстъ. Тысячи бѣднаго люда валили со всѣхъ сторонъ къ собору и при самыхъ дверяхъ вынимали свои тощіе кошельки, чтобы заплатить 10 центовъ (20 коп. по нашему курсу) за право входа въ соборъ. Соборъ вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 15,000 народа, значитъ выручка была за этотъ разъ около или даже болѣе полуторы тысячи долларовъ или три тысячи рублей. Богослуженіе было пышное—съ оркестромъ, съ хоромъ въ 100 мужскихъ и женскихъ голосовъ и двумя хорами изъ дѣтскихъ голосовъ, и съ проповѣдью въ заключенье.

Въ обыденной жизни Пасха въ Америкѣ ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ воскресныхъ дней; здѣсь совсѣмъ нѣтъ того захватывающаго духъ праздничнаго восторга, съ какимъ она привѣтствуется въ русской жизни. Она здѣсь празднуется всего только одинъ день. Зато весь этотъ день состоитъ почти изъ непрерывныхъ богослуженій: богослуженіе поутру, богослуженіе пополудни и богослуженіе вечеромъ, и

массы народныя только переходять отъ одного богослуженія къ другому и изъ одной церкви въ другую.

На слѣдующій день—въ нашъ свѣтлый понедѣльникъ, машина будничной жизни опять заскрипѣла своими колесами, дѣти съ книжками шли въ школы, а взрослые опять бросились въ погоню за долларами.

V. Религія въ свободной странѣ.

Свобода, культура и религія. — Будни и воскресенье. — Общество дѣловыхъ людей.—Религіозные митинги.—Общество молодыхъ христіанъ.

Тѣ отважные либералы, но убогіе мыслители, которые по преданію, оставленному имъ прошлымъ столѣтіемъ, продолжаютъ твердить, что религія — отжившее явленіе, достояніе младенчествующаго человѣчества, и что для возмужалаго человѣчества на смѣну религіи должна выступить положительная наука, твердятъ такъ только потому, что не въ силахъ поднять своихъ отуманенныхъ глазъ и здраво взглянуть на окружающія ихъ явленія. Одинъ подобный взглядъ на явленія свободной здоровой жизни достаточенъ для того, чтобы традиціонное мнѣніе разсѣялось какъ дымъ. Лучшимъ и наиболѣе вѣскимъ опроверженіемъ легкомысленной теоріи относительно временнаго характера религіи можетъ служить жизнь американскаго народа. Народъ этотъ пользуется такою политическою и религіозною свободою, которая для многихъ народовъ старого свѣта можетъ быть только мечтой, а по распространенности своего образованія, по степени культурнаго развитія не имѣетъ соперниковъ на всемъ земномъ шарѣ. Благодаря своей полной свободѣ, народъ этотъ могъ бы давно сдать

религію со всѣми ея церквами и іерархіями въ архивъ вѣчности, и благодаря своей развитости онъ давно бы долженъ былъ поклоняться только кумирамъ положительной науки. И однакоже жизнь этого народа представляетъ совершенно обратную картину. Религія, можно смѣло сказать, нигдѣ не имѣетъ такой интенсивной жизненности, какъ въ Америкѣ, внѣшнія проявленія ея нигдѣ такъ не многочисленны, какъ здѣсь, и положительная наука нигдѣ не имѣетъ меньшихъ притязаній на вытѣсненіе и замѣщеніе религіи, какъ опять именно въ жизни этого самаго свободнаго и самаго развитаго въ мірѣ народа. Жизнь здѣсь на каждомъ шагу даетъ подтвержденіе той непреложной истинѣ, что религія составляетъ существенную и потому вѣчную потребность человѣческаго духа, что свободой она только укрѣпляется и культурой только возвышается. Это, разумѣется, не значитъ, что религія находитъ самое высшее и правильное выраженіе въ Америкѣ. Нѣтъ, — религія здѣсь часто и особенно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ для свободы нѣтъ ограниченія въ достаточномъ образованіи, переходитъ въ распущенность и бродяжничество, а въ простыхъ необразованныхъ классахъ вырождается въ грубое суевѣріе. Здѣсь важенъ только самый фактъ живучести религіи, а также тотъ замѣчательный фактъ, что степень религіозности въ американскомъ народѣ прямо пропорціональна степени образованности. Чѣмъ образованнѣе классы общества, тѣмъ они религіознѣе. Здѣсь скорѣе можно встрѣтить невѣра въ лицѣ уличнаго невѣжественнаго бродяги, который будетъ отчаянно отрицать религію, — и главнымъ образомъ потому, что благодаря ей по воскресеньямъ запираются питейныя заведенія, — чѣмъ въ лицѣ образованнаго человѣка.

Внѣшній будничный обликъ жизни американскаго народа носитъ на себѣ такой практическій, бездушный характеръ, что трудно даже и предположить, чтобы въ жизни этого народа могли быть какія нибудь возвышенныя, идеальныя стремленія. Практическій матеріализмъ, этотъ молохъ нашего вѣка, здѣсь повидимому пожираетъ человѣческое сердце, оставляя лишь

холодный расчетливый умъ, занятый единственно интересами практической жизни, «деньгодѣланіемъ», какъ говорятъ американцы. И однако достаточно взглянуть на эту самую жизнь хоть въ одинъ воскресный день, чтобы сразу же перемѣнить о ней мнѣніе. Все въ ней получаетъ совершенно новый видъ, вчерашній кумиръ подвергается строжайшему остракизму, а интересы религіозно-нравственной жизни всецѣло поглощаютъ мысли и желанія народа. Самый городъ своею внѣшностью показываетъ разительную перемѣну. Вмѣсто безконечной вереницы торговыхъ и промышленныхъ колымагъ, наводняющихъ улицы, и торопливыхъ массъ народа, бѣгущаго по тротуарамъ, вы видите царство торжественнаго спокойствія. Въ извѣстные часы улицы также наводнены народными массами, но уже совсѣмъ другая сила движетъ ими и совсѣмъ другой видъ имѣютъ онѣ. По сверкающимъ въ рукахъ у каждаго золотообрѣзнымъ молитвенникамъ вы увидите, что эти массы двигаются или въ церковь или изъ церкви. Хожденіе въ церковь здѣсь считается столь необходимымъ, что требуется даже обыденнымъ общественнымъ мнѣніемъ, которое караетъ за несоблюденіе этого требованія. Отсюда объясняется тотъ курьезный фактъ, что не бывшіе почему либо въ церкви скрываютъ это отъ своихъ знакомыхъ и на вопросъ ихъ скорѣе готовы сказать неправду, чѣмъ признаться въ опущеніи. Не имѣть же совсѣмъ абонимента въ церкви считается въ здѣшнемъ высшемъ обществѣ такимъ позоромъ, какимъ въ петербургскомъ высшемъ обществѣ считается не имѣть абонимента въ итальянской оперѣ, особенно если тамъ поетъ какая нибудь знаменитость въ родѣ Патти. Гейне въ своихъ «англійскихъ отрывкахъ» говоритъ, что онъ отъ всей души ненавидитъ англичанъ. «Ихъ молитвы,—восклицаетъ онъ,—ихъ механическое благочестіе, ихъ хожденіе въ церковь съ золотообрѣзнымъ молитвенникомъ въ рукахъ, ихъ нелѣпое и скучное провожденіе воскреснаго дня,—все это особенно отталкиваетъ меня. Я твердо убѣжденъ, что богохульствующій французъ болѣе пріятенъ Богу, чѣмъ молящійся англичанинъ». Тоже самое онъ навѣрно сказалъ бы и объ аме-

риканцахъ, какъ между прочимъ и говорятъ о нихъ нѣмецкіе эмигранты, которые въ высшей степени недовольны американскими воскресными порядками, въ силу которыхъ закрываются пивныя лавки и строго карается нарушеніе тишины и святости воскреснаго дня. Тоже самое къ сожалѣнію надо сказать и о нѣкоторыхъ русскихъ соотечественникахъ, которые тоже недовольны здѣшними воскресными порядками и чувствуютъ себя какъ-то не «по праздничному»... Но совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ представляются эти порядки для тѣхъ, кому дороги интересы религіи и нравственности. Это превосходная нравственная дисциплина. Статистическія данныя показываютъ, что гдѣ строже законы относительно воскреснаго дня, тамъ меньше пьянства и преступленій. Вслѣдствіе этого во многихъ штатахъ, гдѣ законы относительно соблюденія воскреснаго дня съ теченіемъ времени ослабѣли, теперь опять пробуждается стремленіе къ усиленію ихъ, что производитъ не малый переполохъ въ нѣмецкомъ населеніи, постоянно агитирующемъ въ пользу отмѣны воскресныхъ законовъ, которые будто бы стѣсняютъ общественную свободу.

Воскресное богослуженіе обыкновенно бываетъ два раза, въ нѣкоторыхъ церквахъ утромъ и вечеромъ, а въ другихъ утромъ и въ три часа пополудни, такъ что въ воскресенье на улицахъ вы только и видите людей съ молитвенниками, идущихъ въ церковь или изъ церкви. Полуденное и вечернее богослуженіе посѣщается такъ же усердно, какъ и утреннее. При вечернемъ богослуженіи часто народу бываетъ даже больше чѣмъ при утреннемъ. Оно бываетъ интереснѣе: для него приготовляется лучшая музыка, лучшая проповѣдь и роскошное газовое и даже электрическое освѣщеніе. Побывать при такомъ богослуженіи для посторонняго человѣка составляетъ высокое эстетическое наслажденіе. Тѣ, кто не имѣетъ абонимента на мѣста въ церкви, обыкновенно платятъ за входъ смотря по церкви и характеру богослуженія отъ 10 центовъ до 1 доллара. Иностранцы большею частью имѣютъ свободный входъ. Богослуженіе не ограничивается однакоже церквами. Оно совершается и помимо

ихъ. Въ Нью-Іоркѣ чрезвычайно много различныхъ общественныхъ залъ для политическихъ и частныхъ митинговъ, рѣчей, лекцій, концертовъ, спектаклей, баловъ и т. п. Въ воскресенье всѣ эти залы превращаются въ мѣста богослужебныхъ собраній, для чего каждый изъ нихъ снабженъ органомъ, который одинаково служитъ какъ для концертовъ, такъ и для богослуженій. Проповѣди въ этихъ собраніяхъ говорятся часто профессорами различныхъ учебныхъ заведеній, не облеченными никакимъ священнымъ саномъ. Въ одномъ изъ лучшихъ залъ, такъ называемомъ «Chickering Hall» по воскресеньямъ собирается для богослуженія «общество нравственной культуры» и проповѣди или скорѣе рѣчи говоритъ профессоръ Адлеръ, берущій обыкновенно свои темы изъ обширной области вопросовъ о нравственномъ вліяніи христіанства.

У американцевъ сильно развитъ корпоративный, общественный духъ. Каждое званіе, занятіе, ремесло, даже возрастъ и полъ имѣютъ свои особые корпораціи и общества, которыя снимаютъ для себя особыя залы, гдѣ и собираются для обсужденія различныхъ вопросовъ, касающихся интересовъ корпораціи. По воскресеньямъ члены обществъ собираются въ свои залы для богослуженія и выслушанія проповѣди, которыя также часто говорятся частными лицами. Въ свободное отъ богослуженія время здѣсь бываютъ религіозные митинги, на которыхъ обсуждаются мѣры къ поддержанію религіозно-нравственнаго характера въ членахъ той или другой общины или корпораціи. Въ одно изъ послѣднихъ воскресеній былъ подобный митингъ членовъ такъ называемаго «общества дѣловыхъ людей». На собраніи былъ между прочимъ возбужденъ вопросъ о сильно распространенной у американцевъ привычкѣ божиться или вѣрнѣе клясться. Общество осудило этотъ порокъ и послѣ разсужденій приняло слѣдующую резолюцію: «Такъ какъ легкомысленная клятва нарушаетъ законы добраго общества и штата, равно какъ и Бога; такъ какъ для честныхъ людей непріятно и больно слышать это въ обществѣ, и такъ какъ дѣтямъ, которыя слышатъ и научаются

такой же клятвѣ, это часто гораздо вреднѣе чѣмъ укушеніе бѣшеной собаки,—то опредѣлили: всякому, кто легкомысленно клянется, напомнить симъ, что онъ совершаетъ жестокое, неблагородное и незаконное дѣло». У насъ въ Россіи, гдѣ общественная мысль не съумѣла еще выработаться въ законодательную силу и гдѣ необузданный индивидуализмъ часто съ преднамѣренностью попираетъ и нарушаетъ всякія общественныя ограниченія, по принципу—«нашему нраву не препятствуй», резолюція эта вызвала бы только усмѣшку и учащенное нарушеніе ея, въ доказательство личной независимости. Совсѣмъ не то здѣсь, въ странѣ самаго свободнаго народа. Газеты встрѣтили ее симпатическими отзывами, а для членовъ самого «общества дѣловыхъ людей» она несомнѣнно законъ. По поводу этой резолюціи и передовой статьи о ней, въ открыто-демократическую газету «Солнце» *) прислано было слѣдующее письмо. «Прочитавъ руководящую статью о распространенной дурной привычкѣ клясться, а также о резолюціи, выработанной «обществомъ дѣловыхъ людей», мы считаемъ нужнымъ сказать, что года два тому назадъ здѣсь существовало большое противоклятвенное общество, изъ котораго образовались многія другія въ здѣшнемъ и сосѣднихъ штатахъ. Мы очень рады, что «Солнце» обратило вниманіе на это большое и возрастающее зло, особенно между дѣловыми людьми. Ничто такъ не унижаетъ человѣка въ глазахъ другаго, какъ клятва. Мы сами составляемъ противоклятвенное общество и полагаемъ взысканіе въ 50 центовъ **) за каждое праздное клятвенное слово. Деньги платятся немедленно и употребляются по опредѣленію общества. Мы имѣемъ очень мало случаевъ проступковъ, и каждый членъ общества считаетъ за честь поймать своего сочлена на неосторожномъ, клятвенномъ словѣ. Мидъ, президентъ противоклятвеннаго

*) «The Sun»—большая демократическая газета, имѣющая 100 тысячъ подписчиковъ.

**) Полдоллара или по нашему курсу—рубль.

общества». Если мало простой резолюціи, стѣсняющей «свободу слова», такъ вотъ вамъ даже денежное взысканіе за нарушеніе резолюціи. Чудной право этотъ свободный народъ!

Одно изъ наиболѣе богатыхъ и благоустроенныхъ обществъ есть такъ называемое «общество молодыхъ христіанъ». Оно имѣетъ громадный домъ, въ которомъ помѣщается обширная библіотека, газетная читальня, залы для собраній, лекцій, гимнастики и т. п. Главная цѣль этого общества доставленіе даровaго образованія молодымъ людямъ и поддержаніе между ними началъ христіанской нравственности. Каждый день тамъ читаются лекціи по различнымъ предметамъ, попреимуществу изъ области точныхъ положительныхъ наукъ, два раза въ недѣлю бываютъ митинги молодыхъ людей, на которыхъ обсуждаются различные вопросы и явленія общественной и политической жизнь и каждый день въ четыре часа пополудни бываетъ молитвенный митингъ или коротенькое богослуженіе. Мнѣ часто приходилось присутствовать при послѣднемъ. Большая читальня, въ которой выписывается множество американскихъ и заграничныхъ газетъ и журналовъ, обыкновенно переполнена читателями. Но вотъ бьетъ четыре часа и изъ сосѣдняго зала раздается нѣсколько звучныхъ аккордовъ рояли. Это призывъ на молитву. Молитвенный залъ заставленъ рядами стульевъ, изъ которыхъ на каждомъ лежатъ двѣ книги— Библія и книга гимновъ съ нотнымъ переложеніемъ ихъ. Передъ ними столъ съ тѣми же книгами и рояль съ боку. По стѣнамъ большія художественныя картины, и одна изъ нихъ чуть ли не изображаетъ московскій кремль. Кресло за столомъ занимается обыкновенно какимъ нибудь членомъ или управителемъ общества. Онъ говоритъ номеръ гимна, піанистъ беретъ аккорды и все собраніе подъ его аккомпаниментъ поетъ этотъ гимнъ. Послѣ нѣсколькихъ гимновъ предсѣдательствующій членъ прочитываетъ библейскій текстъ и на его тему говоритъ проповѣдь. Американцы природные ораторы; въ обыденной жизни они чрезвычайно словоохотливы и въ публич-

номъ ораторствѣ трудно подъискать имъ соперниковъ. Слово у нихъ льется легко, свободно и изящно: рѣчи и проповѣди они всегда говорятъ безъ тетрадокъ. Живость воображенія замѣчательная. Темы проповѣдей большею частью таковы, что для русскихъ онѣ показались бы скучными и схоластичными. Но американскіе проповѣдники умѣютъ самыя отвлеченныя мысли облекать живою плотію и кровію. Въ послѣдній разъ была проповѣдь на тему о покаяніи, объ относительномъ участіи въ этомъ актѣ человѣческой воли и благодати. По моему мнѣнію, тема этой проповѣди для ея пониманія требуетъ высокаго богословскаго образованія. Иначе она можетъ казаться безъинтересной. Въ Америкѣ оказывается она имѣетъ жизненный, практическій характеръ и постоянно подвергается обсужденію при борьбѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и сектъ, основывающихъ свое ученіе на томъ или другомъ пониманіи этого вопроса. Поэтому проповѣдь слушалась всѣмъ собраніемъ внимательно и съ интересомъ. По окончаніи ея выступило нѣсколько человѣкъ, которые въ собственной жизни находили факты, подтверждающіе высказанныя проповѣдникомъ мысли. Прежде другихъ поднялся почтенный бѣлый какъ лунь старецъ и припомнилъ нѣсколько случаевъ изъ своей молодости, бывшихъ лѣтъ 60 тому назадъ,—случаевъ, въ которыхъ онъ явно видѣлъ «голосъ Спасителя», призывавшаго его на правый путь жизни. Слышать такія рѣчи отъ образованнаго свѣтскаго человѣка, которому почтенная сѣдина и бодрость тѣла даны очевидно въ награду за этотъ именно «правый путь жизни», — было для меня весьма интересною и поучительною новостью. Затѣмъ между другими поднялся молодой человѣкъ лѣтъ 30 и разсказалъ случай изъ своей жизни, послужившій также поворотнымъ пунктомъ въ его жизни. Лѣтъ 10 тому назадъ онъ былъ отчаянный кутила и мотъ и всѣ пороки считалъ добродѣтелями. Такая жизнь однакоже скоро опустошила его карманы, и онъ однажды послѣ безпардоннаго разгула, безъ денегъ въ карманѣ и безъ искры утѣшенія въ сердцѣ, впалъ въ какое то угнетенное

отчаяніе и въ душу стала закрадываться мысль покончить съ собою. Вдругъ съ нимъ встрѣтился незнакомый ему молодой человѣкъ, ласково разговорился съ нимъ и разсѣялъ страшную мысль. При прощаніи молодой человѣкъ пожелалъ закрѣпить съ нимъ знакомство и мѣстомъ слѣдующаго свиданія назначилъ одну изъ церквей. «Я пришелъ въ назначенное время въ церковь, и это было въ первый разъ въ моей жизни»!—съ паѳосомъ искренности разсказывалъ онъ. «Молодаго человѣка я не нашелъ тамъ, но выслушалъ проповѣдь, которая была свѣтомъ для моей темной души, росой для изсохшаго сердца. Тогда я понялъ, что это Самъ Господь призывалъ меня къ Себѣ, и я внялъ Его призыву. И теперь я самый счастливый человѣкъ. Имѣю хорошую христіанскую жену и христіанскихъ дѣтей и пользуюсь полнымъ благосостояніемъ, семейнымъ счастьемъ и душевнымъ довольствомъ. Молодаго незнакомца я никогда послѣ не встрѣчалъ и не знаю, кто онъ такой. Я прошу у собранія спеціальной молитвы за него». Разсказъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Когда предсѣдательствующій назначилъ гимнъ для пѣнія, то аккорды рояли звучнѣе взяли его ноты и голоса собранія съ большею энергіей подхватили ихъ. Послѣ гимна одинъ изъ присутствующихъ произнесъ импровизированную молитву за молодаго незнакомца, послѣ которой еще прочиталась молитва Господня, и митингъ былъ объявленъ законченнымъ.

Подобное описанному происходитъ на каждомъ молитвенномъ митингѣ, по крайней мѣрѣ происходило на всѣхъ тѣхъ, на которыхъ мнѣ приводилось бывать. Митинги эти постоянно представляютъ величайшій интересъ. Здѣсь въ лицахъ выступаетъ религіознонравственная жизнь народа. Надо только удивляться энергіи религіознаго чувства въ этомъ народѣ. Молодые, двадцатилѣтніе парни въ отвѣтъ на обычную проповѣдь разсказываютъ изъ своей жизни различные факты и случаи съ такимъ трепетнымъ и искреннимъ благочестіемъ, которое у насъ можетъ показаться невѣроятнымъ вымысломъ ханжествующаго повѣствователя. Съ чувствомъ глубокаго

удовлетворенія уходилъ я обыкновенно съ этихъ митинговъ, и только одна мысль холодомъ пробѣгала по душѣ, что у насъ нѣтъ ни такихъ обществъ, ни такой энергіи религіознаго сознанія. А это избавило бы наше бѣдное отечество отъ многихъ удручающихъ его въ настоящее время невзгодъ.

VI. Земля положительнаго знанія.

Религія и положительная наука. — Свѣтобоязнь невѣрія. — Исповѣданіе вѣры со стороны ученыхъ.—Новоиспеченныя теоріи.—«Религія будущаго».

Какъ фактъ самаго существованія религіи, такъ и отношенія ея къ положительной наукѣ лучше всего наблюдать тамъ, гдѣ то и другое проявляется свободно, безъ всякой искуственной поддержки, а единственно по внутреннимъ мотивамъ, обусловливающимся внутреннею потребностью. Тутъ невозможно уже будетъ отдѣлываться такими аргументами невѣрія, что религія существуетъ только потому, что она поддерживается государствомъ, и что положительная наука не идетъ на смѣну религіи только потому, что она угнетается государствомъ. Въ Америкѣ и религія и положительная наука вполнѣ свободны, развиваются по своимъ собственнымъ законамъ и совершенно свободно устанавливаютъ между собою взаимныя отношенія, безъ всякаго посторонняго посредства. И что же мы видимъ?— Въ прошломъ очеркѣ я отмѣтилъ нѣсколько бѣглыхъ фактовъ энергіи религіознаго чувства въ Америкѣ; теперь отмѣчу нѣсколько такихъ же фактовъ, характеризующихъ отношеніе положительнаго знанія къ религіи.

Америка—вполнѣ обѣтованная земля положительнаго знанія. Ни одинъ народъ не можетъ соперничать съ американцами

въ богатствѣ и распространенности этого знанія. Всевозможныя техническія и естественнонаучныя школы здѣсь играютъ важнѣйшую роль въ народномъ образованіи, и чрезъ нихъ проходитъ почти все населеніе. Каждый земледѣлецъ здѣсь въ тоже время техникъ, онъ работаетъ машинами. Высшее положительное знаніе—математика, астрономія, медицина и т. д.—здѣсь имѣютъ знаменитѣйшихъ представителей. Однимъ словомъ положительная наука нашла для себя въ Америкѣ самую плодородную почву и роскошно распространяется по ней и вглубь и вширь. Съ той точки зрѣнія, что положительная наука должна придти на смѣну религіи для «возмужалаго» человѣчества, надо бы предположить, что въ Америкѣ давно уже поклоняются только кумирамъ «новой вѣры», какъ назвалъ ее Штраусъ, а «старая вѣра» гдѣ нибудь по темнымъ закоулкамъ доживаетъ свои послѣдніе дни. Въ дѣйствительности какъ разъ все наоборотъ. Если религія нигдѣ не имѣетъ такой энергіи и такого разнообразія проявленій какъ въ Америкѣ, то напротивъ невѣріе едва ли гдѣ на всемъ земномъ шарѣ отличается большею скромностью и непритязательностью, чѣмъ какъ опять въ этой странѣ положительнаго знанія. Невѣріе здѣсь какъ бы боится свѣта и прячется отъ любопытныхъ глазъ. Проявленій его трудно отыскать. Однимъ изъ самыхъ лучшихъ показателей его служитъ конечно книжный рынокъ. Въ Германіи, этой классической странѣ невѣрія, въ настоящую пору въ книжныхъ магазинахъ за зеркальными стеклами такъ и пестрятъ различные трактаты о «религіяхъ будущаго», о «саморазложеніи христіанства», о «новомъ символѣ вѣры» и т. п. Очевидно спросъ на нихъ великъ, а соотвѣтственнымъ ему является и предложеніе со стороны щедрыхъ поставщиковъ. Совсѣмъ не то здѣсь. На показъ здѣсь выставлены классическія произведенія любимѣйшихъ писателей, Библіи, трактаты по предметамъ богословскаго, историческаго и положительнаго знанія и новѣйшія произведенія беллетристики. Я такъ заинтересовался этимъ фактомъ, что далъ себѣ трудъ нарочно осмотрѣть добрый десятокъ лучшихъ магазиновъ, чтобы найти какое нибудь изъ вы-

дающихся произведеній невѣрія. Трудъ былъ напрасенъ. Только въ одномъ магазинѣ ввозныхъ книгъ я обрелъ за зеркальнымъ окномъ послѣднее произведеніе Ренана, гдѣ оно и красовалось рядомъ съ послѣднимъ романомъ Эмиля Зола. Но даже и въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ бойкій романистъ совершенно забивалъ невѣрующаго академика: романъ расположился въ цѣломъ десяткѣ экземпляровъ и на двухъ языкахъ, а дѣтище Ренана только въ одномъ экземплярѣ и только на своемъ родномъ языкѣ. Фактъ не крупный, но весьма краснорѣчивый.

Если обратиться къ живымъ представителямъ положительнаго знанія, то они заговорятъ еще болѣе краснорѣчивымъ языкомъ. Первоклассный астрономъ д-ръ Прокторъ не только не издѣвается надъ различными астрономическими данными Библіи, какъ это дѣлаютъ старосвѣтскіе «позитивисты», но сплошь и рядомъ помѣщаетъ статьи, направленныя къ научному объясненію ихъ, съ яснымъ апологетическимъ оттѣнкомъ. Въ одномъ изъ святочныхъ номеровъ «Геральда» онъ напечаталъ большую статью о «звѣздѣ на востокѣ», руководившей восточныхъ мудрецовъ, и доказывалъ дѣйствительное явленіе этой звѣзды. Одинъ изъ лучшихъ натуралистовъ, именно проф. Грей, при наступленіи великопостнаго сезона читалъ рядъ лекцій о «религіи и наукѣ» въ примирительно-апологетическомъ духѣ. Лучшій геологъ Даусонъ издалъ книгу подъ заглавіемъ «Библія и природа», въ которой доказывалъ истинность первой главы Библіи. Наконецъ одинъ изъ первоклассныхъ математиковъ, д-ръ Пьерсъ тоже читалъ лекціи объ отношеніи науки къ религіи и въ математикѣ находилъ доказательства бытія Божія. Но этого мало. Здѣсь религіозностью похваляются даже врачи, эти такъ сказать профессіональные матеріалисты. Проходя однажды по главной нью-іоркской улицѣ Бродвею, я среди массы всякихъ объявленій получилъ довольно объемистую брошюру одного врача, въ которой онъ опредѣлялъ свою спеціальность, описывалъ входящія въ кругъ ея болѣзни и выставлялъ на видъ свои собственныя, новоизобрѣтенныя средства борьбы съ ними. Брошюра заключалась краснорѣчивой статьей о счастьѣ здо-

роваго человѣка и горькой судьбинѣ больнаго съ конечнымъ воззваніемъ, что кто хочетъ быть счастливымъ, тотъ пусть идетъ къ этому врачу, подателю здоровья и счастья. Статья эта заключала въ себѣ множество ссылокъ на различные авторитеты съ выдержками изъ нихъ. Просмотрѣвъ ихъ, я съ удивленіемъ нашелъ, что нѣкоторыя изъ этихъ выдержекъ были взяты изъ лучшихъ ньюіоркскихъ проповѣдниковъ, съ указаніемъ ихъ именъ. Врачъ въ своемъ объявленіи ссылающійся на проповѣдниковъ—какъ хотите, явленіе оригинальное! Послѣ всего этого весьма понятенъ тотъ фактъ, что когда лѣтъ десять тому назадъ сюда прибылъ Бюхнеръ, надѣлавшій въ свое время столько шуму въ Европѣ своей «силой и матеріей», и выступилъ съ рядомъ блестящихъ матеріалистическихъ лекцій, то встрѣтилъ совсѣмъ холодный пріемъ со стороны американской публики.

Представленные выше факты для многихъ русскихъ читателей могутъ показаться новымъ открытіемъ, потому что американская наука даже въ ея лучшихъ представителяхъ въ Россіи мало извѣстна. Нѣкоторые однакоже съ недоумѣніемъ прочтутъ эти строки и скажутъ: «а Дрэперъ»? Да, только на эту твердыню и можно опереться. По какой-то странной случайности, этому американскому профессору у насъ особенно посчастливилось. Его жиденькіе труды у насъ постоянно привѣтствовались и переводились съ большимъ восторгомъ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Если бы не было обиднымъ для русскаго ума, то можно бы причину этого указать въ отсутствіи въ немъ вкуса къ чему либо болѣе серьезному. Дрэперъ, какъ ученый спеціалистъ-медикъ, здѣсь славится и считается однимъ изъ лучшихъ профессоровъ. Но вѣдь у насъ переводятся и распространяются не его ученые труды, а тѣ произведенія его досуга, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ его спеціальности и въ предметѣ которыхъ онъ поэтому настолько же компетентенъ, насколько по крыловской баснѣ сапожникъ компетентенъ въ печеніи пироговъ. Его послѣднее произведеніе: «Столкновеніе религіи и науки», пе-

реведенное на русскій языкъ подъ заглавіемъ «Столкновеніе католицизма и науки», имѣло въ Америкѣ значительный успѣхъ. За пять лѣтъ оно успѣло выдержать восемь изданій. Но это единственно объясняется тѣмъ, что сочиненіе это по своей сущности есть политическій памфлетъ, направленный противъ римскаго католичества, который съ каждымъ годомъ все шире распространяется по Америкѣ и внушаетъ политикамъ опасенія на счетъ будущей судьбы республики. Всякое противодѣйствіе нашествію папизма поэтому является здѣсь желаннымъ и привѣтствуется съ восторгомъ; тѣмъ болѣе, если оно идетъ отъ лица науки. Такимъ образомъ для американцевъ предметъ этой книги вполнѣ практическій, жизненный, политическій, и успѣхъ ея обусловливается политическими причинами. У насъ же, за отсутствіемъ этихъ причинъ, появленіе ея можно объяснить только уже тѣмъ, что сказано выше. Не смотря однакоже на преобладаніе въ этой книгѣ политическаго элемента надъ религіознымъ, успѣхъ ея можно назвать большимъ только съ русской точки зрѣнія. По американски это въ сущности слабый успѣхъ, и далеко не можетъ равняться съ успѣхомъ напр. послѣдней книги Фаррара объ апостолѣ Павлѣ. Книга Дрэпера въ пять лѣтъ имѣла восемь изданій, а книга Фаррара въ пять мѣсяцевъ выдержала на американской почвѣ четыре изданія. Пропорція далеко не въ пользу Дрэпера.

Новоиспеченныя научныя теоріи, которыя у насъ, какъ извѣстно, съ жадностью поглощаются пустыми въ собственномъ содержаніи желудками, въ Америкѣ далеко не пользуются такимъ гостепріимствомъ и сплошь и рядомъ преслѣдуются сатирой. Въ одномъ изъ лучшихъ нью-іоркскихъ цирковъ-музеевъ (то и другое вмѣстѣ) среди всевозможныхъ занимательныхъ рѣдкостей я встрѣтилъ интересную группу механическихъ обезьянъ-музыкантовъ, которые по движенію скрытаго механизма великолѣпно исполняли разныя музыкальныя пьесы—на скрипкахъ, трубахъ, барабанахъ и т. д. Надъ ними золотая надпись гласила: «Труппа дарвиновыхъ людей». Въ самомъ

распространенномъ юмористическомъ журналѣ (The Puck) въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ напечатана была уморительная поэма, воспѣвающая теорію самозарожденія и постепеннаго развитія. Поэма представляетъ цѣлый хоръ ученыхъ натуралистовъ. Одинъ изъ нихъ въ восторженныхъ стихахъ излагаетъ эти теоріи, заключая каждый куплетъ словами: «такъ, джентльмены, и вышло все само собой». Хоръ натуралистовъ подхватываетъ этотъ стихъ и съ лихимъ притопываніемъ поетъ:

Хоръ ученыхъ громко пой—
Стало все само собой.

Сатирическое отношеніе къ новоиспеченнымъ теоріямъ проявляется не только въ сатирическихъ по профессіи изданіяхъ, но и въ обыкновенной газетной печати. Въ одномъ изъ воскресныхъ номеровъ лучшей американской газеты «N. Y. Times» напечатана была интересная въ этомъ отношеніи статья подъ заглавіемъ: «Религія будущаго». Статья принадлежитъ къ такъ называемымъ «издательскимъ» или по нашему редакціоннымъ и слѣд. выражаетъ не частный взглядъ, а взглядъ всего изданія. Нѣкто Стефенъ въ одномъ изъ мѣсячныхъ журналовъ напечаталъ статью, въ которой доказываетъ, что христіанство рано или поздно отживетъ свое время, перестанетъ удовлетворять чувствительныхъ людей; на смѣну его должна будетъ выступить новая религія, основывающаяся на великихъ истинахъ положительныхъ наукъ. Разборъ этого мнѣнія и имѣетъ своимъ предметомъ названная выше газетная статья. Вотъ что между прочимъ въ ней говорилось:

«Хотя Стефенъ и увѣренъ, что новая религія будетъ согласна съ научными истинами и въ нихъ откроетъ источникъ для благочестивыхъ размышленій, но онъ не опредѣляетъ этой религіи точно и подробно. Однако это совсѣмъ не трудно и мы возьмемъ на себя задачу начертать символъ вѣры и особенности этой положительной религіи будущаго. Эта религія конечно не будетъ признавать откровенія, а слѣдовательно и связанныхъ съ нимъ истинъ о существованіи личнаго Бога, безсмертія души.

Если нѣтъ безсмертія, то естественно нѣтъ и награды или наказанія по смерти; значитъ нѣтъ различія и между грѣховностью и праведностью, и правиломъ жизни можетъ быть только выгода. Новый символъ вѣры будетъ состоять изъ трехъ членовъ: 1) нѣтъ будущей жизни; 2) выгода есть единственное правило жизни и 3) быть можетъ есть, а быть можетъ и нѣтъ личнаго Бога. По своей простотѣ новый символъ вѣры гораздо короче стараго и не даетъ мѣста для утомительныхъ богословскихъ умозрѣній.

«Новая религія конечно не будетъ нуждаться ни въ церквахъ, ни въ священникахъ, и весь культъ будетъ состоять только въ томъ, что поэты будутъ слагать оды, воспѣвающія Великую, быть можетъ существующую, а быть можетъ и нѣтъ, Первопричину. Но она однакоже будетъ содержать въ себѣ истины, къ размышленію о которыхъ будутъ прибѣгать люди въ радости и горѣ. Истины эти конечно положительно научныя, и ими-то будутъ люди утѣшаться въ горѣ, укрѣпляться въ слабости. Преступникъ, приближающійся къ висѣлицѣ, будетъ приготовлять себя къ смерти размышленіемъ о великой и славной истинѣ биномовой теоремы. Священникъ конечно уже не будетъ напутствовать его, а придетъ какой нибудь ученый филантропъ и прочитаетъ ему утѣшительныя выдержки изъ алгебры и угладитъ ему путь въ царство небытія искуснымъ начертаніемъ теоремы Пиѳагоровыхъ штановъ. Это такъ благотворно повліяетъ на преступника, что онъ взойдетъ на эшафотъ съ истиннонаучнымъ спокойствіемъ. Когда человѣкъ будетъ подвергаться какому нибудь опасному искушенію и не въ силахъ будетъ противостоять ему, то стоитъ ему только уединиться въ кабинетъ и немного позаняться размышленіемъ о квадратурѣ круга; это такъ укрѣпитъ его, что онъ безбоязненно можетъ проходить чрезъ огненную пещь всякихъ искушеній. Подобное размышленіе будетъ чрезвычайно полезно и въ горести. Напр. у человѣка умираетъ нѣжно любимая жена. Онъ знаетъ, что никогда больше не увидитъ ее и что она, вмѣсто того чтобы ждать его въ будущемъ мірѣ, разложится на свои хи-

мическіе элементы. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ, возвратившись съ научныхъ, разумѣется, похоронъ, уединяется для того, чтобы найти утѣшеніе въ своей религіи. Онъ размышляетъ объ элементахъ орбиты новой кометы, или сосредоточиваетъ свои сердечныя чувствованія на истинѣ, что сила притяженія обратно пропорціональна квадрату разстоянія. Это скоро утѣшитъ и укрѣпитъ его и онъ выйдетъ изъ своего заключенія съ миромъ въ душѣ.—Новая нравственность также будетъ отлична отъ христіанской. Отверженіе теоріи, что существуетъ какой-то грѣхъ, въ христіанскомъ смыслѣ этого слова, и принятіе ученія, что удача есть единственное правило жизни, поведутъ къ результатамъ, при видѣ которыхъ совсѣмъ уже не стоитъ жить въ такомъ обществѣ, гдѣ еще существуютъ христіанскіе предразсудки. Люди будущаго несомнѣнно будутъ толковать о нравственности такъ же красно, какъ говорили о ней стоическіе философы; но если они будутъ находить при случаѣ выгоднымъ отдать свою жену въ наемъ ближнему, или удобнымъ покончить съ своею жизнью, то наука ничего не можетъ возразить противъ этого, а тѣмъ болѣе разубѣдить ихъ.

«Послѣ всего этого ясно, что новая религія куда какъ будетъ лучше христіанства, и мы должны всячески стараться о скорѣйшемъ ея введеніи и распространеніи. Невѣжественные люди и слабыя женщины навѣрно долго еще будутъ держаться христіанства, но превосходство новой религіи, съ ея научнымъ утѣшеніемъ и великимъ обѣтованіемъ вѣчной смерти, такъ очевидно для всѣхъ мыслящихъ людей, что они несомнѣнно съ радостью примутъ новую вѣру».

Вотъ одинъ изъ многихъ обращиковъ отношенія свободной американской печати къ мечтательнымъ теоріямъ о разныхъ научныхъ религіяхъ. Этотъ спокойный, но убійственный сарказмъ грознѣе для подобныхъ теорій, чѣмъ пространныя опроверженія ихъ; онъ смертнымъ приговоромъ ложится на нихъ, и онѣ безслѣдно исчезаютъ во мракѣ забвенія.

VII. Библія въ Америкѣ.

Общественное значеніе Библіи у американскаго народа.—Библія въ языкѣ, литературѣ, искусствѣ и политикѣ.—Новоисправленный переводъ Новаго Завѣта и общественный интересъ по поводу этого событія. — Характеръ перевода.—Газета въ полбиблію величиной.

«Библія содержитъ въ себѣ 3.586,489 буквъ, 773,692 слова, 31,173 стиха, 1,189 главъ и 66 книгъ. Слово Господь встрѣчается 1,855 разъ, слово *и* повторяется 46,277 разъ. Срединный стихъ въ Библіи есть Пс. CXVIII, 8. Всѣ буквы алфавита, кромѣ буквы j, находятся въ 21 стихѣ VII главы книги Эздры. Самый длинный стихъ есть Эсѳирь VIII, 9, и самый короткій въ Евангеліи отъ Іоанна XI, 35».

Такую математическую выкладку касательно содержимаго Библіи мнѣ недавно пришлось прочитать въ одной нью-іоркской газетѣ, и она представляетъ собою не только любопытный курьезъ, но и интересную характеристическую черту. Скрупулезная внимательность къ содержимому Библіи со стороны досужаго счотчика въ ней буквъ и словъ есть только одно изъ многихъ проявленій общаго отношенія американцевъ къ священной книгѣ. Навѣрно нигдѣ Библія не имѣетъ болѣе важнаго общественнаго значенія, чѣмъ какъ въ Америкѣ. Здѣсь она не только настольная книга въ обыкновенномъ смыслѣ слова, но вошла въ плоть и кровь американскаго общества. Если бы можно было отнять у американскаго народа Библію, то это значило бы лишить его половины его существа. Съ Библіей у американца связаны сладостнѣйшія воспоминанія ранняго дѣтства. Лишь только у ребенка пробуждается сознаніе, какъ онъ начинаетъ видѣть непремѣнную въ каждомъ домѣ толстую золотообрѣзную книгу, которую сѣдовласый дѣдъ или морщинистая бабушка въ серебряныхъ очкахъ неопустительно читаетъ каждое утро и вечеръ при пылающемъ ка-

минѣ. Монотонный и своеобразный речитативъ этого чтенія навсегда ассоціируется въ представленіи ребенка съ блаженнымъ періодомъ счастливаго дѣтства. Когда приходитъ время обученія, то на праздники Рождества отецъ вмѣстѣ съ другими подарками сыну или дочери даритъ также и крохотную хорошенькую Библію. Затѣмъ начинается школа, и тамъ опять сладостныя воспомпнанія семейной жизни ребенка оживляются и поддерживаются ежедневнымъ чтеніемъ Библіи. Въ американскихъ школахъ обученіе ежедневно начинается чтеніемъ главы изъ Библіи, хотя и безъ всякаго объясненія. Зато воскресная школа, которая въ Америкѣ стоитъ на высокой степени развитія, имѣетъ своею спеціальною цѣлію объяснительное изученіе Библіи. Успѣхъ въ этомъ отношеніи достигается замѣчательный. Дѣти въ Америкѣ вообще развиваются очень рано, но ясныя, отчотливыя библейскія познанія пріобрѣтаются ими въ такія лѣта, когда европейскія и особенно русскія дѣти не имѣютъ еще никакого понятія о самой книгѣ. На пасху въ одной изъ нью-іоркскихъ церквей мнѣ пришлось присутствовать на празднованіи годовщины воскресной школы. Собралось до семисотъ дѣтей. Послѣ нѣсколькихъ гимновъ начался такъ называемый въ программѣ годичный обзоръ труда. Законоучитель перечислялъ по порядку воскресные дни, въ которые была воскресная школа, и обращался къ дѣтямъ съ вопросами, какой текстъ объяснялся въ такой-то день, и тотчасъ же вся масса дѣтей съ удивительной отчотливостью и бодростью наизустъ прочитывала текстъ. Такъ какъ объясненіе текстовъ въ школѣ ведется по той системѣ, по которой Библія читается въ церкви, то это дало возможность и печати слѣдить за обученіемъ въ воскресной школѣ, и въ воскресныхъ номерахъ свѣтскихъ ежедневныхъ газетъ можно всегда найти болѣе или менѣе обстоятельное объясненіе того текста, который стоитъ на очереди въ воскресныхъ школахъ, такъ что дѣти имѣютъ возможность три раза встрѣтиться съ однимъ и тѣмъ же текстомъ—въ его различныхъ формахъ,—въ церкви, въ школѣ и газетѣ.

Въ виду этого понятно вліяніе, которое Библія имѣетъ на жизнь американскаго общества. Когда вы войдете въ американскій домъ, то на столѣ въ гостиной увидите книгу, въ которой вы даже по внѣшности узнаете Библію. Иногда Библія хранится какъ наслѣдіе отдаленныхъ предковъ и на поляхъ ея заключается драгоцѣнная лѣтопись семейныхъ преданій. Часто такая Библія служитъ единственной рѣшительницей спорныхъ вопросовъ на судѣ о законности наслѣдства. Осмотритесь затѣмъ кругомъ, и вы увидите на стѣнахъ пластинки, которыя очень изящно гармонируютъ своимъ цвѣтомъ съ стѣнными украшеніями. Если вы всмотритесь въ эти пластинки, то разсмотрите на нихъ библейскіе тексты. Вмѣстѣ съ Библіей на столѣ лежитъ альбомъ. Въ немъ, кромѣ фотографическихъ карточекъ, найдете множество рождественскихъ и пасхальныхъ карточекъ, которыми американцы дарятъ другъ друга на Рождество и Пасху. Онѣ исписаны праздничными пожеланіями и библейскими текстами. Вслѣдствіе этого поразительно то знаніе текстовъ, съ которымъ можно постоянно встрѣтиться при разговорѣ съ американцами. Самый разговоръ ихъ носитъ на себѣ сильный библейскій оттѣнокъ. Вмѣстѣ со стихами изъ Шекспира, американецъ непремѣнно приведетъ нѣсколько и библейскихъ текстовъ. При сравненіяхъ сплошь и рядомъ обращается къ библейскимъ фактамъ. Еще замѣтнѣе вліяніе Библіи на литературу. Ни на одной литературѣ не лежитъ столь сильнаго библейскаго отпечатка, какъ на американской. Тексты и библейскіе обороты рѣчи ежедневно встрѣчаются въ газетныхъ статьяхъ, претендующихъ на литературное достоинство. «Мы не имѣемъ еще книги, которая бы оказывала столь глубокое вліяніе на мысль и стиль новѣйшей литературы, говорилъ «Herald» по поводу одного недавняго случая. Для всякаго писателя съ претензіей на мысль невозможно избѣжать обязательствъ къ этому священному источнику. Нѣтъ еще произведенія, которое бы такъ глубоко запечатлѣлось въ сердцахъ и умахъ всѣхъ говорящихъ англійскимъ язы-

комъ». Текстами иногда начинаются передовыя статьи въ свѣтскихъ газетахъ, какъ напр. передовая статья «Геральда» по поводу избранія новаго президента. Въ искусствѣ Библія также играетъ важную роль. Библейскіе сюжеты усердно разработываются американскими художниками живописи. На годичныхъ выставкахъ произведеній живописи вы постоянно встрѣтите нѣсколько или библейскихъ картинъ, или жанровыхъ сценъ со введеніемъ семейнаго чтенія Библіи при очагѣ. Чтеніе Библіи иногда даже вводится въ театральныя пьесы, при изображеніи обыденной семейной жизни американскаго народа. Наконецъ какъ въ обыденной жизни, такъ и въ разгарѣ политической борьбы можно постоянно встрѣтиться съ слѣдами библейскаго вліянія.

Политическіе ораторы въ обращеніи къ народной массѣ постоянно уясняютъ свою мысль библейскими примѣрами, хотя иногда и не совсѣмъ изящнаго свойства. Во время президентскихъ выборовъ прошлаго года воздухъ дрожалъ отъ подобныхъ библейско-политическихъ рѣчей. Однажды рьяный демократъ, съ охрипшимъ отъ политическаго усердія голосомъ, при свистѣ ракетъ въ вечернемъ воздухѣ, съ высокой платформы усиливался доказать собравшейся предъ нимъ сѣрой массѣ народа, что они должны подавать голосъ за демократическаго, а не республиканскаго кандидата. Надѣливъ послѣдняго всякими тяжеловѣсными эпитетами, ораторъ заявилъ, что самое назначеніе его кандидатомъ нечестиво и позорно. «Республиканцы говорятъ, ораторствовалъ демократъ, что назначеніе генерала Гарфильда кандидатомъ на президентство совершилось какбы по вдохновенію. Да, попистинѣ по вдохновенію, но только по какому?—Сограждане, это было дѣйствительно вдохновеніе, но только не иное какое, а то великое вдохновеніе, по которому гадаринскія свиньи съ кручи бросились въ воду. Какъ у гадаринскихъ свиней, такъ и у республиканцевъ былъ одинъ и тотъ же вдохновитель, и вдохновитель этотъ никто иной какъ злой духъ—сатана». И затѣмъ ораторъ-демократъ, найдя въ слушате-

ляхъ одобреніе своему удачному сравненію, провелъ длинную параллель вообще между республиканцами и гадаринскими свиньями. Сѣрая масса только ревѣла и гоготала. Иначе объясняетъ свое назначеніе на президентскую кандидатуру самъ Гарфильдъ. Онъ, какъ извѣстно, до верховнаго положенія въ величайшей республикѣ міра поднялся отъ лямки на каналѣ, гдѣ онъ въ дѣтствѣ заработывалъ себѣ убогій насущный хлѣбъ. Такое необычайное возвышеніе само по себѣ внушаетъ мысль о божественномъ промышленіи, а тѣмъ болѣе у Гарфильда, который самъ былъ нѣкогда проповѣдникомъ въ церкви общины «учениковъ Христовыхъ». Дѣйствіе сверхземнаго промышленія проявилось и въ его назначеніи на президентскую кандидатуру. Назначеніе это было совершенно неожиданно. Кандидатами были такіе знаменитые дѣятели какъ генералъ Грантъ, а о Гарфильдѣ ни у кого и помину не было. Тѣмъ не менѣе Грантъ потерпѣлъ пораженіе, а канальный лямщикъ получилъ назначеніе. По этому поводу самъ Гарфильдъ разсказываетъ слѣдующій случай. «Ночь предъ назначеніемъ мы сидѣли за полночь, стараясь сообразить запутанное состояніе дѣлъ. Дѣла были въ безнадежномъ состояніи и мы, отдохнувъ немножко, стали готовиться къ новой безплодной борьбѣ Когда я на слѣдующій день отправился на конвенцію, то проходилъ мимо человѣка, который усердно раздавалъ листки всякому прохожему. Я взялъ одинъ, думая, что это вѣроятно объявленіе на какое нибудь патентованное лекарство или что нибудь въ родѣ этого; но взглянувъ на него, увидѣлъ, что это былъ листъ изъ Библіи, и я потому не бросилъ его, а положилъ въ карманъ своего пальто, и забылъ о немъ. Скоро совершилось назначеніе и телеграммы массой повалились со всѣхъ сторонъ. Я читалъ ихъ и клалъ въ тотъ же карманъ. Послѣ засѣданія, я отправился въ свой отель, а телеграммы все сыпались въ громадномъ количествѣ, такъ что невозможно было отвѣчать на всѣ, и я велѣлъ своему секретарю сложить ихъ всѣ въ саквояжъ, чтобы по пріѣздѣ домой разсмотрѣть ихъ. Захвативъ у себя въ карманѣ пачку телеграммъ, я по-

далъ ему. «А это что такое»? спросилъ онъ меня, показывая печатный листокъ. Оказалось, что это былъ листъ изъ Библіи, и онъ сложился такъ, что можно было читать только одинъ стихъ, именно: «Камень, которымъ пренебрегали строители, тотъ сталъ во главу угла. Это дѣло Господне и оно дивно въ вашихъ очахъ». Окружающіе тогда же съ удивленіемъ обратили вниманіе на этотъ случай. Я вѣрую, господа, въ Провидѣніе, добавилъ президентъ. Воробей не можетъ упасть на землю безъ него. Но—мнѣ страшно отъ одной мысли, что такая высокая Сила дѣйствовала ради меня или для моего возвышенія».

При громадномъ вліяніи Библіи на жизнь и мысль американскаго народа неудивителенъ фактъ, что всякое явленіе, касающееся Библіи, становится крупнымъ общественнымъ событіемъ. Такимъ событіемъ было недавно изданіе въ свѣтъ новаго исправленнаго англійскаго перевода Новаго Завѣта. Теперешній англійскій переводъ Библіи, находящійся во всеобщемъ употребленіи у говорящихъ англійскимъ языкомъ народовъ, сдѣланъ при англійскомъ королѣ Іаковѣ I и потому называется іаковскимъ. Переводъ этотъ по отзыву знатоковъ англійскаго языка, отличается крупными литературными достоинствами. Языкъ его отличается величественнымъ и вмѣстѣ простымъ стилемъ, изященъ, ясенъ, силенъ и музыкаленъ. Это одинъ изъ лучшихъ образцовъ англійской классической прозы. Этими крупными достоинствами объясняется тотъ замѣчательный фактъ, что онъ вошелъ во всеобщее употребленіе, вытѣснилъ всѣ другіе переводы и сдѣлался «авторизованнымъ» переводомъ, не будучи никѣмъ офиціально авторизованъ. Онъ употребляется въ церквахъ и семействахъ, и нѣсколько устарѣлый языкъ его сдѣлался вполнѣ священнымъ языкомъ для народа, въ родѣ нашего славянскаго. Съ теченіемъ времени однакоже народный англійскій языкъ потерпѣлъ такія измѣненія, что нѣкоторыя слова получили совершенно иное значеніе или совсѣмъ вышли изъ употребленія, такъ что и самый переводъ Библіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пересталъ былъ по-

нятенъ для обыкновенныхъ читателей. Въ виду распространенности Библіи въ народѣ, это стало безпокоить проповѣдниковъ слова Божія и они стали подумывать объ исправленіи перевода, тѣмъ болѣе, что при развитіи библейскокритической науки оказалось необходимымъ по ихъ мнѣнію сдѣлать въ текстѣ св. писанія исправленія болѣе существенныя, чѣмъ простое исправленіе перевода. Десять лѣтъ тому назадъ съ этою цѣлію образовалось спеціальное библейское общество. Въ него вошли всѣ лучшія ученыя силы въ области библейской экзегетики и филологіи какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ, и оно въ количествѣ восьмидесяти членовъ приступило къ работѣ. Англійская и американская партіи работали совершенно независимо, и только въ извѣстные періоды представляли свои труды для сравненія, и тогда при разноласіи дѣло рѣшалось большинствомъ голосовъ. Трудъ состоитъ не только въ исправленіи перевода, но и въ провѣркѣ самаго текста по новсоткрытымъ древнимъ манускриптамъ и въ критической оцѣнкѣ и провѣркѣ значенія каждаго слова греческаго или еврейскаго оригинала. Трудъ очевидно колоссальный, особенно въ виду того, что количество разныхъ чтеній (варіантовъ) въ различныхъ открытыхъ манускриптахъ и переводахъ Новаго Завѣта восходитъ до 150,000. Публика съ интересомъ слѣдила за ходомъ важной работы, и интересъ естественно возрасталъ по мѣрѣ приближенія ея къ концу, пока наконецъ не перешолъ въ настоящее нетерпѣніе. Уже въ концѣ прошлаго года стали появляться газетныя извѣстія о приближеніи перевода къ окончанію, но самый переводъ появился только 20 мая сего года. И этотъ день вмѣстѣ совсею слѣдовавшею за нимъ недѣлей былъ днемъ необычайнаго торжества слова Божія. Америка, какъ извѣстно, есть страна литературныхъ сенсацій. Какое нибудь литературное произведеніе, сильно задѣвающее чуткую струну общественной жизни и достаточно подготовившее себѣ почву посредствомъ громкихъ рекламъ и оригинальныхъ объявленій, всецѣло овладѣваетъ умами и чувствами общества и быстро

расходится въ рядѣ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ изданій. Новый переводъ Новаго Завѣта не имѣлъ для себя другихъ искуственныхъ объявленій, кромѣ тѣхъ извѣстій, которыя постарались распространить всепроникающіе и всезнающіе репортеры, и однакоже день выхода его былъ такимъ литературнымъ событіемъ, какого и не помнитъ Америка. Еще до выхода перевода въ свѣтъ на него записалось въ Нью-Іоркѣ и Филадельфіи до 800,000 человѣкъ! Затѣмъ въ самый день выхода только и было рѣчи, что о новомъ переводѣ. Газеты помѣстили передовыя статьи о значеніи вообще Библіи для англійскаго народа; репортеры разсыпались по городу, разспрашивая всѣхъ мало-мальски компетентныхъ лицъ о достоинствѣ новаго перевода, у магазиновъ толпились ряды народа, нетерпѣливо ожидавшаго очереди получить экземпляръ Новаго Завѣта, а мелкіе книготорговцы тюками развозили новый переводъ по своимъ лавкамъ. До какой степени великъ былъ спросъ, можно судить по тому, что въ одинъ этотъ день разошлось до 300,000 экземпляровъ, цѣною отъ 15 центовъ до 10 долларовъ. На слѣдующій день разошлось опять около 200,000 экземпляровъ, а въ теченіи первой недѣли, цифра проданныхъ экземпляровъ возрасла до милліона,—и это только въ Нью-Іоркѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ. Газеты въ теченіи цѣлой недѣли были переполнены статьями и отзывами о достоинствахъ новаго перевода. Въ «Геральдѣ» въ пяти послѣдовательныхъ нумерахъ была помѣщена такая масса статей и сообщеній по поводу новаго перевода, что если бы ихъ собрать вмѣстѣ, то вышла бы объемистая книга листовъ въ десять обыкновенной печати. А если бы перевести весь этотъ матеріалъ на русскій языкъ, то въ виду того, что каждое русское слово въ общемъ выводѣ по меньшей мѣрѣ вдвое длиннѣе англійскаго, составилась бы солидная книга около двадцати печатныхъ листовъ. Все это напечатано было въ пяти нумерахъ газеты «Геральдъ». Если принять во вниманіе, что эта газета ежедневно расходится въ 125,000 экземпляровъ, а читается по меньшей мѣрѣ

въ пять разъ большимъ количествомъ лицъ, то знакомство публики съ новымъ переводомъ сдѣлалось полнымъ и всестороннимъ. Еще большій интересъ къ этому новому переводу заявила чикагская газета «Times», издающаяся въ г. Чикаго, отстоящемъ отъ Нью-Іорка на три дня желѣзно-дорожнаго пути. Чтобы дать своимъ читателямъ возможность познакомиться съ характеромъ новаго перевода въ самый день его выхода, нью-іоркскій кореспондентъ газеты передалъ по телеграфу всѣ двадцать восемь главъ Евангелія отъ Матѳея. Въ ближайшія два воскресенья проповѣдники избирали темой своихъ проповѣдей новый переводъ Новаго Завѣта, и проповѣдническіе отзывы опять занимали цѣлыя страницы въ понедѣльничныхъ нумерахъ газетъ. Это былъ великій и едва ли не безпримѣрный день сѣянія слова Божія. У меня нѣтъ фактическихъ данныхъ для сравненія этого общественнаго интереса американцевъ по поводу изданія новаго перевода Новаго Завѣта съ общественнымъ интересомъ, какой проявился въ Россіи по случаю выхода въ свѣтъ перваго авторизованнаго перевода Библіи на русскій языкъ; но мнѣ страшна одна мысль о такомъ сравненіи...

Что касается внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей новаго перевода, то онѣ слишкомъ многочисленны, чтобы войти въ этотъ краткій очеркъ. Переводчики и исправители не только измѣняли и исправляли слова и обороты прежняго перевода, но дѣлали исправленія въ самомъ текстѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они совершенно измѣняли принятый текстъ и опускали много такихъ текстовъ, которые срослись съ религіознымъ сознаніемъ народа. Такъ въ повѣствованіи ап. Павла о тайной вечери въ 1 Кор. XI, 24 ст. опущены слова: «*пріимите, ядите*», какъ будто не оправдываемыя лучшими манускриптами. На томъ же основаніи, какъ позднѣйшая вставка, опущенъ извѣстный стихъ 1 Іоан. VII, 8: «*Тріе суть свидѣтельствующіе на небеси*». Эти и подобныя измѣненія произвели сильное смущеніе въ обществѣ, привыкшемъ къ этимъ текстамъ. Но смущеніе перешло почти въ негодованіе

по поводу того, что переводчики на основаніи ученыхъ изысканій пришли къ заключенію, что извѣстное славословіе, заканчивающее молитву Господню: «*Яко Твое есть царство*», есть тоже позднѣйшая вставка, и на этомъ основаніи опустили его также въ новомъ текстѣ. Въ виду такихъ радикальныхъ измѣненій предполагаютъ, что, не смотря на свои несомнѣнныя ученыя достоинства, новый переводъ никогда не получитъ народной санкціи. Американцы чрезвычайно консервативный народъ, и самая популярная и распространенная газета говоритъ, что не слѣдовало бы и вообще дѣлать какихъ либо измѣненій въ теперешней Библіи, такъ какъ самыя устарѣлыя слова въ ней получили особенный священный смыслъ и тонъ въ сознаніи народа. Тѣмъ болѣе неумѣстны такія измѣненія, какъ опущенія цѣлыхъ и притомъ самыхъ популярныхъ текстовъ. Многіе проповѣдники съ церковныхъ каѳедръ также открыто и сильно высказались противъ новаго перевода, такъ что по всей вѣроятности онъ и останется только въ качествѣ ученаго изданія и не проникнетъ въ святилище храма. Тѣмъ не менѣе, своимъ появленіемъ онъ возбудилъ небывалый интересъ къ слову Божію, и по этому поводу, замѣчаетъ одна газета, священную книгу вновь прочли и прочтутъ цѣлыя сотни тысячъ такихъ лицъ, для которыхъ она дотолѣ была закрыта. А польза отъ этого чтенія, даже если бы оно вытекало изъ простаго любопытства, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Въ заключеніе рѣчи о книгѣ книгъ, нѣсколько словъ о газетѣ газетъ—нью-іоркскомъ «Геральдѣ». Пасхальный нумеръ его за нынѣшній годъ составилъ по заявленію самой редакціи эпоху въ исторіи журналистики. Это исполинскій нумеръ въ 24 страницы, о количествѣ печатнаго матеріала которыхъ можно судить по слѣдующимъ соображеніямъ редакціи: «Новый Завѣтъ есть книга, которую люди изучаютъ въ теченіе всей своей жизни, не достигая глубины ея священныхъ таинъ. Пасхальный нумеръ «Геральда» почти вдвое больше Новаго Завѣта. Библія есть воплощеніе вѣковъ вѣры,

назиданія, исторіи и откровенія, и благочестивый читатель, перевертывая листы ея въ утро и вечеръ, думаетъ — какъ велика эта книга. Сегодняшній «Геральдъ» по количеству словъ равняется болѣе чѣмъ половинѣ Библіи. Мы могли бы напечатать большую часть Шекспира, Байрона, Маколея, лучшія части любаго классическаго писателя—на бумагѣ, занятой сегодняшнимъ «Геральдомъ» и продаваемой за пять центовъ. Въ текущей литературѣ нѣтъ такого толстаго журнала, который давалъ бы столько словъ, какъ сегодняшній «Геральдъ». Онъ болѣе чѣмъ въ три раза больше мѣсячнаго журнала «Harper's Magazine», и почти въ три раза больше знаменитаго трехмѣсячнаго журнала «Edinburgh Review».—Однимъ словомъ «Геральду» издаваться бы не въ Нью-Іоркѣ, а въ бѣлокаменной Москвѣ, и называться бы ему царемъ-газетой.

VIII. Царство доллара и проповѣди.

Всемогущій долларъ.—Продажа мѣстъ въ церквахъ.—Аукціонъ и хорошая выручка. — Курьезный процессъ.—Проповѣдники и проповѣдничество.—Юморъ и телефонъ на проповѣднической каѳедрѣ.

Философы, какъ извѣстно, издавна отыскиваютъ мѣсто сѣдалища души въ человѣкѣ. Древніе указывали его въ груди, новые попреимуществу въ мозжечкѣ. Но одинъ новѣйшій философъ, для наблюденія которому попался американецъ, нашелъ сѣдалище души—въ карманѣ. И онъ въ значительной долѣ правъ. Если присмотрѣться къ политической и общественной жизни американцевъ, то можно видѣть, что главный рычагъ заправляющій всѣмъ механизмомъ ихъ жизни заключается именно въ карманѣ, наполненномъ разумѣется долларами. У нихъ

все расчитано на доллары. Долларами политиканы прокладываютъ себѣ дорогу къ президентству, на доллары оцѣнивается положеніе и значеніе человѣка въ обществѣ, долларами васъ вознаграждаютъ за тѣлесное поврежденіе напр. на желѣзныхъ дорогахъ, за неправильный арестъ, за клевету и т. д. На доллары наконецъ взвѣшена у нихъ и самая молитва. Когда у человѣка вдругъ является желаніе молитвы, то онъ не сразу можетъ удовлетворить своему желанію. Чтобы войти въ храмъ молитвы, онъ долженъ предварительно справиться съ карманомъ, достаточно ли его содержимое для свободнаго входа. Этотъ обычай платы за право входа въ церковь положительно выработался въ обычай регулярной продажи мѣстъ въ церквахъ, ежегодно производящейся въ опредѣленное время. Въ каждой церкви вы обыкновенно видите на переднихъ колоннахъ вывѣшенныя таблицы, которыя изображаютъ планъ церкви съ номернымъ указаніемъ мѣстъ и съ обозначеніемъ платы. По окончаніи каждаго года производится перепродажа соотвѣтственно показаннымъ цѣнамъ. Заплативъ деньги, богомолецъ получаетъ ключъ отъ своего мѣста, который и хранится у него до новой продажи. Это—обычная форма продажи по установленнымъ цѣнамъ. Но во многихъ и попреимуществу въ лучшихъ церквахъ продажа принимаетъ форму аукціона, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Въ газетахъ обыкновенно дѣлается объявленіе, что въ такой то день имѣетъ быть аукціонъ въ такой-то церкви и потому приглашаются всѣ желающіе. Такой аукціонъ недавно происходилъ въ церкви знаменитѣйшаго американскаго проповѣдника д-ра Бичера, роднаго брата извѣстной писательницы Бичеръ-Стоу. Кромѣ объявленія въ газетахъ, при самомъ входѣ въ церковь раздавались листы, на которыхъ обозначены были цѣны на мѣста и изложены правила для аукціонной продажи ихъ. Аукціонъ назначенъ былъ въ 7 часовъ вечера и къ этому времени собралось множество народа. На платформѣ или по нашему на амвонѣ занимали мѣста попечители церкви за особымъ столикомъ съ письменными принадлежностями и молоткомъ. Къ на-

значенному времени прибылъ самъ д-ръ Бичеръ и, поздоровавшись съ покупателями, обратился къ собранію съ словами: «Ну, пріятный вечеръ опять пришелъ къ намъ. Вы конечно, господа, знаете условія продажи, а если нѣтъ, то можете узнать изъ находящихся у васъ въ рукахъ правилъ. Я съ своей стороны могу дать вамъ только одно наставленіе, которое обыкновенно дается дѣтямъ въ школѣ: «говорите, дѣти, громко и отчетливо». Въ настоящій вечеръ я уступаю свое мѣсто человѣку, рѣчь котораго должна собрать больше денегъ, чѣмъ сколько можетъ собрать въ одинъ разъ величайшій проповѣдникъ и ораторъ. Онъ займетъ мое мѣсто и будетъ ораторствовать вамъ», съ улыбкой проговорилъ д-ръ Бичеръ и удалился. Его мѣсто занялъ главный попечитель церкви и открылъ аукціонъ. Первое мѣсто стоимостью въ 100 долларовъ *) быстро пронеслось по собранію и одинъ за другимъ голоса «громко и отчетливо» прокричали: двѣсти, триста, четыреста, пятьсотъ. На пятистахъ остановились и молотокъ утвердилъ эту цѣну. Мѣсто осталось за почтенно высматривающимъ джентльменомъ, котораго тутъ же стали поздравлять знакомые. Въ этомъ родѣ происходила вся продажа, причемъ всѣ мѣста покупались по цѣнѣ втрое и вчетверо выше номинальной. Номинальная стоимость всѣхъ мѣстъ въ церкви въ общемъ счетѣ равняется 12,852 долларамъ. Аукціонная продажа дала сумму въ 40,289 долларовъ, т. е. на 27,437 долларовъ выше номинальной. Если принять во вниманіе, что церковь побочныхъ сборовъ еще имѣетъ до 10 тысячъ долларовъ и причтъ ея состоитъ только изъ одного пастора-проповѣдника, то нельзя не сказать, что бюджетъ ея весьма почтенный. При особенныхъ и исключительныхъ обстоятельствахъ, какъ напр. при продажѣ мѣстъ въ только что построенной церкви и потому нуждающейся въ особенной денежной помощи, аукціонъ часто представляетъ замѣчательные факты религіозной ревности.

*) Долларъ по курсу равняется двумъ рублямъ.

Когда въ первый разъ производился аукціонъ въ новомъ каѳедральномъ католическомъ соборѣ св. Патрика, то за первыя мѣста вмѣсто номинальной цѣны въ 150 долларовъ, покупатели платили по пяти тысячъ (5000) долларовъ.

Гдѣ дѣло поставлено на чисто денежныя основанія, тамъ неизбѣжны и пререканія съ ихъ дальнѣйшими послѣдствіями. Небезъинтересный примѣръ этого представилъ одинъ изъ недавнихъ фактовъ, характеризующій между прочимъ вообще меркантильную натуру американцевъ. Въ одной изъ церквей почтенный янки снялъ мѣсто въ 500 долларовъ и спокойно молился въ ней въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Послѣ пасхи объявлена была пріостановка богослуженія на два мѣсяца съ цѣлію ремонтированія церкви. Когда церковь была вновь открыта для богослуженія, то почтенный янки, придя въ церковь, уже едва могъ найти и узнать свое мѣсто: какъ разъ надъ нимъ была построена лѣстница на хоры. Духъ его возмутился отъ такой перемѣны и онъ не могъ молиться, какъ онъ самъ заявлялъ и, не долго думая, подалъ жалобу въ судъ на управителей церкви. Въ своей жалобѣ онъ обвинялъ ихъ въ самовольномъ вторженіи въ его собственность, въ причиненіи ему нравственныхъ и матеріальныхъ убытковъ. Такъ какъ его мѣсто теперь, не имѣя прежнихъ удобствъ, не стоитъ уже заплаченной за него суммы и такъ какъ онъ не можетъ больше молиться на этомъ мѣстѣ,—то въ вознагражденіе за все это онъ просилъ судъ оштрафовать управителей церкви тысячью долларовъ въ его пользу. Но судъ американскій также разсчетливъ, какъ сами янки, и онъ не поддался сразу на жалобы просителя. Онъ разсчиталъ помѣсячно, сколько долларовъ проситель уже потребилъ свой молитвой до ремонтированія церкви, и эту сумму сбросилъ со счетовъ долой. Но затѣмъ онъ всетаки взвѣсилъ, сколько долларовъ стоили его нравственныя страданія отъ перерыва молитвы и сколько стоитъ его теперешнее неудобное положеніе до пріисканія новаго мѣста въ церкви, и за это набросилъ нѣсколько сотъ долларовъ. Конечнымъ результатомъ этихъ счетовъ и вычетовъ было то, что судъ пригово-

рилъ взыскать въ пользу просителя съ управителей церкви шестьсотъ долларовъ, такъ что почтенный янки могъ снять новое мѣсто въ церкви и имѣть еще въ остаткѣ сотню долларовъ въ качествѣ утѣшенія за нравственныя страданія. Этотъ курьезный процессъ совсѣмъ не исключительный; въ судебной практикѣ подобные факты встрѣчаются ежедневно, только конечно изъ разныхъ сферъ жизни.

Чѣмъ обусловливается сравнительная цѣнность мѣстъ въ церкви? Она обусловливается частью положеніемъ церкви въ той или другой части города, частью красотой и богатствомъ украшеній храма, музыкой и пѣніемъ, но болѣе всего проповѣдничествомъ. Проповѣдь въ американскихъ церквахъ составляетъ главную часть богослуженія и на ней основывается значеніе и слава церкви. Чѣмъ лучше и блистательнѣе проповѣдничество въ церкви, тѣмъ больше привлекается посѣтителей и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышается плата за мѣста и увеличивается церковный бюджетъ. Съ ослабленіемъ проповѣдничества церковь пустѣетъ и бѣднѣетъ, запутывается въ долгахъ и быстро идетъ къ обычной печальной судьбѣ — продажѣ за долги съ аукціоннаго торга. Въ виду этого прямой интересъ попечителей церкви—привлекать и нанимать для своей церкви наивозможнолучшаго проповѣдника. Въ этомъ отношеніи американскіе церковные попечители поступаютъ совершенно такъ же, какъ театральные антрепренеры, когда они приглашаютъ и нанимаютъ для своихъ театровъ извѣстныхъ и славящихся актеровъ. Разсчеты и интересы одни и тѣже. Съ этою цѣлію попечители внимательно слѣдятъ за проповѣдниками по всей странѣ, отправляютъ особенныхъ агентовъ для отысканія лучшихъ проповѣдниковъ и при первомъ удобномъ случаѣ нанимаютъ ихъ для своей церкви. Жалованье, платимое лучшимъ проповѣдникамъ, иногда достигаетъ громадной суммы. Такъ д-ръ Бичеръ, считающійся знаменитѣйшимъ американскимъ проповѣдникомъ, получаетъ половину всего годичнаго церковнаго бюджета, т. е. 25,000 долларовъ въ годъ. Для проповѣдника цифра эта очень солидная, особенно если принять во

вниманіе, что президентъ Соединенныхъ Штатовъ получаетъ только 50,000 долларовъ. Другіе проповѣдники, смотря по ихъ таланту и способности, получаютъ 20, 10, 5 тысячъ и въ самыхъ бѣдныхъ церквахъ Нью-Іорка 2—3 тысячи долларовъ въ годъ.

Такой порядокъ замѣщенія проповѣдническихъ каѳедръ, дѣлая изъ проповѣдничества простое денежное ремесло съ обычной конкуренціей, былъ въ тоже время причиною того, что проповѣдничество положительно выработалось въ особое искусство. Американскіе проповѣдники—это въ собственномъ смыслѣ артисты, успѣхъ и слава которыхъ исключительно зависятъ отъ ихъ литературныхъ и ораторскихъ дарованій. Человѣкъ съ слабыми дарованіями здѣсь совершенно не имѣетъ шансовъ на занятіе проповѣднической каѳедры, кромѣ какъ развѣ гдѣ нибудь въ захолустьяхъ, безъ надежды когда нибудь выбраться изъ нихъ. Строгій выборъ проповѣдниковъ, обусловливаясь самою денежною системою ихъ найма, поддерживается въ тоже время свободнымъ судомъ общины и печати. Печать живо интересуется проповѣдничествомъ, и въ понедѣльниковыхъ номерахъ газеты обыкновенно даютъ отчоты о воскресныхъ проповѣдяхъ съ критическимъ одобреніемъ или порицаніемъ. Община во всякое время можетъ отказать своему проповѣднику отъ мѣста, когда онъ не удовлетворяетъ ее, и нанять другаго болѣе способнаго. Все это вмѣстѣ поддерживаетъ проповѣдничество на замѣчательной высотѣ, и проповѣдь здѣсь является громадною общественною силою. Кромѣ того, что церкви обыкновенно бываютъ переполнены слушателями, вы сплошь и рядомъ дома можете слышать разговоры и сужденія о той или другой наиболѣе замѣчательной проповѣди. Для иностранцевъ небезъинтересно знать самую внѣшнюю сторону американскаго проповѣдничества. Въ этомъ отношеніи она отличается замѣчательною своеобразностью. Американцы вообще чрезвычайно живой и подвижной народъ и свои чувства обыкновенно энергично выражаютъ движеніемъ своихъ членовъ. У проповѣдниковъ-ораторовъ эта подвижность иногда

доходитъ до комическихъ размѣровъ. Они не только жестикулируютъ лицами и размахиваютъ руками, но даютъ полный просторъ пластикѣ — во всѣхъ ея проявленіяхъ. Проповѣдникъ, смотря по содержанію рѣчи, то угнетенно понуритъ свою голову и закроетъ свое лицо руками, то гордо вскинетъ ее назадъ и прищелкнетъ пальцами; то опустится на колѣни, то подпрыгнетъ вверхъ, хлопнетъ ладонями, застучитъ кулакомъ по каѳедрѣ; свой голосъ то понизитъ до ластящагося шепота, то возвыситъ до грозныхъ раскатовъ грома, и вы видите предъ собой то какбы смиренно кающагося грѣшника, то грознаго судію. Пластическій драматизмъ въ проповѣдничествѣ играетъ весьма важную роль и у лучшихъ проповѣдниковъ онъ достигаетъ иногда художественнаго развитія. Вмѣстѣ съ внѣшнимъ драматизмомъ у американскихъ проповѣдниковъ соединяется необыкновенно легкій и живописный языкъ. Въ этомъ отношеніи американцы едва ли имѣютъ соперниковъ даже между французами. У французовъ легкость и картинность языка часто переходитъ въ бездушное и безсодержательное фразерство; здѣсь напротивъ съ живописнымъ языкомъ постоянно соединяется ясная и отчотливая мысль. Обладая сильнымъ воображеніемъ и здоровою наблюдательностью, американскіе проповѣдники часто рисуютъ картины общественной жизни съ замѣчательнымъ искуствомъ, и обсужденіе какого нибудь выдающагося общественнаго явленія часто бываетъ интереснѣе выслушать въ церкви лучшихъ проповѣдниковъ, чѣмъ прочитать въ газетахъ. Съ формальной стороны проповѣдники не ограничиваются опредѣленною гомилетическою формою проповѣди; они пользуются всѣми возможными литературными формами и пересыпаютъ проповѣдь философскими сентенціями и пословицами, стихами и анекдотами, трагическими тирадами и комическими пассажами, остротами и каламбурами. Иногда проповѣдь принимаетъ такой юмористическій характеръ, что всѣ слушатели смѣются до слезъ. Однажды мнѣ пришлось присутствовать при подобной проповѣди. Проповѣдникъ разсматривалъ жизнь «невѣра» и

изобразилъ ее въ рядѣ такихъ юмористическихъ анекдотовъ, отъ которыхъ все собраніе положительно умирало со смѣху. Я такъ заинтересовался этою формою христіанской апологетики, что по окончаніи богослуженія счелъ небезъинтереснымъ отрекомендоваться юмористу-проповѣднику и лично поговорить съ нимъ относительно этой формы проповѣди. Выразивъ свое удовольствіе по поводу такой занимательной проповѣди, я между прочимъ спросилъ его: не противорѣчитъ ли форма ея общепринятому обычаю. Проповѣдникъ живо понялъ мою мысль и отвѣчалъ съ улыбкой: «Она нисколько не противорѣчитъ не только общепринятому обычаю, не даже и священному Писанію. Іисусъ въ своихъ столкновеніяхъ съ невѣрами своего времени весьма часто своими вопросами и возраженіями поставлялъ ихъ въ такое комическое положеніе, надъ которымъ присутствовавшіе несомнѣнно смѣялись болѣе чѣмъ мои слушатели теперь. А ветхозавѣтные пророки— какую только форму не придавали они своимъ рѣчамъ, лишь бы только поразить, унизить порокъ и возвысить добродѣтель? Что можетъ сравняться напр. съ этой тирадой Іезекіиля (и онъ прочиталъ напзустъ нѣсколько стиховъ), гдѣ сарказмъ рубитъ сильнѣе индѣйскаго томогавка и иронія язвитъ смертельнѣе жала гремучей змѣи? Я съ своей стороны иронію считаю однимъ изъ лучшихъ орудій для возвышенія человѣчества, и въ обыкновенной свѣтской литературѣ юмористическія произведенія вліяютъ на общественное сознаніе прямѣе и сильнѣе, чѣмъ всякій другой родъ литературы. Я не знакомъ впрочемъ съ вашей русской литературой и не знаю, насколько пользуется у васъ правомъ гражданства божественный юморъ. Но церковь ваша не допускаетъ юмора»?—Отвѣтивъ на этотъ вопросъ, я раскланялся съ почтеннымъ проповѣдникомъ.

Въ качествѣ проповѣдниковъ иногда выступаютъ особенные феномены, выдающіеся какими нибудь чрезвычайными качествами. Такъ въ послѣднее время въ Нью-Іоркѣ привлекалъ многочисленныхъ слушателей такъ называемый «мальчикъ-проповѣдникъ». Къ проповѣдничеству примѣняются и научныя

открытія. Въ одно изъ послѣднихъ воскресеній подъ каѳедрою д-ра Бичера одинъ предприниматель устроилъ телефонный аппаратъ, такъ что его проповѣдь въ одно и тоже время слушалась въ пятидесяти различныхъ мѣстахъ—въ Нью-Іоркѣ и въ городахъ сосѣдняго штата.

IX. Въ лагерѣ спасенія.

Лѣтній сезонъ въ религіи.—Исходъ пасторовъ.—Религіозные лагери.—На берегу океана.—Воины спасенія.—Воскресный день.—Цвѣтной проповѣдникъ и негритянскій гимнъ.

Американское лѣто—настоящая огненная печь. Жары начинаются очень рано; уже къ концу мая ртуть въ термометрѣ приближается къ 40 градусамъ и скоро затѣмъ избираетъ этотъ пунктъ своей постоянной резиденціей, дѣлая лишь по временамъ экскурсіи выше. Самое существованіе становится бременемъ, и бюллетени ежедневно возвѣщаютъ о цѣлыхъ десяткахъ смертныхъ случаевъ отъ солнечнаго удара. Что всего тяжелѣе, такъ это то, что жаръ ничуть не спадаетъ къ ночи; ночь приноситъ лишь удручающую духоту. Постель горяча даже для ощущенія рукъ, и американцы ложатся спать, кладя около себя вѣеръ и ставя кувшинъ воды со льдомъ. Днемъ нѣтъ облегченія даже подъ тѣнію каштановыхъ деревьевъ, которыми въ избыткѣ усажены тротуары. Самые листья ихъ вмѣсто прохлады дышатъ палящимъ зноемъ. Нечего уже и говорить поэтому о духотѣ, которая бываетъ внутри зданій съ большимъ собраніемъ народа. Она просто невыносима.

Такая духота съ особенною силою заявляетъ о себѣ въ церковныхъ собраніяхъ. Не смотря на то, что въ церквахъ, благодаря опредѣленному количеству мѣстъ, бываетъ просторно, потъ градомъ выступаетъ на всѣхъ лицахъ и ручьями льется по щекамъ. На помощь богомольцамъ приходятъ церковные попечители и заготовляютъ цѣлыя горы китайскихъ пятикопѣечныхъ вѣеровъ, которые и раскладываются до начала богослуженія по всѣмъ мѣстамъ. Всякій богомолецъ, безъ различія пола и возраста, имѣетъ въ своихъ рукахъ это орудіе прохлады. Мужчины, женщины и дѣти—всѣ усиленно работаютъ вѣерами, и производимый ими шелестъ наполняетъ церковь какимъ-то странномузыкальнымъ шумомъ. Съ цѣлію же произведенія прохлады принимаются и другія, болѣе дѣйствительныя мѣры. Такъ стѣны и полъ въ церкви обкладываются льдомъ и чрезъ него искусственно пропускается воздухъ, который, пройдя чрезъ это холодное чистилище, теряетъ значительную долю своей знойности и является пріятнымъ зефиромъ. Но и такія приспособленія дѣйствительны только весной, когда ртуть еще не поднялась до высшаго пункта. Уже въ іюнѣ мѣсяцѣ такія мѣры оказываются недостаточными, и тогда американцы прибѣгаютъ къ другому способу борьбы съ жаромъ: совсѣмъ закрываютъ церкви. Такъ наступаетъ лѣтній сезонъ въ религіи, церковныя вакаціи. Въ газетахъ ежедневно появляются объявленія, извѣщающія о закрытіи то той, то другой церкви—до извѣстнаго числа, и на передовыхъ церковныхъ колоннахъ вывѣшиваются бланки съ тѣмъ же содержаніемъ. Закрываются конечно не всѣ церкви, но по меньшей мѣрѣ двѣ трети ихъ предаются лѣтнему покою. Прихожане разъѣзжаются по дачамъ и сами пасторы, вдыхая свѣжій воздухъ полей и лѣсовъ, запасаются новыми силами для дѣятельности слѣдующаго года. Большинство изъ пасторовъ очень образованные и вмѣстѣ богатые люди, и потому они обыкновенно посвящаютъ лѣто на далекія экскурсіи и путешествія. Особенно большое количество ихъ отправляется въ Европу. Каждый лѣтній океанскій корабль увозитъ ихъ цѣлыми десятками, и

газеты то и дѣло печатаютъ списки ихъ подъ заглавіемъ: «исходъ пасторовъ». Тамъ они проводятъ лѣто по столичнымъ городамъ, попреимуществу въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Римѣ и другихъ, запасаясь новыми впечатлѣніями изъ нравственной и религіозной жизни человѣчества. Нѣкоторые даже отправляются въ Іерусалимъ и другіе священные города. Масса присылаемыхъ ими въ газеты корреспонденцій служитъ нѣкоторымъ образомъ замѣной для прихожанъ ихъ живаго учительнаго слова. Сами прихожане впрочемъ, изъ высшихъ и богатыхъ классовъ, тысячами отправляются на лѣто въ Европу и проводятъ лѣтній сезонъ въ Швейцаріи или другихъ пріятныхъ европейскихъ уголкахъ. Европа для американцевъ еще до сихъ поръ родная страна и они находятъ въ ней много такихъ прелестей, которыхъ не представляетъ Америка.

Но въ Европу отправляются разумѣется не всѣ; масса остается дома. Какъ же проводитъ лѣтній сезонъ эта масса? Мнѣ приходилось прежде отмѣчать факты энергіи религіознаго чувства у американцевъ. Представленный фактъ закрытія церквей на цѣлое лѣто можетъ показаться противорѣчіемъ. На самомъ же дѣлѣ онъ служитъ только подтвержденіемъ. Съ закрытіемъ церквей не прекращается религіозная потребность; она требуетъ своего удовлетворенія, и въ Америкѣ она нашла замѣчательный исходъ, представляющій одну изъ своеобразнѣйшихъ сторонъ въ религіозной жизни американскаго народа. Не имѣя возможности совершать богослуженіе въ дѣйствительныхъ храмахъ, народъ перенесъ богослуженіе на открытый воздухъ и тутъ создалъ легкіе подвижные храмы изъ полотна, въ родѣ скиній. Новая часть Нью-Іорка, такъ называемый «Верхній городъ» представляетъ еще много незастроенныхъ пустырей, покрытыхъ зеленью. Съ наступленіемъ лѣта большинство этихъ пустырей забѣлѣло палатками, на фронтѣ которыхъ обыкновенно красуется крупная надпись: «Каждый вечеръ—проповѣдь! Свободный входъ!» Это такъ называемые религіозные лагери, на подобіе военныхъ лагерей, но только

здѣсь не воины разрушенія, а воины спасенія, борющіеся противъ темнаго царства *). Народъ каждый вечеръ собирается въ скиніи, гдѣ поются священные гимны и говорится проповѣдь. Это простѣйшая форма религіознаго лагеря. Но за городомъ онъ принимаетъ болѣе сложную форму, разростаясь въ дѣйствительный лагерь, со множествомъ палатокъ, служащихъ мѣстопребываніемъ для цѣлыхъ тысячъ народа въ продолженіе всего лѣта. Чтобы дать наглядное представленіе объ американскихъ религіозныхъ лагеряхъ, я опишу свою поѣздку въ одинъ изъ нихъ—на берегу океана, въ такъ называемой Океанской Рощѣ, въ сосѣднемъ штатѣ Нью-Джерси.

Въ Океанскую Рощу ведутъ двѣ дороги—морская и желѣзная. Во время лѣтнихъ жаровъ разумѣется всегда выборъ склоняется на сторону первой, и я отправился на берегъ Гудсона, гдѣ между множествомъ пароходовъ всякаго рода стоялъ и величественный четырехъ-этажный пловучій дворецъ-пароходъ «Плимутская скала». Это было въ субботу, когда машина будничной жизни начинаетъ тормозить своими колесами и народъ массами устремляется въ загородныя лѣтнія убѣжища — вздохнуть свѣжимъ воздухомъ и успокоиться отъ шестидневной горячки труда и житейской суеты. «Плимутская скала» быстро наполнилась народомъ, попреимуществу изъ средняго класса ремесленниковъ, механиковъ, клерковъ всякаго рода. Раздался послѣдній свистокъ и пловучій дворецъ двинулся въ путь. По сторонамъ замелькали—слѣва коричневыя громады Нью-Іорка, а справа живописныя высоты съ расположившеюся на нихъ столицею сосѣдняго штата Нью-Джерси. Эти два штата раздѣлены лишь потокомъ рѣки Гудсона и ст лицы ихъ смотрятъ одна на другую съ двухъ противоположныхъ береговъ, составляя какбы одинъ городъ, но имѣя свои различные законы и свое особое самоуправленіе.

---

*) Camp meeting—букв. лагерное собраніе, лагерь.

Впереди все шире расплывался величественный потокъ рѣки, разрѣзаемой по всѣмъ направленіямъ густымъ роемъ судовъ, кораблей и пароходовъ, а вдали открывались уже ворота въ океанъ. Морской вѣтерокъ благодатью пронесся по палубѣ и истомленный духотою городской атмосферы народъ съ жадностью и блаженствомъ началъ вдыхать въ себя живительное дыханіе дѣдушки-океана. А вотъ и самыя ворота, вереями которыхъ служатъ холмы съ мѣднолобыми церберами, молча глядящими изъ-за брустверовъ. Это тѣ самыя ворота, которыя составляютъ единственный для кораблей доступъ къ Нью-Іорку и которыми я впервые вступилъ въ Новый Свѣтъ на кораблѣ «Скиѳія» въ концѣ прошлаго года. Теперь мнѣ невольно вспомнилось, въ какомъ настроеніи вступалъ я сюда. Въ настоящее время я ничего не вижу здѣсь особеннаго: холмы совершенно такіе же, какіе мнѣ тысячу разъ приходилось видѣть въ Россіи, и песокъ какъ всякій песокъ. Но тогда все это казалось чѣмъ-то совсѣмъ другимъ, и самый берегъ Америки казался скорѣе берегомъ луны или какой-нибудь другой планеты, а не земли. Съ напряженнымъ трепетнымъ вниманіемъ всматривался я въ каждый бугорокъ, каждый кустикъ и каждую песчинку и—къ удивленію—видѣлъ въ нихъ что-то такое необычайное, новое. Теперь уже ничего не было такого и мнѣ оставалось внутренно смѣяться надъ собой и невольно повторять глубокомысленное изреченіе древняго мудреца, что человѣкъ «мѣра всѣхъ вещей».

Между тѣмъ на палубѣ послышались звуки неизбѣжнаго на каждомъ американскомъ пароходѣ оркестра музыкантовъ. По обыкновенію я ждалъ какой-нибудь лихой веселой пѣсни,—вдругъ слышу совершенно иной мотивъ. Оркестръ взялъ священный гимнъ, звуки его подхватила масса пассажировъ и скоро вся передняя часть парохода слилась въ одушевленное пѣніе чрезвычайно популярнаго гимна: «Есть страна свѣтлѣе дня» съ заключительнымъ стихомъ: «мало-по-малу мы встрѣтимся тамъ» (in the sweet by-and-by). Въ гимнѣ воспѣвается загробная жизнь, и мнѣ нельзя было не удивляться,

какъ этотъ истомленный рабочій людъ, отправлявшійся на праздничный отдыхъ, предпочиталъ подобные гимны другимъ, въ которыхъ онъ могъ бы найти больше веселья. Но я вспомнилъ, что этотъ пароходъ направлялся не въ какое-либо обычное загородное увеселительное учрежденіе, а въ «религіозный лагерь». Это былъ корабль воиновъ спасенія. Присмотрѣвшись къ надписямъ на стѣнахъ, я нашелъ, что всѣ онѣ были исписаны текстами священнаго Писанія: «любите другъ друга», «хвалите Бога» и т. п. и на самыхъ спасительныхъ поясахъ значился текстъ: «на Бога мы уповаемъ». Но болѣе всего меня поразила одна надпись, которая значилась во многихъ мѣстахъ парохода. Надпись гласила: «Плимутская скала» есть пароходъ воздержанія». Я догадался въ чемъ дѣло, но для большаго разъясненія отправился въ буфетъ и спросилъ себѣ стаканъ калифорнскаго краснаго вина. Буфетчикъ удивленно взглянулъ на меня и молча протянулъ руку по направленію къ висѣвшей надъ буфетомъ бланкѣ. Бланка опять гласила о воздержаніи. «Неужели вы не имѣете даже краснаго виноградного вина?»— спросилъ я. «Нѣтъ, сэръ, ни капли никакого! Да никто и не спрашиваетъ», добавилъ управитель «буфета воздержанія» съ легкой улыбкой на счетъ нарушителя правила. Странный народъ, думалось мнѣ. У насъ въ Россіи нѣтъ такихъ буфетовъ воздержанія. А оркестръ все продолжалъ играть священные гимны и голоса пассажировъ сильной волной поддерживали ихъ.

Было уже около 8 часовъ вечера, когда пароходъ, плавно раскачиваясь на тихой зыби океана, приближался къ Океанской Рощѣ. Солнце скрывалось уже за холмами и разливало по прибрежью и по горизонту море огненно-золотистыхъ лучей. По волнистому берегу, спускающемуся къ океану золотистымъ пескомъ, забѣлѣло множество палатокъ и по сторонамъ выдавались ряды деревянныхъ домовъ простой лѣтней постройки. Пароходъ остановился у пристани, длиннымъ мостомъ вдающейся въ море. Не зная, что предпринять, я сталъ расхаживать среди палатокъ, которыя безконечными рядами раскинулись по холмамъ. Все было мертво кругомъ — ни звука,

ни шелеста кустовъ. Жутко почувствовалось на душѣ. Посмотрѣвъ минутъ десять на волшебную игру океана съ лучами заходящаго солнца, я не замѣтилъ, куда дѣлась вся масса пассажировъ. Вдругъ изъ-за одной гряды холмовъ послышалось пѣніе многочисленныхъ голосовъ и я направился туда. «Братъ, любите-ли вы Іисуса?»—вдругъ раздался чей-то голосъ, когда я проходилъ мимо одной палатки. Дрожь невольно пробѣжала по тѣлу и я смущенно пролепеталъ утвердительный отвѣтъ. «Любите также ближняго и помолитесь за меня—грѣшную старую собаку!», какимъ то тяжелымъ тономъ проговорилъ тотъ же голосъ и—я ускорилъ свои шаги. За холмомъ открылась большая поляна и она чернѣла народомъ. Это было вечернее богослуженіе. Народъ расположился на травѣ и передъ нимъ на особомъ возвышеніи стоялъ пасторъ передъ столикомъ. Пасторъ назначилъ гимнъ; вблизи его раздался чей-то звучный голосъ и все собраніе мгновенно подхватило его; тысячи голосовъ слились въ одну восторженную музыкальную волну и она какимъ-то чудовищнымъ эхомъ отдавалась въ сосѣднихъ холмахъ, кутавшихся въ ночной полумракъ. Послѣ нѣсколькихъ гимновъ выступилъ проповѣдникъ съ рѣчью. Онъ сначала прочиталъ молитву, чтобы Богъ благословилъ его слово, сдѣлалъ его плодотворнымъ, какъ плодотворенъ весенній дождь для посѣвовъ, росой для жаждущихъ истины и обоюдуострымъ мечемъ для закоснѣлыхъ сердецъ. Молитва была продолжительна и состояла въ перечнѣ всевозможныхъ прошеній, на подобіе представленныхъ. Чтеніе ея было раздѣльно и на каждое прошеніе народъ хоромъ отвѣчалъ — «аминь». Проповѣдникъ избралъ своимъ текстомъ слова: любовь Божія подобна горамъ. При разсматриваніи горъ у проповѣдника всегда являлась въ головѣ мысль о подобіи ихъ любви Божіей. Основанія ихъ такъ же пространны, какъ всеобъемлюща любовь Божія, и внутренность ихъ такъ же глубока, какъ глубока любовь Божія. Онѣ такъ же неизмѣнны, какъ неизмѣнна любовь Божія. Все въ природѣ измѣняется со временемъ, но горы стоятъ изъ вѣка въ вѣкъ. Онѣ наконецъ не

требуютъ доказательства своего существованія, какъ не требуетъ доказательства любовь Божія. Слѣпецъ не видитъ ихъ, но, взбираясь на нихъ, онъ чувствуетъ ихъ присутствіе; такъ всякій немощный чувствуетъ на себѣ дѣйствіе любви Божіей. Импровизированный ораторъ продолжалъ въ этомъ родѣ натягивать свои сравненія и, замѣчательно, они производили сильное впечатлѣніе на массу. По массѣ то и дѣло проносились отдѣльныя восклицанія — «аминь», «аллилуйя». Между тѣмъ на небѣ заблистали яркія звѣзды, краснорѣчивѣе оратора повѣдуя о любви и славѣ Божіей, и изъ темной утробы океана выплывалъ огненный шаръ луны. Когда блѣдносеребристые лучи ея разлились по холмамъ и по скученной на полянѣ массѣ, то это было дивновосхитительное зрѣлище, которому еще больше прелести придалъ заключительный гимнъ, прославлявшій величіе Творца.

Послѣ богослуженія народъ разбрелся по своимъ палаткамъ, а временные посѣтители по отелямъ, цѣлыми рядами расположившимся въ окрестностяхъ лагеря. Спекуляція въ Америкѣ не дремлетъ и умѣетъ пользоваться всякимъ случаемъ. Настоящее мѣсто еще недавно было пустыней, но лишь только оно лѣтъ восемь тому назадъ избрано было мѣстомъ религіознаго лагеря, какъ появились уже легкіе, но громадные отели кругомъ. Въ палаткахъ постоянно лѣтомъ живетъ до двухъ тысячъ народа и въ отеляхъ тысячъ до трехъ, а къ воскресному дню собирается тысячъ до двадцати. Богослуженіе подобно описанному совершается каждый день, и вся жизнь въ «лагерѣ» носитъ на себѣ строго-религіозный характеръ. Это можно сказать—американскій монастырь, и если бы тутъ было раздѣленіе половъ, то это былъ бы дѣйствительный монастырь. Во всякомъ случаѣ это несомнѣнно воины духа, борющіеся противъ міра и его прелестей. Напряженность религіознаго энтузіазма здѣсь иногда доходитъ до изступленія и во время молитвы часто цѣлая толпа охватывается какимъ-то неудержимымъ восторгомъ и начинаетъ вопить отрывочными восклицаніями: «слава! слава! аллилуйа! аллилуйа!» Собранія

эти попреимуществу методистскія, но въ нихъ участвуютъ лица всякихъ исповѣданій. Всѣ отели имѣютъ при себѣ рестораны. Но на дверяхъ всѣхъ ресторановъ крупная вывѣска неизмѣнно гласитъ одно и тоже: «Ресторанъ воздержанія». На цѣлую милю кругомъ лагеря запрещено имѣть всякій другой ресторанъ, кромѣ ресторана воздержанія, т. е. безъ капли вина и всякихъ опьяняющихъ напитковъ. Когда я занялъ свою комнатку и въ окно любовался звѣзднымъ небомъ, по которому величественно катилась луна, разливая волшебный свѣтъ по палаткамъ, то въ разныхъ углахъ лагеря все еще раздавались звуки священныхъ гимновъ и постепенно замирали въ ночной тишинѣ.

Воскресный день открылся великолѣпнымъ утромъ. Это день покоя и вся природа какбы исполняла великую заповѣдь. Воскресный день вообще высоко чтится въ Америкѣ, но въ религіозномъ лагерѣ строгость храненія его доходитъ до невѣроятнаго ригоризма. Въ будничные дни здѣсь постоянно можно достать газету; въ воскресенье привозъ ихъ запрещенъ, такъ какъ продажа ихъ составляетъ торговлю, а всякая торговля въ воскресный день—противозаконное дѣло. На этомъ же основаніи запрещено являться въ лагерь разнымъ мелкимъ торговцамъ—съ фруктами, молокомъ, булками, цвѣтами и т. п., извощикамъ привозить сѣдоковъ въ лагерь, и вообще въ воскресный день запрещается пріѣзжать въ лагерь на лошадяхъ. До какой степени строго соблюдаются эти правила, можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Однажды генералъ Грантъ, въ бытность свою президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, захотѣлъ побывать въ этомъ религіозномъ лагерѣ. Было воскресенье. Зная воскресные законы страны и строгія дополненія ихъ въ лагерѣ, онъ предварительно просилъ позволенія у старшинъ лагеря пріѣхать на своей лошади въ лагерь. Но воины спасенія не нарушили своихъ строгихъ правилъ и для президента. Они отмѣрили одну милю отъ лагеря и обозначили пунктъ, до котораго президентъ могъ ѣхать на ло-

шади. Остальное онъ долженъ былъ пройти пѣшкомъ и—президентъ повиновался.

Неподалеку отъ бѣлаго лагеря расположился черный. Палатки тамъ такъ же бѣлы, какъ и здѣсь, но только лица обитателей ихъ черны. Это лагерь «цвѣтнаго» народа или негровъ. Вечеромъ въ воскресенье мнѣ пришлось быть при ихъ богослуженіи. На зеленой полянкѣ расположилась черная масса, и среди ея возвышалась фигура чернаго проповѣдника. Платья пестрѣли разными цвѣтами и нѣкоторыя «цвѣтныя леди» были одѣты совершенно въ бѣломъ, но это только больше оттѣняло ихъ черныя лица. Въ ночные сумерки эта масса представляла странное зрѣлище: какъ будто все собраніе было безъ головъ и только сверканіе глазныхъ бѣлковъ давало знать догадливому зрителю—въ чемъ дѣло. Глаза на лицахъ цвѣтнаго народа тоже, что звѣзды на полуночномъ небѣ. Богослуженіе состояло изъ гимновъ и проповѣди. Будучи попреимуществу методистами, негры при богослуженіи пользуются общими методистскими гимнами; но у нихъ есть и свои, и послѣдніе-то особенно энергично подхватываются негритянскими голосами и особенно сладостно отзываются въ негритянскихъ сердцахъ. Они принадлежатъ негритянскимъ поэтамъ, которые одни только могли своимъ поэтическимъ геніемъ постигнуть всю глубину негритянскаго сердца и выразить его чувство въ дивно-негритянскихъ стихахъ. Лѣса и горы кругомъ трепетали и дивовались, когда цвѣтной народъ пѣлъ одинъ изъ своихъ любимѣйшихъ гимновъ:

«Джизосъ *), дай мнѣ вымыться въ рѣкѣ,
Дай мнѣ вымыться въ рѣкѣ,
Въ рѣкѣ, въ рѣкѣ, въ рѣкѣ, въ рѣкѣ,
Въ рѣкѣ, въ рѣкѣ,—рѣкѣ.
Джизосъ, дай мнѣ любить сестру,—въ рѣкѣ,
Дай мнѣ вымыться въ рѣкѣ,
Въ рѣкѣ, въ рѣкѣ, въ рѣкѣ, въ рѣкѣ,
Въ рѣкѣ, въ рѣкѣ,—рѣкѣ» и т. д.

*) Джизосъ—американское произношеніе имени Jesus.

Послѣ нѣсколькихъ такихъ гимновъ, выступилъ цвѣтной проповѣдникъ съ словомъ. Цвѣтной народъ здѣсь говоритъ англійскимъ языкомъ, хотя и съ африканскимъ оттѣнкомъ, напоминающимъ въ выговорѣ грубую отрывистость нашихъ казанскихъ татаръ. Проповѣдникъ былъ истиннымъ пастыремъ своего народа и говорилъ съ такимъ же акцентомъ, не мало затрудняющимъ для иностранца пониманіе англійскаго языка. Я однакоже внимательно слушалъ и проникалъ въ тайну негритянскаго слова. Проповѣдникъ между прочимъ говорилъ: «Богъ создалъ землю, Онъ создалъ солнце, луну и звѣзды. Онъ создалъ только одно солнце, одну луну и одну землю. Почему Онъ не создалъ два солнца, двѣ луны и двѣ земли? Это тайна, которой мы не знаемъ. Она ставила въ тупикъ Платона и Демосѳена и всѣхъ великихъ ученыхъ мужей. Этой тайны не зналъ даже Моисей, а онъ былъ величайшій историкъ, когда-либо жившій на землѣ. Онъ учился въ Египтѣ между цвѣтнымъ народомъ и былъ ихъ другомъ,—да, другомъ, лучшимъ, какой только былъ у нихъ когда нибудь». Перейдя затѣмъ къ новому завѣту, проповѣдникъ продолжалъ: «Что такое былъ Іисусъ? Онъ былъ Сынъ Божій. Нѣкоторые древнихъ временъ хронологисты говорятъ, что Онъ былъ іудей. Мнѣ нѣтъ дѣла до этого, что Онъ такое былъ, былъ ли Онъ іудей, или индѣецъ, или арабъ, или цвѣтной человѣкъ. Я одно знаю: Онъ былъ вѣченъ и живетъ въ вѣчности. Солнце не вѣчно; луна не вѣчна; эта земля, на которой мы обитаемъ, на которой стоимъ теперь, не вѣчна; ангелы не вѣчны; они умрутъ современемъ и мы всѣ умремъ; всѣ великіе люди умерли. Но Онъ вѣченъ. Да, братья, одинъ Богъ только вѣченъ. Понимаете-ли вы это, друзья мои?» По массѣ цвѣтнаго народа замѣтно пробѣгалъ трепетъ умиленія и хоровой «аминь!» то и дѣло подтверждалъ и одобрялъ изрѣченія оратора. По окончаніи проповѣди горы и долы опять задрожали отъ восторженныхъ пѣсенъ цвѣтнаго народа.

X. Рыцари тайны.

Страсть къ процессіямъ.—Откровеніе масонамъ. — Египетскій обелискъ и масонскія церемоніи. — Общественное и религіозное положеніе масоновъ.

Кто не видалъ Америки, о томъ можно сказать, что онъ не видалъ процессій. Навѣрно ни одинъ народъ въ мірѣ не имѣетъ большей страсти къ нимъ, чѣмъ американцы, и нигдѣ онѣ не играютъ такой важной общественно-политической роли, какъ здѣсь. Каждый мало-мальски значительный народный праздникъ торжествуется процессіями и каждое общественное событіе ознаменовывается ими. Каждая политическая партія, каждая корпорація, каждый клубъ—имѣютъ свои особые годичные праздники, и всѣ они празднуются непремѣнно процессіями, причемъ члены каждаго общества или корпораціи, въ своихъ особыхъ оригинальныхъ мундирахъ, съ знаменами или факелами, величаво шествуютъ по улицамъ, выбивая военный шагъ подъ звуки непремѣннаго оркестра музыкантовъ. При такой общей любви къ процессіямъ у американцевъ есть однакоже особые сезоны, когда страсть къ нимъ просто переходитъ въ какое-то безуміе. Это именно осенью президентскаго года, предъ ноябрскимъ избраніемъ президента. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ избирается каждые четыре года въ ноябрѣ мѣсяцѣ. При выборахъ соперничаютъ двѣ главныя партіи — республиканская и демократическая, старающіяся избрать президента изъ своей среды. Для обезпеченія президентства за своимъ кандидатомъ, партіи пускаютъ въ ходъ всякія дозволенныя и недозволенныя средства, и однимъ изъ главныхъ средствъ агитаціи считаются торжественныя процессіи—съ знаменами, прославляющими своего кандидата и унижающими другаго. Прошлый годъ былъ именно президентскій, и процессіи одна другой пышнѣе, торжественнѣе и

многочисленнѣе постоянно шествовали по улицамъ города. Процессіи эти представляютъ нѣчто въ родѣ кукольной войны и отзываются чѣмъ-то наивно-дѣтскимъ, но для американцевъ тутъ почти гамлетовскій вопросъ — быть или не быть? И замѣчательно, что въ этихъ утомительныхъ шествіяхъ, непремѣнно подъ тактъ военнаго марша, участвуютъ не молодые люди только, но часто глубокіе старцы, и они съ величайшею серьезностью напрягаютъ всѣ свои послѣднія старческія силы, чтобы не отставать отъ своихъ молодыхъ собратовъ. Поистинѣ comoedia humana!

Между другими процессіями въ субботу 9 октября прошлаго года выдалась одна, которая отличалась особеннымъ характеромъ. Это именно блестящая процессія членовъ здѣшняго ордена масоновъ. Года три тому назадъ египетскій хедивъ подарилъ Америкѣ великолѣпный обелискъ или такъ называемую «иглу Клеопатры». При снятіи обелиска съ его древняго пьедестала открыты были странныя эмблемы, которыя озадачили ученый міръ своею загадочностью. Но что тайна для людей науки, то оказалось явнымъ откровеніемъ для рыцарей тайны или масоновъ. Въ этихъ загадочныхъ египетскихъ эмблемахъ масоны нашли поразительное сходство съ своими собственными эмблемами, которыми, какъ извѣстно, изобилуетъ таинственный орденъ. Открытіе это подняло на ноги весь масонскій міръ и ликованіямъ среди его не было конца. Орденъ призналъ египетскія эмблемы масонскими и онѣ были для него новымъ откровеніемъ касательно того, въ какую глубокую древность уходитъ исторія существованія ордена и въ какой значитъ таинственной первобытной старинѣ надо искать его происхожденія. Теперь этотъ обелискъ прибылъ въ Нью-Іоркъ и для постановки его отведено мѣсто въ Центральномъ Паркѣ. Въ названный день происходила закладка фундамента подъ обелискъ; масоны взяли дѣло закладки въ свои руки и совершили ее съ такимъ пышнымъ торжествомъ и такою церемоніальностью, какія только позволяли средства и изобрѣтательность ордена.

Въ центрѣ города, именно на углу 6 авеню и 23-й улицы, стоитъ громадное зданіе, которое сразу бросается въ глаза грандіозностью своихъ размѣровъ, оригинальностью архитектуры и массою украшающихъ его загадочныхъ барельефовъ. Громадныя окна его задернуты золотокаемными сторами и весь домъ смотритъ на окружающую его суматоху съ какимъ-то таинственно задумчивымъ молчаніемъ. Даже грохотъ то и дѣло снующихъ около его воздушныхъ поѣздовъ желѣзной дороги не придаетъ ему оживляющаго характера. Это—храмъ тайны, храмъ ордена масоновъ. Замѣчательна организація ордена. Онъ пользуется здѣсь полною свободою, считается наравнѣ со всѣми другими обществами и клубами, совершаетъ богослуженіе и имѣетъ періодическія собранія, издаетъ журналы и—при всемъ томъ, остается такимъ же таинственнымъ и загадочнымъ какъ и тамъ, гдѣ онъ составляетъ тайное общество по необходимости. Всѣ знаютъ, что это масонскій храмъ, что тамъ происходятъ собранія, каждый имѣетъ пріятеля и знакомаго, завѣдомаго масона, и однакоже никто не знаетъ, что же въ сущности дѣлается и говорится на этихъ собраніяхъ. Тайна общества остается попрежнему тайной, несмотря на всѣ ея внѣшнія обнаруженія. Въ названный день къ 2 часамъ пополудни всѣ окрестности таинственнаго храма запестрѣли массами наряднаго люда. То собрались рыцари для открытія процессіи къ мѣсту торжества. Ровно въ два часа процессія двинулась по Пятому авеню, аристократической улицѣ города. Музыка загремѣла и рыцари отрядами, представляющими отдѣльныя ложи, маршемъ двинулись въ путь, со шпагами наголо, каждый отрядъ подъ начальствомъ великаго мастера и подъ предводительствомъ знаменоносца. При яркомъ солнцѣ колонны представляли блестящую картину. Рыцари главнымъ образомъ представители богатѣйшихъ семействъ, и ихъ блестящіе костюмы съ лентами, разными золотыми и серебряными украшеніями, трехъугольныя шляпы съ перьями и обнаженныя шпаги разноцвѣтными огнями играли съ солнечными лучами. На рукахъ были надѣты вы-

сокія, доходящія до локтей, кожаныя перчатки съ красными крестами; на мундирахъ и знаменахъ вообще въ избыткѣ красовались разноцвѣтные кресты, придававшіе всей процессіи религіозный характеръ. Каждая ложа шла съ своимъ особымъ знаменемъ, на которомъ красовалась особая эмблема и особая надпись — на латинскомъ языкѣ. Между многими другими надписями были и слѣдующія: In hoc signo vinces; Rex regum; Dominus dominorum; Magna est veritas et prevalebit и пр. Музыканты непрестанно играли масонскіе гимны и одинъ изъ нихъ по своей мелодіи просто поразилъ меня сходствомъ съ напѣвомъ извѣстной русской народной пѣсни: «Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль по Казанкѣ...» Ужъ не масонскаго ли она происхожденія? Великіе мастеры то и дѣло выкрикивали слова военной команды и рыцари дѣлали изящныя военныя эволюціи съ замѣчательною для не солдатъ ловкостью; они то смыкались въ одну колонну, то разбивались на пары, на тройки и т. д., смотря по командѣ. Въ процессіи было до 10,000 человѣкъ и все это попреимуществу почтенные пожилые люди изъ богатѣйшихъ семействъ Нью-Іорка и окрестныхъ городовъ. Отъ масонскаго храма до мѣста постановки обелиска три мили или болѣе пяти верстъ, и надо было только удивляться терпѣнію, съ которымъ рыцари, многіе изъ которыхъ были просто глубокими сѣдыми старцами, въ невозмутимомъ порядкѣ, стройнымъ военнымъ шагомъ шли все это пространство, то и дѣло притомъ выдѣлывая военныя эволюціи по командѣ. Тротуары были усыпаны народомъ и съ балконовъ домовъ дамы привѣтливо махали платками.

По прибытіи къ мѣсту торжества, рыцари тайны четырехъугольными колоннами сомкнулись вокругъ мѣста закладки фундамента. Когда совсѣмъ установился порядокъ, выступилъ «великій достопокланяемый мастеръ» и обратился съ слѣдующею рѣчью: «Братья! Мы собрались здѣсь для положенія краеугольнаго камня въ основаніе фундамента древняго памятника, извѣстнаго подъ именемъ иглы Клеопатры. Случай этотъ такой, которымъ можетъ гордиться наше братство и

имѣетъ великую важность для исторіи нашего ордена. Выходя такимъ образомъ публично предъ міромъ въ качествѣ членовъ общества, которое имѣетъ право на сочувствіе всѣхъ честныхъ и непредубѣжденныхъ людей, мы открыто заявляемъ свою непоколебимую преданность нашему святому дѣлу. Дѣло передъ нами, но согласно съ древнимъ масонскимъ наставленіемъ, мы предъ началомъ его должны соединиться въ молитвенномъ возношеніи къ Божеству». Великій капелланъ масонскаго храма прочиталъ молитву, послѣ которой великій достопокланяемый мастеръ обратился къ великому достопокланяемому казначею съ словами: «теперь положите на скалу граматы ордена», и тотъ дѣйствительно началъ полагать цѣлую массу масонскихъ граматъ въ основаніе фундамента, протоколы масонскихъ засѣданій, уставы и правила всякаго рода и наконецъ фотографическую картину масонскаго храма. По окончаніи складки граматъ, великій достопокланяемый мастеръ подошелъ къ камню, назначенному служить фундаментомъ, и побрызгалъ его цементомъ. Затѣмъ онъ взялъ рабочіе инструменты и передалъ ихъ масонскимъ приставамъ. При этомъ происходилъ слѣдующій разговоръ:

— Что составляетъ истинную драгоцѣнность вашей должности? спросилъ достопокланяемый перваго пристава.

— Квадратъ, отвѣчалъ тотъ.

— Какое его нравственное и масонское употребленіе?

— Квадратно измѣрять дѣйствія человѣка квадратомъ добродѣтели и оправдывать свое дѣло.

— Приложите орудіе вашей должности къ той части камня, которая требуетъ оправданія, и дайте отчотъ.

Приставъ приложилъ четырехъугольникъ къ камню и сказалъ: «Наидостопокланяемый мастеръ, я нахожу камень квадратнымъ. Рабочіе исполнили свой долгъ».

Достопокланяемый обратился къ слѣдующему:

— Что составляетъ драгоцѣнность вашей должности?

— Уровень, отвѣчалъ приставъ.

— Какое его масонское употребленіе?

— Нравственно онъ напоминаетъ намъ о равенствѣ и назначеніе его состоитъ въ провѣркѣ горизонтальныхъ линій.

— Приложите драгоцѣнность вашей должности къ камню, и дайте отчотъ.

Приставъ приложилъ уровень къ камню и отвѣчалъ: «Наидостопокланяемый, я нахожу камень ровнымъ. Рабочіе исполнили свой долгъ».

Достопокланяемый обратился къ третьему приставу:

— Что составляетъ истинную драгоцѣнность вашей должности?

— Отвѣсъ, отвѣчалъ приставъ.

— Какое его масонское употребленіе?

— Нравственно онъ учитъ насъ прямотѣ поведенія и мы употребляемъ его для повѣрки перпендикулярныхъ линій.

— Приложите орудіе вашей должности къ разнымъ сторонамъ камня и дайте отчотъ.

Приставъ приложилъ къ камню измѣрительный инструментъ и отвѣчалъ: «Наидостопокланяемый, я нахожу камень отвѣснымъ. Рабочіе исполнили свой долгъ».

Затѣмъ достопокланяемый подошелъ къ камню, брызнулъ на него цементомъ и, ударивъ трижды жезломъ, торжественно проговорилъ: «Я, Джиссъ Б. Антоній, великій мастеръ масоновъ штата Нью-Іорка, объявляю камень отвѣснымъ, ровнымъ и квадратнымъ, хорошо обтесаннымъ, вѣрно, правильно и какъ слѣдуетъ положеннымъ. Пусть представлены теперь будутъ элементы посвященія». Тогда выступилъ намѣстникъ великаго мастера, посыпалъ камень хлѣбными зернами и произнесъ: «Я сыплю эти зерна какъ эмблему полноты и довольства. Да низольются щедрыя благословенія неба на насъ и на всѣ подобныя патріотическія и благотворительныя предпріятія, и вдохновятъ сердца народа добродѣтелью, мудростью и благодарностью». Послѣ него подошелъ къ камню старшій великій приставъ и, поливая камень виномъ, говорилъ: «Я лью это вино какъ эмблему веселья и радости. Да благословитъ Великій Правитель вселенной благоденствіемъ наше на-

ціональное, штатное (окружное нью-іоркское) и городское правительство, сохранить союзъ штатовъ, и да будетъ онъ союзомъ дружества и братской любви, которая будетъ продолжаться во всѣ времена». Затѣмъ къ камню приблизился младшій великій приставъ и, поливая камень масломъ, говорилъ: «Я лью этотъ елей какъ эмблему мира. Да пребудутъ благословенія его постоянно съ нами и пусть Великій Начальникъ неба и земли покрываетъ и защищаетъ вдовъ и сиротъ и охраняетъ отъ испытаній и превратностей міра сего, и такъ да ниспошлетъ милость свою на угнетенныхъ, труждающихся и скорбящихъ, дабы они не скорбѣли болѣе и не тружадались». Наконецъ достопокланяемый великій мастеръ, ставъ предъ лицемъ всѣхъ, вознесъ слѣдующее моленіе: «Да благословитъ всещедрый Создатель природы жителей сего города обиліемъ вещей—необходимыхъ, полезныхъ и комфортабельныхъ для жизни, да помогаетъ въ водруженіи этого основанія и въ окончаніи этого предпріятія, да защититъ рабочихъ отъ всякаго несчастнаго случая, надолго сохранитъ этотъ образчикъ труда восточныхъ рабочихъ отъ разрушенія и да даруетъ намъ всѣмъ обиліе зеренъ питанія, вина освѣженія и масла радости. Аминь».

При всѣхъ этихъ церемоніяхъ мертвая тишина царила кругомъ, тысячи масонскихъ лицъ какбы окаменѣли въ благоговѣйной настроенности, и только одно солнце улыбалось на небѣ и легкій вѣтерокъ шаловливо игралъ съ перьями и лентами масонскихъ мундировъ.

Достопокланяемый затѣмъ воздалъ должную честь великому архитектору за удачное заложеніе фундамента; послѣ него выступилъ великій маршалъ великой ложи и во имя великаго мастера масоновъ нью-іоркскаго штата окончательно провозгласилъ, что краеугольный камень египетскаго обелиска, извѣстнаго подъ именемъ иглы Клеопатры, должнымъ образомъ положенъ. Такое провозглашеніе онъ сдѣлалъ на всѣ четыре страны свѣта—югъ и сѣверъ, востокъ и западъ, и на каждое провозглашеніе та сторона четырехъугольника,

образуемаго масонскими колоннами, по направленію къ которой направлялось провозглашеніе, по три раза хлопала ладонями въ знакъ окончательнаго утвержденія дѣла. Въ заключеніе всего достопокланяемый великій мастеръ обратился къ масонамъ съ длинною рѣчью, въ которой разсматривалъ значеніе Египта въ исторіи человѣчества, причемъ выказалъ массу знаній—литературныхъ, научныхъ, археологическихъ, строительныхъ, астрономическихъ, и доказывалъ, что всѣ современныя науки имѣютъ свою колыбель на берегахъ Нила. Тамъ же по его мнѣнію имѣетъ свою колыбель и масонство, хотя то масонство конечно много отличалось отъ современнаго, въ которое привзошло много новыхъ элементовъ, выработанныхъ новѣйшей цивилизаціей. Начертавъ исторію обелиска, достопокланяемый заключилъ: «Древній каменьщикъ созидалъ не для одного вѣка, а для вѣчности. Такъ, братья, должно быть и съ нами. Давайте же трудиться вѣрно въ настоящемъ, ожидая награды, обѣщанной тому, кто исполняетъ весь свой долгъ, и прошедшее, настоящее и будущее всякаго и каждаго удостоитъ его привѣтствіемъ: хорошо сдѣлалъ, добрый и вѣрный рабъ»! Масоны восторженными кликами одобряли рѣчь, а великій капелланъ вознесъ благодарственную молитву ко Всемогущему за этотъ славный день, который навѣки связалъ Египетъ, землю прошедшаго, съ Америкой, землей будущаго, и просилъ, чтобы союзъ штатовъ существовалъ во вѣки. «Аминь, да будетъ такъ»! — грянули десять тысячъ голосовъ, и эхо нѣсколько разъ повторило масонскій кликъ въ гротахъ парка. Раздалась команда, масонскія колонны заколыхались, разбились на отряды и подъ звуки марша двинулись въ обратный путь. А солнце уже скрылось за береговыми высотами Гудсона, и масонамъ улыбались только яркія звѣзды, блиставшія на темноголубомъ небѣ.

Масонское общество чрезвычайно обширно и многочисленно въ Америкѣ. Отдѣльныя ложи его раскинуты по всѣмъ Соединеннымъ Штатамъ. Членовъ своихъ оно считаетъ сотнями тысячъ и въ одномъ нью-іоркскомъ штатѣ ихъ числится бо-

лѣе 100,000. Оно ведетъ усиленную пропаганду и при всякомъ удобномъ случаѣ заявляетъ о себѣ громкими и блестящими демонстраціями. Три раза въ году обыкновенно бываетъ генеральный совѣтъ масоновъ въ какомъ-нибудь изъ главнѣйшихъ городовъ страны и каждый разъ такое событіе ознаменовывается торжественными парадами. Погребеніе всякаго масона совершается съ генеральскими почестями, съ музыкой и парадным шествіемъ рыцарей. Какъ общество, масонскій орденъ пользуется большимъ общественнымъ уваженіемъ, и безъ преувеличенія можно сказать, что къ нему принадлежатъ всѣ высшіе, богатые и образованные классы американскаго общества. По своей сущности масонскій орденъ есть религіозно-благотворительное общество, безъ всякой политической примѣси. По крайней мѣрѣ съ политической стороны онъ нисколько не заявляетъ о себѣ даже во время президентскихъ выборовъ, когда политическія страсти всего народа бываютъ распалены до невозможности. Благотворительность его впрочемъ ограничивается только своими собственными членами, и съ этой стороны каждый членъ масонскаго братства можетъ считать себя обезпеченнымъ отъ нужды и бѣдствій, гдѣ бы онъ ни находился. Каждый масонъ имѣетъ значекъ, который только стоитъ ему показать въ масонской ложѣ, чтобы его призрѣли въ болѣзни, дали денегъ въ нуждѣ, защитили на судѣ и т. д.

Въ религіозномъ отношеніи касательно масонскаго общества существуютъ неясныя представленія. Несомнѣнно однакоже то, что къ нему принадлежатъ весьма многіе пасторы американскихъ церквей, считающіе очевидно совмѣстимымъ свое представительство въ христіанской церкви съ членствомъ масонскаго общества. Есть однакоже и противники такого порядка вещей. Въ этомъ отношеніи небезъинтересны разсужденія, происходившія на одномъ засѣданіи генеральнаго синода реформатскихъ церквей. Отъ нѣкоторыхъ общинъ было прислано въ синодъ заявленіе съ выраженіемъ рѣшительнаго отверженія всякихъ связывающихъ себя клятвою обществъ

какъ антиреспубликанскихъ, противохристіанскихъ и противореформатскихъ. «Мы, священники и старшины, говорилось въ заявленіи, не позволяемъ масонамъ быть членами въ нашихъ церквахъ. Мы запрещаемъ имъ участвовать съ нами въ совершеніи таинства евхаристіи. Но когда мы присутствуемъ на частныхъ или общихъ синодахъ, намъ приходится иногда слушать проповѣдь и принимать причастіе изъ рукъ тѣхъ, кого мы отлучаемъ, что поставляетъ насъ въ неловкое положеніе и оскорбляетъ нашу совѣсть». Изъ этого заявленія видно, что между тѣмъ какъ одни реформатскіе священники отлучаютъ масоновъ отъ церкви, другіе состоятъ членами масонскаго общества. Когда вопросъ предложенъ былъ на обсужденіе синода, то тутъ высказалась таже разность во взглядахъ на масонство. Такъ достопочтенный Винтеръ напалъ на масонство съ жестокой критикой. Онъ изобразилъ «унизительныя церемоніи при поступленіи въ ложи» и доказывалъ, что эти церемоніи противохристіанскія, такъ какъ онѣ учатъ, что братъ масонъ, прошедшій масонскую школу, живущій для масонства и получающій масонское новое рожденіе,—тѣмъ самымъ обезпечиваетъ за собою право на царство небесное. Затѣмъ онъ говорилъ о клятвахъ разныхъ степеней и доказывалъ, что въ нихъ масоны клянутся защищать убійцъ и преступниковъ отъ закона, если таковымъ окажется братъ масонъ. Ни одинъ масонъ, по его мнѣнію, не можетъ быть вѣрнымъ самому себѣ, своему семейству, своей церкви или своему Богу. Для человѣка-де невозможно быть въ одно и тоже время добрымъ масономъ и добрымъ христіаниномъ». Ему отвѣчалъ «божественный докторъ» Портеръ въ неменѣе жестокихъ выраженіяхъ Онъ сказалъ, что онъ самъ «царственный архимасонъ» и въ тоже время служитель Господа Іисуса Христа, и отрицалъ, чтобы масонство препятствовало кому нибудь быть добрымъ христіаниномъ. «Я передъ Богомъ желаю, говорилъ онъ, чтобы христіанская церковь достаточно умѣла дѣйствовать по образу масонскихъ ложъ, и тогда она будетъ больше дѣлать

добра. Вы никогда не найдете вдовъ и сиротъ масоновъ въ богадѣльняхъ». Послѣ него поднялся достопочтенный Лепельтакъ и опять набросился на масонство. Масонскія молитвы, обряды и ученія, по мнѣнію этого оратора, противны идеѣ единаго и истиннаго Бога. Масонство-де издѣвается надъ словомъ Божіимъ и способствуетъ невѣрію. Онъ сталъ было разсказывать, какъ у масоновъ изображается Моисей предъ пылающей купиной и какъ кандидатъ на третью степень посвящается въ полунагомъ состояніи,—но приверженцы масонства не дали ему договорить. Одинъ изъ нихъ сердито прервалъ Лепельтака вопросомъ, знаетъ ли онъ то, о чемъ говоритъ, по собственному опыту, или слышалъ отъ какого-нибудь масонскаго отступника, а другой подпрыгнулъ съ своего мѣста и закричалъ: «Каждое слово, сказанное собратомъ о масонскихъ обрядахъ, ложно, каждое слово—ложь»! Произошло страшное смятеніе, всѣ кричали и никто не слушалъ, звонокъ безнадежно и жалобно дребезжалъ въ рукѣ предсѣдателя. Силы борящихся сторонъ оказались равными и потому смятеніе прекратилось только тогда, когда всѣ утомились отъ безплодной борьбы. Безъ рѣшенія однакоже нельзя было оставить дѣла и синодъ выработалъ слѣдующее опредѣленіе; которое могло быть принято обѣими спорящими сторонами; «Синодъ на основаніи имѣющихся въ его распоряженіи свѣденій и данныхъ не можетъ дать своего офиціальнаго рѣшенія ни за, ни противъ масонства и другихъ связывающихъ себя клятвою тайныхъ обществъ. Считая священнымъ и неотъемлемымъ право всѣхъ своихъ священниковъ и членовъ на личное убѣжденіе совѣсти и свободу слова, съ подчиненіемъ только Христу и Его церкви, синодъ однакоже объявляетъ симъ, что ни одинъ членъ или священникъ реформатской церкви въ Америкѣ не долженъ имѣть ничего общаго съ такимъ обществомъ, тайнымъ или открытымъ, принципы и дѣятельность котораго противны христіанству или противны вѣрѣ и дѣятельности церкви, къ которой мы принадлежимъ».

Опредѣленіе это разумѣется не рѣшило спорнаго вопроса, но благодаря своей неопредѣленности оно удовлетворило обѣ стороны. Только что предъ тѣмъраспаленные противники, теперь любезно разговаривали между собой и въ знакъ мира закуривали другъ у друга сигары.

РОДНЫЕ ОТГОЛОСКИ.

I. Русскій праздникъ за океаномъ.

Русскій юбилей. — Голоса американцевъ. — Взглядъ ихъ на минувшее двадцатипятилѣтіе Россіи. — Русская и американская печать.

По одной изъ продольныхъ нью-іоркскихъ улицъ, именно по Второму Авеню, полотно воздушной желѣзной дороги идетъ на страшной высотѣ, выше пятиэтажныхъ домовъ. Непрерывно снующіе по нему поѣзды представляютъ чудовищнограндіозную картину, при видѣ которой въ непривычномъ зрителѣ страхъ борется съ удивленіемъ. На пересѣкающей названное Авеню поперечной 50-й улицѣ находится станція воздушной дороги; со станціи идетъ внизъ четырехсоставная лѣстница, упирающаяся въ каменный тротуаръ, надъ которымъ высится рядъ стройныхъ шоколадныхъ домовъ, простой до монотонности, и въ тоже время изящной до своеобразности, американской архитектуры, съ цѣлымъ рядомъ однообразныхъ до неразличимости подъѣздовъ. Одинъ изъ этихъ подъѣздовъ однакоже сразу обращаетъ на себя вниманіе тѣхъ, кто спускается внизъ по лѣстницѣ со станціи воздушной желѣзной дороги. Лишь только царственное свѣтило дня взойдетъ надъ горизонтомъ, какъ лучи его съ особенною любовью сосредоточиваются на стоящемъ надъ подъѣздомъ небольшомъ золотомъ крестѣ,

подъ которымъ надъ самою дверью красуется золотая же надпись: «греко-русская церковь» *). Во вторникъ 2 марта по новому стилю (19 февраля по старому) 1880 года, въ 11 часовъ утра около этого подъѣзда происходило необычное движеніе. Роскошныя кареты одна за другой подкатывались къ подъѣзду и, выпустивъ сѣдоковъ, становились въ стройные ряды; съ лѣстницы воздушной и изъ вагоновъ конножелѣзной дороги выходили простые русскіе люди, клали предъ золотымъ крестомъ поклоны и входили въ открытую дверь; прохожіе американцы съ интересомъ останавливались предъ подъѣздомъ и любовались какъ золотистыми отливами православно-русскаго креста, такъ и происходившимъ у его подножія движеніемъ. О причинѣ этого движенія у подъѣзда русской церкви американцамъ нечего было справляться. Они всѣ знали ее. Въ Нью-Іоркѣ не было такой газеты, которая бы не помѣстила въ этотъ день статьи о «великомъ русскомъ праздникѣ», о «юбилейной годовщинѣ царя». Да, это былъ великій русскій праздникъ на американской землѣ и описанное выше движеніе было его внѣшнимъ выраженіемъ. Въ этотъ день мы русскіе, отдѣленные отъ родины тридевятью земель и безпредѣльнымъ океаномъ, мыслью и сердцемъ сливались съ родною землею и вмѣстѣ съ нею посылали горячій привѣтъ любви нашему возлюбленному Монарху, въ вѣчнопамятный для русской исторіи день двадцатипятилѣтней годовщины его царствованія.

Приготовленія къ этому великому празднику у насъ начались еще задолго до его наступленія. Кромѣ украшенія церкви, главная забота состояла въ томъ, чтобы образовать пѣвческій хоръ, такъ какъ одноголоснаго пѣнія псалмиста было совершенно недостаточно для такого торжественнаго дня и богослуженія. Вопросъ объ образованіи хора при недостаточ-

*) Надпись сдѣлана поанглійски: The Greek-Russian Chapel.

номъ количествѣ живущихъ здѣсь русскихъ оказался довольно труднымъ. Правда, многіе американцы и особенно американскія лэди весьма сочувственно отнеслись къ нашему празднику и обѣщали свое содѣйствіе; но сдѣланная спѣвка показала, что ихъ содѣйствіе могло только затруднить дѣло, такъ какъ для нихъ приходилось писать англійскими буквами всю обѣдню и пріучать ихъ выговаривать совершенно неподсильныя для нихъ славянскія слова. Служить-же обѣдню на англійскомъ языкѣ, какъ это бываетъ въ воскресные дни, считалось не удобнымъ для такого исключительно русскаго праздника. Вслѣдствіе этого пришлось отклонить любезное предложеніе услугъ со стороны американскихъ лэди, поблагодаривъ ихъ за ихъ симпатичное отношеніе къ Россіи и русскому торжеству. Приходилось ограничиваться русскими. Къ счастью, среди ихъ нашлись люди, которые съ охотою взялись за дѣло. Это—живущій здѣсь русскій докторъ П. и бывшій въ Россіи предводитель дворянства Б., которые вмѣстѣ съ псаломщикомъ составили тріо. Славянское богослуженіе съ такимъ русскимъ хоромъ, при массѣ избранной публики съ офиціальными представителями во главѣ, имѣло чрезвычайно торжественный характеръ и отвѣчало важности переживаемаго русской исторіей дня. Это молитвенно благодарственное возношеніе ко Всевышнему русскихъ сердецъ за океаномъ было какбы отголоскомъ пламенноединодушной молитвы самой русской земли, вознесшей ее за своего царя семью часами раньше насъ. Разница между Москвой и Нью-Іоркомъ во времени равняется приблизительно 7 часамъ; поэтому когда у насъ начиналась только служба въ 11 часовъ, въ сердцѣ Россіи было уже 6 часовъ вечера и зажигалась иллюминація. Подробности богослуженія и его обстановку я не буду описывать, и предоставлю описаніе ихъ своеобразному языку одного изъ американскихъ репортеровъ. Въ вечернемъ изданіи самой большой и распространенной американской газеты «Herald» напечатано было въ самый день нашего праздника слѣдующее.

«Двадцатипятилѣтняя годовщина восшествія царя на престолъ была отпразднована сегодня въ маленькой грекорусской церкви должнымъ образомъ, съ нѣкоторою степенью пышности и церемоніальности. Достопочтенный о. Біеррингъ совершалъ службу въ богатомъ золотошитомъ верхнемъ одѣяніи (т. е. ризѣ), подъ которымъ было надѣто шелковое фіолетовое внутреннее платье (т. е. подризникъ), и въ шляпѣ того-же цвѣта, недавно присланной ему изъ С.-Петербурга въ качествѣ знака отличія. Въ Россіи такую шляпу носятъ только епископы *). Богослуженіе совершалось на русскомъ языкѣ, кромѣ наставленій изъ св. писанія, которыя читались поанглійски. Литургію св. Златоуста, обычную въ праздничные дни, пѣлъ отборный хоръ изъ мужскихъ голосовъ, и молитвы были возносимы за Императора и Императорскую фамилію и флотъ, чтобы Богъ сталъ на ихъ сторону и покорилъ подъ ихъ ноги всякаго врага и противника. Молитвы о долговременномъ царствованіи, крѣпкомъ здоровьи, постоянныхъ побѣдахъ и конечномъ спасеніи «благочестивѣйшаго и Богохранимаго Александра Николаевича» были часты и трогательны. Возносима также была молитва о мирѣ и благосостояніи церкви и всего міра. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ и царь были вмѣстѣ упоминаемы въ прошеніяхъ.

---

*) Читателямъ трудно угадать, какую *шляпу* (hat) разумѣетъ здѣсь репортеръ. Это онъ расписываетъ такъ нашу священническую камилавку, которую въ Россіи по его мнѣнію носятъ *только епископы!* До такой степени мало американцы знаютъ даже внѣшнюю сторону нашей церкви. Курьезный примѣръ этого незнанія представилъ и с.-петербургскій корреспондентъ «Геральда». Въ громадной телеграфной кореспонденціи изъ С.-Петербурга, описывающей юбилейное торжество тамъ, онъ между прочимъ говорилъ: «Въ Императорской церкви совершалась обѣдня, и *звуки органа* доносились до большаго зала, гдѣ ожидало появленія Императора многочисленное собраніе». Органъ въ русской церкви — нечего сказать, оригинальное нововведеніе сдѣлано въ ней почтеннымъ американскимъ кореспондентомъ!—Но это невольный комплиментъ музыкальному пѣнію придворнаго хора пѣвчихъ.

Пѣснь—«Тебе Бога хвалимъ»—заключила все богослуженіе. Между богомольцами были: русскій посланникъ въ Вашингтонѣ, его супруга и два сына. Посланникъ одѣтъ былъ въ свой офиціальный придворный костюмъ, съ знаками его положенія на груди и плечахъ; какъ представитель Императора, онъ занималъ мѣсто за особой отгородкой. Русскій генеральный консулъ съ супругой; нѣсколько иностранныхъ консуловъ въ Нью-Іоркѣ и десятка два или три знатныхъ американскихъ лэди присутствовали также при богослуженіи. Многія важныя духовныя и свѣтскія лица города присылали свои поздравленія съ долгимъ и плодотворнымъ царствованіемъ Императора и съ сохраненіемъ его жизни, причемъ выражали свое сильное презрѣніе къ нигилистамъ, покушавшимся на его жизнь. Царица была трогательно упоминаема какъ въ молитвахъ церкви, такъ и въ письмахъ, полученныхъ о. Біеррингомъ отъ американцевъ. Маленькая капелла была переполнена народомъ и все богослуженіе производило сильно впечатлѣніе».

До какой степени американцы были заинтересованы нашимъ русскимъ праздникомъ, можно видѣть изъ того, что въ нѣкоторыхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ появилось подробное гравированное изображеніе церкви и всей обстановки богослуженія. Только здѣсь свободное искусство дало уже полную свободу воображенію, за смѣлыми и незастѣнчивыми размахами котораго едва можно узнать дѣйствительный предметъ изображенія. Такъ на картинѣ, помѣщенной въ иллюстрированномъ журналѣ «Frank Leslie», священникъ облаченъ уже вполнѣ въ англиканское одѣяніе, съ камилавкой впрочемъ на головѣ, и съ высоко поднятымъ въ рукахъ католическимъ крестомъ съ барельефнымъ изображеніемъ распятія; а трехголосный хоръ раздутъ въ безчисленный, въ которомъ и не пересчитать массы головъ, вытягивающихся по направленію къ нотнымъ тетрадкамъ. Общая обстановка церкви однакоже схвачена довольно вѣрно. Тутъ-же рядомъ помѣщенъ довольно правильный портретъ Государя Императора.

Упоминаемыя репортеромъ письма отъ различныхъ высоко-

поставленныхъ американскихъ лицъ мнѣ была возможность читать самому, и я долженъ сказать, что всѣ они проникнуты такою теплотою чувства любви и симпатіи къ нашему вѣнценосному Юбиляру и ко всему русскому народу, какая только можетъ исходить отъ сердца непритворно любящимъ Россію друзей. Симпатіи свои къ нашему возлюбленному Монарху и ко всей Россіи американцы выражали однакоже не въ частныхъ письмахъ только; они выражали ихъ и открыто — въ газетахъ. Всѣ газеты помѣстили въ самый день праздника по передовой статьѣ съ выраженіемъ этихъ симпатій и поздравленій Россіи въ день ея великаго праздника, а главныя газеты, какъ напр. «Геральдъ», дали на своихъ столбцахъ цѣлые очерки минувшаго двадцатипятилѣтія. Въ своей передовой статьѣ царь-газета писала между прочимъ слѣдующее, останавливаясь главнымъ образомъ на позорящемъ русскую землю злѣ:

«Сегодня стукнуло двадцать пять лѣтъ, какъ Александръ II взошелъ на престолъ Россійской имперіи, по смерти отца своего императора Николая; и этотъ день нигилисты избрали, если только можно серьезно принимать ихъ угрозы, моментомъ, въ который они хотятъ поразить своихъ согражданъ поступкомъ дьявольскаго бѣшенства *). И за что-же? За то, что Россія не управляется такъ, какъ-бы имъ хотѣлось управлять ею. За то, что правитель, составляющій часть сложнаго государственнаго организма, не производитъ хаоса объявленіемъ дикой всемірной республики, эти люди замышляютъ звѣрское мщеніе надъ самымъ гуманнымъ, одушевленнымъ лучшими желаніями ко благу своего народа, и самымъ просвѣщеннымъ Монархомъ, какого только имѣла Россія со времени сверженія монгольскаго ига. Либеральная и конституціонная система правленія предпочитается потому, что

*) Въ американскихъ газетахъ было напечатано заявленіе извѣстнаго «исполнительнаго комитета, что онъ готовитъ для Петербурга на 19 февраля такую иллюминацію, какой не видѣлъ міръ съ того времени, какъ Неронъ сожегъ Римъ».

она даетъ нравственныя и матеріальныя выгоды, лучше обезпечиваетъ жизнь и собственность и поднимаетъ народное развитіе вообще. Но развѣ всѣ эти выгоды сулятъ нигилисты своей системой убійствъ и поджоговъ? И можетъ ли убѣдиться русскій народъ огнемъ и револьверомъ, что нигилисты лучше тѣхъ, кого они хотятъ замѣстить? Еще не было никогда въ исторіи переворота, который-бы основывался на такой безумной, ребяческой теоріи. Сущность нигилистической теоріи состоитъ въ томъ, чтобы принудить правительство къ реформамъ посредствомъ запугиванія. Теорія эта основывается на предположеніи, что весь народъ проникнутъ трусостью и что страхъ смерти вполнѣ достаточенъ для того, чтобы принудить всякаго къ образу дѣйствія, который предоставляется какъ алтернатива убійства. Но какъ разъ все шло наоборотъ. Никто не испугался, правительство только все болѣе укрѣплялось и народъ теперь ничего такъ не ненавидитъ какъ безумныя политическія теоріи, во имя которыхъ сожигаются его дома и убиваются его лучшіе люди». Въ доказательство любви русскаго народа къ своему Монарху, газета приводитъ въ другомъ мѣстѣ отзывъ своего петербургскаго корреспондена, который говоритъ, что «когда около Александровской колонны въ девять часовъ утра грянулъ народный гимнъ: «Боже Царя храни!» и морозный воздухъ задрожалъ отъ движенія тысячей простонародныхъ голосовъ, то иностранцу трудно было думать, что нигилизмъ есть что нибудь другое, а не произведеніе разстроеннаго воображенія какого нибудь сыщика, и что Александръ II не имѣетъ твердаго мѣста въ сердцахъ своихъ соплеменниковъ и подданныхъ».

Другая американская газета, вторая послѣ «Геральда» по распространенности, но первая по серьезности направленія, именно нью-іоркскій «Times», помѣстила статью подъ заглавіемъ: «двадцать пять лѣтъ имперіи», въ которой чисто по американски—цифрами доказываетъ благотворность для Россіи минувшаго двадцатипятилѣтія. Вотъ что писала газета:

«Настоящее царствованіе, которому исполнилось двадцать

пять лѣтъ, было самымъ плодотворнымъ періодомъ въ русской исторіи. Со времени восшествія на престолъ Александра II, Россія сдѣлала больше дѣйствительнаго прогресса, чѣмъ за все предъидущее столѣтіе. Въ 1855 году она имѣла только 419 миль желѣзныхъ дорогъ, теперь она имѣетъ ихъ болѣе 10,000. Въ 1855 году только три города во всей имперіи, именно Петербургъ, Москва и Одесса, были сносно вымощены или освѣщены; теперь каждый изъ главныхъ провинціальныхъ городовъ обставленъ хорошо въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, а новая с.-петербургская газовая компанія одна изъ самыхъ цвѣтущихъ въ имперіи. Въ 1855 году все число фабрикъ и заводовъ въ Европейской Россіи было 17,536, выработывавшихъ ежегодно на 350.000,000 рублей; въ 1867 г.—въ первой половинѣ нынѣшняго царствованія — ихъ было уже 23,721 съ годичнымъ производствомъ въ 500.000,000 рублей, а теперь обѣ эти цифры конечно гораздо крупнѣе. Неправильность и запутанность въ судопроизводствѣ, производившемся по отжившимъ средневѣковымъ формамъ, были невѣроятныя; теперь судъ присяжныхъ, введенный въ 1865 г., сдѣлался народнымъ учрежденіемъ. Срокъ военной службы русскихъ солдатъ былъ 25 лѣтъ и болѣе, теперь онъ ограниченъ до 7 лѣтъ. Различныя жестокія и унизительныя наказанія, постоянно практиковавшіяся въ императорской арміи, теперь почти совсѣмъ уничтожены и съ 1861 г. только однажды былъ случай гонки сквозь строй. Въ 1855 году 23.000,000 крестьянъ были рабами, теперь они свободны и многіе изъ нихъ сдѣлались землевладѣльцами и богатыми торговцами. Даже въ территоріи сдѣланы Россіей за этотъ періодъ значительныя пріобрѣтенія. Въ Европѣ она пріобрѣла южную Бессарабію; въ Малой Азіи присоединила часть сѣверной Арменіи; въ центральной Азіи завоевала территорію равную Франціи; южная граница Сибири расширилась почти на 1,000 миль на счотъ Китая, а на Великомъ океанѣ пріобрѣтенъ важный островъ Сахалинъ. Но помимо всего этого Россія сдѣлала шагъ, который какъ нельзя лучше восполняетъ одинъ изъ ея самыхъ боль-

шихъ недостатковъ. Она образовала если не вполнѣ средній классъ, то зародышъ этого класса, который теперь распространяется каждый годъ все шире. Изъ 55.000,000 населенія, которое было собственно въ Россіи въ 1861 году, 29.000,000 были свободными крестьянами и 23.000,000 рабами, такъ что для противовѣса имъ оставалось только 1.000,000 дворянъ, 4.000,000 горожанъ и 650,000 духовенства. Все, что нужно для массы русскаго народа, это — сознательное послушаніе правительству. Избранными орудіями нигилизма служатъ непристроившіеся ни къ чему межеумки и мечтательные недоучки, которымъ нечего терять и головы которыхъ такъ же пусты, какъ ихъ карманы (with heads as empty as their pockets). Безопасность Россіи требуетъ образованія такого класса дѣловыхъ и промышленныхъ людей, для которыхъ порядокъ былъ-бы первымъ условіемъ благосостоянія и всякое нарушеніе его раззореніемъ».

Изъ приведенныхъ выдержекъ можно видѣть, съ какою серьезностью занимается американская печать судьбою чужой для нея страны, Россіи, съ какимъ здравымъ практическимъ пониманіемъ взвѣшиваетъ условія ея существованія и развитія. Что же дѣлаетъ наша россійская печать? Когда она освободится отъ позорящаго ее кошмара сплетней, перебранокъ и фразистаго либерализма? Когда она съ прямотою сердечной любви взглянетъ на вопіющія нужды родной земли и вызоветъ къ дѣятельности силы, которыя таятся въ неизслѣдованныхъ глубинахъ русскаго народа и ждутъ только не дряблофальшиваго, а идущаго прямо отъ сердца призыва? Пора образумиться, давно пора!..

II. Русское горе.

Отголосокъ русскаго горя за океаномъ. — Соболѣзнованія американцевъ.—Голоса общества, печати и правительства. — Панихиды въ Вашингтонѣ и Нью-Іоркѣ.—Американскій проповѣдникъ о свободѣ и злоупотребленіи ею.

Радость и горе нераздѣлимы въ человѣческой жизни, и горе часто по пятамъ преслѣдуетъ радость. Только годъ тому назадъ русскій народъ торжествовалъ вмѣстѣ съ своимъ царемъ другую годовщину двадцатипятилѣтія царствованія своего возлюбленнаго Монарха, и народное ликованіе гремѣло по всей странѣ. Но горе, страшное и тяжкое горе стояло уже у дверей. И вотъ оно явилось, и вопль народный пронесся по русской землѣ, замѣтая слѣды только что пережитой радости. О радость! мимолетность тебѣ настоящее имя!

Отъ ужаса злодѣйски кровавой трагедіи, навѣки опозорившей русскую землю, содрогнулся весь земной шаръ, куда только проходятъ желѣзныя нервы земли. За океаномъ, въ Нью-Іоркѣ, страшная вѣсть получена была въ самый день совершенія святотатственнаго злодѣянія. Газеты получили телеграммы около шести часовъ вечера и около этого-же времени изъ Вашингтона отъ русскаго Императорскаго посольства прислана была телеграмма священнику русской церкви, вызывавшая его въ національную столицу для совершенія панихиды. Между тѣмъ репортеры газетъ разнесли роковую вѣсть по всему городу и весь Нью-Іоркъ мгновенно сдѣлался мѣстомъ страшнаго возбужденія: говоръ негодованія и ужаса разлился по всѣмъ общественнымъ и частнымъ учрежденіямъ, гдѣ только были живые люди. На слѣдующее утро горестный фактъ нашелъ мѣсто на страницахъ всѣхъ газетъ и тамъ-же выразилось настроеніе, съ которымъ отнесся къ нему американскій народъ. Никогда еще онъ не выражалъ такого сильнаго и единодушнаго негодованія, какое

выразилъ теперь противъ злодѣевъ, занесшихъ смертоносную руку на вѣнчанную главу русскаго Царя-Освободителя. Американскій народъ самъ разъ пережилъ позоръ, нанесенный ему злодѣями въ убійствѣ президента-освободителя Линкольна; потому онъ способенъ глубже понимать русское горе, чѣмъ всякій другой народъ. И чѣмъ глубже чувствовалъ онъ соболѣзнованіе русскому народу, тѣмъ грознѣе было его негодованіе противъ виновниковъ его горя. Нью-іоркскій «Herald», помѣстивъ на другой день громаднѣйшій отчотъ о совершеніи цареубійства, вмѣстѣ съ подробнымъ очеркомъ минувшаго царствованія, въ передовой статьѣ говорилъ:

«Убійство никогда не можетъ быть благодѣтельнымъ для судебъ царствъ и народовъ; напротивъ всѣ друзья свободы прежде всѣхъ другихъ оплакиваютъ всякую попытку достигнуть ея посредствомъ убійства. Нигилизмъ или революція никогда не получитъ болѣе тяжкаго удара въ глазахъ человѣчества, чѣмъ какъ отъ убійства этого благороднаго и доблестнаго государя. Эти попытки перемѣнить судьбу народа посредствомъ насилія надъ основнымъ закономъ общественнаго бытія—суть крайности безумія. Насколько касается Америки, то судьба царя будетъ принята съ глубокою скорбію. Онъ былъ не только глава націи, связанной съ Соединенными Штатами узами особенной симпатіи, но онъ былъ другомъ Союза въ то время, когда Союзъ нуждался въ друзьяхъ. Міръ будетъ помнить его, какъ освободителя крѣпостныхъ. Америка не забудетъ его, какъ единственнаго государя, который во время нашей гражданской войны былъ великодушенъ и открытъ въ своей симпатіи къ нашему дѣлу. И теперь, когда тѣнь смерти пала на его царственное чело, наша скорбь увеличивается фактомъ, что въ его потерѣ цивилизація лишилась дальновиднаго и благодѣтельнаго государя, а Америка потеряла преданнаго и могущественнаго друга».

Величественная газета затѣмъ съ горечью негодованія и громами проклятія обрушивается на нигилизмъ. Но для характеристики американскаго общественнаго мнѣнія въ этомъ

отношеніи представляю выдержку изъ другой серьезнѣйшей американской газеты «Times». Въ передовой статьѣ подъ заглавіемъ: «Что сдѣлали нигилисты?» газета говоритъ:

«Нигилисты убили царя, но не убили-ли они также нигилизма? Эти дикари и полупомѣшанныя женщины напрасно воображали, что тронъ, корона и императорское правленіе мгновенно изчезнутъ, лишь только потухнетъ жизненная искра въ жестоко изувѣченномъ тѣлѣ ихъ жертвы. Они не высказывали никакой цѣли кромѣ той, которой они теперь достигли. Они величались именемъ апостоловъ чистаго разрушенія; и кромѣ этого у нихъ нѣтъ никакого врачеванія для человѣческихъ золъ, нѣтъ плана перестроить государство и образовать болѣе счастливое общество. Это отвратительная и бездушная шайка. Ихъ главная и смертельная цѣль (цареубійство) теперь достигнута и они поставлены лицомъ къ лицу съ самымъ полнымъ испытаніемъ всякой системы—первымъ успѣхомъ. Когда пройдетъ потрясеніе ужаса отъ ихъ страшнаго преступленія, міръ будетъ ждать, что-же нигилисты предполагаютъ дѣлать далѣе, и онъ увидитъ, что—ничего. Ихъ пустое и безчеловѣчное ученіе не ведетъ ихъ дальше. Но они отвѣтятъ за свое кровавое дѣло, если не предъ русскимъ правосудіемъ, то предъ остальнымъ міромъ, и потеряютъ послѣднюю искру сочувствія, съ которою нѣкоторые малообразованные друзья свободы въ другихъ странахъ относились къ нимъ. Теперь, какъ никогда, нигилизмъ сбросилъ съ себя маску и открыто стоитъ какъ главный врагъ свободы русскаго народа. Онъ умертвилъ Царя-Освободителя, котораго крестьянство любило, потому что онъ разбилъ цѣпи на ихъ рукахъ, и единственными врагами котораго были выброски изъ вздутаго и распущеннаго средняго класса и ложные друзья свободы, называющіе себя нигилистами. Нигилизмъ постоянно тормозилъ ростъ русской свободы и теперь быть можетъ нанесъ ей ударъ, отъ котораго она не оправится въ теченіе поколѣнія. Извѣстно, что Александръ II былъ государь либеральныхъ наклонностей. Въ доказательство этого достаточно указать на освобожденіе

имъ крѣпостныхъ и на то теплое сочувствіе, съ которымъ онъ относился къ народнымъ учрежденіямъ, какъ они существуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ».

Сочувствіе русскому народу американскій народъ выражалъ не только посредствомъ печати, но и посредствомъ своихъ представительныхъ собраній. Такъ законодательное собраніе нью-іоркскаго штата однимъ изъ первыхъ своихъ актовъ въ сессію 14 (2) марта приняло слѣдующую резолюцію касательно русскаго горя:

«Опредѣлили: что собраніе штата Нью-Іорка, представляющее болѣе пяти милліоновъ американскаго народа и нравственныя, политическія и общественныя чувства штата и всей страны, съ глубочайшею скорбію услышало о смерти чрезъ убіеніе Александра II, съ 1855 года бывшаго царя Россіи. Онъ былъ другомъ американскаго Союза, когда страна была погружена въ ужасную гражданскую войну. Освободитель 23.000,000 русскихъ крѣпостныхъ, освободитель Болгаріи, и предъ своею смертью былъ занятъ устроеніемъ конституціонной формы правленія для всего русскаго народа. Въ теченіи минувшаго года онъ отмѣнилъ тяжелый налогъ на бѣднѣйшіе классы своего народа и уничтожилъ деспотическую власть третьяго отдѣленія, которое арестовывало гражданъ по подозрѣнію и ссылало ихъ въ Сибирь безъ разслѣдованія или какой-бы-то ни было формы суда. Народъ этого штата, сочувствуя повсюду конституціонной свободѣ и справедливому равенству, въ тоже время отвращается отъ убійцъ, будутъ-ли они при императорскомъ правленіи, какъ въ Россіи, или при народномъ правленіи, какъ въ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ помнитъ звѣрское убіеніе его собственнаго избраннаго главы, президента Линкольна, и желаетъ засвидѣтельствовать свое отвращеніе къ преступленію политическихъ убійствъ, считая ихъ враждебными свободѣ, цивилизаціи и христіанству, и самыми злѣйшими врагами всякихъ реформъ—какъ въ штатахъ и націяхъ Америки, такъ и въ государствахъ и имперіяхъ всего свѣта».

Членъ законодательнаго собранія, г. Эрастусъ Бруксъ, внесшій эту резолюцію, обратился къ собранію съ длинною пламенною рѣчью сочувствія русскому народу, и собраніе единодушно приняло и одобрило какъ рѣчь, такъ и резолюцію.

Подобныя-же резолюціи были приняты законодательными собраніями и другихъ штатовъ американскаго союза, и какъ-бы общимъ сводомъ ихъ явилась резолюція сената Соединенныхъ Штатовъ, въ Вашингтонѣ. Въ сессію 14 (2) марта американскій сенатъ единогласно принялъ слѣдующую резолюцію:

«Такъ какъ сенатъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, созванный теперь на спеціальную сессію, получилъ извѣстіе о смерти, чрезъ беззаконное и безчеловѣчное насиліе, Его Величества Императора Россіи Александра II, то

«Опредѣлили: что сенатъ соединяетъ свой голосъ съ голосомъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ въ отрицаніи убійства какъ средства мщенія за всякое угнетеніе, дѣйствительное или воображаемое.

«Опредѣлили: что вспоминая и съ удовольствіемъ лелѣя отношенія истиннаго дружества, которыя всегда существовали между народами и правительствами Россіи и Соединенныхъ Штатовъ, для укрѣпленія и поддержанія каковыхъ покойный Императоръ серьезно употреблялъ свое великое вліяніе, сенатъ выражаетъ правительству и народу Россіи свое соболѣзнованіе въ его горькой національной потерѣ.

«Опредѣлили: что секретарь сената передастъ копію сихъ опредѣленій президенту Соединенныхъ Штатовъ, съ просьбою, чтобы онъ сообщилъ оныя правительству Россіи».

По поводу этой резолюціи сената «Herald» писалъ: «Всеобщее выраженіе симпатіи и соболѣзнованія о покойномъ царѣ по всему цивилизованному міру есть то, что можно было ожидать, и оно вполнѣ достойно и трогательно. Мы рады, что сенатъ Соединенныхъ Штатовъ послѣдовалъ быстрому дѣйствію Блэна (перваго министра) въ отправкѣ посланія собо-

лѣзнованія русскому правительству. Относительно преступленія возможно только одно мнѣніе».

Наконецъ и учащаяся американская молодежь не отстала отъ другихъ въ выраженіи своихъ симпатій русскому народу и презрѣнія къ злодѣйской шайкѣ убійцъ. Студенты лучшей въ Нью-Іоркѣ коллегіи Колумбія, факультета политическихъ наукъ, «единодушно приняли резолюцію соболѣзнованія царствующему дому Россіи и всему благорасположенному и законохранительному русскому народу, стремящемуся къ постепенному, мирному и постоянному общественному развитію. И они не могутъ достаточно сильно и сурово осудить всѣ мятежныя вспышки насилія и преступныя выходки какъ безумныя, недѣйствительныя и влекущія за собою самыя гибельныя послѣдствія для постояннаго общественнаго прогресса».

Репортеры газетъ разсыпались по городу, отыскивая и разспрашивая всѣхъ, кто только какъ нибудь соприкасался съ Россіей, и мнѣніемъ всѣхъ такихъ людей (исключая нѣсколькихъ осколковъ нигилистической партіи, которые открыто гордились злодѣйствомъ, навлекая на себя еще большее общественное презрѣніе) было единодушное и могучее сочувствіе русскому народу и негодованіе на злодѣевъ. Флаги всѣхъ иностранныхъ консульствъ и даже частныхъ учрежденій опустились на полмачты—въ положеніе печали, и сквозь обычный гулъ монотонной промышленной суеты американской митрополіи замѣтно проходила скорбная нота соболѣзнованія бѣдному русскому народу, допустившему среди себя совершиться злодѣйству, вѣсть о которомъ грозно вошіетъ къ небу.

Получивъ отъ его высокопревосходительства, русскаго императорскаго посланника въ Вашингтонѣ, горестную телеграмму, настоятель русской православной церкви въ Нью-Іоркѣ живо собрался въ путь, и въ ночь на вторникъ отправился въ національную столицу американскаго народа, вмѣстѣ съ псаломщикомъ и г. генеральнымъ консуломъ

Нью-Іорка. Быстрый поѣздъ загремѣлъ въ ночной темнотѣ и раннимъ утромъ прибылъ въ Вашингтонъ. Тамъ уже производились дѣятельныя приготовленія къ совершенію панихиды, и супруга господина императорскаго посланника Бартоломеи лично занималась приведеніемъ своего зала въ соотвѣтственное для скорбнаго богослуженія положеніе. Между тѣмъ столица американскаго народа съ теплымъ сочувствіемъ слѣдила за этими приготовленіями, и оно между прочимъ выразилось въ томъ, что священникъ одной епископальной церкви предложилъ свой храмъ въ качествѣ мѣста для совершенія панихиды, сопровождая это предложеніе горячими заявленіями своего сочувствія и соболѣзнованія. «Осмѣливаясь сдѣлать такое предложеніе своего храма для православнаго употребленія, говоритъ въ своемъ письмѣ достопочтенный ректоръ церкви Герольдъ, я единственно имѣю въ виду заявить свое глубокое почтеніе къ вашей древней каѳолической церкви и выразить свое сердечное соболѣзнованіе Императорскому семейству и русскому народу». Такъ какъ надлежащія приготовленія сдѣланы уже были въ резиденціи русскаго Императорскаго посланника, то русскому священнику оставалось только благодарить епископальнаго американскаго ректора за его любезное предложеніе и теплое сочувствіе русскому народу, что онъ и исполнилъ, лично сдѣлавъ ему визитъ.

Совершеніе панихиды назначено было на 3 часа пополудни во вторникъ (15) 3 марта, и разосланы были оффиціальныя приглашенія представителямъ державъ. Къ назначенному времени кареты посланниковъ одна за другой начали подкатываться къ подъѣзду русскаго посольства и изъ нихъ выходили блестяще мундированныя лица, которыхъ любезно встрѣчалъ русскій императорскій посланникъ съ своей супругой, одѣтой въ глубокій трауръ. Блескъ разнообразныхъ придворныхъ мундировъ, затѣняемый траурнымъ крепомъ всей окружающей обстановки, при тускломъ мерцаніи трехъ свѣчей, горѣвшихъ на столѣ, предъ которымъ стояли священникъ и псаломщикъ въ ожиданіи знака для начатія панихиды, ку-

реніе ладона, густыми клубами ложившагося на группу представителей державъ, и тихій говоръ привѣтствій и соболѣзнованій—все это было торжественнымъ и внушительнымъ выраженіемъ господствовавшаго настроенія скорби. Репортеры внимательно слѣдили за совершеніемъ панихиды и на другой день во всѣхъ газетахъ въ Вашингтонѣ, въ Нью-Іоркѣ и другихъ городахъ появились подробные отчоты о совершеніи «русскаго requiem'a». Въ вашингтонгской газетѣ «The National Republican» было напечатано такое описаніе панихиды:

«Резиденція русскаго министра, на Коннектикутскомъ авеню, вчера пополудни была сценою внушительнаго и блестящаго собранія по случаю поминальнаго богослуженія въ честь покойнаго царя Россіи. Было интересно смотрѣть, какъ дипломатическій корпусъ и семейства министровъ и attachés проходили подъ тяжелой аркой крепа, служившаго эмблемой печали. Внутри дома господствовала подавляющая тишина и царствовало настроеніе скорби. Окна были затѣнены, стѣны увѣшаны тяжелыми складками траурной матеріи, обрамленной шелковымъ крепомъ и бахромой, и были видны всѣ знаки траура, какими только восточная церковь и русскій дворъ выражаютъ всю скорбь по царственномъ покойникѣ. На восточномъ краѣ зала былъ импровизованъ алтарь, на которомъ три зажженныя свѣчи были единственными знаками вѣры церкви. Впереди стояли члены русскаго посольства и генеральный консулъ Велецкій изъ Нью-Іорка, придворные мундиры которыхъ были закутаны въ крепъ и пуговицы придворнаго платья покрыты чернымъ. Британскій посланникъ съ семействомъ, французскій и германскій посланники, однимъ словомъ весь дипломатическій корпусъ тѣснился позади русскаго посольства. Государственные секретари (министры) Соединенныхъ Штатовъ, Блэнъ и Линкольнъ съ супругами и нарочито приглашенными друзьями, были свидѣтелями религіозной службы, которую совершали отецъ Николай Біеррингъ и его помощникъ достопочтенный отецъ (!) Лопухинъ, изъ Нью-Іорка. «Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего, благочести-

вѣйшаго Императора Александра Николаевича» — говорилъ отецъ Біеррингъ, и это было господствующимъ духомъ всего богослуженія. Ему отвѣчалъ помощникъ и пѣлъ: «Я пролію мою молитву ко Господу, и Ему возвѣщу мою печаль». Въ заключеніе церемоній было дано благословеніе всѣмъ посредствомъ возвышенія креста и пѣлось провозглашеніе вѣчной памяти царственному покойнику. Въ одной изъ заднихъ комнатъ дома виднѣлся большой портретъ покойнаго Императора, увѣшанный эмблемами траура, и придавалъ еще больше печальной торжественности всей окружающей обстановкѣ».

Подобные-же отчоты переданы были по телеграфу въ газеты Нью-Іорка, Балтиморы, Филадельфіи, Бостона, Чикаго и другихъ городовъ страны.

Среди членовъ дипломатическаго корпуса были не только представители европейскихъ и христіанскихъ державъ, но и азіатскихъ. Такъ, тутъ были члены китайскаго посольства въ своихъ національныхъ костюмахъ, и члены японскаго посольства въ блестящихъ европейскихъ мундирахъ. Турецкое посольство присутствовало въ своемъ полномъ составѣ. Замѣчательною особенностью его служитъ то, что оно все состоитъ изъ православныхъ грековъ, и потому принадлежитъ къ приходу русской православной церкви въ Нью-Іоркѣ. Предполагалось, что на панихидѣ будетъ присутствовать новоизбранный президентъ Соединенныхъ Штатовъ Гарфильдъ, но многотрудная дѣятельность его въ новомъ положеніи заставила его ограничить свое представительство первыми министрами кабинета—Блэномъ и Линкольномъ, которые рѣзко выдавались изъ ряда членовъ дипломатическаго корпуса своимъ простымъ чернымъ платьемъ. Для послѣдняго изъ нихъ присутствіе на русской православной панихидѣ сопровождалось не только чувствомъ общаго соболѣзнованія русскому народу, но и глубокою личною скорбью его собственнаго сердца. Онъ сынъ знаменитаго президента Соединенныхъ Штатовъ Линкольна, который подобно нашему покойному государю былъ благодѣтелемъ человѣчества, освободителемъ милліоновъ рабовъ, и

подобно-же нашему государю палъ отъ злодѣйской руки враговъ истинной свободы. Скорбные звуки панихиды по покойномъ государѣ теперь со всею тяжестью ложились на его сыновнее сердце, оживили въ немъ память о его доблестномъ отцѣ, погибшемъ за благо человѣчества, и онъ не могъ побороть своихъ чувствъ. Онъ плакалъ въ продолженіе всей панихиды... Да, поистинѣ велика темная сила адской злобы на землѣ, и только кровью мучениковъ покупается царство истины и блага въ человѣчествѣ!

Въ ближайшее воскресенье совершена была панихида въ русской церкви въ Нью-Іоркѣ. Церковь одѣлась въ глубочайшій трауръ, въ которомъ, благодаря заботливости г. консула, изящный вкусъ счастливо сочетался со знаками тяжелой скорби. Панихида назначена была на 11 часовъ утра, послѣ совершенія обычной литургіи; но массы американцевъ начали прибывать уже съ ранняго утра и къ 10 часамъ не только церковь занята была вплотную, но и весь тротуаръ снаружи чернѣлъ народомъ, съ которымъ едва могъ справляться патруль палисменовъ изъ восьми человѣкъ, командированный для наблюденія за порядкомъ. Кромѣ личнаго присутствія въ русской церкви, американцы выражали свои симпатіи и письменными заявленіями. Какъ въ самый день совершенія панихиды, такъ и на слѣдующій день, русскій священникъ получилъ массу писемъ съ выраженіями глубокаго соболѣзнованія. Письма получены были не только отъ жителей Нью-Іорка, но изъ сосѣднихъ городовъ и даже изъ отдаленныхъ штатовъ.

Проповѣдники американскихъ церквей присоединились къ общему хору сочувствія русскому народу и въ своихъ проповѣдяхъ выражали какъ соболѣзнованіе Россіи, такъ и презрѣніе къ безумному и звѣрскому движенію нигилизма. Одинъ изъ проповѣдниковъ, именно докторъ Ньюманъ, развилъ по этому поводу цѣлый трактатъ о свободѣ и злоупотребленіи ею, который можетъ быть не безполезенъ для тѣхъ, кто смутно представляетъ себѣ идею свободы, каковыхъ у насъ

въ Россіи къ сожалѣнію не мало — даже среди такихъ лицъ которыя считаютъ себя руководителями общественнаго мнѣнія *). Проповѣдникъ взялъ своимъ текстомъ слова апостола. «Къ свободѣ призваны вы, братія; только бы свобода ваша не была поводомъ къ угожденію плоти: но любовію служите другъ другу». Гал. V, 13. «Многіе воображаютъ, говорилъ проповѣдникъ, что подъ Евангеліемъ они могутъ дѣлать все, что только хотятъ, и это безъ грѣха. Нѣкоторые думаютъ: что добродѣтель и порокъ суть условные термины, которые не представляютъ реальностей, а только условности. Иные думаютъ, что свобода есть отрицаніе закона, порядка и приличія, и въ приложеніи къ нравственности, политикѣ и благосостоянію она означаетъ освобожденіе отъ всякихъ ограниченій. Напротивъ свобода въ самомъ понятіи своемъ заключаетъ ограниченіе и отвѣтственность. Безусловная свобода есть не только нелѣпость, но и покушеніе осуществлять ее есть преступленіе противъ вселенной. Человѣкъ есть организованное ограниченіе. Человѣческое тѣло можетъ рости только

*) Кстати намъ припоминается одинъ образчикъ крайне смутнаго пониманія идеи свободы, случайно бросившійся намъ въ глаза при чтеніи одной недѣльной газеты. Заговоривъ о свободѣ печати, русскій публицистъ замѣчаетъ съ развязностью: «извѣстно, что въ Америкѣ *никакихъ законовъ* о печати не существуетъ, и печать пользуется тамъ *безусловною свободой*». Кромѣ ложности самаго положенія, что въ «Америкѣ никакихъ законовъ о печати не существуетъ», такъ какъ здѣсь законодательство о печати гораздо опредѣленнѣе, полнѣе и въ нѣкоторыхъ случаяхъ строже русскаго, въ этомъ изреченіи публициста поражаетъ сопоставленіе отсутствія всякихъ законовъ (беззаконія) съ безусловной свободой. До этого изреченія, какъ извѣстно, господствовало ученіе, что законы-то именно и обусловливаютъ свободу, даютъ ей жизнь, а внѣ ихъ или безъ нихъ существуетъ только произволъ, который есть смерть для свободы. Что касается строгости американскихъ законовъ о печати, то достаточно указать не тотъ фактъ, что за всякую личную клевету, которая можетъ имѣть вредное вліяніе на нравственное, общественное или экономическое положеніе человѣка, газета подвергается штрафу въ сотни, тысячи и даже десятки тысячъ долларовъ — въ пользу оклеветаннаго. У насъ, какъ извѣстно, на этотъ счетъ свободнѣе.

до извѣстной высоты. Отбросьте этотъ законъ ограниченія и голова человѣка достигла бы такой высоты, на которой невозможна жизнь. Человѣкъ можетъ ѣсть и пить только извѣстное количество, можетъ спать столько-то и можетъ настолько-то выносить холодъ и жаръ—все это заключаетъ въ себѣ ограниченіе. Мы такъ устроены, что даже чувствительность имѣетъ свои предѣлы. Напряженіе чувства выше даннаго пункта ведетъ за собой обморокъ или смерть. Мы могли бы слышать музыку небесныхъ сферъ, если бы имѣли достаточную для этого слуховую воспріимчивость; мы могли бы видѣть престолъ Невидимаго, если бы имѣли соотвѣтствующую оптическую способность. Наша умственная способность такова, что для нея есть извѣстные предѣлы, за которыми мы не можемъ мыслить. Природа повсюду призываетъ къ остановкѣ. Человѣкъ имѣетъ общественныя обязанности, какъ онъ имѣетъ личныя права. Бракъ ограничивается двумя лицами, потому что число половъ равно. Дѣти должны повиноваться своимъ родителямъ, чтобы обезпечить домашнее согласіе и счастіе. Организованное общество есть организованное ограниченіе. Это означаетъ уступку изъ личной свободы для выгоды организованнаго общества. Правительство есть необходимость, которая вытекаетъ изъ нашихъ соціальныхъ нуждъ. Всякій человѣкъ такъ созданъ, что инстинктивно поручаетъ общинѣ своихъ собратій попеченіе и защиту его правъ и отмщеніе его обидъ, и его собратья въ свою очередь инстинктивно принимаютъ на себя это полномочіе. Онъ и они дѣлаютъ это со всею силою естественнаго закона. Тутъ нѣтъ мѣста выбора—хочетъ или не хочетъ человѣкъ быть членомъ гражданскаго общества. Онъ становится таковымъ какъ скоро начинаетъ жить, и общество сразу предоставляетъ ему всѣ выгоды своего попеченія и требуетъ отъ него исполненія извѣстныхъ обязанностей. Изъ этого взаимнаго отношенія выходятъ обязанности и права патріотизма, и въ признаніи этого отношенія гражданинъ оказываетъ повиновеніе закону, платитъ налоги и полагаетъ свою жизнь, если необходимо, за благо своей страны. Въ воз-

награжденіе гражданинъ получаетъ защиту жизни, собственности и семейства, выгоды воспитанія и религіозной свободы. Въ настоящее время раздается крикъ противъ ограниченій, представляемыхъ правительствомъ; но это крикъ безумныхъ противъ мудрой и благодѣтельной обезпеченности и защиты. Это крикъ беззаконика, блуднаго сына, пьяницы, мошенника, разбойника и убійцы. Одна форма правительства несомнѣнно лучше другой, но тутъ важнѣе всего не форма правительства, а характеръ самого гражданина. Лучшіе люди живали при худшихъ формахъ правительства, какъ апостолы при Неронѣ, пуритане при Стюартахъ. Ихъ угнетали, преслѣдовали, предавали смерти, а они — доблестные мужи — были образцами добродѣтели. Было также и то, что при самыхъ лучшихъ, отеческихъ формахъ правленія жили самые порочные, скотоподобные люди. Изъ всѣхъ почетнѣйшихъ словъ въ нашемъ говорильномъ мірѣ, сладостнѣйшимъ до очарованія, могущественнѣйшимъ для одушевленія служитъ «свобода». Она согрѣваетъ наши сердца, расширяетъ нашъ умъ, вдохновляетъ наше мужество. Изъ-за нея человѣчество боролось въ теченіи шестидесяти вѣковъ, за нее люди умирали на кострѣ, на полѣ битвы, въ рукахъ разъяренной толпы. Но какія ужасныя преступленія были совершаемы во имя свободы! Огни французской революціи воспламенялись при крикахъ— свобода; коммуна обагрила улицы Парижа человѣческою кровью при воплях — свобода; царь Россіи былъ умерщвленъ во имя «свободы». Но это распущенность; это презрѣніе къ закону, порядку и приличію; это разрушеніе организованнаго общества; это означаетъ разбой и убійство; это злоупотребленіе свободой. Рука, которая поразила царя Россіи или покушалась на императора Германіи, поразила бы также и президента республики. Это враги установленной власти (authority), организованнаго ограниченія, и не должны имѣть никакого потворства со стороны тѣхъ, кто любитъ порядокъ и уважаетъ законъ. Въ настоящее время въ нашей странѣ раздается крикъ противъ капитала, но капиталъ такъ же

необходимъ для благосостоянія общества, какъ само правительство. Громадныя коммерческія предпріятія нашего времени, которыя даютъ заработокъ тысячамъ промышленныхъ гражданъ, не могутъ быть ведены безъ громаднаго капитала. Эти политическія и общественныя заблужденія вытекаютъ большею частію изъ философіи свободныхъ мыслителей, которые притязаютъ на право мыслить, говорить и дѣйствовать—какъ только имъ угодно. Я отрицаю это право. Законъ ограниченія повсюду имѣетъ такое же господство, какъ самъ законъ, и человѣческая мысль не составляетъ исключенія изъ этого правила. Есть конечно различіе между способностью мыслить и правомъ мыслить. Я имѣю способность (power) мыслить, что дважды одинъ составляетъ четыре, что часть больше цѣлаго, что слѣдствіе можетъ быть безъ причины; но я не имѣю права на это. Подъ правомъ я разумѣю оправданіе. Мыслить, что часть больше цѣлаго, значитъ мыслить нелѣпость. Вы имѣете способность мыслить, что нѣтъ Бога, но вы не имѣете права мыслить такъ, потому что вы обязаны мыслить согласно законамъ мысли, фактамъ въ данномъ предметѣ и результатамъ, которые могутъ выдти изъ вашего мышленія. Мыслить, что слѣдствіе можетъ существовать безъ причины, значитъ совершать преступленіе противъ разума, потому что вы не имѣете права мыслить то, что противно самоочевидной истинѣ. Коммунизмъ и нигилизмъ суть выводки этой чудовищной нелѣпости, что человѣкъ имѣетъ право мыслить какъ ему угодно. Самый свободный въ мірѣ человѣкъ тотъ, кто оказываетъ самое полное повиновеніе закону и кто признаетъ благодѣтельныя ограниченія, въ которыхъ онъ созданъ. Это религіозная свобода въ ея высочайшей формѣ. Это эмансипація души отъ грѣха въ жизнь праведности».

III. Русская церковь въ Нью Іоркѣ.

Планъ Нью-Іорка. — Мѣстоположеніе русской церкви. — Американскій домъ и помѣщеніе, занимаемое церковью.—Освященіе. — Настоятель и псаломщики.—Прихожане.—Лѣтопись десятилѣтія.— Русское благотворительное общество. — Воскресное богослуженіе и пестрое собраніе богомольцевъ.

Планъ американскихъ городовъ обыкновенно чрезвычайно простъ. Онъ представляетъ собой клѣтчатку, правильно раздѣленную на квадратики улицами, носящими номерное названіе. Города въ Америкѣ обыкновенно такъ быстро строились, что уже первые поселенцы легко могли распланировать весь будущій городъ по своему усмотрѣнію, а улицы проводились и заселялись съ такою быстротою, что у старшинъ города не доставало времени на придумываніе для нихъ особыхъ названій и потому они прибѣгли къ самому простѣйшему способу—называть ихъ числами: первая улица, вторая улица и т. д. Нью-Іоркъ имѣетъ совершенно такой же планъ. Онъ расположенъ на продолговатомъ узкомъ островѣ, образуемомъ Гудсономъ и Восточною рѣкою съ соединяющимъ ихъ на сѣверѣ протокомъ Гарлемъ. Островъ стрѣлкой растянулся отъ юга къ сѣверу и имѣетъ десять миль въ длину и мили двѣ въ ширину. Идущія вдоль острова улицы называются авеню и ихъ всего одиннадцать, а поперечныя улицы называются просто улицами и ихъ болѣе двухъ сотъ, съ номернымъ названіемъ, кромѣ нѣсколькихъ улицъ въ старой «нижней» части города, гдѣ онѣ называются собственными именами. Заселеніе города двигалось отъ океанской пристани въ глубь острова, отъ юга къ сѣверу; потому и счотъ улицъ ведется отъ юга къ сѣверу.

Въ южной части города множество станцій конножелѣзныхъ дорогъ, откуда вагоны и поѣзды ежеминутно отправля-

ются на сѣверъ по разнымъ авеню города. На самомъ берегу океанскаго залива расположилась станція воздушной желѣзной дороги. Поднимемся по лѣстницѣ на высокую станцію, утвержденную на желѣзныхъ столбахъ, и возьмемъ билетъ на воздушный поѣздъ. Поѣзда не заставляютъ долго себя ждать. Чрезъ минуту или двѣ пыхтящее чудовище выскакиваетъ изъза угла красныхъ зданій и мгновенно останавливается у станціи. «Всѣ на бортъ»! раздается команда кондукторовъ, пассажиры съ толкотней устремляются въ вагоны, желѣзныя дверки защелкиваются и чудовище съ пыхтѣніемъ и стукомъ устремляется въ свой обычный путь по рѣшетчатой желѣзной дорогѣ, укрѣпленной высокими столбами надъ улицей. Поѣздъ мчится съ быстротою сорока верстъ въ часъ и предъ вами только пестрятъ въ глазахъ верхушки красныхъ и коричневыхъ домовъ, да внизу еще копошатся массы суетливаго люда. Кондукторы выкрикиваютъ названіе станцій, поѣздъ останавливается у каждой изъ нихъ чрезъ четыре-пять кварталовъ, чтобы въ полминуты принять новыхъ пассажировъ, и мчится далѣе и далѣе на сѣверъ. На одной изъ сороковыхъ улицъ чрезъ второе авеню идетъ поперечное полотно воздушной желѣзной дороги, и нашъ поѣздъ во избѣжаніе столкновеній махаетъ чрезъ него, такъ что полотно дороги поднимается на страшную высоту. У непривычнаго пассажира сердце сжимается отъ ужаса и онъ спѣшитъ скорѣе сойти на ближайшей станціи.

«Пятидесятая!» механически выкрикиваетъ кондукторъ и, видя вашу русскую мѣшковатость, безцеремонно выталкиваетъ васъ на станцію, чтобы защелкнуть дверку и мчаться далѣе. Со станціи ведетъ внизъ длиннѣйшая лѣстница болѣе чѣмъ во сто ступенекъ, и упирается въ каменный тротуаръ, надъ которымъ высится рядъ шоколадныхъ домовъ простой, но изящной американской архитектуры, съ рядомъ однообразныхъ до неразличимости подъѣздовъ. Одинъ изъ среднихъ подъѣздовъ однакоже рѣзко выдается изъ ряда другихъ. Надъ нимъ блистаетъ золотой русскій крестъ, подъ которымъ вид-

нѣется золотая же, но англійская надпись: «Греко-русская церковь» *). Итакъ вотъ здѣсь находится это русское православное святилище, единственное на всемъ восточномъ океанскомъ прибрежьѣ Сѣверной Америки. Домъ, въ которомъ помѣщается русская церковь, находится какъ разъ въ срединѣ квадратнаго квартала на лѣвой или западной сторонѣ улицы и ничѣмъ не отличается отъ сосѣднихъ домовъ, вплотную сходящихся съ нимъ съ правой и лѣвой стороны, подъ одной сплошной крышей. Весь кварталъ, саженъ въ 40 длиной, представляетъ какбы одинъ большой домъ, а на самомъ дѣлѣ онъ состоитъ изъ семи или восьми домовъ. Американскій домъ совсѣмъ не то, что европейскій. Въ европейскихъ большихъ городахъ домъ обыкновенно имѣетъ десятки и сотни оконъ на улицу и по этажамъ раздѣляется на квартиры съ однимъ или двумя общими ходами. Совсѣмъ не то здѣсь. Американцы смѣются надъ европейскимъ устройствомъ. По ихъ пословицѣ «мой домъ есть моя крѣпость», и американецъ не можетъ терпѣть, чтобы въ дверь, ведущую въ его домъ, входилъ кто нибудь другой кромѣ его самого и тѣхъ, кто заслужитъ особеннаго его благоволенія. Поэтому дома здѣсь состоятъ обыкновенно изъ трехъ оконъ на улицу, рѣдко изъ четырехъ и частенько изъ двухъ, причемъ каждый домъ имѣетъ свой особый парадный входъ съ улицы, и весь домъ, большею частью въ четыре-пять этажей, занимается однимъ хозяиномъ. Въ одномъ этажѣ у него гостиная, въ другомъ столовая, въ третьемъ спальная, въ четвертомъ кабинетъ или дѣтская, и бѣганье по лѣстницамъ вверхъ и внизъ есть самая характерная черта домашней американской жизни. Совершенно такого же устройства и домъ, занимаемый русскою церковію. Онъ состоитъ изъ четырехъ этажей, имѣетъ три окна на улицу и парадный входъ, ступеньками прямо ведущій въ бель-этажъ.

---

*) The Greek-Russian Chapel. 2—d Avenue 951. N. Y. city.

Поднявшись по ступенькамъ, посѣтитель дергаетъ звонокъ, дверь отворяется, и онъ вступаетъ въ узкій коридорчикъ, назначенный для лѣстницъ во всѣ этажи и занимающій пространство въ одно окно. При самомъ вступленіи въ коридорчикъ, на лѣвой сторонѣ посѣтитель видитъ дверь, и она ведетъ въ самую церковь. Это небольшая комната съ двумя окнами на улицу сажени полторы въ ширину и сажени три въ длину. Въ обыкновенныхъ американскихъ домахъ этотъ этажъ составляетъ такъ называемый парлеръ или гостиную и состоитъ обыкновенно изъ двухъ половинъ, раздѣляемыхъ посрединѣ сдвижными дверями. Такое устройство парлера дало возможность безъ всякихъ перестроекъ превратить его въ церковь. Стоило только вмѣсто сдвижныхъ дверей поставить иконостасъ и сразу передняя часть парлера стала церковью, а задняя—около полуторы сажени въ длину и ширину—алтаремъ. Такое устройство и представляетъ теперешнее помѣщеніе русской церкви въ Нью-Іоркѣ. На всякаго посѣтителя она производитъ хорошее впечатлѣніе — изящной простоты и уютности. По стѣнамъ крестообразно повѣшены золоторизныя иконы московскаго типа, передъ иконостасомъ по обѣимъ сторонамъ маленькія рѣшетки для клиросовъ и надъ ними по одной хоругви. Въ лѣвой стѣнѣ посреди церкви вдѣланъ каминъ, обыкновенно яркимъ пламенемъ горящій во время зимняго богослуженія, и весь полъ покрытъ хорошимъ персидскимъ ковромъ, какъ это обыкновенно бываетъ во всякомъ парлерѣ у американцевъ, неособенно любящихъ паркета. Сзади стоитъ нѣсколько мягкихъ табуретовъ для американскихъ посѣтителей, не привыкшихъ стоять въ церкви, а предъ иконостасомъ три подсвѣчника и по аналою на клиросахъ. Иконостасъ хорошей изящной работы. Онъ въ готовомъ видѣ присланъ изъ Россіи. По своимъ размѣрамъ онъ очевидно разсчитанъ на небольшое помѣщеніе, но тутъ, благодаря описанной особенности американскаго дома, онъ оказался черезъ-чуръ широкимъ, не могъ помѣститься весь, и потому при постановкѣ его пришлось сократить. Для этого обѣ боковыя двери загнуты

къ стѣнамъ и представляютъ простыя картины, а иконостасъ имѣетъ только одну дверь въ алтарь, именно царскія врата. Это разумѣется большое неудобство во многихъ отношеніяхъ и прежде всего въ богослужебномъ отношеніи, такъ какъ не даетъ возможности для полноты великихъ и малыхъ выходовъ, но избѣжать его не было никакой возможности. Вслѣдствіе этого же посѣтителю нельзя прямо изъ церкви проникнуть въ алтарь. Для этого онъ долженъ выйти въ коридорчикъ и оттуда другою дверью войти въ алтарь. Обстановка алтаря очень изящна и представляетъ обычный типъ русскаго алтаря. Только обращенъ онъ не къ востоку, а прямо къ западу, чего опять таки нельзя было избѣжать въ этомъ помѣщеніи. Изъ оконъ открывается великолѣпный видъ на рядъ маленькихъ двориковъ, покрытыхъ зеленью виноградныхъ лозъ и плюща, а вдали величаво выдвигается бѣлая громада новаго католическаго собора св. Патрика. Эта неизмѣримая противоположность между скромнымъ, ни для кого незамѣтнымъ православнымъ алтаремъ и величавымъ, грандіозно-высящимся надъ всѣмъ городомъ римскокатолическимъ храмомъ поразительно изображаетъ сравнительное положеніе этихъ двухъ церквей въ Америкѣ. Одна еще только робко ступила на американскую почву, а другая уже пожала богатую жатву.

Осенью прошлаго года, именно 12-го (24-го) ноября исполнилось ровно десять лѣтъ съ того времени, какъ въ столицѣ восточнаго океанскаго прибрежья американскаго материка впервые раздалось русское православное богослуженіе. Въ этотъ день церковь освящена была преосвященнымъ Павломъ, бывшимъ епископомъ Аляски, совершившимъ въ ней первое богослуженіе въ случайную бытность свою въ Нью-Іоркѣ — проѣздомъ въ Россію. Нечего и говорить, какимъ важнымъ событіемъ это было для здѣшней русской колоніи. У меня не хватитъ силъ изобразить тѣ чувства, которыя пережили въ этотъ сладостный моментъ простые русскіе люди, заброшенные судьбой за океанъ. Достаточно сказать, что одинъ пожилой русскій матросъ, уже двадцать лѣтъ живущій въ Америкѣ,

до сихъ поръ не можетъ удержаться отъ слезъ при воспоминаніи, какъ онъ, въ теченіе десяти лѣтъ почти не слыхавшій роднаго слова, вдругъ услышалъ: «миромъ Господу помолимся!»—«Господи помилуй!»—«Э-ихъ, Ал-ъ П-чъ, ровно мать родная вдругъ заговорила мнѣ», передавалъ онъ свои чувства автору этихъ строкъ. «Я упалъ въ землю, а слезы такъ-такъ и льются, и не знаю, какъ я ужъ и всталъ»... Американцы и попреимуществу изъ высшихъ классовъ наполняли церковь, насколько позволяло помѣщеніе, и удивленно смотрѣли на никогда невиданное ими дотолѣ русское православное богослуженіе, а газетные репортеры разнесли вѣсть о немъ по всей странѣ, возвѣщая о новой придачѣ къ космополитическому міру американской религіозности.

Послѣ освященія церкви началось регулярное воскресное богослуженіе, сначала на англійскомъ языкѣ, а затѣмъ мало по малу и на славянскомъ. Настоятелемъ церкви состоитъ священникъ о. Николай Біеррингъ. Онъ датчанинъ по происхожденію, родился въ 1831 году въ одномъ городкѣ въ Даніи, гдѣ и получилъ солидное образованіе. По достиженіи совершеннолѣтія онъ былъ ревностнымъ служителемъ римско-католической церкви и въ различныхъ странахъ земнаго шара исполнялъ разныя порученія римскокатолическаго начальства. Въ 1868 году онъ назначенъ былъ профессоромъ философіи и исторіи въ римскокатолической академіи въ г. Балтиморѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, и около года состоялъ на этой должности. Въ это время римскокатолическій міръ былъ взволнованъ вопросомъ о папской непогрѣшимости, и когда этотъ вопросъ къ удивленію міра былъ разрѣшенъ въ смыслѣ установленія догмата папской непогрѣшимости, духъ многихъ ревностныхъ католиковъ смутился отъ такой неправды. Между ними былъ о. Николай Біеррингъ. Онъ не могъ примирить этой неправды съ своими убѣжденіями и обратился туда, гдѣ живетъ вѣковѣчная непзмѣнная правда, обратился въ лоно православной церкви. Въ 1870 году онъ торжественно присоединенъ былъ къ православію въ церкви с.-петербургской академіи и за-

тѣмъ посвященъ былъ въ санъ священника и назначенъ настоятелемъ русской православной церкви въ Нью-Іоркѣ. Всѣ, кому приходилось входить въ ближайшія отношенія съ о. Николаемъ Біеррингомъ, признаютъ, что это образованный человѣкъ, начитанный въ философской и богословской литературѣ и замѣчательный языковѣдъ. Кромѣ своего природнаго датскаго языка онъ свободно говоритъ на нѣмецкомъ англійскомъ и шведскомъ языкахъ и литературно знакомъ съ латинскимъ и французскимъ. Это обширное языковѣденіе даетъ ему возможность легко объясняться съ разноязычными посѣтителями церкви, которыхъ обыкновенно бываетъ много при каждомъ воскресномъ богослуженіи. Но удивительно, что русскій языкъ совсѣмъ не поддается ему и онъ до сихъ поръ не говоритъ и не читаетъ на немъ. Онъ семейный человѣкъ, имѣетъ жену и четверыхъ дѣтей. Три этажа дома, въ которомъ помѣщается церковь, заняты его семействомъ.

Помощниками настоятеля служатъ псаломщики. При нью-іоркской русской церкви обыкновенно состоитъ одинъ псаломщикъ, который назначается на три года. Положеніе русской церкви, впервые появляющейся среди самаго бойкаго и развитаго въ мірѣ народа, несомнѣнно требовало большой строгости въ выборѣ для нея какъ настоятеля, такъ и псаломщиковъ. При постоянной борьбѣ различныхъ исповѣданій и церквей въ Америкѣ, исторія выработала здѣсь замѣчательный типъ священника, который долженъ всегда доподлинно знать всѣ философскія, историческія и богословскія основы своей церкви, чтобы при всякомъ случаѣ, а ихъ очень много, дать отвѣтъ о своемъ вѣрованіи. Тоже самое конечно требовалось и отъ русскаго священника и его помощниковъ, чтобы они могли стать въ уровень съ служителями другихъ церквей. Въ общемъ философско-богословскомъ образованіи настоятель русской церкви стоитъ на высотѣ своего призванія. Но многія богословско-историческія основы русской православной церкви, придающія ей особенноотличительный характеръ, коренятся на востокѣ и въ совершенствѣ познаются только тѣми, кто

родились и воспитались на востокѣ и въ лонѣ православной церкви. Для западнаго человѣка онѣ неясны и недоступны. Чтобы восполнить эту сторону въ представительствѣ русской православной церкви въ Америкѣ, необходимъ былъ для настоятеля помощникъ — совершенно русскій человѣкъ, съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Такъ дѣйствительно и было съ самого учрежденія русской церкви въ Нью-Іоркѣ. Въ теченіи минувшаго десятилѣтія здѣсь послѣдовательно служили четыре псаломщика—всѣ съ русскимъ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Изъ нихъ трое уже отслужили свой срокъ и четвертый служитъ теперь. Первымъ псаломщикомъ былъ кандидатъ с.-петербургской духовной академіи Е. К. Смирновъ, теперь состоящій настоятелемъ императорской посольской церкви въ Лондонѣ. За нимъ слѣдовалъ кандидатъ той же академіи А. Я. Перовъ, состоящій теперь о. законоучителемъ въ Елизаветинскомъ женскомъ институтѣ въ С.-Петербургѣ. Слѣдующее трехлѣтіе псаломщикомъ былъ кандидатъ кіевской академіи А. И. Михайловскій, теперь состоящій лекторомъ англійскаго языка при той же академіи. Теперешній псаломщикъ, кандидатъ с.-петербургской академіи А. П. Лопухинъ, поступилъ на должность въ концѣ 1879 года и состоитъ на ней около двухъ лѣтъ.

Приходъ здѣшней русской церкви не великъ, но разнообразенъ. Кромѣ офиціальныхъ прихожанъ—членовъ русскаго посольства и консульства, въ него входятъ проживающіе здѣсь русскіе, славяне разныхъ племенъ и греки. Русскихъ въ настоящее время считается въ Нью-Іоркѣ около пятидесяти человѣкъ; изъ нихъ съ десятокъ образованные люди, а остальные простые рабочіе, главнымъ образомъ изъ русскихъ матросовъ. При разности въ образованіи, они всѣ одинаковы по своей судьбѣ. За двумя-тремя исключеніями, всѣ здѣшніе русскіе—несчастные пасынки судьбы, насильно загнаны на почву Новаго Свѣта и большинство изъ нихъ находится въ бѣдственномъ положеніи. Все это, такъ сказать, блудные сыны: иные бѣжали отъ русскаго правосудія, другіе отъ долговъ, третьи

отъ военной и морской службы и такъ далѣе въ этомъ родѣ. Но блудные сыны часто возвращаются въ лоно Небеснаго Отца съ такою пламенною покаянною любовію, какой сплошь и рядомъ недостаетъ у тѣхъ, кто постоянно пребываетъ въ этомъ лонѣ. Для многихъ изъ здѣшнихъ русскихъ церковь составляетъ единственную поддержку—и нравственную и матеріальную. Славянъ также насчитывается до пятидесяти человѣкъ и большинство изъ нихъ австрійскіе сербы, бѣжавшіе отъ нѣмецкаго ига. Они хорошо понимаютъ церковно славянскій языкъ богослуженія. Греки составляютъ самую главную націю прихода. Ихъ считается въ Нью-Іоркѣ болѣе ста человѣкъ; всѣ они хозяйственные семейные люди и иные изъ нихъ очень богаты, ведутъ обширную хлопчато-бумажную торговлю. При сравненіи общественнаго положенія этихъ трехъ православныхъ народностей въ Америкѣ, съ сожалѣніемъ приходится сказать, что русскіе оказываются менѣе всего способными завоевать себѣ сносное положеніе въ этой странѣ свободнаго труда. Грекъ, славянинъ—живо пристраиваются здѣсь и обзаводятся хозяйствомъ и семействомъ, а русскій постоянно остается пролетаріемъ и бобылемъ, не будучи въ силахъ выдерживать конкуренціи болѣе смѣтливыхъ, смѣлыхъ и независимыхъ людей. Двое-трое изъ русскихъ принадлежатъ къ тѣмъ, которые въ Россіи называютъ себя «проповѣдниками честнаго труда». Теперешняя ихъ жизнь въ странѣ свободнаго труда показываетъ, что проповѣдывать честный трудъ далеко не то, что дѣйствительно жить имъ. Дармоѣдныя иллюзіи теперь превратились въ голодную дѣйствительность.

Кстати замѣтить, что большинство здѣшнихъ русскихъ ведутъ бѣдственную жизнь и сожалѣютъ объ оставленіи родины, заявляя, что они жестоко ошиблись въ своихъ надеждахъ на лучшую жизнь въ Новомъ Свѣтѣ. Это отчасти зависитъ отъ нихъ самихъ. По истинѣ достойно изумленія то легкомысліе, съ которымъ обыкновенно русскіе рѣшаются на переѣздъ въ Америку. Большинство ихъ прибываетъ въ Америку не

только не опредѣливъ плана своей будущей жизни въ странѣ, но часто не имѣя ни малѣйшаго понятія о дѣйствительныхъ условіяхъ жизни, нравахъ и даже языкѣ страны, въ которую они переселяются. Считая достаточными тѣ свѣденія, которыя вычитываются въ разныхъ заманчивыхъ и вмѣстѣ лживыхъ книжонкахъ, переполненныхъ всякимъ сказочнымъ вздоромъ невѣжественныхъ и верхоглядныхъ путешественниковъ по Америкѣ, русскіе ѣдутъ сюда какъ въ обѣтованную землю свободнаго, доходнаго и легкаго труда. Между тѣмъ американскій трудъ требуетъ такой упорной воли, проворства и опытности въ спеціальныхъ ремеслахъ, о которыхъ у насъ не имѣютъ понятія въ Россіи. Вслѣдствіе этого русскіе, даже готовые ремесленники, не выдерживаютъ конкуренціи съ американцами, забраковываются на рабочемъ рынкѣ и принуждены поэтому работать за половинную плату въ разныхъ сомнительныхъ заведеніяхъ, а сплошь и рядомъ остаются совсѣмъ не у дѣлъ. Нечего уже говорить о бѣдственномъ и безпомощномъ положеніи тѣхъ русскихъ, которые прибываютъ безъ всякаго знанія спеціальнаго ремесла, съ однимъ такъ называемымъ общимъ образованіемъ. Для такихъ людей въ Америкѣ буквально нѣтъ мѣста, туземная конкуренція ихъ совсѣмъ забиваетъ и они-то больше и чаще всего нуждаются въ пособіи, до тѣхъ поръ пока не научатся какому-нибудь ремеслу. А учиться есть гдѣ. Одинъ молодой русскій, съ университетскимъ образованіемъ, прибывъ въ Нью-Іоркъ безъ знанія ремесла, долго находился въ самомъ бѣдственномъ положеніи, пока не угодилъ въ государственную тюрьму Пой-пой. Тюрьмы въ Америкѣ поставлены на практическую ногу, какъ и все у американцевъ, и представляютъ нѣчто въ родѣ громадныхъ фабрикъ, на которыхъ заключенные обязательно работаютъ въ пользу государства. Нашего соотечественника приставили къ шляпному ремеслу и онъ за шесть мѣсяцевъ своего пребыванія въ тюрьмѣ такъ навострился, что по освобожденіи могъ уже заработывать себѣ хлѣбъ новоприобрѣтеннымъ ремесломъ. Для другихъ, которыхъ къ сожалѣнію

не мало, и эта школа часто проходитъ безслѣдно и они по прежнему остаются въ безпомощномъ состояніи.

Съ такимъ составомъ причта и прихода русская церковь въ Нью-Іоркѣ начала свое существованіе десять лѣтъ тому назадъ и существуетъ теперь. Семейный элементъ въ приходѣ, главнымъ образомъ греки и затѣмъ славяне, остается неизмѣннымъ, такъ какъ крѣпко осѣлъ въ Америкѣ, а русскіе постоянно перемѣняются, кромѣ десятка также осѣвшихся людей. До основанія церкви это православное населеніе находилось въ самомъ заброшенномъ состояніи. Болѣе или менѣе состоятельные люди за церковными требами отправлялись даже въ Санъ-Франциско, за семь тысячъ верстъ, а другіе пользовались случайными проѣздами православныхъ священниковъ чрезъ Нью-Іоркъ, а большею частью лишены были всякаго религіознаго утѣшенія, ослабѣвали въ своей преданности православію и, женившись на американкахъ, становились приверженцами исповѣданій своихъ женъ. Съ основаніемъ русской церкви православное населеніе стало сгруппировываться около нея и многіе православные, женившіеся на иновѣркахъ и крестившіе дотолѣ своихъ дѣтей въ иновѣрныхъ церквахъ, новыхъ дѣтей теперь стали крестить въ русской православной церкви. Существенныхъ требъ конечно при малочисленности прихода не могло быть много, и однакоже за десять лѣтъ ихъ скопилось достаточное количество для оправданія существованія русской церкви въ Нью-Іоркѣ даже просто съ практической стороны. Съ 1870 по 1880 годъ въ ней совершено 55 крещеній дѣтей обоего пола, 12 бракосочетаній и 14 погребеній. Были также присоединенія къ православной церкви, хотя немногія и какъ-то случайныя. За десять лѣтъ присоединено четыре человѣка, одно лицо мужскаго пола и три женскаго. Въ томъ числѣ жена и дочь священника.

Американцы самый многочитальный народъ въ мірѣ, и всякое учрежденіе, религіозное или политическое, можетъ проложить себѣ дорогу въ ихъ сознаніе и завоевать ихъ симпатіи только посредствомъ литературы. Съ этою цѣлію настоятелемъ

церкви переведено и издано на англійскомъ языкѣ нѣсколько сочиненій, которыя главнымъ образомъ разсчитаны на первоначальное введеніе ученія православной церкви въ сознаніе иновѣрцевъ. Всякая американская церковь или община затѣмъ имѣетъ свой литературный органъ и онъ считается такою необходимостью здѣсь, что безъ него американцы не могутъ представить себѣ церкви какъ живого тѣла. Въ виду этого и для православной церкви необходимъ былъ литературный органъ. Такой органъ основанъ былъ въ концѣ 1878 года подъ названіемъ «Журналъ восточной церкви» (Oriental Church Magazine) и теперь заканчивается уже третій годъ его существованія. Журналъ за эти три года представилъ массу интереснаго матеріала, имѣющаго очень важное значеніе для ознакомленія американцевъ не только съ ученіемъ и обрядами православной церкви, но и съ жизнью русскаго народа вообще. Это единственный органъ, изъ котораго американцы могутъ почерпать непосредственное и безпристрастное знаніе о русскомъ народѣ — съ его вѣрованіями и жизнью, и онъ является сильнымъ обличителемъ лживой неправды, распространяемой между американцами о Россіи враждебною намъ нѣмецко-англійскою печатью. Американская печать обыкновенно съ живостью и сочувствіемъ встрѣчаетъ каждый его выпускъ. Дальнѣйшее его существованіе несомнѣнно составляетъ живую потребность церкви.

Одну изъ видныхъ сторонъ въ жизни американскихъ церквей составляетъ ихъ благотворительная дѣятельность. Благотвореніе считается существенною обязанностію церкви и въ иныхъ церквахъ оно достигаетъ замѣчательно широкихъ размѣровъ. Въ этомъ отношеніи особенно отличается здѣсь римскокатолическая церковь. Она имѣетъ столько благотворительныхъ заведеній и такой превосходной организаціи, что даже правительство нью-іоркскаго штата признало эту дѣятельность имѣющею важное общественное значеніе и, вопреки юридическому отдѣленію церкви отъ государства, дѣлаетъ ей значительныя денежныя вспомоществованія и фактически не-

редало ей всю заботу объ общественномъ благотвореніи. Каждая церковь и община въ свою очередь заботится о призрѣніи бѣдныхъ членовъ своего прихода и для этого каждая церковь имѣетъ свое благотворительное общество и свою кружку для «бѣдныхъ прихода». Какъ въ виду этого общаго принципа, такъ и особенно въ виду бѣдственнаго положенія многихъ членовъ русскаго прихода, сама собою высказалась потребность въ организаціи благотворенія и при русской церкви. Мысль зародилась давно, но при полномъ отсутствіи всякихъ денежныхъ средствъ она не могла осуществиться до послѣдняго времени. Только въ концѣ прошлаго года, благодаря содѣйствію ихъ высокопревосходительствъ русскаго посланника и генеральнаго консула, настоятелю удалось собрать нѣкоторый денежный фондъ, опираясь на который можно было основать «Русское благотворительное общество». Фондъ составился изъ добровольныхъ пожертвованій причта, членовъ посольства и консульства и богатыхъ американцевъ. Общество оказалось чрезвычайно полезнымъ и еще съ большею силою стало собирать вокругъ церкви здѣшнее православное населеніе. Рѣдкій день не заявляется какой-нибудь бѣдствующій русскій съ просьбою о пособіи. Многіе приходятъ съ заявленіемъ, что имъ негдѣ ночевать и дня по два голодны. Для организаціи болѣе правильной и существенной помощи, священникъ вошелъ въ соглашеніе съ богатыми американскими благотворительными обществами и за дешевую цѣну пріобрѣлъ цѣлую пачку билетовъ, дающихъ всякому предъявителю право на безплатное пользованіе ночлегомъ, столомъ и госпиталемъ въ учрежденіяхъ этихъ обществъ. Всякій бѣднякъ, получившій отъ него такой билетъ, можетъ считать себя обезпеченнымъ отъ голода и непогоды дня на два-на три. Иногда дѣлается и прямое денежное пособіе—заимообразно или безплатно, и за минувшій годъ обществомъ израсходовано уже болѣе 200 долларовъ на нужды благотворенія. Вѣсть о благотвореніи пронеслась по всему населенію, которое хоть сколько нибудь соприкасается съ церковью или даже просто съ Россіей.

Часто приходятъ за пособіемъ поляки и евреи, переселившіеся изъ Россіи и съ грѣхомъ пополамъ объясняющіеся на русскомъ языкѣ. Однажды даже пришелъ нѣмецъ, ни слова не знающій по русски, но называвшій себя русскимъ и потому имѣющимъ право на пособіе, такъ какъ онъ нѣсколько времени жилъ въ Россіи. Какую великую объединяющую нравственную силу имѣетъ православіе, можно вполнѣ понять и видѣть только на чужбинѣ. Оно объединяетъ здѣсь въ одну родную семью часто такихъ лицъ, которыя не имѣютъ между собой ничего общаго — кромѣ православной вѣры. Въ одно изъ воскресеній, выходя послѣ богослуженія изъ церкви, я встрѣтилъ у подъѣзда двухъ смуглыхъ человѣкъ въ турецкихъ красныхъ фескахъ. Они нерѣшительно всматривались въ золотой крестъ и надпись подъ нимъ, стараясь очевидно проникнуть въ ея смыслъ. Увидѣвъ меня, они обратились ко мнѣ на французскомъ языкѣ, изъ котораго, а также изъ бывшей у нихъ въ рукахъ карточки я понялъ, что они желаютъ видѣть русскаго священника. Оказалось, что это турецкіе подданные — православные арабы изъ Сиріи. Прибывъ въ Америку, они въ совершенно чуждой имъ странѣ, безъ знанія англійскаго языка, очутились въ затруднительномъ положеніи и теперь обратились къ православному священнику, какъ единственному руководителю, который для нихъ, далекихъ сыновъ востока, былъ единственно близкимъ человѣкомъ на далекомъ за океанскомъ западѣ.

По воскреснымъ днямъ регулярно совершается служба, въ субботу въ 5 часовъ вечера всенощная на славянскомъ языкѣ и въ воскресенье въ 11 часовъ утра обѣдня поперемѣнно на славянскомъ и англійскомъ языкахъ. Всенощная рѣдко посѣщается кѣмъ-нибудь, но за обѣдней всегда набирается довольно много народа. Собраніе обыкновенно бываетъ самое разнообразное. Тутъ бываетъ и грекъ-милліонеръ, ведущій торговлю хлопкомъ съ Индіей и Австраліей, и бывшій русскій актеръ, торгующій спичками на улицѣ; русскій докторъ перебивающійся уроками, и студентъ московскаго университета, во-

рочающій бревна на пристани; бѣжавшій матросъ, служащій прикащикомъ въ игрушечномъ магазинѣ, и бывшій предводитель дворянства, заваривающій кофе въ ресторанѣ; купеческій сынокъ, бѣжавшій отъ военной службы и плачущійся безъ знанія языка, и бывшій поручикъ, живущій собираніемъ тряпья по улицамъ; австрійскій сербъ, служащій русскимъ толмачемъ при отелѣ, и русскій радикалъ, живущій займами безъ отдачи; полякъ, величающій себя чисто-русскимъ, и лейтенантъ русскаго флота, трудящійся надъ копченіемъ колбасы въ нѣмецкомъ заведеніи. Обыкновенно бываетъ по нѣсколько американцевъ обоего пола, и частенько заходятъ представители американскаго духовенства разныхъ исповѣданій. Нѣсколько разъ были въ церкви различные епископы американскихъ церквей. Изъ русскихъ высшихъ представителей церковь видѣла въ своихъ стѣнахъ великихъ князей Алексѣя Александровича и Константина Константиновича во время ихъ пребыванія въ Нью-Іоркѣ, и преосвященныхъ Іоанна и Нестора аляскинскихъ во время ихъ проѣзда чрезъ Нью-Іоркъ. По высокоторжественнымъ праздникамъ гражданскаго характера бываетъ много представителей разныхъ державъ и правительства Соединенныхъ Штатовъ, съ русскими офиціальными представителями во главѣ, и добрый десятокъ репортеровъ отъ разныхъ газетъ. Всѣми посѣтителями выносится обыкновенно хорошее впечатлѣніе, хотя постоянно чувствуется недостатокъ въ музыкальной сторонѣ богослуженія. Вся музыкальная сила церкви состоитъ изъ одного псаломщика, и одноголосное пѣніе его, какъ бы оно ни было хорошо, представляетъ убогую противоположность съ полнымъ хоромъ инструментальной и вокальной музыки американскихъ церквей. При славянскомъ богослуженіи обыкновенно употребляется простой русскій церковный напѣвъ съ нѣкоторыми выборками мелодій изъ русскихъ церковныхъ композиторовъ, а для англійскаго богослуженія существуетъ особое нотное переложеніе литургіи вѣнскаго профессора древнихъ литературъ Хавіары. Музыка этого переложенія очень

мелодична и американцы предпочитаютъ эту музыку славянской; но она отзывается сильнымъ оттѣнкомъ англиканскихъ священныхъ мелодій, особенно напримѣръ въ «Милость мира». Въ одно время проѣзжій русскій купецъ сдѣлалъ пожертвованіе въ церковь спеціально на хоръ, и дѣйствительно нѣсколько времени существовалъ небольшой хорикъ, но по истощеніи средствъ распался.

Въ настоящее время, какъ слышно, русскимъ правительствомъ ассигнована значительная сумма для построенія настоящаго храма въ Нью-Іоркѣ и это несомнѣнно составитъ новую эпоху въ исторіи миссіи православной церкви на американскомъ материкѣ. Необходимо только, чтобы вмѣстѣ съ построеніемъ церкви увеличено было благолѣпіе церковнаго обряда и заведенъ былъ хоть маленькій пѣвческій хоръ, отсутствіе котораго сильно чувствуется всѣми посѣтителями церкви.

IV. Американцы въ русской церкви.

Американскіе посѣтители русскаго воскреснаго богослуженія.—Ихъ впечатлѣнія.—Общественное положеніе русскаго священника.—Потребность въ ознакомленіи съ русскою церковью.—Важное значеніе церковнаго органа.—Заключеніе.

Открытіе русской православной церкви въ Нью-Іоркѣ въ 1870 году было для американцевъ новымъ и необычайнымъ явленіемъ. Столица Новаго Свѣта есть настоящая митрополія церквей. Тутъ на одной улицѣ можно насчитать добрый десятокъ храмовъ — и всѣ они разныхъ исповѣданій и сектъ. Но до того года среди нихъ не было церкви, которая какъ

величавая царица возсѣдаетъ на тронѣ далекаго и таинственнаго для американцевъ Востока. Издавна существующія у нихъ дружественныя отношенія къ русскому народу, какъ главному представителю православной церкви, пробуждали интересъ и потребность въ ближайшемъ ознакомленіи съ таинственною для ихъ представленія церковью дружественнаго народа. Когда поэтому далекая и дотолѣ недоступная церковь вдругъ явилась среди американцевъ, то они съ живѣйшимъ интересомъ отнеслись къ ней, внимательно вникая въ обряды и ученіе православной церкви. На американскомъ материкѣ, правда, существовала уже и прежде православная церковь и даже цѣлая епархія — именно въ «далекомъ западѣ» въ Аляскѣ и Санъ-Франциско, но этотъ далекій западъ, удаленный на семь тысячъ верстъ отъ главнаго центра американской жизни, до самаго послѣдняго времени, когда были проведены желѣзныя дороги, былъ совершенно особымъ міромъ, и существованіе тамъ православной церкви до сихъ поръ не имѣетъ почти ровно никакого значенія въ смыслѣ ознакомленія американцевъ съ нашею церковью. Та церковь есть церковь для существующаго уже тамъ православнаго населенія и для возжиганія свѣта истинной вѣры среди полудикихъ сыновъ далекаго сѣвера. Для американцевъ могла имѣть значеніе только церковь на восточномъ океанскомъ прибрежьи материка и потому появленіе православной церкви въ Нью-Іоркѣ для нихъ было такою новостью, какъ если бы православная церковь дотолѣ совсѣмъ не существовала на американскомъ материкѣ.

Съ самаго открытія церкви въ Нью-Іоркѣ она сдѣлалась предметомъ живѣйшаго общественнаго интереса. Не смотря на ея скромную внѣшнюю обстановку, совершенно не соотвѣтствующую господствующимъ у американцевъ представленіямъ объ ослѣпляющемъ блескѣ восточныхъ церковныхъ обрядовъ и церемоній, и вообще на незначительное положеніе среди величавыхъ храмовъ другихъ исповѣданій, она сразу заняла видное положеніе въ обществѣ и на первыхъ порахъ не прохо-

дило ни одного воскреснаго богослуженія, о которомъ бы газеты не давали самыхъ подробныхъ отчотовъ. Современемъ конечно этотъ интересъ, возбуждавшійся новизною предмета, немного ослабѣлъ, но и въ настоящее время всякій болѣе или менѣе выдающійся праздникъ въ церкви привлекаетъ газетныхъ репортеровъ отъ лучшихъ газетъ и массу американцевъ разныхъ исповѣданій и общинъ. За десять лѣтъ изъ случайныхъ американскихъ посѣтителей успѣло выдѣлиться нѣсколько лицъ, которыя теперь составляютъ регулярныхъ посѣтителей воскресной службы. По великимъ годовымъ праздникамъ ихъ приходитъ обыкновенно столько, что церковь не вмѣщаетъ и половины всего количества. Запоздалые съ сожалѣніемъ возвращаются домой, а болѣе счастливые вплотную наполняютъ церковь, хотя послѣ обыкновенно и жалуются на неудобство такой тѣсноты. Для американцевъ, привыкшихъ къ комфортабельнымъ сидѣньямъ въ своихъ церквахъ, нашъ русскій обычай допускать въ церковь не по билетамъ и номерамъ, а свободно и по усердію приходящихъ, кажется верхомъ неудобства, и только самый живой интересъ взглянуть на православное богослуженіе заставляетъ ихъ игнорировать такое неудобство. Американцы ведутъ себя въ церкви чрезвычайно благопристойно, внимательно слѣдятъ за всѣми малѣйшими подробностями богослуженія и лица ихъ вытягиваются въ замѣчательную картину любопытства, когда напр. отворяются царскія врата, дѣлается великій выходъ или даже просто переставляется съ одного мѣста на другое подсвѣчникъ. Самыми любопытными бываютъ газетные репортеры. Не понимая славянскаго языка, на которомъ обыкновенно совершается служба по великимъ праздникамъ, они все свое вниманіе сосредоточиваютъ на внѣшней обстановкѣ церкви и богослуженія: описываютъ картины (иконы), знамена (хоругви), пересчитываютъ свѣчи и описываютъ ихъ мѣсторасположеніе, слѣдятъ за распространеніемъ клубовъ куренія и за способомъ самаго произведенія куренія ладономъ, рисуютъ внѣшность и пріемы священника и пѣвца и дѣлаютъ со-

ображенія относительно сходства или различія между православнымъ богослуженіемъ и богослуженіемъ другихъ церквей, опредѣляютъ количество молящихся и ихъ поведеніе и т. п. По окончаніи службы они набрасываются на священника или псаломщика съ распросами относительно внутренней стороны богослуженія, распрашиваютъ о значеніи тѣхъ или другихъ обрядовъ, о содержаніи молитвъ или пѣснопѣній и справляются о текстѣ читаннаго евангелія и апостола. На другой день, а часто и въ тотъ же самый день въ вечернихъ изданіяхъ, въ газетахъ появляются подробные отчоты, краснорѣчиво составленные на основаніи наблюденій и распросовъ, съ курьезными заглавіями въ родѣ: «Отецъ Бьеррингъ и его русскій алтарь», и съ массой курьезовъ въ самомъ содержаніи. Нѣкоторые американскіе посѣтители церкви остаются на нѣсколько времени и послѣ богослуженія и обращаются къ священнику за объясненіемъ наиболѣе поразившихъ ихъ сторонъ или актовъ богослуженія, а американскія леди нерѣдко просятъ поближе разсмотрѣть церковныя одежды, ихъ покрой и матеріалъ, изъ котораго онѣ сдѣланы.

Кромѣ простыхъ американцевъ, въ церковь нерѣдко приходятъ представители разныхъ американскихъ церквей — пасторы и епископы. Иные пріѣзжаютъ издалека. Недавно напр. былъ пасторъ изъ г. Чикаго, за полторы тысячи верстъ отъ Нью-Іорка. Какъ образованные богословы, они смотрятъ на церковь и богослуженіе не съ простымъ любопытствомъ, а съ критикой, и въ бесѣдѣ съ священникомъ или псаломщикомъ входятъ въ разсмотрѣніе историческихъ и богословскихъ основъ православной церкви. Изъ этихъ бесѣдъ какъ съ пасторами, такъ и простыми американцами можно было отчасти подмѣтить общія черты въ ихъ отношеніи къ богослуженію православной церкви. Американцы вообще чрезвычайно любезны и наговорятъ вамъ массу комплиментовъ, прежде чѣмъ перейти къ критическому выраженію своихъ взглядовъ. Поэтому на первые вопросы касательно того, какъ понравилось имъ русское богослуженіе, они всегда отвѣчаютъ, что оно имъ «очень

и очень понравилось» и что они выносятъ «лучшее въ мірѣ впечатлѣніе». Ихъ чрезвычайно интересуетъ самая внѣшняя обстановка храма и они съ любопытствомъ распрашиваютъ о всѣхъ подробностяхъ его, заручившись сначала увѣреніемъ, что эта церковь представляетъ типъ русскаго храма вообще. На нашъ храмъ они смотрятъ какъ на замѣчательный археологическій памятникъ, сохранившійся отъ золотыхъ вѣковъ христіанства. Переходя затѣмъ къ самому богослуженію, они также не могутъ не признать его древности, но тутъ они смотрятъ уже болѣе съ практической точки зрѣнія и считаютъ его нѣсколько устарѣлымъ для нашего времени. Они не могутъ понять, зачѣмъ въ нашемъ богослуженіи дѣлается столько повтореній однихъ и тѣхъ же моленій («паки и паки миромъ Господу помолимся»). По ихъ мнѣнію, это большой анахронизмъ для нашего времени. Вмѣсто этихъ повторяющихся моленій гораздо лучше было бы, по ихъ умствованію, ввести въ богослуженіе по возможности больше нравственныхъ уроковъ изъ священнаго Писанія или въ формѣ проповѣдыванія. Богослуженіе у американцевъ сокращено до послѣдней степени и состоитъ всего изъ нѣсколькихъ гимновъ и главнымъ образомъ изъ проповѣди. Отсутствіе проповѣди при нашемъ богослуженіи болѣе всего удивляетъ ихъ, такъ какъ у нихъ вся слава церкви основывается на проповѣдничествѣ. Свои отчоты въ газетахъ репортеры обыкновенно заключаютъ словами, что «проповѣди, согласно восточному обычаю, при богослуженіи не было», а когда она бываетъ, то дѣлаютъ изъ нея большія выдержки. Отсутствіе музыки въ церкви также по ихъ мнѣнію многое отнимаетъ у русскаго богослуженія въ сравненіи съ западнымъ. Они не могутъ понять, почему наша церковь ригористически относится къ музыкѣ, когда музыка, по извѣщенію св. Писанія, существуетъ даже на небѣ и трубные гласы архангеловъ немолчно славословятъ Творца. Въ этомъ отношеніи американцы дѣйствительно больше подходятъ къ архангеламъ: въ музыкальной программѣ ихъ богослуженій сплошь

и рядомъ значится «трубный гласъ» въ видѣ какого-нибудь соло на корнетѣ. Такія замѣчанія о недостаткѣ музыки въ нашей церкви скорѣе вызываются впрочемъ бѣдностью вокальныхъ силъ въ богослуженіи собственно нью-іоркской церкви. Небольшой хоръ вполнѣ устранилъ бы это замѣчаніе, какъ можно судить по отзыву петербургскаго кореспондента «Геральда» о церковномъ пѣніи въ большихъ соборахъ нашей столицы. По его мнѣнію «трудно представить что нибудь лучше русскаго церковнаго пѣнія хоромъ изъ мужскихъ и дѣтскихъ голосовъ». Въ Америкѣ дѣтскіе голоса обыкновенно замѣняются женскими, и потому это замѣчаніе особенно интересно съ извѣстной стороны. Не смотря однакоже на убожество русскаго пѣнія здѣсь, американцы интересуются имъ, удивляются своеобразію мелодій и нерѣдко просятъ посмотрѣть самыя ноты. Въ одно изъ воскресныхъ богослуженій нашу церковь посѣтилъ епископъ Юнгъ изъ Флориды, съ своей супругой, и подробно разсматривалъ ноты, употребляющіяся при богослуженіи. Нѣкоторыми мелодіями онъ такъ заинтересовался, что попросилъ псаломщика выписать для него изъ Россіи нѣсколько подобныхъ музыкальныхъ церковныхъ произведеній. Епископъ много путешествовалъ на востокѣ, былъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ и съ живымъ интересомъ передавалъ свои впечатлѣнія. Онъ состоялъ членомъ комиссіи, которую американская епископальная церковь отправляла въ 60-хъ годахъ на востокъ для изслѣдованія вопроса о началахъ соединенія церквей. Изъ другихъ епископовъ болѣе другихъ посѣщалъ нашу церковь епископъ Квинтардъ изъ Теннеси. Онъ особенно интересуется каноническимъ правомъ нашей церкви и однажды въ затруднительномъ случаѣ въ своей епископской практикѣ обращался къ о. Николаю Біеррингу съ вопросомъ о томъ, какъ подобные случаи разрѣшаются въ русской православной церкви. Вообще пріятно видѣть, какъ американцы интересуются нашею церковью, но еще пріятнѣе слышать, какъ они, обобщая свои наблюденія, въ

концѣ концовъ заключаютъ, что во всякомъ случаѣ они выносятъ «лучшее въ мірѣ впечатлѣніе».

Одну изъ интересныхъ сторонъ церковнорелигіозной жизни американцевъ составляетъ общественное положеніе у нихъ священника. Священникъ у нихъ составляетъ, можно сказать, душу общества. Безъ него не обходится ни одно болѣе или менѣе значительное собраніе и онъ въ тоже время первый другъ всякаго дома въ своемъ приходѣ. Благодаря высокому уровню образованія и сильнымъ ораторскимъ талантамъ, пасторы играютъ важную роль и въ политической жизни страны, и на всякомъ политическомъ митингѣ среди ораторовъ всегда выступаетъ нѣсколько «божественныхъ докторовъ», какъ официально величаются пасторы съ высшею ученою богословскою степенью. Вслѣдствіе такого порядка вещей у американцевъ составился взглядъ на священника какъ на важнаго общественнаго дѣятеля и помимо церкви, человѣка съ большими связями и вліяніемъ, такъ что къ нему скорѣе всего прибѣгаютъ за «протекціей» въ случаѣ какихъ либо затрудненій или нуждъ. Чѣмъ вліятельнѣе священникъ въ этомъ отношеніи, тѣмъ выше цѣнится его церковь. Настоятель русской церкви занимаетъ очень выгодное съ этой стороны положеніе. Онъ состоитъ членомъ весьма многихъ обществъ и благотворительныхъ, и литературныхъ, и ученыхъ, и политическихъ, и благодаря этому имѣетъ обширное знакомство какъ въ городѣ, такъ и за его предѣлами. Изъ ученыхъ обществъ онъ напр. состоитъ почотнымъ членомъ извѣстнаго «географическаго общества». Американцы страстные любители клубовъ и ихъ разсыпано по городу безчисленное множество, съ разными названіями и цѣлями, и каждый клубъ имѣетъ у себя священника, который произноситъ при собраніяхъ рѣчи и читаетъ молитву предъ торжественными, мѣсячными или годичными, обѣдами членовъ клуба. Молитва американцами считается необходимою даже и предъ общественными обѣдами, въ клубахъ. У насъ, какъ извѣстно, музыка давно вытѣснила молитву въ такихъ случаяхъ. О. Ни-

колай Біеррингъ занимаетъ такое положеніе въ одномъ изъ богатѣйшихъ клубовъ города, именно въ «клубѣ св. Николая», что дало ему возможность войти въ ближайшія отношенія съ такими первостепенными государственными лицами, какъ напр. бывшій демократическій кандидатъ на президентство генералъ Генкокъ, съ которымъ у него поддерживается семейное знакомство. Небезъинтересно здѣсь кстати отмѣтить одну черту, напоминающую извѣстное изреченіе: Amicus Plato, sed magis amica veritas. О. Николай Біеррингъ, какъ американскій гражданинъ, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ издавна былъ республиканецъ, т. е. сторонникъ республиканской партіи. Теперь избраніе демократами на президентство его семейнаго друга естественно должно было бы перетянуть его на демократическую сторону, но онъ остался вѣренъ своей партіи и подаетъ свой голосъ за республиканскаго кандидата, заявляя, что въ этомъ случаѣ онъ предпочитаетъ начала партіи интересамъ личныхъ отношеній. Зато тѣмъ большимъ почотомъ онъ пользуется у республиканцевъ. При недавнемъ пріемѣ въ Нью-Іоркѣ бывшаго президента знаменитаго генерала Гранта предводитель республиканской партіи сдѣлалъ ему личное приглашеніе участвовать въ торжествѣ. Такое общественное положеніе русскаго священника чрезвычайно важно для здѣшняго русскаго населенія. При его протекціи всякій русскій можетъ найти для себя болѣе или менѣе приличное положеніе, если только этому не препятствуютъ способности, образованіе и «убѣжденія» просителя. Къ несчастью большинство здѣшнихъ болѣе или менѣе образованныхъ русскихъ съ «радикальнымъ» настроеніемъ, а рекомендовать такихъ господъ довѣрію американцевъ значитъ терять собственное довѣріе. Нигдѣ навѣрно люди съ «радикальнымъ» настроеніемъ не пользуются большимъ презрѣніемъ, чѣмъ въ этой свободной странѣ. Для другихъ русскихъ онъ оказываетъ важныя услуги. Различныя общества часто приглашаютъ русскаго священника въ качествѣ гостя на свои торжественныя собранія, гдѣ присутствуютъ представители науки, литературы, искус-

ства, и тутъ иногда не обходится безъ курьезовъ. Таково напр. было собраніе въ клубѣ «Аркадія», гдѣ присутствовали поэты, философы, политики и между прочимъ приглашенъ былъ русскій священникъ. На собраніи по обыкновенію говорились безконечныя рѣчи—неизбѣжная принадлежность всякаго американскаго собранія. Между ораторами особенно отличились поэтъ Джоакинъ Миллеръ и о. Николай Біеррингъ. Газетный отчотъ такъ передаетъ объ этомъ: «Слѣдующимъ ораторомъ вызываемъ былъ поэтъ Джоакинъ Миллеръ, но онъ отвѣтилъ на вызовы, что онъ порѣшилъ на этотъ разъ не говорить никакого спича и спокойно сѣлъ опять на свое кресло. Этотъ довольно извѣстный американскій поэтъ производитъ странное впечатлѣніе. Онъ выглядитъ точно русскій мужикъ. Онъ ѣстъ много, пьетъ много и молча работаетъ зубами въ продолженіе всего обѣда. Слѣдующимъ ораторомъ былъ русскій священникъ, который восхвалялъ американскую конституцію и заявлялъ, что если и есть нѣкоторые недостатки въ правленіи, то въ этомъ виноватъ самъ народъ, который долженъ бы быть болѣе осторожнымъ въ избраніи людей, которымъ онъ ввѣряетъ власть. Очень любопытно было наблюдать внѣшность двухъ vis-a-vis, популярнаго американскаго поэта и скромнаго русскаго священника. Американскій поэтъ походилъ на русскаго прасола, собравшагося на нижегородскую ярмарку, между тѣмъ какъ русскій священникъ имѣлъ видъ очень приличнаго американскаго фермера». Очень легко догадаться, кому изъ соприкосновенныхъ лицъ больше понравился этотъ отчотъ.

Высокое положеніе священника русской церкви въ американскомъ обществѣ имѣетъ важное значеніе какъ въ смыслѣ представительства русскаго народа среди американцевъ, такъ и въ смыслѣ представительства его церкви. Американцы — аристократы въ душѣ и съ большимъ уваженіемъ и интересомъ относятся къ церкви, представителемъ которой служитъ человѣкъ съ хорошимъ положеніемъ въ обществѣ и съ высокимъ образованіемъ. Между тѣмъ, по какой-то странной

случайности, между американцами до сихъ поръ обращались такія книги о русской церкви, которыя изображаютъ ее и русское духовенство съ самой непривлекательной стороны для американцевъ. Тѣмъ пріятнѣе для американцевъ теперь видѣть въ представителѣ русской церкви качества, какъ разъ противоположныя тѣмъ, какія обрисованы въ злонамѣренныхъ книгахъ, и тѣмъ съ большею живостью интересуются они православною церковью.

Потребность между тѣмъ въ ознакомленіи съ нашею церковью велика у американцевъ. Кромѣ того, что они приходятъ въ церковь наблюдать и знакомиться съ православнымъ богослуженіемъ, съ ихъ стороны нерѣдко дѣлаются и болѣе серьезные запросы въ этомъ отношеніи. Въ первые годы по открытіи церкви въ Нью-Іоркѣ американскіе посѣтители ея такъ часто обращались къ священнику съ распросами объ исторіи и особенностяхъ русской православной церкви, что онъ принужденъ былъ въ удовлетвореніе этихъ запросовъ прочитать рядъ лекцій—съ церковной каѳедры вмѣсто проповѣди, — излагая вкороткѣ исторію введенія и распространенія христіанства въ Россіи и дѣлая очеркъ теперешняго состоянія православной русской церкви. Съ подобными же лекціями ему приходилось неразъ выступать и внѣ церкви. Въ американскихъ школахъ есть обычай въ свои годичныя торжества приглашать ораторовъ, попреимуществу изъ проповѣдниковъ, для произнесенія назидательныхъ или вообще приличныхъ случаю рѣчей. Многія школы въ этихъ случаяхъ обращались къ о. Николаю Біеррингу, прося его сказать лекцію о чемъ нибудь изъ русской жизни, о религіозномъ состояніи русскаго народа, объ образованіи въ Россіи и пр. въ этомъ родѣ. И о. Біеррингъ съ охотою всегда соглашался на просьбы и читалъ нѣсколько лекцій въ назиданіе молодаго американскаго поколѣнія. Не разъ ему приходилось читать лекціи о томъ же на большихъ литературныхъ собраніяхъ, по просьбѣ членовъ различныхъ обществъ. Такъ онъ однажды читалъ лекцію въ одномъ большомъ общественномъ залѣ «объ

отношеніи православной церкви къ другимъ исповѣданіямъ». Залъ былъ, по газетному отчоту, переполненъ слушателями изъ образованныхъ классовъ общества. Между ними было много духовенства разныхъ исповѣданій и много дамъ, и «всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слушали лекцію». «Ораторъ часто прерываемъ былъ знаками одобренія и въ заключеніе награжденъ былъ одушевленными аплодисментами, въ которыхъ особенно живое участіе принимали присутствовавшіе тамъ члены американскаго духовенства». Нерѣдко дѣлаются и иного рода вопросы объ упованіи нашей церкви. Напр. получается въ газетахъ телеграфное извѣстіе о какомъ нибудь церковномъ событіи въ Россіи. Въ такой формѣ для большинства американскихъ читателей оно непонятно, и вотъ для разъясненія его сплошь и рядомъ къ русскому священнику приходятъ газетные репортеры съ вопросами, что означаетъ это извѣстіе, какъ могъ произойти тотъ или другой фактъ и пр. Такъ какъ это разъясненіе обыкновенно предназначается для печати, то легко понять, въ какой готовности русскому священнику надо постоянно быть здѣсь, чтобы не скомпрометировать своего положенія. Прошлой весной въ газетахъ напечатано было извѣстіе, что евреи въ Россіи стали подвергаться правительственному гоненію, и вотъ репортеры набросились на о. Н. Біерринга съ распросами, что означаетъ это извѣстіе, дѣйствительно ли возможно въ Россіи такое гоненіе, какъ русское правительство относится вообще къ иновѣрцамъ, существуетъ ли въ Россіи свобода религіознаго исповѣданія и т. д. Затѣмъ напечатано было коротенькое извѣстіе о панихидѣ, которая совершена была въ Москвѣ по почившей государынѣ въ 40-й день послѣ ея смерти, и вотъ опять явились совопросники за разъясненіемъ этого обычая православной церкви, его происхожденія, значенія, исторіи и т. д. Американскіе репортеры это—неумолимые тираны всякаго общественнаго дѣятеля, и по установившемуся здѣсь обычаю никто изъ общественныхъ дѣятелей не можетъ быть свободнымъ отъ ихъ распросовъ подъ страхомъ большихъ не-

пріятностей—въ родѣ общественнаго посмѣянія. Они беззастѣнчиво вторгаются во всѣ дома и еще менѣе застѣнчиво начинаютъ терзать своими распросами всякаго человѣка, ставшаго жертвою ихъ любопытства. Разговоръ передается въ газетахъ часто не безъ колкихъ замѣчаній на счотъ жертвы.

Въ виду такого запроса со стороны американцевъ на ознакомленіе съ православною церковью особенно важное значеніе получаетъ церковный журналъ. Многія статьи въ немъ были писаны прямо по просьбѣ читателей, выражавшихъ желаніе ознакомиться то съ тою, то съ другою стороной въ жизни нашей церкви. Приходя въ церковь и будучи особенно поражены какимъ либо актомъ въ священнодѣйствіи или символизмомъ православныхъ обрядовъ, американцы обыкновенно просятъ болѣе или менѣе подробныхъ объясненій касательно этихъ сторонъ и они даются имъ литературнымъ путемъ—въ ближайшемъ выпускѣ журнала. Американцы вообще представляютъ богатую почву для труда религіозно-церковныхъ дѣятелей.

Добрая земля, на которую падаетъ сѣмя, приноситъ добрый и сторичный плодъ. Какихъ плодовъ можно ожидать отъ ближайшаго ознакомленія американцевъ съ православною церковью? Въ нѣсколькихъ строкахъ нельзя отвѣтить на такой важный вопросъ. Можно отмѣтить только нѣкоторыя данныя, отбрасывающія тѣнь возможнаго въ будущемъ отвѣта. Вопреки распространеннымъ у насъ въ Россіи сказаніямъ, американцы — народъ глубокорелигіозный, что сразу бросается въ глаза всякому болѣе или менѣе внимательному наблюдателю ихъ жизни. Истинная церковнорелигіозная жизнь весьма много парализуется бродячимъ сектантствомъ, но и въ этомъ отношеніи новѣйшее время показываетъ знаменательную перемѣну. Со времени братоубійственной войны 60-хъ годовъ страна вступила въ новую эпоху своей исторіи. Въ народѣ стала крѣпнуть идея о своемъ національномъ и государственномъ единствѣ и все болѣе стала падать та партія, которая смотритъ на штаты, какъ простой

политическій союзъ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ государствъ, могущихъ разорвать его во всякое время, лишь только они будутъ находитѣ его невыгоднымъ для себя. Вмѣстѣ съ развитіемъ идеи о національномъ единствѣ стало замѣчаться движеніе въ пользу религіознаго единства. Религіозное броженіе слабѣетъ, мелкія секты распадаются и происходитъ замѣтная централизація около наиболѣе крупныхъ общинъ. Идея единаго сильнаго государства невольно влечотъ за собой идею единой сильной церкви. Этотъ пульсъ народной жизни ранѣе другихъ съумѣла подслушать римско-католическая церковь и какъ нельзя лучше воспользовалась имъ для своихъ цѣлей. Теперь она быстро ростетъ и крѣпнетъ въ странѣ, и одну изъ главныхъ причинъ ея успѣха, безъ большаго риска ошибиться, можно указать въ этомъ именно процессѣ національной централизаціи. Народъ видитъ въ ней наиболѣе древнюю и величавую представительницу христіанства и стремится въ ея лоно, не смотря на то, что ему въ сущности далеко несимпатична исторія и система непогрѣшимаго папства *). Еслибы ему ранѣе была показана другая не менѣе величавая, но еще болѣе древняя церковь, чуждая системы папства и несравненно лучше сохранившая чистоту христіанства золотыхъ вѣковъ, восточная церковь, то съ увѣренностью можно сказать, куда скорѣе склонились бы его симпатіи. Американцы крайній западный народъ, но въ ихъ душахъ тѣмъ сильнѣе чувство тоски по востоку, какъ общей родинѣ человѣчества. Они глубоко христіанскій народъ, и тѣмъ сильнѣе въ нихъ любовь къ востоку, какъ колыбели христіанства. Для нихъ болѣе чѣмъ для всякаго другаго народа въ мірѣ понятенъ девизъ — ex oriente lux **).

*) Подробнѣе объ этомъ см. въ моемъ спеціальномъ изслѣдованіи о «Римскомъ католицизмѣ въ Америкѣ». С.-Петербургъ 1881 г.

**) О религіозномъ состояніи американскаго народа см. въ моей книгѣ «Религія въ Америкѣ» первая глава. С.-Петербургъ 1881 года.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ и ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I. Наши заатлантическіе друзья.

Одна изъ причинъ руссофобіи иностранной печати.—Русскіе корреспонденты въ американскихъ газетахъ.—Сбиваніе съ толку американскаго общественнаго мнѣнія.—Образчики американскаго отношенія къ русскимъ вопросамъ.—Русско-турецкая война на американской сценѣ.

Всякій, кому приходилось слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что пишется о Россіи и русскихъ вопросахъ въ иностранной печати, несомнѣнно поражался желчностью руссофобіи и беззастѣнчивостью всевозможныхъ клеветъ, которыя щедрою рукою доставляются на столбцы разныхъ газетъ. Мы привыкли объяснять это явленіе общей ненавистью западно-европейскаго міра къ его восточной половинѣ, на которой судьбѣ угодно было поселить русскаго человѣка. Но тутъ есть частныя причины, которыя придаютъ особенно желчное направленіе этой ненависти. Проѣзжая чрезъ Англію, я имѣлъ случай встрѣтиться въ Лондонѣ съ однимъ русскимъ, который, живя тамъ болѣе десяти лѣтъ, имѣлъ возможность вникнуть въ жизнь англійскаго газетнаго міра. Разговоръ естественно болѣе всего касался отношенія общественнаго мнѣнія англичанъ къ Россіи и къ русскимъ дѣламъ, и я съ удивленіемъ слушалъ, что

англичане вообще любятъ русскихъ, и только ихъ традиціонная политика въ восточномъ вопросѣ заставляетъ ихъ становиться въ политически-враждебное къ намъ отношеніе, которое всячески и поддерживается кабинетомъ, тогда еще консервативнымъ. Какбы въ качествѣ фактическаго доказательства любви англичанъ къ Россіи, въ нашемъ обществѣ сидѣлъ англичанинъ, который всею душою былъ преданъ Россіи, интересовался всѣми ея внутренними и внѣшними дѣлами, изучалъ русскій языкъ и даже принялъ православную вѣру. Какъ же примирить съ этимъ отчаянную руссофобію англійской печати, которая, какъ вполнѣ свободная печать, несомнѣнно должна быть полнымъ и вѣрнымъ отраженіемъ общественнаго настроенія?—удивленно спросилъ я своего земляка. Землякъ улыбнулся и замѣтилъ: «видно, что вы новичекъ за границей. Когда вы поживете здѣсь подольше, то будете имѣть болѣе правильное понятіе объ этой пресловутой свободѣ. Прежде всего, продолжалъ онъ, въ политическихъ вопросахъ печать далеко не такъ независима отъ кабинета, какъ вы склонны думать. Внушенія свыше здѣсь играютъ, можно сказать, болѣе важную роль, чѣмъ у насъ въ Россіи, такъ какъ здѣсь онѣ несравненно опредѣленнѣе и выражаются въ круглыхъ кушахъ фунтовъ стерлинговъ. Въ частности, въ отношеніи къ Россіи и къ русскимъ вопросамъ, печать даже положительно не можетъ быть самостоятельною и независимою. Англичане вообще не отличаются знаніемъ иностранныхъ языковъ, а русскаго въ особенности. Поэтому...

— Поэтому, русскіе отдѣлы въ газетахъ должны находиться въ рукахъ русскихъ, и это уже никакъ не можетъ способствовать руссофобіи!—нетерпѣливо прервалъ я своего земляка.

— Точно такъ,—отвѣчалъ онъ: — англійскимъ газетамъ безъ русскихъ, или вѣрнѣе безъ знающихъ русскій языкъ, обойтись невозможно. Но въ этомъ и вся суть вопроса. По какой-то случайности, которая впрочемъ понятна съ извѣстной стороны, представителями знанія русскаго языка, одержимыми

въ то же время страстью писательства, здѣсь издавна являются не настоящіе русскіе, а русскіе поляки и евреи. Вотъ они-то и руководятъ русскими отдѣлами въ газетахъ. Нѣсколько времени тому назадъ я самъ заинтересованъ былъ этимъ вопросомъ, нарочно далъ себѣ трудъ разузнать, кто въ самомъ дѣлѣ въ здѣшнемъ газетномъ мірѣ служатъ представителями Россіи, и изслѣдованіе вполнѣ подтвердило только что сказанное. Въ десяти лучшихъ газетахъ русскіе отдѣлы, какъ оказалось по изслѣдованію, находятся въ рукахъ почти исключительно поляковъ и евреевъ, и среди ихъ только одинъ или двое англичанъ. А поляки эти все такого сорта, что два слова о Россіи не могутъ сказать безъ пѣны у рта, злѣйшіе наши враги и неизлѣчимые мечтатели о Рѣчи Посполитой...

Эти разоблаченія моего лондонскаго пріятеля были для меня поучительною новостью и дали возможность яснѣе понимать нѣкоторыя стороны въ отношеніяхъ англійской печати къ русскимъ вопросамъ, хотя бы напримѣръ эту извѣстную лихорадочную чуткость ея къ польскому вопросу, этотъ неумолкаемый истерическій, злобно-безсильный вой ея объ угнетеніи сѣверными варварами бѣдной, беззащитной Польши. Съ того времени прошло уже около двухъ лѣтъ, какъ я переплылъ океанъ и поселился на почвѣ Новаго Свѣта, среди нашихъ заантлантическихъ друзей. Печать здѣсь уже совершенно свободна, традиціонной политики по восточному вопросу совсѣмъ не существуетъ, а извѣстная «дружба» къ русскимъ менѣе всего можетъ поддерживать руссофобію. Съ живымъ чувствомъ самодовольства обыкновенно брался я на первыхъ порахъ за американскія газеты, чтобы узнать, что же въ самомъ дѣлѣ говорятъ о насъ наши «друзья». Ужъ если гдѣ, то несомнѣнно здѣсь мы должны имѣть своихъ защитниковъ отъ западно-европейской клеветы и злобы. Ничуть не бывало. Всѣ тѣ клеветы, выходки и нелѣпости, которыми изобилуетъ западно-европейская печать по отношенію къ Россіи, преспокойно пересаживаются и на американскія страницы и даже съ прибавленіемъ новыхъ. Пораженный такою ненормаль-

ностью, я сталъ доискиваться ея причины. Одна сторона объяснилась быстро. Если Западная Европа мало знакома съ русскимъ языкомъ, несмотря на постоянныя сношенія съ Россіей, то американцы совсѣмъ его не знаютъ, и онъ служитъ настоящей китайской стѣной въ дѣлѣ непосредственнаго ознакомленія ихъ съ русскимъ народомъ. Между тѣмъ потребность въ ознакомленіи съ Россіей существуетъ громадная, и вотъ въ удовлетвореніе ея газеты преспокойно перепечатываютъ все, что появляется по русскимъ вопросамъ въ нѣмецкихъ, англійскихъ, а отчасти французскихъ газетахъ. Съ теченіемъ времени я имѣлъ возможность познакомиться отчасти и съ интимною стороною американской печати и нашелъ, что она имѣетъ и русскихъ сотрудниковъ. Но это знакомство способствовало только уясненію, почему она съ такою неразборчивостью, или вѣрнѣе съ такою адскою разборчивостью переноситъ на свои страницы всю ложь и мерзость, какою изобилуетъ западно-европейская печать по отношенію къ Россіи. Дѣло въ томъ, что въ Нью-Іоркѣ совсѣмъ нѣтъ дѣйствительно-русскаго интеллигентнаго элемента, который могъ бы взять на себя задачу серьезнаго ознакомленія американцевъ съ Россіей. Но зато здѣсь проживаетъ цѣлая шайка авантюристовъ, которыхъ разныя продѣлки, частью политическаго, а главнымъ образомъ просто уголовнаго характера, насильно загнали на почву Новаго Свѣта, поставивъ во враждебное отношеніе къ недоступной для нихъ Россіи. Не зная никакого ремесла и не имѣя никакого положительнаго научно-литературнаго знанія, они въ то же время преисполнены негодующаго отрицанія. Часть ихъ увивается у грязныхъ нѣмецкихъ соціалистическихъ листковъ (замѣчательно, что англійской соціалистической печати здѣсь нѣтъ), а часть пристроилась при большихъ газетахъ въ качествѣ «русскихъ кореспондентовъ» и заправителей русскихъ отдѣловъ. Вотъ они-то и угощаютъ американскую публику выборками изъ западно-европейскихъ газетъ съ присоединеніемъ своихъ собственныхъ измышленій, разъясненій

и дополненій. И вы встрѣтите въ американскихъ газетахъ извѣстіе о всякой самой ничтожной сплетнѣ и мерзости, которыми изобилуетъ русская печать, но большею частью уже въ такой раздутой формѣ, которая придаетъ ничтожному факту значеніе «симптома неисцѣлимаго разложенія»; зато вы въ тоже время ни за-что не узнаете о самомъ крупномъ отрадномъ фактѣ, если только о немъ не извѣстятъ по телеграфу настоящіе американскіе корреспонденты въ Россіи. Нечего и говорить, какой вредъ приносится этимъ въ дѣлѣ установленія правильныхъ отношеній между двумя несомнѣнно-дружественными народами, насколько это сбиваетъ съ толку общественное мнѣніе американцевъ по отношенію къ Россіи. Надо только еще удивляться, что при такомъ порядкѣ вещей они иногда умѣютъ выражать свои горячія симпатіи къ Россіи и русскому народу, особенно по поводу выдающихся событій въ его жизни, какъ напримѣръ по поводу празднованія годовщины 25-ти-лѣтняго царствованія покойнаго государя императора, когда почти вся американская печать единогласно благословляла нашего вѣнценоснаго юбиляра и проклинала нигилизмъ. При такихъ случаяхъ американскія симпатіи къ намъ бурнымъ потокомъ вырываются наружу, и «русскіе корреспонденты» обыкновенно прячутся въ норы, не осмѣливаясь противорѣчить общественному мнѣнію страны. Зато на слѣдующій же, «будничный» день они опять выползаютъ изъ норъ и попрежнему продолжаютъ зарабатывать свой насущный хлѣбъ.

Къ счастью мы имѣемъ хотя немногихъ, но хорошихъ защитниковъ между самими американцами, именно между тѣми изъ нихъ, которымъ приходилось лично ознакомиться съ Россіей и русскимъ народомъ во время пребыванія въ ней. Они усердно дѣлятся своими симпатичными впечатлѣніями, вынесенными изъ личнаго наблюденія надъ русскою жизнью, и даже знакомятъ американцевъ съ историческими героями русскаго народа. Такъ въ настоящее время въ одномъ изъ лучшихъ мѣсячныхъ журналовъ г. Скайлеръ, бывшій американскій генеральный консулъ въ Россіи, печатаетъ великолѣп-

ную біографію нашего великаго преобразователя Петра Великаго и съ такою роскошью, которая немыслима у насъ въ Россіи. Каждая страница иллюстрируется превосходными гравюрами, общая стоимость которыхъ восходитъ до 30,000 долларовъ. Другой американецъ, извѣстный адвокатъ Стаутонъ, только что возвратившійся изъ Россіи, гдѣ онъ занималъ важный постъ посланника Соединенныхъ Штатовъ, напечаталъ въ самомъ распространенномъ журналѣ «Сѣверо-Американское Обозрѣніе» статью, характеръ которой до нѣкоторой степени опредѣляется уже ея заглавіемъ: «Popular fallacies about Russia»—«Ходячая ложь о Россіи». Въ этомъ же самомъ журналѣ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ одинъ «русскій» помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: «Имперія недовольныхъ». Отчаянно размахивая своимъ перомъ отрицанія и недовольства, сочинитель до того зарапортовался и дошелъ до такихъ геркулесовыхъ столбовъ всякаго вымысла, что даже американская редакція нашла необходимымъ умыть свои руки и на первой же страницѣ сдѣлала подстрочное замѣчаніе, что она «не принимаетъ на себя отвѣтственности за достовѣрность сообщаемыхъ авторомъ фактовъ». Настоящая статья Стаутона служитъ нѣкоторымъ образомъ отвѣтомъ на статью «русскаго», и интересна не только съ этой стороны, но и съ той, что авторъ ея только-что возвратился изъ Россіи, гдѣ онъ занималъ важный и высокій постъ, дававшій ему возможность проникать въ такія сферы русской жизни, которыя не всякому доступны, и писалъ свою статью подъ живымъ впечатлѣніемъ только что вынесенныхъ наблюденій. Поэтому я считаю не лишнимъ представить коротенькія выдержки изъ этой статьи, и особенно изъ той ея части, которая имѣетъ прямое отношеніе къ затронутому предмету.

«Тенденціей газетныхъ корреспонденцій и журнальныхъ статей послѣдняго времени, говоритъ авторъ, было произвести впечатлѣніе, что Россійская имперія переполнена сѣменами безпорядка, угрожающаго возстаніемъ и даже революціей, если только правительство не сдѣлаетъ немедленныхъ перемѣнъ для удовлетворенія того, что они называютъ требова-

ніями народа. Литература эта главнымъ образомъ англійскаго происхожденія и есть результатъ того предубѣжденія и той враждебности по отношенію къ Россіи, которыя съ незначительными перерывами постоянно существовали въ Англіи за послѣднія сто лѣтъ. Происхожденіе ихъ въ дѣйствительности относится къ царствованію императрицы Екатерины II, которая при всѣхъ ея недостаткахъ (а они гораздо меньше приписываемыхъ ей) была одною изъ величайшихъ и мудрѣйшихъ правительницъ, какія когда либо жили; и, что особенно замѣчательно, эти предубѣжденія и враждебность возникли вслѣдствіе ея отказа во время нашей борьбы за независимость помочь Великобританіи въ ея войнѣ съ Франціей и Испаніей, или за подкупъ содѣйствовать европейскому миру, чтобы Англія, освобожденная отъ своихъ континентальныхъ враговъ, могла всѣми силами обрушиться на нашихъ предковъ и подавить ихъ возстаніе. Съ того времени Россія, ея народъ и правительство постоянно были друзьями нашей страны, не переставая быть такими даже и въ то время, когда ни одно другое правительство въ Европѣ не жалѣло о раздѣленіи и объ угрожавшемъ послѣдующемъ разрушеніи великой республики. Мы не должны забывать, что императоръ Россіи, котораго обвиняютъ въ такомъ угнетеніи своего народа, что оправдываются даже убійства и неистовства, совершонныя и угрожаемыя нигилистами, есть тотъ самый гуманный и христіанскій монархъ, который въ 1861 году, рискуя своею жизнью и престоломъ, освободилъ милліоны рабовъ. Мы должны помнить также, что когда въ 1861 году эхо нашихъ южныхъ пушекъ прогремѣло по Европѣ и тамошніе правители охотно приняли его за сигнальный знакъ умирающей націи, онъ съ искреннею симпатіей, уполномочивающей его на нашу всегдашнюю благодарность, и съ глубокимъ пониманіемъ значенія для насъ цѣлости союза, поручилъ своему канцлеру князю Горчакову объявить намъ о «глубокомъ интересѣ, съ которымъ императоръ слѣдилъ за развитіемъ кризиса, угрожающаго благосостоянію и даже существованію

союза»; что «въ продолженіе болѣе чѣмъ восьмидесяти лѣтъ своего существованія американскій союзъ обязанъ своею независимостью, своимъ грандіознымъ ростомъ и своимъ прогрессомъ согласію его членовъ, освященному подъ руководствомъ его знаменитаго основателя учрежденіями, которыя могли сочетать единство съ свободой. Этотъ союзъ былъ плодотворенъ; онъ представилъ міру зрѣлище благосостоянія, безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ исторіи. Было бы плачевно, если бы послѣ такого блистательнаго опыта Соединенные Штаты ринулись къ нарушенію торжественнаго договора, который по настоящее время составлялъ ихъ силу... Этотъ союзъ въ нашихъ глазахъ есть не просто существенный элементъ для всеобщаго политическаго равновѣсія. Онъ составляетъ кромѣ того націю, къ которой нашъ августѣйшій государь и вся Россія питаютъ самыя дружественныя чувства; ибо эти двѣ страны, лежащія на окраинахъ двухъ міровъ, обѣ въ восходящемъ періодѣ ихъ развитія, кажутся призванными къ естественной общности интересовъ и симпатій, для которыхъ онѣ уже давали другъ другу взаимныя доказательства».

«Правитель, который могъ предъ лицомъ монархической Европы восхвалять республиканскія учрежденія въ столь восторженныхъ выраженіяхъ и который такъ ясно видѣлъ ихъ значеніе для развитія рессурсовъ, богатства и счастія народа, не можетъ быть индифферентнымъ къ благосостоянію своего собственнаго народа или склоннымъ отказывать ему въ такихъ политическихъ преимуществахъ и свободныхъ учрежденіяхъ, какими онъ только способенъ воспользоваться и наслаждаться. Поэтому будетъ только справедливымъ по отношенію къ нему и его правительству предположить, что какъ скоро русскій народъ (масса котораго была еще такъ недавно крѣпостною) будетъ способенъ пользоваться тою политическою свободою, которая заключается въ представительномъ правленіи, она будетъ ему дана. И дѣйствительно, я имѣю высочайшее полномочіе (authority) сказать, что такова именно цѣль императорскаго правительства, и что нѣсколько времени

тому назадъ оно серьезно занято было обсужденіемъ плана, какъ, предварительно болѣе общаго основанія представительства, можно ввести частичное представительство, посредствомъ котораго высшіе интересы всѣхъ частей имперіи могли бы быть представляемы въ С.-Петербургѣ. Было бы неудивительно, если бы даже высочайшій и гуманнѣйшій умъ усомнился въ мудрости предоставленія недавно освобожденнымъ рабамъ права избирать представителей для содѣйствія въ управленіи великой имперіи. Да они и не желаютъ этого. Убійцы, которые недавно заявили о своей непригодности для свободы или даже для жизни, кромѣ какъ между дикарями и непризнающими законовъ бродягами, не принадлежатъ къ освобожденному классу или даже вообще къ какому нибудь изъ производительныхъ классовъ Россіи. Они немногочисленны въ количествѣ, не имѣютъ другой организаціи кромѣ какъ для цѣлей неистовства и убійства; у нихъ нѣтъ плана для измѣненія или реформированія правленія; нѣтъ теоріи кромѣ теоріи разрушать и жить безъ труда, грабительствомъ другихъ. Нигилизмъ есть доктрина, отъ которой даже соціалисты и коммунисты содрогаются. Онъ предполагаетъ разрушеніе всего, что сдерживаетъ даже худшее общество между собою. Его первая миссія состоитъ, по объявленію его основателя, въ разрушеніи «лжи» и «первая ложь есть Богъ. Когда мы раздѣляемся съ ней», говоритъ этотъ отвратительный миссіонеръ (Бакунинъ), «и убѣдимся, что существованіе насъ самихъ и всего окружающаго міра обязано конгломераціи атомовъ, согласно съ законами тяготѣнія, тогда и только тогда мы совершимъ первый шагъ къ свободѣ, и встрѣтимъ менѣе затрудненія въ освобожденіи души отъ второй лжи, которая есть право, изобрѣтенное силою, создающею и разрушающею законы». И затѣмъ онъ объявляетъ, что «когда наши души будутъ свободны отъ боязни Бога и отъ этого дѣтскаго благоговѣнія предъ фикціей права, всѣ остальныя цѣпи, которыя связываютъ насъ и которыя называются наукой, цивилизаціей, собственностью, семьей, нравственностью и справедливостью, порвутся какъ

нитки». Таково ученіе этихъ жалкихъ людей, которые обратили на себя такое вниманіе своими убійствами и покушеніями на убійства и которые между невѣжественными и сумасбродными людьми пріобрѣли себѣ даже сочувствіе, какъ угнетенные и работающіе въ пользу государственной реформы.

«Мнѣ нѣтъ нужды говорить тѣмъ, кто знаетъ сколько нибудь о характерѣ русскаго крестьянина, о его уваженіи къ закону, почтеніи къ церкви, благоговѣніи предъ Богомъ, что онъ отвращается отъ нигилистовъ, ихъ ученій и цѣлей, и среди арестованныхъ, и судимыхъ онъ рѣдко появляется. Равнымъ образомъ и послѣднія неистовства совершались и наускивались не рабочимъ или промышленнымъ классами, а обыкновенно полуграмотными, возбужденными недоучками-студентами, которые, хотя обучаются большею частью на правительственный счетъ, становятся нетерпимыми къ религіозному обученію и всякому самому слабому контролю; и еще нѣсколькими отчаянными сорвиголовами, которые улизнувъ отъ полиціи, отравляютъ своими преступными ученіями души легкомысленной молодежи и наконецъ доводятъ иныхъ до совершенія самыхъ ужасныхъ преступленій. Имъ иногда помогаютъ женщины, которыя кичатся принадлежностью къ почетнымъ и даже знатнымъ семействамъ, а на самомъ дѣлѣ таковы, для которыхъ не отворяются двери приличныхъ домовъ. Трудно понять, какъ такія лица могутъ считаться реформаторами. Они не представляютъ въ Россіи ни собственности, ни интеллигенціи, ни промышленности народа, и тѣ, кто изучалъ ихъ карьеру, должны были замѣтить, что они никогда не предлагали опредѣленныхъ реформъ, или даже вообще такихъ перемѣнъ, которыя бы не разрушали самыя основы общества и государства. Тѣмъ не менѣе часть англійской печати, а иногда и нашей собственной, предполагала, и многіе вѣрятъ теперь этому въ нашей странѣ, что усилія нигилистовъ убивать и разрушать имѣютъ своею цѣлью достигнуть освобожденія отъ угнетающаго правительства, и что большая часть населенія Россіи подвержена, благодаря тираніи и вымогательствамъ деспотической, жестокой и без-

отвѣтственной власти, великому и почти невыносимому гнету и страданію. Лица, вѣрящія этому, приписываютъ нигилистамъ и ихъ убійствамъ національную и даже патріотическую цѣль, и вслѣдствіе этого склонны оправдывать самыя жестокія средства для достиженія предполагаемой цѣли. Нигилисты именно и стараются о томъ, чтобы произвести такое впечатлѣніе и, при помощи англійской печати, не безъ охоты распространяющей всякія извѣстія, разсчитанныя на униженіе русскаго правительства и народа въ глазахъ міра, они до нѣкоторой степени достигли желаемаго (что впрочемъ имѣло бы менѣе послѣдствій, если бы это впечатлѣніе не коснулось сознанія нашихъ собственныхъ гражданъ)—къ большой несправедливости по отношенію къ правительству, домашнее управленіе котораго и вліяніе заграницей давно отличается мудрою и честною государственностью и вообще великодушною благожелательностью, особенно по отношенію къ угнетеннымъ христіанскимъ народностямъ Европы».

«Я осмѣливаюсь заключить увѣреніемъ, что если мы тщательно изучимъ исторію Россійской имперіи за послѣднія сто лѣтъ и сравнимъ ее съ исторіей любой другой европейской державы, то найдемъ, что ея правительство превзошло всѣ другія жертвами, принесенными людьми и казной на помощь угнетеннымъ христіанскихъ народамъ для освобожденія ихъ отъ тиранніи и рабства; и если мы примемъ во вниманіе политику великой императрицы во время нашей борьбы за независимость, и сочувствіе, выраженное намъ ея царственнымъ потомкомъ во время нашей послѣдней борьбы за цѣлость завѣщаннаго намъ отцами наслѣдства, то мы должны будемъ признать, что русская симпатія серьезна и искренна, а не простой продуктъ русскихъ интересовъ».

Статья эта съ живымъ интересомъ читалась американцами и сочувственно привѣтствовалась печатью. Темная клика спряталась въ норы и не посмѣла открыть рта.

Замѣчательно, что ни одинъ американецъ, которому только лично приходилось прожить нѣсколько времени въ Россіи и

непосредственно наблюдать характеръ и жизнь русскаго народа, не выходилъ изъ нея безъ того, чтобы не вынести наилучшихъ впечатлѣній. Въ качествѣ новаго примѣра, кромѣ вышеприведенныхъ, можно указать еще на Грина, лейтенанта-инженера арміи Соединенныхъ Штатовъ, состоявшаго въ качествѣ attaché при американскомъ посольствѣ въ Петербургѣ. Его недавно вышедшая книга: «Очерки военной жизни въ Россіи» (Sketches of army life in Russia) на каждой страницѣ выдаетъ не только дружбу къ русскому народу въ ея обыкновенномъ смыслѣ, но и самую теплую, почти родственную симпатію, какой не встрѣтить въ западно-европейскихъ сочиненіяхъ о Россіи.

Что американцы считаютъ насъ, русскихъ, своими друзьями — это несомнѣнно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только пройтись по Бродвею въ Нью-Іоркѣ. Тутъ вы то и дѣло встрѣтите вывѣски и рекламы, которыя зазываютъ покупателей-янки именемъ дружественнаго имъ народа «русскій». Кондитеры объявляютъ, что у нихъ лучшія въ мірѣ печенья—*русскія*, сапожники возвѣщаютъ, что у нихъ обувь изъ *русской* кожи, баньщики трубятъ, что ихъ *русскія* бани избавляютъ отъ всякихъ недуговъ. Въ одномъ мѣстѣ мнѣ пришлось даже прочитать такую странную вывѣску: одинъ эскулапъ извѣщаетъ, что у него можно получить «дѣйствительно *русское* средство отъ кашля». Такъ какъ я не страдалъ въ это время кашлемъ, то и не имѣлъ особеннаго интереса изслѣдовать, что это за родное средство; но какъ бы то ни было, пріятно патріотическому чувству видѣть такое руссофильство въ столицѣ американцевъ.

Однако руссофильство не всегда проявляется у американцевъ въ лестной для насъ формѣ. Если бы вы спросили любого янки, какая пьеса прошлаго сезона ему болѣе всего понравилась, то онъ несомнѣнно отвѣтилъ бы: «конечно—*Фатиница*»! Дѣйствительно, «Фатиница» одна изъ самыхъ популярныхъ и любимыхъ въ Нью-Іоркѣ пьесъ; она цѣлый годъ давалась здѣсь почти непрерывно, переходя лишь изъ одного

театра въ другой, имя которымъ здѣсь — легіонъ. По своей формѣ, это — комическая опера, или по нашему — оперетка, въ которой музыкально-вокальные пассажи перемѣшаны съ драматическими,—самая любимая американцами форма театральныхъ пьесъ, такъ какъ они, при своей необыкновенно подвижной, юмористической и до мозга костей торгашеской натурѣ, никакъ не могутъ выносить настоящей оперы, съ ея тягучестью, расплывчатымъ идеализмомъ и философіей чувства. Американская Фатиница есть своеобразная передѣлка извѣстной оперетки Зуппе, и сюжетъ ея прилаженъ къ послѣдней русско-турецкой войнѣ. Хорошая постановка, великолѣпная музыка и талантливое исполненіе сдѣлали Фатиницу любимицей Нью-Іорка, а то положеніе, которое занимаютъ въ ней русскіе, дѣлаетъ ее не безъинтересною и для насъ, русскихъ. Хоть и не совсѣмъ пріятно, однако не безъинтересно знать, какъ потѣшаются надъ нами наши заатлантическіе друзья.

Съ цѣлію ближайшаго ознакомленія съ пьесой, я отправился въ одинъ изъ театровъ, гдѣ какъ говорилось въ театральныхъ рекламахъ (которыя здѣсь, нужно замѣтить, своимъ торгашескимъ краснорѣчіемъ ничуть не уступаютъ всякимъ другимъ спекуляторскимъ рекламамъ), Фатиница давалась съ невиданнымъ великолѣпіемъ: «при блистательной обстановкѣ, роскошнѣйшихъ костюмахъ, лучшей въ западномъ полушаріи музыкѣ и геніальнѣйшемъ исполненіи», какъ буквально гласила реклама. Въ Америкѣ театральныя понятія о мѣстничествѣ нѣсколько другія, чѣмъ у насъ: ближайшіе къ оркестру ряды креселъ не въ почетѣ и вы ихъ всегда можете достать, какъ забракованные, если запоздаете взять кресло въ одномъ изъ среднихъ рядовъ. Такъ случилось и со мной. Сидя въ первомъ ряду въ ожиданіи Фатиницы, я разсматривалъ свой «театральный журналъ», какъ называются здѣсь афиши, которыя раздаются даромъ и которыя дѣйствительно представляютъ не афиши, а журналы, содержащіе кромѣ обозначенія дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ нѣ-

сколько недурныхъ критическихъ замѣтокъ о различныхъ театральныхъ пьесахъ, бездну анекдотовъ и каламбуровъ, которыми вы въ случаѣ недостатка собственнаго матеріала можете забавлять свою даму, и массу всякихъ объявленій. Оркестръ, нельзя сказать, чтобы самый лучшій въ западномъ полушаріи, исполнилъ увертюру; вслѣдъ затѣмъ поднялся занавѣсъ и открылась сцена русско-турецкой войны.

Дѣйствіе происходитъ на Дунаѣ, противъ турецкой крѣпости. Зима. Русскіе солдатики спятъ на снѣгу, при трескучемъ морозѣ. Загорается заря и часовой съ вышки басистымъ гимномъ будитъ солдатъ; но утомленные солдаты не слышатъ гимна и встаютъ только тогда, когда пьяный, едва стоящій на ногахъ «сержантъ Стейпанъ» начинаетъ ихъ лупить кнутомъ направо и налѣво. Русскіе солдатики всѣ одѣты въ американскія шинели съ капишонами; по-русски одѣтъ только одинъ сержантъ; на шеѣ у него вмѣстѣ съ фляжкой мотается пара русскихъ рукавицъ, которыми онъ и похлопываетъ, очевидно прогоняя морозъ. Начинается обыкновенная лагерная сцена съ маркитантомъ, которымъ является братушка болгаринъ, служащій шпіономъ у турокъ. Масса «кадетовъ» играетъ въ мячики, забрасывая ими часовыхъ. Въ числѣ пробужденныхъ является молодой кавалерійскій лейтенантъ Владиміръ Димитровичъ (безъ фамиліи), влюбленный мечтатель, который поетъ недурную арію: «Нарушенъ сладкій сонъ». Его пылкое дѣвственное сердце только было узнало блаженство любви въ Петербургѣ, какъ богъ войны позвалъ его на берега Дуная. Однажды, во время «карнавала», моложавый лейтенантъ, подъ видомъ Фатиницы, былъ представленъ важному «боярину», имѣвшему хорошенькую племянницу Лидію Ивановну. Бояринъ не шутя влопался въ мнимую Фатиницу, а Фатиница въ его племянницу. Теперь въ лагерной жизни Лидія Ивановна — постоянный предметъ вздоховъ и томныхъ стоновъ лейтенанта. Лишь только лейтенантъ успѣлъ кончить свою томную пѣснь, какъ казаки приволокли въ лагерь шпіона. «Шпіонъ, шпіонъ—къ

висѣлицѣ готовъ онъ!» — завопилъ хоръ. Но въ мнимомъ шпіонѣ лейтенантъ узнаетъ своего знакомаго, кореспондента одной большой американской газеты, Форбеса. Оживъ отъ страха, Форбесъ на вопросъ русскихъ воиновъ, что такое корреспондентъ, излагаетъ уморительную речитативную характеристику «репортера».

— Вы навѣрно извините ошибку, господинъ,—извиняется предъ нимъ капитанъ Василій.

— Пожалуйста, безъ извиненій капитанъ: я напротивъ очень радъ. Подумайте только, какую великолѣпную кореспонденцію я могу написать въ свою газету—два столбца по меньшей мѣрѣ: «Плѣненіе спеціальнаго кореспондента отрядомъ казаковъ. Бравая и мужественная защита. Побѣжденный численнымъ превосходствомъ». Сколько бишь ихъ было?

— Двое.

— Ну, я могу сказать двѣсти—для благозвучія. «Привязанный арканомъ къ спинѣ дикой татарской кобылы. Прибытіе въ лагерь и осужденіе въ качествѣ шпіона на висѣлицу. Избавленіе по одному счастливому случаю. Сердечное привѣтствіе со стороны офицеровъ и великолѣпный обѣдъ, данный въ честь меня». Не правда ли?

Но разыгравшееся воображеніе кореспондента на счетъ обѣда было остановлено заявленіемъ офицеровъ, что у нихъ только одинъ супъ «Schtschi», и одно вино «Vodki», отъ которыхъ ему не поздоровится. Для развлеченія репортеръ предлагаетъ устроить маскарадный спектакль, съ чѣмъ всѣ соглашаются и уходятъ со сцены.

Раздается барабанная дробь. Входитъ генералъ Knatchukoff, свирѣпый и дикій, какъ Атилла, въ медвѣжьей шубѣ и съ кнутомъ въ рукахъ, который повинуется ему, какъ хорошему воину мечъ. Движенія генерала порывисто-дики и грозны, а непрерывно свистящій и хлопающій кнутъ его свидѣтельствуетъ о его дисциплинарной строгости. Генералъ, изрыгнувъ цѣлое море ругательствъ и проклятій за недостаточно почет-

ную встрѣчу ему, поетъ кнуту хвалебную арію, въ которой изливаетъ чувства своей признательности къ «неизмѣнному другу», внушающему всѣмъ любовь и страхъ къ «высокому и мощному» полководцу. Перечисливъ національности своихъ полковъ, въ которыхъ казаки и остяки, друзы и тунгузы, лапландцы и финляндцы и т. п., генералъ торжественно заявляетъ, что «каждый полкъ знаетъ въ этомъ инструментѣ толкъ». Арія аккомпанируется музыкальнымъ хлопаньемъ кнута. Дальнѣйшія сцены служатъ фактическимъ доказательствомъ пѣсни генерала, что «каждый полкъ знаетъ въ кнутѣ толкъ»: генералъ лупитъ всѣхъ, кто только подвернется ему. Прежде другихъ узналъ въ кнутѣ толкъ кореспондентъ.

Форбесъ. (*Входитъ и въ сторону*). Великолѣпно! Описаніе этого Урзы маіора будетъ прелестнымъ украшеніемъ корреспонденціи!

Генералъ. Ба-а! Иностранецъ тутъ! Св. Николай! Громъ Москвы! Кто ты, собака? (*хватаетъ его за шиворотъ*).

Форбесъ. Какъ вы смѣете, старый татаринъ! Я буду жаловаться своему правительству!

Г. Къ чорту убирайся ты и вмѣстѣ съ своимъ правительствомъ! Знаешь ли ты, кто я? Взять его и всыпать двадцать пять кнутовъ! (*Собственноручно даетъ предвкушать сладость кнута*).

Ф. Но извините... я... я...

Г. Ни слова! Кнутъ прежде всего, а потомъ извиненіе!

Ф. (*Подаетъ дрожащей рукой свои бумаги*). Не угодно ли вашему превосходительству прочитать—изъ главной квартиры...

Г. Изъ главной квартиры?! (*Вырываетъ бумагу, такъ что она разрывается, и читаетъ*). Спеціальный кореспондентъ... Чортъ бы васъ побралъ—всю вашу породу. Бумага ваша въ порядкѣ (*отдаетъ ей честь*). Можете быть свободны отъ кнута. Но у меня писать—да знать, что писать. Иначе—запорю!!!

Входятъ маскированные и лейтенантъ, переодѣтый ру-

мынской дѣвушкой. Генералъ узнаетъ въ ней свою Фатиницу, прогоняетъ всѣхъ остальныхъ кнутомъ, а съ ней остается наединѣ, гдѣ и доказываетъ пылкость своего сердца, скрываемаго подъ броней дисциплинарной суровости. Во время любезничанья съ мнимой Фатиницей, пріѣзжаетъ въ лагерь племянница генерала, Лидія Ивановна. На сцену является полная русская зимняя упряжка, даже съ неизвѣстной здѣсь русской дугой: только по недоразумѣнію прикрѣплена она была не на мѣстѣ—посединѣ оглоблей надъ спиной лошади. Два верховыхъ казака составляли эскортъ. Американцы привѣтствовали эту живую русскую картину неистовыми аплодисментами. Волей-неволей генералъ долженъ былъ обрадоваться своей племянницѣ и вмѣстѣ съ Фатиницей и репортеромъ проводилъ ихъ въ лагерный баракъ. Наступила ночь, эта мать всякой измѣны. Братушка маркитантъ привелъ баши-бузуковъ, которые и плѣнили красавицъ вмѣстѣ съ репортеромъ, къ его немалому удовольствію, такъ какъ это дало ему новый романтическій матеріалъ для кореспонденціи. Между тѣмъ раздался сигналъ тревоги, выступили русскіе полки и началась истинно адская пальба по баши-бузукамъ, покрывшая сцену пороховымъ дымомъ. Среди самаго разгара битвы, предъ фронтомъ явился генералъ и, въ отчаяніи размахивая кнутомъ, кричалъ: «Стой не стрѣлять! Убьете мою Фатиницу!»

Побѣда осталась за русскими, а плѣнные за турками, которые и представили ихъ пашѣ въ крѣпость, куда и переноситъ зрителей второй актъ пьесы. Окрывается великолѣпный гаремъ паши Иззета. Паша — европейски образованный человѣкъ, либеральный, прогрессивный и постоянно занятъ реформами въ своемъ гаремѣ. Форбесъ, какъ кореспондентъ, принятъ пашей по дружески и введенъ во всѣ сладости гаремныхъ удовольствій; шампанское льется рѣкой; взаимнымъ удивленіямъ и восхваленіямъ, объятіямъ и поцѣлуямъ, которыми кореспондентъ и паша скрѣпляютъ свою дружбу, нѣтъ конца. Кореспондентъ обѣщаетъ написать великолѣпную статью о пашѣ, за которую тотъ еще ставитъ шампанскаго

и т. д. Въ честь новаго друга паша устраиваетъ спектакль черныхъ тѣней, но между комическими тѣнями вдругъ появляется свирѣпая фигура русскаго генерала и раздается хлястъ кнута, за которымъ слѣдуетъ вторженіе въ гаремъ русскаго отряда. Либеральный паша долженъ былъ отчаянно прыгать, чтобы увертываться отъ русскаго кнута.

Третье и послѣднее дѣйствіе происходитъ въ Одессѣ, въ домѣ генерала. Почтенный генералъ и здѣсь, по окончаніи войны, не оставляетъ своихъ привычекъ и постоянно является съ кнутомъ. Лейтенантъ подъ именемъ брата Фатиницы является къ генералу, находитъ благоволеніе въ его глазахъ, такъ что онъ измѣняетъ свое рѣшеніе выдать племянницу за одного своего друга, кавказскаго служаку, у котораго во время сраженія ядромъ оторвало обѣ руки, и выдаетъ ее за лейтенанта съ придачей надлежащаго повышенія въ чинѣ. Собственная сердечная рана генерала стала было заживать при мысли, что лейтенантъ отблагодаритъ его за племянницу своей сестрой Фатиницей. Но коварный репортеръ сразу разрубаетъ весь гордіевъ узелъ пьесы, принеся генералу письмо, извѣщающее, что Фатиница умерла. Желѣзный генералъ со слезами прочиталъ письмо, но потомъ утѣшился счастьемъ своей племянницы, которая тутъ же была обвѣнчана съ офицеромъ. Русскій «роре», совершавшій вѣнчаніе, въ безобразнѣйшемъ, совсѣмъ не русскомъ одѣяніи, принялъ послѣ участіе въ общемъ весельѣ.

Представленный скелетъ этой пьесы можетъ дать нѣкоторое понятіе о ней. Многочисленная публика смѣялась непрерывно. Вся пьеса построена на осмѣяніи русской дикости и варварства, въ которомъ мы, русскіе, будто бы далеко оставляемъ позади себя турокъ, болѣе насъ воспріимчивыхъ къ европейской цивилизаціи. Взглядъ этотъ, надо признаться, существуетъ не только на театральной комической сценѣ: блестки его можно постоянно замѣтить и въ прессѣ, и въ обыденной жизни. Да быть можетъ и пьеса-то, осмѣивающая насъ русскихъ, пришлась такъ по вкусу американцамъ по-

тому только, что она нашла соотвѣтствіе въ ихъ взглядахъ на насъ. Въ такомъ отношеніи къ намъ американцы впрочемъ неповинны. Они не знаютъ насъ непосредственно и не имѣютъ органа для непосредственнаго ознакомленія съ нами. Они смотрятъ на насъ чрезъ очки, которыя услужливо подставляются враждебною намъ нѣмецкою и англійскою печатью и къ нашему стыду поддерживаются описанными выше русскими кореспондентами американскихъ газетъ.

II. Эмиграція.

Садъ эмигрантовъ.—Великое переселеніе народовъ.—Небывалый наплывъ переселенцевъ въ Америку.—Цѣнность труда и денегъ, вывезенныхъ изъ Европы.—Русскіе переселенцы.—Самарскіе нѣмцы и печальная повѣсть ихъ похожденій.

На берегу океанскаго залива, омывающаго американскую митрополію, расположено громадное круглое зданіе, обведенное высокими стѣнами. Предъ узкими воротами въ обширный дворъ постоянно толпится множество народа, представляющаго единственное въ своемъ родѣ зрѣлище въ мірѣ. Это такъ-называемый эмигрантскій садъ (Castle Garden), — мѣсто, куда прибываютъ переселенцы изъ Европы и гдѣ они находятъ первый пріютъ на обѣтованной землѣ Новаго Свѣта. Какая смѣсь одеждъ, языковъ и физіономій! Рыжіе скандинавцы и смуглые итальянцы, грязные польскіе жиды и долговязые ирландцы, флегматичные нѣмцы и вертлявые французы — всѣ толпятся тутъ вмѣстѣ, записывая свои имена въ американскую книгу живота и смущенно озираясь по сторо-

намъ, когда почти надъ ихъ головами проносится воздушный поѣздъ желѣзной дороги. Пронырливые янки тутъ же вертятся кругомъ, стараясь какъ можно скорѣе сорвать съ неопытныхъ переселенцевъ лишній талеръ, рубль или франкъ. Тутъ же постоянно присутствуютъ и агенты политическихъ партій, собирающіе подручный матеріалъ для политическихъ агитацій и окончательно сбивающіе съ толка бѣдныхъ эмигрантовъ разными несбыточными обѣщаніями.

Прошлый и нынѣшній годы въ Америкѣ были одними изъ самыхъ благодатныхъ. Благодаря большимъ урожаямъ этихъ лѣтъ, промышленность страны развернулась въ колоссальныхъ размѣрахъ, какъ бы наверстывая за недавній еще тяжелый кризисъ. Спросъ на трудъ оказался громадный, и онъ нашелъ откликъ въ Европѣ, гдѣ въ то же время систематическіе неурожаи и тяжелыя политическія обстоятельства легли на рабочее населеніе почти невыносимымъ бременемъ. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было усиленіе эмиграціи, и послѣднія два года въ этомъ отношеніи являются безпримѣрными въ исторіи страны. Океанскіе пароходы изъ Европы одинъ за другимъ привозятъ цѣлыя тысячи переселенцевъ, точно вся Европа рѣшилась переселиться въ Америку или пришла новая эпоха переселенія народовъ. Въ 1879 году всѣхъ переселенцевъ прибыло въ Америку 135,000; въ прошломъ число ихъ поднялось до 400,000, а для текущаго года разсчитываютъ на цѣлыхъ полъмилліона. Приливъ эмиграціи постоянно колеблется въ своемъ объемѣ. Самый большой приливъ до этого былъ въ 1854 году, когда прибыло въ Америку болѣе 319,000 человѣкъ, и затѣмъ постепенно ослабѣвалъ до 1862 года, когда прибыло только 76,000. Съ этого года эмиграція возрастала опять и въ 1872 году достигла цифры 294,000. Слѣдующій, 1873 годъ, былъ годомъ страшно тяжелаго промышленнаго кризиса въ странѣ, печальныя послѣдствія котораго едва изгладились только теперь, и потому эмиграція опять ослабѣла, такъ что въ 1877 году количество эмигрантовъ было только 54,000—одна изъ самыхъ меньшихъ цифръ въ

исторіи европейской эмиграціи въ Соединенные Штаты. Въ 1878 году эта цифра поднялась до 75,000, а въ 1879, какъ сказано уже выше, количество эмигрантовъ было 135,000. Въ виду прямой зависимости эмиграціи отъ неурожаевъ и голодухи, можно было предполагать, что самый большой приливъ переселенцевъ будетъ изъ Ирландіи, въ которой въ послѣдніе годы свирѣпствовалъ страшный голодъ. Однакоже статистика показываетъ, что ирландскій элементъ въ эмиграціи возросъ далеко непропорціонально съ другими національностями. Особенный приливъ замѣтенъ со стороны Германіи и Скандинавскаго полуострова. Все это попреимуществу молодые и здоровые люди, которые, полагаясь на свои здоровыя руки и упорный трудъ, надѣются обзавестись новымъ хорошимъ хозяйствомъ въ новой обѣтованной землѣ. Эмиграція постоянно поддерживается и увеличивается тѣмъ, что прежніе переселенцы, обзаведшись хозяйствомъ, вызываютъ въ Америку своихъ родственниковъ и друзей, посылая имъ даже денегъ на проѣздъ. Особенно большой наплывъ эмиграціи въ нынѣшнемъ году объясняется тѣмъ отчасти, что минувшій промышленный кризисъ на время остановилъ отъ переселенія многія тысячи семействъ, которыя теперь, получивъ благопріятныя извѣстія изъ Америки, спѣшатъ исполнить свое давнишнее желаніе. Переселяющіеся сюда нѣмцы открыто жалуются на невыносимое состояніе въ своемъ миломъ «фатерландѣ», гдѣ Бисмарковская система желѣзнаго милитаризма душитъ промышленность и свободный трудъ. Шведы жалуются на скудность и безплодность земли, ирландцы на голодъ и худую систему земельной аренды, жиды на правительственное гоненіе и плохой гешефтъ, итальянцы на милитаризмъ и тяжелую систему налоговъ и т. д. Однимъ словомъ вездѣ и повсюду недовольство, и въ состарившейся Европѣ повидимому уже не осталось такого уголка, гдѣ бы могъ быть доволенъ человѣкъ. Американцы съ распростертыми объятіями принимаютъ этихъ обремененныхъ, труждающихся и недовольныхъ. Спросъ на трудъ въ настоящее время чрезвычайно великъ. Рабочее бюро при

«эмигрантскомъ садѣ» не находитъ затрудненія въ пріисканіи работы для всѣхъ тѣхъ переселенцевъ, которые не отправляются на далекій западъ. Замѣчательною чертой эмиграціи послѣдняго года является, то, что среди переселенцевъ преобладаетъ возрастъ возмужалости, и сравнительно мало дѣтей. Большая пропорція выпадаетъ на молодыхъ холостыхъ людей, которые несомнѣнно всѣ поженятся въ Америкѣ и такимъ образомъ крѣпко привяжутся къ своему новому отечеству.

Такая эмиграція чрезвычайно выгодна для страны; она является живымъ капиталомъ, который даже цѣннѣе денежнаго. Американцы вполнѣ сознаютъ это. Правитель Нью-Іоркскаго штата представилъ въ законодательное собраніе слѣдующую оцѣнку эмиграціи: «Значеніе этого приращенія къ нашему населенію, какъ производительной силы, нельзя просто измѣрять количествомъ. Изслѣдованіе, которое мнѣ пришлось произвести нѣсколько лѣтъ тому назадъ, показало, что между тѣмъ какъ въ нашемъ населеніи мужчинъ отъ пятнадцати до сорока-лѣтняго возраста считается только 21½ процентъ, между переселенцами этотъ процентъ всегда не менѣе 41½. Если весь наплывъ эмиграціи за послѣднія тридцать лѣтъ равняется 8.000,000, то это дало намъ такую рабочую силу, какую туземное населеніе можетъ дать только при численности болѣе чѣмъ въ 18.000,000 человѣкъ. Притомъ это большею частью люди такого возраста, который совпадаетъ въ Европѣ съ обязанностью военной службы, т. е. люди съ наивысшею способностью къ физическому труду. Главными источниками эмиграціи постоянно были Германія и Ирландія, на которыя выпадаетъ ⅔ всѣхъ переселенцевъ. Въ 1856 году былъ сдѣланъ разсчетъ относительно средней суммы денежныхъ запасовъ, привозимыхъ съ собою эмигрантами, и въ качествѣ низшей оцѣнки оказалась сумма въ 68 долларовъ на душу. Это переселеніе является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, когда либо совершавшихся въ исторіи. Оно чрезвычайно быстро увеличивало наше населеніе, созда-

вало большіе города, учреждало новые штаты, давало занятіе нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, расширяло торговлю и промышленность и принимало живое участіе во всѣхъ великихъ національныхъ событіяхъ, театромъ которыхъ служила наша страна. Выгоды такой сильной эмиграціи разливались по всѣмъ сѣвернымъ частямъ республики. Около 45 процентовъ изъ нея обыкновенно останавливаются въ Нью-Іоркскомъ штатѣ на первый годъ по прибытіи, а затѣмъ эта пропорція значительно уменьшается». Статистическое бюро въ Вашингтонѣ, дѣлая подобную же оцѣнку эмиграціи, вычислило, что она за пятидесятилѣтній періодъ до 1871 года увеличила капиталъ страны на 6.243.880,800 долларовъ и за одинъ 1870 г. на 285.000,000 долларовъ. Но еще цѣннѣе стоимости этой простой физической и необработанной силы эмигрантовъ была представленная ими масса искусныхъ ремесленниковъ, рѣдкихъ талантовъ и даже изобрѣтательныхъ геніевъ. Замѣчательно, что изъ Европы переселяется обыкновенно самый энергичный и предпріимчивый народъ, что впрочемъ очень понятно и естественно. Такой далекій путь несомнѣнно могутъ предпринимать только наиболѣе энергичныя натуры, которыя въ то же время успѣшнѣе могутъ высвободиться изъ подавляющаго гнета тяжелаго соціальнаго положенія. Болѣе слабыя натуры обыкновенно даже пугаются такого предпріятія и не имѣютъ силъ выбиться изъ своего тяжелаго положенія. Въ послѣднее время стала все болѣе замѣчаться особенно благопріятная сторона въ эмиграціи, именно, что переселенцы, почти не останавливаясь въ Нью-Іоркѣ, отправляются прямо на далекій западъ, гдѣ и обзаводятся живо земельною собственностью и хозяйствомъ. Далекій западъ еще и до сихъ поръ представляетъ богатую пустыню съ рѣдкимъ населеніемъ. Земля дешева и требуетъ только рабочихъ рукъ. Сколько еще простора тамъ для эмиграціи, можно судить по тому, что одинъ штатъ Техасъ можетъ вмѣстить въ себѣ до 50.000,000 населенія при средней плотности, между тѣмъ какъ теперь въ немъ еще менѣе двухъ милліоновъ.

За эмиграціей собственно послѣдняго года подмѣчена особенная черта. По внѣшности она представляется болѣе выгодною чѣмъ прежде. Люди выглядятъ развитѣе и приличнѣе одѣты. Но въ то же время они бѣднѣе въ денежномъ отношеніи, такъ что средняя сумма привозимыхъ ими денегъ можетъ быть опредѣлена только въ 60 долларовъ на человѣка. И однако же при всемъ томъ эмиграція нынѣшняго года, если даже опредѣлить ее въ 450 тысячъ, вывезетъ изъ Европы чистыми деньгами 27.000,000 долларовъ—въ подарокъ Америкѣ. Самыми бѣдными эмигрантами считаются итальянцы, которые обыкновенно прибываютъ сюда безъ гроша и живутъ какъ и вездѣ музыкальнымъ нищенствомъ съ убогою шарманкой; самыми необразованными являются венгерскіе словаки, пріобрѣвшіе себѣ здѣсь славу самыхъ грубыхъ и неопрятныхъ людей, и самыми богатыми считаются сѣверо-германскіе и русскіе переселенцы. Особенно хорошіе куши привозятъ послѣдніе — изъ меннонитовъ, такъ что нерѣдко между ними среднею цифрой является 1,000 долларовъ на душу. Прошлою осенью прибыли изъ Россіи двадцать меннонитскихъ семействъ и въ совокупности привезли денежный запасъ въ 85,000 долларовъ, что для Россіи составило прямой убытокъ въ 170,000 рублей по курсу.

Изъ статистическихъ отчотовъ, еженедѣльно печатаемыхъ эмигрантской коммиссіей, можно видѣть, что въ Америку постоянно прибываютъ русскіе переселенцы. Особенно много ихъ было нынѣшней весной. Въ нѣкоторыя недѣли отчоты возвѣщали о прибытіи русскихъ переселенцевъ до 900 человѣкъ. По привычной спеціализаціи имени «русскій», естественно подразумѣвать подъ этимъ названіемъ дѣйствительно русскихъ людей. Такъ и я сначала думалъ и съ понятною радостью спѣшилъ въ эмигрантскій садъ посмотрѣть на родныхъ соотечественниковъ. Каково-же было мое разочарованіе и изумленіе, когда мнѣ вмѣсто настоящихъ русскихъ людей постоянно приходилось встрѣчать поляковъ и главнымъ образомъ достопочтенныхъ пейсоносцевъ, польскихъ жидовъ. Какъ поляки, такъ

и особенно польскіе жиды, съ ихъ безобразными пейсами и грязными длиннополыми кафтанами, почему-то считаютъ для себя болѣе выгоднымъ прикрываться именемъ русскихъ, хотя большинство изъ первыхъ и слова не умѣютъ сказать по-русски. У меня нѣсколько знакомыхъ, которые завѣдомо поляки, и однако-же смѣло выдаютъ себя за чисто русскихъ и одинъ изъ нихъ даже къ своей фамиліи, оканчивающейся на *ко*, прибавилъ обрусяющій слогъ *въ*. Дѣло объясняется впрочемъ тѣмъ, что у американцевъ почему-то сложился неблагопріятный взглядъ на поляковъ, какъ на выродившуюся и измельчавшую націю, неспособную къ серьезному труду. Поэтому русская кличка имъ больше даетъ шансовъ на пріисканіе занятій. Поддѣлка евреевъ подъ русское имя еще понятнѣе. Американцы вообще сильно не любятъ жидовъ, а польскихъ жидовъ даже не любятъ ихъ единокровные братья — американскіе евреи, которые открещиваются отъ нихъ какъ отъ какой нибудь опасной заразы. Самое названіе «польскій жидъ» или «polack» считается у послѣднихъ браннымъ словомъ, синонимомъ неопрятности и низости. Приличная американская дѣвушка-еврейка считаетъ позоромъ выйти замужъ за польскаго жида, будь хоть онъ темнымъ богачемъ. Ясно, что при такомъ порядкѣ вещей польскимъ жидамъ мало шансовъ на хорошій гешефтъ, и вотъ они съ важностью величаютъ себя «чисто русскими» людьми. Однажды въ здѣшнюю русскую церковь приходитъ низенькій типичный жидокъ и проситъ пособія изъ «русскаго благотворительнаго общества». Видя, что проситель совсѣмъ не русскій, завѣдующій кассой рѣшилъ отказать ему въ пособіи, давъ ему въ тоже время адресъ въ одно изъ богатыхъ еврейскихъ благотворительныхъ обществъ.

— Я не еврей, ей-Богу не еврей!—возопилъ жидокъ. Я русскій! ей-Богу русскій!

—Но вы плохо говорите по-русски,—замѣчаютъ ему.

— Это ницего не знацитъ! ей-Богу не еврей! Я крессёный татаринъ—Петръ Троицкинъ. Ей-Богу не еврей!—При этомъ у жидка отчаянно работали всѣ мускулы на лицѣ, а руки

усиленно болтались, складывая крестное знаменіе въ доказательство того, что онъ не еврей, а русскій. Сцена была до того уморительно комична, что несомнѣнно стоила больше доллара, который выданъ былъ жидку. Года два тому назадъ эти же «чисто русскіе» джентльмены основали было въ Нью-Іоркѣ даже «русскій клубъ». Американцы, вообще сильно интересующіеся всѣмъ русскимъ, стали было внимательно относиться къ этому клубу, и были не мало разочарованы, узнавъ продѣлку.

Настоящихъ русскихъ переселенцевъ здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ. Изрѣдка бываютъ единичные случаи появленія русскихъ и иногда весьма страннаго свойства. Недавно прибыла сюда на англійскомъ суднѣ русская простая солдатка съ тремя малютками изъ Архангельска. Несчастная авантюристка явилась сюда въ поиски за мужемъ, безъ гроша денегъ и только съ десяткомъ ломанныхъ англійскихъ словъ. Мужа своего она не нашла и со своими голодными плачущими дѣтишками на первый же день по прибытіи вынуждена была просить подаянія на улицѣ. Полиція арестовала ее и сдала эмигрантской коммисіи для обратнаго отправленія въ Россію. Такихъ переселенцевъ американцы не любятъ. Это не то, что меннониты съ толстыми карманами.

Толстые карманы впрочемъ не у всѣхъ русскихъ нѣмцевъ, прибывающихъ сюда, особенно если эти нѣмцы являются не прямо изъ Россіи. Въ прошломъ году прибыла сюда партія самарскихъ нѣмцевъ въ такомъ жалкомъ положеніи, которое нисколько не лучше положенія архангельской авантюристки. Партія прибыла на пароходѣ изъ Бразиліи въ количествѣ 85 человѣкъ,—жалкій остатокъ изъ партіи, числившей въ себѣ 350 человѣкъ при выѣздѣ изъ Россіи. Исторія ихъ похожденій по истинѣ ужасна. Они большею частью переселенцы изъ самарской колоніи Графъ и сосѣднихъ съ нею, гдѣ они занимались земледѣліемъ и владѣли хорошими хозяйствами, Въ 1877 году, по ихъ разсказамъ, между ними появились агенты бразильскаго правительства и начали разсказывать о благо-

датной странѣ Новаго Свѣта, гдѣ природа щедрою рукою разсыпаетъ свои дары и земля приноситъ богатые урожаи почти безъ обработки. Бразилію они изображали настоящимъ раемъ, гдѣ безъ большаго труда можно быстро разбогатѣть, и гдѣ жизнь имѣетъ множество такихъ прелестей, о которыхъ и не вѣдаетъ Самара, и предлагали свободный выборъ любой и лучшей земли. Несчастные нѣмцы поддались искушенію и отправили изъ своей среды двухъ человѣкъ для изслѣдованія сказочной страны. Посланные соглядатаи совершили быструю поѣздку въ Бразилію. Были ли они сами обмануты или нашли почему-либо выгоднымъ обмануть своихъ довѣрителей, но только они дали благопріятный отчотъ о своихъ наблюденіяхъ и между прочимъ даже увѣряли, что бразильское правительство приметъ на свой счетъ издержки по ихъ путешествію. Тогда нѣмцы, не долго думая, рѣшились ѣхать въ обѣтованную землю и осенью того же года поднялись въ числѣ восьмидесяти семействъ, составлявшихъ 350 душъ. Изъ Бремена партія со свѣтлыми надеждами катнула «на Америку». Путь ихъ былъ тяжелъ и дологъ. Они прибыли въ Ріо-Жанейро въ концѣ января 1878 года, потерявъ двухъ престарѣлыхъ людей и 32 дѣтей, которые умерли во время пути отъ убійственной экваторіальной жары и морской качки. Дорожныя издержки бразильское правительство конечно и не думало платить, и это сразу значительно опустошило нѣмецкіе карманы. На другой день по прибытіи въ гавань, правительство отправило ихъ вовнутрь страны по желѣзной дорогѣ и поселило ихъ въ окрестностяхъ городка Пальмиры. Земли тамъ дано имъ множество и на ихъ личный выборъ. Но выбирать было нечего. Вся земля была песчанна и камениста и вообще непригодна для посѣва пшеницы, къ которой такъ привыкли они въ Самарѣ. Правительство снабдило ихъ туземными сѣмянами для посѣва риса, кофе, табаку и хлопка, но наши самарцы не знали, какъ и приступить къ этому. Наученные нуждой, они однако же кое-какъ приладились и сдѣлали посѣвы. Но едва сѣмена взошли и поднялись на два вершка,

какъ жаръ попалилъ всходы и труды пропали. Между тѣмъ отъ невыносимыхъ жаровъ стала развиваться среди нихъ болѣзненность, дѣти и женщины быстро умирели. Денежные запасы въ тоже время стали быстро истощаться у большинства, а нѣкоторые изъ нихъ, побогаче, тогда же отправились на берегъ и возвратились въ Европу. Около Пальмиры колонисты жили болѣе года. Тогда правительство избрало для нихъ другое мѣсто—въ лѣсу, гдѣ они менѣе могли страдать отъ непривычнаго для нихъ жара и еще разъ дало имъ сѣмянъ для посѣва. Посѣвы однакоже и здѣсь не удались. Промучившись здѣсь около шести мѣсяцевъ на скудной правительственной субсидіи, несчастные колонисты, число которыхъ постоянно уменьшалось отъ болѣзней и жара, отправились въ приморскій гор. Баранку. Здѣсь правительство дало имъ работу въ мощеніи улицъ, но скудная плата была недостаточна для прокормленія. Шесть мѣсяцевъ работали они здѣсь, послѣ чего правительство, — которое повидимому старалось сдѣлать для нихъ все возможное, — препроводило ихъ опять въ Ріо-Жанейро. Въ продолженіе двухъ недѣль лежали они тамъ на улицахъ, голодные и оборванные, подъ лучами палящаго солнца. Въ довершеніе страданій ихъ арестовала полиція за бродяжничество и заключила въ тюрьму на двѣ недѣли, послѣ чего, вопреки ихъ желанію возвратиться въ Россію, ихъ отправили на поселеніе въ одну внутреннюю деревню воста верстахъ отъ столицы. Пять съ половиною мѣсяцевъ вели они тамъ жалкое, нищенское существованіе, напрасно пытаясь еще разъ произвести посѣвы, которые постоянно неудавались. Наконецъ на ихъ слезныя просьбы бразильскіе чиновники позволили имъ возвратиться въ Ріо-Жанейро, откуда правительство и отправило ихъ въ Соединенные Штаты. Бразилію они оставили 25-го іюля и въ Нью-Іоркъ прибыли 13-го августа.

Жалко было смотрѣть на этихъ несчастныхъ самарцевъ, когда они кучкой сидѣли въ одномъ углу эмигрантскаго сада. Ужасная исторія ихъ страданій вполнѣ написана была на ихъ

истощенныхъ лицахъ и убогой внѣшности. Въ нихъ совсѣмъ уже нельзя было узнать этихъ чистыхъ, зажиточныхъ самарскихъ колонистовъ, которыхъ можно постоянно видѣть въ самарскихъ городахъ осенью, когда они привозятъ для продажи крупную золотистую пшеницу. Надо было видѣть ихъ радость, когда они узнали, что я русскій и притомъ изъ сосѣдней имъ саратовской губерніи. Сколько вопросовъ посыпалось ко мнѣ со всѣхъ сторонъ и о Самарѣ, и о Волгѣ, которая для нихъ теперь уже рисуется чѣмъ-то волшебно-сладкимъ, но — увы! недостижимымъ. Они теперь отправляются въ Канзасъ, гдѣ они имѣютъ какихъ-то друзей.

— Отчего-же вы теперь не возвращаетесь въ Россію? — спросилъ я одного изъ вожаковъ партіи Конрада Баха, сознавая въ то же время жесткую щекотливость вопроса.

Самарецъ сначала угнетенно понурилъ голову и затѣмъ, быстро заморгавъ глазами, съ какимъ-то отчаяннымъ пафосомъ прокричалъ:

— Der Himmel ist näher für uns, als das thöricht verlorne Russland! (Теперь для насъ небо ближе, чѣмъ оставленная нами по глупости Россія!).

Какая-то сильная нота отчаянія и униженнаго самолюбія зазвучала въ этихъ словахъ, и я не сталъ больше спрашивать объ этомъ. При прощаніи у нѣмца опять быстро заморгали глаза, и онъ закрылъ ихъ грязнымъ платкомъ. Съ тяжелымъ чувствомъ оставилъ я своихъ земляковъ.

Но кто виноватъ?..

III. Страна, текущая молокомъ и медомъ.

Сыновья и пасынки.—Торговый Вавилонъ.—Небывалое развитіе торговли.—Отзывы торговыхъ людей.—Земля—истинное богатство.—Урожай прошлаго года. — Революція въ агрикультурѣ.—Море пшеницы. — Финансы страны.—Безконечныя цифры.—Приливъ и производство золота.—Царь Крезъ и янки.—Геніальный самопродавецъ.—Царица драмы.

Судьба не для всѣхъ одинаково родная мать. Для нея одни сыновья, другіе пасынки. Въ послѣднее время она какъ будто нарочно рѣшилась одною рукою немилосердно бичевать наше бѣдное отечество и другою щедро разсыпать свои ласки для нашихъ заатлантическихъ друзей. Никогда еще быть можетъ два друга не находились въ столь различномъ состояніи, въ какомъ теперь находятся эти друзья—русскіе и американцы. Въ то время, какъ родная земля изнываетъ подъ тяжестью всевозможныхъ бѣдъ и невзгодъ и вопль безотраднаго положенія болью отзывается въ русскомъ сердцѣ и за океаномъ, американцы утопаютъ въ богатствѣ и довольство широкою волной разливается по странѣ. Это вполнѣ отражается на печати. Я съ болью въ сердцѣ всегда брался за русскую газету. Это нескончаемый вопль земли, пораженной египетскими казнями. Напротивъ, американская газета, это—ликующій, самодовольный голосъ народа, живущаго въ странѣ, текущей молокомъ и медомъ. Цифровыя данныя русской газеты показываютъ количество собраннаго съ полей жука и кузьки и милліоны рублей, просимые у правительства голодающими губерніями. Американскія цифры содержатъ сотни милліоновъ бушелей собранной пшеницы и милліарды долларовъ торговаго оборота *).

---

*) 1 долларъ=1 руб. 35 к., по курсу 2 руб.; 1 бушель=1,38 четверика; 1 акръ=0,37 десятины. Все это будетъ не разъ упоминаться ниже. Статья писана въ злую годину 1880 года.

Небо щедрою рукой разсыпало за послѣдніе годы свои дары для нашихъ заатлантическихъ друзей, но въ прошломъ году оно оказалось для нихъ даже щедрѣе, чѣмъ за всѣ минувшія двадцать лѣтъ со времени гражданской войны. Урожай прошлаго года считаютъ безпримѣрнымъ. Это подъ прямымъ угломъ отразилось на торговлѣ страны, и торговая часть Нью-Іорка или такъ называемый Down-town представлялъ замѣчательное зрѣлище. Эта часть города и безъ того постоянно кипуча и суетлива, но въ прошломъ году тамъ совершалась какая то дикая оргія обезумѣвшихъ отъ восторговъ поклонниковъ доллара. Массы суетливаго народа высуня языкъ бѣгаютъ по тротуарамъ; улицы загромождены до непроходимости чудовищными колымагами; народный гвалтъ, сливаясь съ грохотомъ и скрипомъ торговыхъ обозовъ, стономъ стоитъ надъ городомъ; по берегамъ у пристаней нагромождены горы вывозныхъ и ввозныхъ товаровъ, а вся поверхность окружающихъ водъ покрыта безчисленнымъ флотомъ торговыхъ кораблей. Это живая картина древняго финикійскаго Тира или цвѣтущаго Карѳагена, если только эти торговые исполины сѣдой старины могутъ идти въ какое либо сравненіе съ теперешнимъ Нью-Іоркомъ. Представители богатѣйшихъ торговыхъ фирмъ задыхались отъ хлопотъ, и газетные репортеры не могли добиться отъ нихъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ данныхъ относительно состоянія торговыхъ оборотовъ.

— Не можете ли вы удѣлить мнѣ десяти минутъ изъ вашего дорогаго времени—сказать нѣсколько словъ касательно осенней торговли и общихъ видовъ на промышленность?—спросилъ репортеръ «Геральда» представителя одной богатой фирмы, поймавъ его въ наиболѣе свободную минуту.

— Ахъ, пожалуйста!—замахалъ тотъ и руками и ногами. Вамъ совсѣмъ не нужно десяти минутъ! Торговля—первый сортъ! Никогда лучше не было! и опять бросился къ своему дѣлу, оставивъ репортера, который только что было вынулъ свою записную книжку.

Такими же лаконизмами отдѣлывались отъ назойливыхъ репортеровъ и другіе представители фирмъ, и коротко заявляли въ одинъ голосъ: «Мы теперь на вершинѣ холма благосостоянія и по всей вѣроятности долго останемся на немъ и на будущее время». Только одинъ изъ нихъ въ качествѣ отдыха удѣлилъ нѣсколько минутъ на разговоръ съ репортеромъ и сдѣлалъ нѣсколько сообщеній, не безъинтересныхъ для характеристики теперешняго положенія страны.

— Наша торговля теперь находится въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, до какого она на моей памяти никогда прежде не достигала,—самодовольно говорилъ почтенный янки, утирая потъ со лба, ручьями лившійся на его сѣдую бороду.— Это прежде всего, разумѣется, зависитъ отъ урожая, которымъ небо благословило насъ. Провидѣніе особенно щедрою рукой разсыпало свои дары для юга и запада. Мнѣ приходилось говорить съ сотнями южанъ, и всѣ они единогласно заявляли, что отъ хлопка они въ нынѣшнемъ году реализируютъ больше денегъ, чѣмъ когда либо прежде. Урожай на все громадный и цѣны удовлетворительны. Въ Луизьянѣ сахарный тросникъ уродился въ большомъ избыткѣ, уже зрѣетъ, а цѣны наполовину выше прошлогоднихъ. Рисъ также превосходный, цѣны высоки и навѣрное останутся такими. Урожай на пшеницу въ Техасѣ выше средняго, и сборъ хлопка обѣщаетъ дать около полутора милліона тюковъ.

— Отчего по вашему мнѣнію зависитъ этотъ быстрый и небывало высокій приливъ благосостоянія въ нашей странѣ— послѣ еще недавняго ужаснаго кризиса?

— По моему мнѣнію, это зависѣло отъ крутаго поворота въ промышленности нашей страны, произведеннаго этимъ самымъ кризисомъ. По окончаніи войны сотни тысячъ незанятаго люда въ поискахъ за работой ринулись на сѣверъ и наводнили сѣверные города. Благодаря такому наплыву дешевыхъ рукъ, а также высокому протекціонному тарифу, наша мануфактурная промышленность сразу выросла до громадныхъ размѣровъ—но къ ущербу нашихъ земледѣльческихъ интере-

совъ, такъ что вскорѣ мы принуждены были покупать за границей нашъ собственный хлѣбъ. Лишенная дѣйствительной основы, мануфактурная промышленность не могла долго процвѣтать, и вотъ дѣйствительно въ 1873 г. произошелъ этотъ ужасный крахъ. Когда разразился этотъ неизбѣжный кризисъ и паника охватила весь промышленный міръ, рынокъ былъ переполненъ предметами мануфактурныхъ произведеній; покупателей не было, и цѣны рухнули въ бездну. Заводы и фабрики вдругъ остановились, разсчитывая рабочихъ, и каждый день къ тысячамъ праздныхъ рукъ прибавлялись новыя и новыя тысячи. Не находя больше заработка въ промышленныхъ городахъ, вся праздная рабочая сила тогда двинулась на далекій западъ. Тамъ весь этотъ рабочій людъ взялся за плугъ, и вотъ чрезъ нѣсколько лѣтъ результатомъ этого было почти чудесное возрожденіе страны. Это сразу показало, въ чемъ наше истинное богатство. Мы народъ болѣе земледѣльческій, чѣмъ промышленный. Урожай прошлаго года былъ такъ великъ, что почти невозможно было ожидать лучшаго, и однако же по всѣмъ признакамъ нынѣшній превзошелъ его. Наше благосостояніе уже начало заявлять о себѣ въ увеличеніи ввоза, что для теперешняго времени необычайное явленіе. Нашъ вывозъ также возросъ. Монета льется къ намъ такимъ же широкимъ потокомъ, какимъ Гудсонъ изливаетъ свою воду въ океанъ,—съ улыбкой закончилъ свою рѣчь самодовольный коммерсантъ.

Чтобы дать понятіе о морѣ пшеницы, произведенной въ прошломъ году Соединенными Штатами, достаточно привести одинъ примѣръ. Одинъ штатъ Миннесота, который впрочемъ годъ отъ года возвышается до первенствующей пшеничной житницы государства, произвелъ въ прошломъ году по среднему разсчету около 40.000,000 бушелей пшеницы, а по сангвиническому разсчету горячихъ спекулянтовъ эта громадная цифра возвышается до 53.000,000 бушелей. Въ позапрошломъ году этотъ штатъ произвелъ 31.000,000 бушелей, теперь на 10, если только не на 20 милліоновъ больше. При-

чина такой чудовищной прогрессіи въ производствѣ объясняется тѣмъ, что громадное пространство штата представляетъ собою еще ненаселенную дѣвственную почву, и она каждый годъ занимается новыми поселенцами изъ европейскихъ эмигрантовъ, годъ отъ году расширяющихъ площадь обработываемой земли. Такъ, въ прошломъ году подъ обработкой находилось земли на 200,805 акровъ болѣе предъидущаго. Всей государственной земли въ прошломъ году было куплено и заселено переселенцами 1.696,896 акровъ. А тамъ къ сѣверо-западу отъ Миннесоты находятся еще неизмѣримыя пространства плодородной дѣвственной земли. Въ нынѣшнемъ году сотни тысячъ эмигрантовъ направляются туда, и чрезъ годъ пшеничное море разольется еще шире. Къ особеннымъ удобствамъ этой земли относится то, что поселенцы не остаются въ ней отдѣленными отъ остальнаго міра непроходимыми дорогами. Желѣзныя дороги прокладываются въ эту отдаленную глубь страны чуть не впереди эмиграціи. Въ настоящее время въ территорію Дакоты, лежащей къ сѣверо-западу отъ Миннесоты и представляющей дѣвственную почву, способную къ безконечному развитію, идутъ уже шесть линій желѣзныхъ дорогъ, и всѣ онѣ, за исключеніемъ одной, построены втеченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, а на нѣсколько миль подвинуты впередъ уже нынѣшнимъ лѣтомъ.

Такое безконечное богатство плодородной земли грозитъ революціей въ пшеничномъ производствѣ Америки и современемъ произведетъ подавляющее вліяніе на хлѣбный рынокъ міра. Земля въ этихъ новыхъ территоріяхъ (къ западу отъ верховьевъ рѣки Миссисипи) такъ плодородна и дешева, что не только занимается европейскими эмигрантами, но и туземными американскими фермерами, которые оставляютъ свои старыя фермы и переселяются на новую землю, чтобы воспользоваться всѣми выгодами ея дешевизны и плодородія. Это не значитъ, что старыя фермы истощились, и обработка ихъ уже не такъ выгодна, какъ прежде; нѣтъ, онѣ попрежнему даютъ хорошій сборъ хлѣба; но при всемъ томъ онѣ не могутъ идти въ срав-

неніе съ новыми землями, дешевизна и плодородіе которыхъ угрожаютъ роковой конкуренціей старымъ фермамъ. На новой землѣ одинъ акръ даетъ столько пшеницы, сколько четыре акра въ старыхъ восточныхъ штатахъ. Благодаря неизмѣримымъ пространствамъ земли, здѣсь начинается примѣненіе новаго метода въ обработкѣ.

Мелкое фермерство уступаетъ мѣсто крупному, кооперативному, со всѣми преимуществами послѣдняго въ дешевизнѣ, быстротѣ и совершенствѣ. Цѣлые полки рабочихъ стройными рядами, на подобіе аттакующей арміи, производятъ тамъ полевыя работы, и производимая такимъ способомъ пшеница самая дешевая въ мірѣ. Крупное фермерство практикуется на «далекомъ западѣ». Ясное представленіе о немъ можетъ дать описаніе одной изъ самыхъ крупныхъ фермъ, обрабатываемыхъ новымъ методомъ. Эта ферма имѣетъ въ себѣ 36,000 акровъ подъ плугомъ, изъ которыхъ 24,000 засѣяны пшеницей и 12,000 овсомъ. Это какое-то безконечное море, переливающееся золотою волной. Когда пришло время жатвы, то на поле выступила какбы громадная артиллерія съ многочисленной прислугой. Это были жатвенныя машины — въ количествѣ 125. Каждая жатвенная машина работаетъ тремя лошадьми или мулами и управляется однимъ рабочимъ. Эта жатвенная артиллерія раздѣлена на дивизіи, и каждая дивизія находится подъ начальствомъ особаго суперъ-интенданта или офицера. Когда по командѣ артиллерія двинулась на эту безпримѣрную аттаку, то лязгъ и звонъ машинъ какой-то волшебной мелодіей раздался по безбрежному золотому морю, и для фермерскаго уха нѣтъ ничего сладостнѣе ея. Позади артиллеріи остается уже голая земля. Рабочіе наняты по контракту на сорокъ дней съ платою по 1 доллару 75 центовъ въ день, на хозяйскомъ содержаніи. Обѣдаютъ они въ обширной столовой вмѣстѣ съ хозяйскимъ семействомъ. По окончаніи жатвы производится очистка зерна посредствомъ молотильныхъ машинъ, и опять съ тою же военной дисциплинарностью. Предполагаемый сборъ на этой фермѣ рав-

няется 18 бушелямъ пшеницы и 90 бушелямъ овса съ каждаго акра. Такимъ образомъ пшеничное производство одной этой фермы восходитъ до 432,000 бушелей, для перевозки которыхъ требуется 45 поѣздовъ, въ 20 вагоновъ каждый.

Весь сборъ пшеницы за прошлый годъ въ Соединенныхъ Штатахъ опредѣляется въ 455.000,000 бушелей. Не безъинтересно сравнить его съ производствомъ прежнихъ годовъ. Въ предъидущемъ году было собрано 422.122,000 бушелей, что составляетъ на 65 процентовъ болѣе противъ 1870, на 143 процента противъ 1860 и болѣе чѣмъ въ четыре раза болѣе производства 1850 года. Количество, оставляемое для туземнаго потребленія, возросло отъ 100.931,000 бушелей въ 1850 году до 169.000,000 въ 1860, 224.000,000 въ 1870 и 298.000,000 въ 1879 году. Количество вывезеннаго хлѣба поднялось отъ 792,768 бушелей въ 1850 году до 4.155,000 въ 1860, 37.000,000 въ 1870 и 124.000,000 въ 1879 году, причемъ вывозъ запрошлаго года почти вдвое превзошелъ вывозъ 1878 года. Возрастаніе въ вывозѣ относительно, хотя и не абсолютно, гораздо больше, чѣмъ въ домашнемъ потребленіи. Количество потребленія на душу не возрастаетъ особенно замѣтно. Въ 1850 году оно было въ 4,35 бушеля на человѣка, въ 1860—5,37, въ 1870—5,81 и въ 1879 году 6,03. При всемъ такомъ громадномъ количествѣ пшеницы, американцы въ то же время производятъ еще въ три раза больше кукурузы. При этомъ интересно, что они и потребляютъ послѣдней въ четыре раза больше, чѣмъ пшеницы, показывая тѣмъ, что они во вкусѣ расходятся съ своими русскими друзьями и есть народъ въ сущности кукурузоядный, не въ обиду будь сказано имъ.

Теперь уже это золотое пшеничное море безчисленными потоками полилось къ разнымъ центральнымъ торговымъ пунктамъ и портамъ. Нью-Іоркъ разумѣется стоитъ во главѣ ихъ, и пристани его завалены хлѣбомъ. Безчисленные элеваторы переполнены пшеницей, и она нескончаемымъ потокомъ переливается изъ нихъ въ бездонныя утробы океан-

скихъ кораблей, судовъ и пароходовъ. Въ прошломъ году отсюда отправился во всѣ страны свѣта флотъ въ 2500 судовъ всякаго рода, нагруженныхъ хлѣбомъ. Самое большое количество этихъ судовъ выпадаетъ на долю англичанъ. Между судами разныхъ національностей было нѣсколько русскихъ барокъ. Все количество вывезеннаго ими хлѣба равняется 125.000,000 бушелей. По хлѣбной торговлѣ Нью-Іоркъ теперь занимаетъ первенствующее положеніе въ мірѣ. За нимъ слѣдуетъ г. Чикаго, затѣмъ Буфало (главная хлѣбная станція на пути изъ Чикаго въ Нью-Іоркъ), Ливерпуль, Лондонъ и Одесса.

Прошлый годъ въ отношеніи фермерскаго производства завершилъ пятнадцатилѣтіе чудовищнаго роста производительныхъ силъ страны. За періодъ отъ 1865 года по 1880 годъ производство пшеницы и ячменя утроилось; маиса, хлопка и табаку болѣе чѣмъ удвоилось; производство овса возросло почти на 140.000,000 бушелей, картофеля удвоилось и количество сѣна увеличилось болѣе чѣмъ на одну треть. Если опредѣлить этотъ ростъ болѣе точными данными, то онъ выразится въ слѣдующихъ различныхъ цифрахъ для двухъ крайнихъ годовъ пятнадцатилѣтняго періода. Производство пшеницы возросло отъ 148.553,000 бушелей въ 1865 г. до 455.000,000 въ прошломъ; кукуруза отъ 704.427,000 до 1.544.899,000; овесъ отъ 225.252,000 до 364.253,000; рожь отъ 19.544,000 до 22.646,000; ячмень отъ 11.391,000 до 40.184,000; картофель отъ 101.632,000 до 181.369,000; табакъ отъ 183.317,000 фунтовъ до 384.059,000; хлопокъ отъ 2.229,000 тюковъ до 5.020,000; сѣно отъ 23.538,000 тоннъ до 35.648,000. Замѣчательнымъ увеличеніемъ производства хлѣбныхъ растеній страна главнымъ образомъ обязана заселенію и обработкѣ западныхъ и сѣверо-западныхъ штатовъ. За время нынѣшняго поколѣнія центръ кукурузнаго производства передвинулся отъ юга къ западу, а пшеничнаго производства изъ среднихъ штатовъ къ далекому западу. Въ 1849 году 59 процентовъ, а въ 1859 году 52 процента ку-

курузы всей страны было производимо въ южныхъ штатахъ. Въ 1877 году 850 милліоновъ бушелей было произведено уже западными штатами, а всѣми остальными было поставлено только 494.558,000. Увеличеніе табаку произошло главнымъ образомъ на югѣ, гдѣ производство его отъ 1870 до 1878 года возросло на сто милліоновъ фунтовъ. Сборъ хлопка за этотъ же періодъ увеличился отъ трехъ до пяти съ четвертью милліоновъ тюковъ. Вывозъ быстро возросталъ втеченіе послѣднихъ лѣтъ и навѣрно будетъ прогрессивно возростать и въ будущемъ. Такъ весь вывозъ хлѣба всѣхъ родовъ въ 1868 году былъ только 390.000,000 бушелей, а въ 1878 году онъ поднялся уже до 189.000,000. Въ 1868 году вывезено было около 3 процентовъ національнаго производства, а въ 1868 году около 11 процентовъ. Въ добавокъ къ этому втеченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ вывозъ животнаго производства увеличился въ десять разъ, составляя такимъ образомъ почти неизмѣримый источникъ національнаго богатства.

Все это море хлѣба, утекая изъ страны въ своемъ первобытномъ видѣ, возвращается въ карманъ янки чистымъ золотомъ. Одной этой торговли достаточно для наполненія страны цѣннымъ металломъ; но она кромѣ того сама производитъ его въ большихъ размѣрахъ, и притомъ производство это находится въ процессѣ возрастанія. Втеченіе послѣднихъ десяти лѣтъ производство серебра поднялось отъ 17.320,000 долларовъ до 45.846,100, а производство золота отъ 33.750,000 до 44.880,223 долларовъ. Знатоки дѣла утверждаютъ, что втеченіе слѣдующаго десятилѣтія это производство увеличится по меньшей мѣрѣ въ четыре раза. Отъ 1870 по 1877 годъ добыча золота превосходила добычу серебра въ государствѣ; но съ того времени серебро перешибло золото почти на пять милліоновъ долларовъ, частью благодаря открытію большихъ серебряныхъ рудъ въ Лидвиллѣ, частью уменьшенію производства золота въ Невадѣ. Изъ добываемыхъ драгоцѣнныхъ металловъ 4.000,000 ежегодно употребляется на украшенія и искусства. Въ прошломъ году къ домашнему производству

прибавилось около 76.000,000 ввознаго золота, что вмѣстѣ съ производствомъ золота въ запрошломъ году (31.470,262) составитъ увеличеніе на 107.470,262 доллара. Если къ этому прибавить количество произведеннаго серебра, стоимостью въ 37.032,857 долларовъ, то все увеличеніе національнаго богатства чистой монетой выразится цифрой въ 142.903,119 долларовъ. Какъ ни велико это количество само по себѣ, оно въ сущности незначительно въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидается въ будущемъ. Большой отливъ капитала съ востока въ штаты, лежащіе за рѣкой Миссисипи, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ необычайное развитіе минеральнаго богатства запада.

Громадныя богатства, разливаясь по всей странѣ, съ особенною силою въ послѣдніе десятки лѣтъ скоплялись въ отдѣльныхъ рукахъ, и теперь Америка переполнена такими богачами, предъ которыми просто чуть не нищимъ показался бы баснословный богачъ древности, знаменитый царь Крезъ. По своему богатству онъ издавна вошелъ въ пословицу, и историки съ особеннымъ усердіемъ старались опредѣлить величину его богатства. Но какъ ни окрыляло ихъ воображеніе, они не находятъ возможнымъ, по экономическому состоянію древняго міра, дать для всего Крезова богатства цифру болѣе какъ 15—20 милліоновъ золотыхъ рублей, или на американскія деньги отъ 10 до 15.000,000 долларовъ. Между тѣмъ въ настоящее время въ Нью-Іоркѣ по меньшей мѣрѣ сорокъ человѣкъ, которые имѣютъ больше его, а человѣкъ десять такихъ, которые своимъ богатствомъ превосходятъ Креза въ пять разъ. Такимъ образомъ на нью-іоркской биржѣ гордый царь древности совсѣмъ стушевался бы предъ янки. Величайшимъ богачемъ Рима, во времена Юлія Цезаря, былъ Маркъ Лициній Крассъ, ловкій спекуляторъ, прославившійся своею алчностью. Его богатство часто высчитывалось историками, но и оно никогда не полагалось выше 9 — 10.000,000 долларовъ. Афинянинъ или римлянинъ, который могъ оцѣнивать свое богатство примѣрно въ милліонъ долларовъ, считался уже несмѣтнымъ

богачемъ; но обитатели Нью-Іорка въ настоящее время при состояніи въ милліонъ долларовъ считаются только просто зажиточными людьми и нечислятся въ средѣ богачей города. Такихъ милліонеровъ здѣсь такъ много, что они совсѣмъ не идутъ въ разсчетъ при рѣчи о финансовыхъ тузахъ города. Въ древнія времена совсѣмъ не было такихъ богатствъ, какъ напр., богатства нью-іоркскихъ тузовъ Вандербильта и Астора, имѣющихъ почти по 100,000,000 долларовъ; не было даже и такихъ богатствъ, которыя десятками считаются не только здѣсь, но и въ Бостонѣ, Филадельфіи, Балтиморѣ, Чикаго, Санъ-Франциско и другихъ городахъ страны. Втеченіе настоящаго поколѣнія увеличеніе богатствъ было чудовищнымъ въ странѣ. Нѣкоторыя изъ самыхъ крупныхъ богатствъ образовались въ какія-нибудь 40 или 50 лѣтъ. Полстолѣтія тому назадъ въ Нью-Іоркѣ былъ только одинъ человѣкъ, имѣвшій состояніе въ 1.000,000, именно Асторъ. Теперь же цѣлыя сотни лицъ, которыя имѣютъ гораздо больше, и они скорѣе считаютъ себя недостаточными, чѣмъ богатыми. Когда въ 1841 году умеръ банкиръ Жираръ, то по оставленному имъ состоянію онъ считался богатѣйшимъ человѣкомъ на всемъ континентѣ, никто даже не приближался къ нему въ денежномъ отношеніи, и однакоже все его состояніе по своей цѣнности не превосходило 9.000,000 долларовъ. Люди, несчитающіе себя еще очень старыми, помнятъ время, когда 100,000 долларовъ считались уже хорошимъ состояніемъ, даже въ большихъ городахъ, а 10,000 давали независимое существованіе въ небольшихъ городахъ. Въ настоящее же время 100,000 считаются едва достаточными для того, чтобы окружить человѣка болѣе или менѣе сноснымъ комфортомъ, а десять тысячъ такъ ничтожны, что стыдно и говорить о такомъ состояніи. Развѣ гдѣ нибудь въ глухой деревнѣ янки польстится на красавицу, имѣющую приданое не крупнѣе послѣдней цифры. Очень вѣроятно, что втеченіе слѣдующаго полустолѣтія частныя богатства возростутъ еще въ большей пропорціи, чѣмъ какъ они возросли за тотъ же періодъ въ прошедшемъ. Въ 30-хъ и 40-хъ го-

дахъ слѣдующаго столѣтія навѣрно не мало будетъ такихъ американскихъ гражданъ, которые будутъ имѣть богатства отъ 150 до 200.000,000 долларовъ, и при этомъ будутъ жаловаться, что не имѣютъ больше.

Порѣшивъ въ настоящій разъ испытывать терпѣніе читателей цифрами, я уже доведу свою тираннію до конца и заключу картину богатства нашихъ за-атлантическихъ друзей общимъ обзоромъ финансовъ страны. Эта страна, теперь утопающая въ богатствѣ, еще недавно была на краю банкротства, именно въ началѣ 60-хъ годовъ, когда междоусобная война истощила всѣ ея рессурсы и заставила втянуться въ милліарды долга. По послѣднему оффиціальному отчоту эта несчастная война стоила государству 6.189.929,908 долларовъ. Такъ дорого стоило государству освобожденіе негровъ! Если бы тутъ не примѣшивались политическія страсти, то этой суммой не только бы можно было выкупить всѣхъ рабовъ по самой высокой цѣнѣ, какую бы только могли потребовать алчные рабовладѣльцы, но можно бы купить цѣлую Африку. Почти невозможно было предполагать, чтобы государство когда либо могло раздѣлаться съ этой чудовищной цифрой. И однако же эта сумма, за исключеніемъ остающагося національнаго долга, теперь уже сброшена со счетовъ долой, именно въ количествѣ 4.275.000,000 долларовъ. Это составляетъ за минувшія девятнадцать лѣтъ по 225.000,000 военныхъ издержекъ на годъ. Такія громадныя издержки государства повели къ безконечному выпуску бумажныхъ денегъ и къ безумнымъ спекуляторскимъ предпріятіямъ, за которыми въ свою очередь неизбѣжно долженъ былъ послѣдовать потрясающій кризисъ, финансовая паника и сопровождавшія ее бѣдность и разореніе. 31-го августа 1865 года весь государственный долгъ былъ 2.756.431,571 долларъ съ ежегоднымъ процентомъ въ 150.977,696 долларовъ. Теперь, по прошествіи 15-ти лѣтъ, всего долга остается 1.900.000,000 долларовъ, а собственно процентнаго долга 1.723.993,100 съ ежегоднымъ процентомъ въ 79.633,981 долларъ. Пятнадцать

лѣтъ тому назадъ на каждомъ жителѣ Соединенныхъ Штатовъ было государственнаго долга по 78 долларовъ 25 центовъ съ ежегоднымъ процентомъ въ 4 доллара 29 центовъ. Никто не вѣрилъ, чтобы страна когда нибудь могла сбросить съ себя это бремя, и всѣ думали, что этотъ долгъ, подобно тому какъ въ Англіи, будетъ вѣчнымъ проклятіемъ, переходящимъ отъ отцовъ къ дѣтямъ и дальнѣйшему потомству. И однако же на каждаго жителя теперь долга выпадаетъ вдвое меньше противъ того, что было въ 1865 году, а процентовъ на душу остается не болѣе 1/3 изъ того, что было пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Въ торговыхъ оборотахъ съ того времени произошла чудесная перемѣна. Втеченіе 25 лѣтъ до минувшаго пятилѣтія перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ выражается цифрой 1.500.000,000 долларовъ, т. е. каждый годъ страна покупала за границей на 60.000,000 долларовъ болѣе, чѣмъ продавала. Втеченіе этой четверти столѣтія было только три года, когда вывозъ превосходилъ ввозъ, но средній перевѣсъ былъ не болѣе какъ въ 9.000,000. За послѣднія же пять лѣтъ торговый балансъ окончательно склонился въ благопріятную сторону для нашихъ друзей. Перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ былъ за это время слѣдующій: въ 1876 году—79.643,481 долларъ; 1877—151.152,094; 1878—257.814,234; 1879—264.661,666; за первую половину 1880 года 167.908,359 долларовъ. Всего за пять лѣтъ 921.179,828, или ежегодный средній балансъ торговли въ пользу страны 185.000,000 долларовъ.

Балансъ торговли находится въ обратномъ отношеніи съ балансомъ золота и серебра. Втеченіе 30-ти лѣтъ до послѣдняго года былъ только одинъ годъ, когда страна получила золота изъ за границы болѣе чѣмъ выслала. Это былъ исключительный годъ—при началѣ войны, именно 1861 годъ, когда ввозъ золота и серебра превзошолъ вывозъ на 16.548,531 долларъ. Во всѣ другіе годы, исключая послѣдняго, перевѣсъ въ вывозѣ драгоцѣнныхъ металловъ ежегодно колебался отъ 4 до 90.000,000 долларовъ, или по среднему выводу 40.000,000

въ годъ. Въ 1880, въ послѣднемъ фискальномъ году, напротивъ, ввозъ золота и серебра перевѣсилъ вывозъ на 75.891,391, что составляетъ для страны выигрышъ въ цѣнныхъ металлахъ на 80.592,832 доллара сравнительно съ запрошлымъ годомъ, или выигрышъ 115.000,000 долларовъ противъ средняго годичнаго баланса минувшихъ тридцати лѣтъ. Если принять во вниманіе, что этотъ выигрышъ совпалъ какъ разъ съ тѣмъ годомъ, когда бумажный долларъ окончательно сравнялся съ золотымъ, то, предзнаменованіе этого выигрыша неизмѣримо важнѣе всей его цифры. Это начало сильнаго прилива золота и серебра въ страну, послѣ долговременнаго отлива. Это значитъ, что у Стараго Свѣта расхудились карманы, и его золото неудержимымъ потокомъ польется въ бездонный карманъ янки.

«Счастливымъ ярче свѣтятъ звѣзды», сказалъ какой-то малоизвѣстный поэтъ. Истина этого изрѣченія въ наше меркантильное время пожалуй будетъ больше понятна, если вмѣсто «счастливымъ» сказать «богатымъ», и она быть можетъ никогда не оправдывалась съ такою полнотою, какъ оправдалась въ послѣдніе годы для утопающихъ въ богатствѣ янки. Никогда еще на американскомъ театральномъ горизонтѣ не свѣтило столько яркихъ звѣздъ первой величины, сколько ихъ свѣтитъ теперь. Въ то время, какъ въ Россіи, по газетнымъ извѣстіямъ, голодъ плачевно отразился на сценѣ, такъ что опера ходитъ съ подвязаннымъ горломъ, а драма хромаетъ на клюшкахъ, американское богатство стянуло со всѣхъ концовъ міра такое множество первоклассныхъ свѣтилъ, что едва выдерживаетъ ихъ самое небо. Замѣчательна въ самомъ дѣлѣ притягательная сила золота для свободныхъ служителей искусства. Они льнутъ къ нему какъ мухи къ меду, а иногда и какъ мотыльки къ огню. Къ послѣднимъ можно причислить никого другаго, какъ самого знаменитаго творца музыки будущаго—Вагнера. Онъ выкинулъ любопытную штуку. Прослышавъ, что янки большіе любители музыки, а еще больше обладатели золота, онъ, въ частномъ

письмѣ къ бостонцу, предложилъ американцамъ купить себя у Европы въ вѣчное владѣніе. Именно онъ сдѣлалъ такое предложеніе, что если американцы подпиской соберутъ милліонъ долларовъ и заплатятъ ему, то онъ согласенъ навѣчно переселиться въ Америку, гдѣ онъ будетъ поставлять всѣ свои оперы и посвятитъ свою дальнѣйшую жизнь и всѣ будущіе труды великой республикѣ. Какъ ни заманчиво для честолюбивыхъ янки такое предложеніе великаго творца музыки будущаго, но янки прежде всего практическій народъ, и прежде чѣмъ войти въ окончательное соглашеніе, взвѣсили всесторонне условія и выгодность предложенія и—къ великому навѣрно огорченію для великаго самопродавца—нашли предложеніе несовсѣмъ выгоднымъ для себя. Они разсчитали, что Вагнеръ уже совсѣмъ пожилой человѣкъ, имѣетъ 67 лѣтъ отъ роду и потому, по обыкновенному теченію природы, не можетъ жить или по крайней мѣрѣ сохранять всю полноту силъ своего творческаго генія долѣе 75 лѣтъ. Такимъ образомъ за милліонъ долларовъ онъ можетъ служить Америкѣ всего только восемь лѣтъ, такъ что каждый годъ пребыванія его въ Америкѣ для янки стали бы обходиться въ 125,000 долларовъ. По ихъ меркантильному понятію это было бы дорогонько и они—о варвары!—отклонили великодушное предложеніе безкорыстнаго самопродавца. Вѣдь всего только одинъ милліонъ, а притомъ самопродавецъ-то быть можетъ понатужился бы пожить подольше.

Такимъ образомъ творцу музыки будущаго не пришлось взойти на американскомъ горизонтѣ. Зато тѣмъ грандіознѣе прокатилось по нему величайшее драматическое свѣтило Европы, доблестная сокрушительница дипломатическихъ орловъ желѣзнаго канцлера, чудесная воплотительница всѣхъ семи свободныхъ искусствъ, полубожественная Сарра Бернаръ. Она прибыла въ Нью-Іоркъ въ концѣ октября прошлаго года, со слезами простившись со своей la belle France, и вынеся бурный океанскій переѣздъ. Полубожественная Сарра ужасно страдала отъ качки, не могла кушать совсѣмъ и пробавлялась только за-

пахомъ букетовъ, которые каждый день подносили ей офицеры корабля и пассажиры. Восторженность и радушіе встрѣчи со стороны янки скоро однако же вознаградили ее за принесенныя страданія. Ее встрѣчали какъ царицу; нѣтъ, мало—какъ богиню. Нѣсколько пароходовъ отправилось встрѣчать ее въ открытый океанъ и, при самой встрѣчѣ корабля съ драгоцѣннымъ грузомъ, посыпались отъ разныхъ депутацій рѣчи, на которыя Сарра едва успѣвала отвѣчать mercі, mercі, mercі,—очаровательно показывая свои жемчужные зубки. Американцы—чрезвычайно увлекающійся народъ, и комедія съ Саррой Бернаръ была просто уморительна. Весь городъ недѣли двѣ только и бредилъ Саррой. Этому впрочемъ весьма много содѣйствовалъ ловкій антрепренеръ, который избралъ полубожественную Сарру орудіемъ своей спекуляціи. Театры въ Америкѣ—простые торговые магазины, часто содержимые на акціяхъ, и потому спекуляція «величайшими звѣздами» есть самое обыкновенное дѣло. Содержатель многихъ театровъ здѣсь и въ другихъ городахъ—Аббей, порѣшилъ «сдѣлать» деньги на Саррѣ, и ангажировалъ ее на чрезвычайно дорогихъ условіяхъ. Онъ ангажировалъ ее на сто спектаклей, съ платою по тысячѣ долларовъ за каждый спектакль собственно ей, и по тысячѣ же долларовъ сопровождающей ее, избранной ею труппѣ, что составляетъ въ общемъ счетѣ 200,000 долларовъ за сто спектаклей, которые распредѣлены были между Нью-Іоркомъ и другими главнѣйшими городами страны. Заплативъ такую громадную сумму, антрепренеръ принялъ всевозможныя мѣры, какими только располагаетъ мудрая наука спекуляціи, для произведенія возможно большаго шума и грома своей дорогой полубогиней. Еще мѣсяца за два до прибытія Сарры, онъ пустилъ въ оборотъ громкія и краснорѣчивыя рекламы, раздавалъ по улицамъ фотографическія карточки «царицы драмы», издалъ иллюстрированную біографію и переводъ драмъ ея репертуара, въ театрѣ за каждымъ спектаклемъ раздавалъ иллюстрированную программу ея драмъ, переполненную анекдотами изъ жизни Сарры и факсимиле нѣсколь-

кихъ ея интимныхъ писемъ, и въ самые спектакли вплеталъ разные анекдоты изъ жизни Сарры. Все это было причиной того, что Сарра дѣйствительно завладѣла умами янки и, когда она прибыла наконецъ, то американцы бросались смотрѣть на нее какъ на какую нибудь чудесную диковинку. Несмотря на удвоенную плату, билеты живо расхватаны были публикой, а въ рукахъ спекулянтовъ поднялись до чудовищной цифры. Американцы восхищались геніальностью ея исполненія тонкихъ деталей классической драмы, но въ общемъ находили ее ниже того, что обѣщала реклама. Зато гардеробъ ея своимъ богатствомъ и разнообразіемъ ослѣплялъ завистливыя очи американскихъ леди. До какой степени великъ и цѣненъ ея гардеробъ, можно понять изъ того, что при провозѣ его чрезъ таможню пришлось заплатить 6,000 долларовъ пошлинъ. Кромѣ спектаклей, Сарра устраивала особые вечера, на которыхъ показывала изумленной публикѣ свое искусство въ живописи, ваяніи, скульптурѣ, и порѣшила собственными руками вылѣпить бюстъ знаменитаго американскаго поэта Лонгфелло, къ не малому удовольствію геніальнаго старика, который быть можетъ съ своей стороны поэмой увѣковѣчитъ и безъ того безсмертную Сарру.

IV. Американское хозяйство.

Европа и Америка.—Пшеничная житница міра.—Хлѣбная спекуляція.—Стоимость производства.—Перевозка.—Земледѣльческія машины.—Хлѣбные и садовые плоды.—Скотоводство и мясная торговля.—Овцеводство.—Свиньи и ихъ соціальное положеніе.—Чему намъ учиться у американцевъ.

Америка своимъ хлѣбнымъ производствомъ окончательно переполошила Европу. Сварливая, воинствующая старуха, потратившая послѣдніе десятки лѣтъ на безумства кровавыхъ

оргій и потерявшая свой здравый смыслъ на измышленіи усовершенствованныхъ орудій самоистребленія, теперь съ ужасомъ начинаетъ смотрѣть на свою юную соперницу, которая перековала мечи на плуги и съ энергіей пылкой юности отдалась мирному труду земледѣльца. Уже почти на краю банкротства старая Европа очнулась и обратилась къ своему найденышу, выросшему и развившемуся въ цвѣтущую красавицу, прося ее наставить ея сѣдую голову на умъ-разумъ. Когда хлѣбный рынокъ міра заполонился американскою пшеницей, то за изученіемъ хлѣбнаго производства Америки обратилась не только Россія, для которой въ этомъ изученіи чуть не гамлетовскій вопросъ, но и Англія, которая доселѣ относилась къ своей «колоніи» съ истинно-лордскимъ высокомѣріемъ. Въ позапрошломъ году эти двѣ, ни въ чемъ несходящіяся страны, какбы сговорились вмѣстѣ и отправили въ Соединенные Штаты агентовъ для изслѣдованія американскаго хлѣбнаго производства. Въ виду этого не излишенъ краткій очеркъ американскаго агрикультурнаго хозяйства.

Центръ пшеничнаго производства Соединенныхъ Штатовъ находится въ бассейнѣ рѣкъ Миссури и верховьевъ Миссисипи. Эту землю еще недавно занималъ краснокожій человѣкъ, но теперь уже здѣсь грандіозно развернулась агрикультура, и кипитъ безпримѣрная земледѣльческая промышленность. Массы эмигрантовъ занимаютъ эту землю, все дальше и дальше проникая къ западу. Какую притягательную силу для нихъ имѣетъ эта земля, можно судить по ихъ выраженію: «если-бы адъ лежалъ между нами и западомъ, то мы перешагнули-бы и его, чтобы только добраться до обѣтованной земли». Но эмигранты въ сущности не обработыватели земли, они только ковырятели почвы. Когда дѣвственная земля истощится и не останется ни акра жирныхъ прерій, послѣдующія поколѣнія опять обратятся къ востоку и возьмутся за раціональное хозяйство стараго типа. Невѣроятно однако-же, чтобы столь дѣятельный и предпріимчивый народъ ограничился въ своихъ операціяхъ только поверхностью

земли, когда непосредственно подъ нею въ бассейнѣ р. Миссури, съ городомъ Канзасомъ въ центрѣ, кроются громадные залежи угля, далеко превосходящіе подобные-же залежи Пенсильваніи и Мэриланда. Два великихъ горныхъ хребта обрамляютъ эту территорію: Аллеганскій, идущій параллельно съ атлантическимъ берегомъ, и Скалистыя горы, тянущіяся вдоль тихо-океанскаго берега. Пространство въ 1,700 миль отдѣляетъ подошвы этихъ горныхъ цѣпей въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ онѣ пересѣкаютъ пограничную линію Канады. Къ югу пространство съуживается, и нисходитъ до 750 миль. За исключеніемъ незначительной полосы, чрезъ которую на пространствѣ двухъсотъ миль течетъ Красная рѣка по направленію къ озеру Виннепегъ, все это пространство орошается только одной большой рѣкой. Оно содержитъ въ себѣ около восьми-сотъ милліоновъ (800.000,000) акровъ земли, такъ что эта долина Миссисипи въ четырнадцать разъ больше всей Великобританіи.

Главными хлѣбными продуктами здѣсь служатъ пшеница и маисъ. Послѣдній производится болѣе въ южной части долины, а первая въ сѣверной и сѣверозападной частяхъ, причемъ на сѣверѣ производится весенняя пшеница, а на югѣ озимая, гдѣ только поля не заняты маисомъ. Замѣчательна особенность въ урожаѣ этихъ двухъ продуктовъ. Урожай пшеницы болѣе зависитъ отъ погоды, а урожай маиса отъ обработки. Притомъ періодъ, въ который можетъ производиться посѣвъ маиса, продолжителенъ, а время, въ которое можетъ производиться сборъ его безъ боязни матеріальнаго ущерба, измѣряется цѣлыми мѣсяцами вплоть до зимы. Иное дѣло съ пшеницей. Посѣвъ ея можетъ ограничиваться только нѣсколькими недѣлями весной или осенью, а жатва не можетъ длиться болѣе нѣсколькихъ дней. Такъ какъ она менѣе зависитъ отъ обработки, чѣмъ отъ климата и погоды, то потому-то главнымъ образомъ она и избирается для посѣва на новыхъ земляхъ. Это хлѣбъ дѣвственныхъ прерій и вновь запаханныхъ земель западныхъ штатовъ. При всей своей капризности, пшеница всегда идетъ по высшимъ цѣнамъ, чѣмъ всякое дру-

гое зерно, и самая перевозка ея даетъ громадный источникъ для спекуляціи. Тотчасъ по обмолотѣ зерна, оно свозится на станцію ближайшей желѣзной дороги и слагается въ мѣстный элеваторъ. Здѣсь постоянно можно найти агента крупныхъ хлѣботорговцевъ, и онъ всегда готовъ купить по «биржевымъ цѣнамъ». О цѣнахъ справляются по газетамъ, которыя въ Америкѣ, благодаря широкому употребленію телеграфныхъ проволокъ, всегда и вездѣ даютъ новости не позже вчерашнихъ. За хлѣбъ уплачивается наличными деньгами, и онъ спускается въ элеваторъ для сортировки, вѣса и чистки, и съ выдачей росписки отдается въ распоряженіе покупщика или будущихъ владѣтелей росписки. Когда приведена въ извѣстность стоимость производства и вѣсъ пшеницы, цѣна ея все-таки очень много зависитъ отъ спекуляціи. Спекуляція на пшеницу въ Америкѣ легче и искушеній для нея больше вслѣдствіе извѣстнаго способа ея передачи изъ рукъ въ руки. По сдачѣ пшеницы въ какой нибудь общественный магазинъ или элеваторъ и осмотрѣ ея особымъ чиновникомъ, назначеннымъ для «сортировки» зерна, послѣдній распредѣляетъ ее на классы 1, 2 или 3—вѣсомъ въ 60 фунтовъ на бушель. Тогда собственнику выдается записка на извѣстное количество бушелей пшеницы извѣстнаго сорта, и по этой запискѣ производится выдача пшеницы. Записка можетъ пройти чрезъ нѣсколько рукъ (причемъ каждый новый покупатель даетъ только маленькую сумму для обезпеченія продавца отъ потери), и когда выдается пшеница, то въ ней навѣрно не будетъ уже ни одного зерна изъ той, которая была сложена первоначально. Иногда бываетъ, что на мѣстѣ выдачи пшеница дешевле, чѣмъ на мѣстѣ производства.

Хотя вообще можно сказать, что если стоимость производства превосходитъ цѣну продукта, то производство должно прекратиться, но относительно Америки надо имѣть въ виду, что она имѣетъ ежегодно возрастающій избытокъ въ хлѣбѣ и мясѣ, которые она должна продавать по какой бы то ни было цѣнѣ. Три четверти этого избытка ежегодно сбывается въ Англію.

Другія страны кромѣ особенныхъ годовъ голода, не нуждаются въ американской пшеницѣ и потому на ввозъ ея налагаютъ тяжелыя пошлины. Поэтому какія бы низкія цѣны ни были въ Англіи, большая часть зерна и мяса, вывозимаго изъ Соединенныхъ Штатовъ, всегда будетъ направляться къ ея берегамъ. А когда одновременно случится хорошій урожай какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ, то цѣны могутъ пасть въ бездну. Круглымъ числомъ можно опредѣлить стоимость обработки акра въ 10 долларовъ, включая сюда расходы по отправкѣ хлѣба на шесть миль до мѣстной желѣзной дороги, склада или элеватора. Но эти данныя не опредѣляютъ стоимости производства бушеля пшеницы; тутъ первостепенное значеніе имѣетъ урожай, который зависитъ отъ года. Въ продолженіе цѣлаго ряда послѣднихъ годовъ урожай пшеницы въ Соединенныхъ Штатахъ давалъ болѣе 12 бушелей съ акра. Въ 1879 году акръ далъ даже 13,1 бушеля. Замѣчено, что центръ населенія и промышленнаго заработка въ Соединенныхъ Штатахъ постоянно и быстро движется на западъ; вслѣдствіе этого пшеничное производство имѣетъ кочевой характеръ и идетъ въ томъ же самомъ направленіи. Фермеры считаютъ его болѣе выгоднымъ, т. е. дешевымъ, когда оно ведется на дѣвственной почвѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ пунктовъ потребленія, чѣмъ въ истощенныхъ округахъ, съ которыхъ они переселяются, уступая мѣсто другому населенію, нуждающемуся въ производимомъ ими хлѣбѣ.

Въ отношеніи перевозки и фрахта между стоимостью перевозки отъ Чикаго до Нью-Іорка водой или по желѣзнымъ дорогамъ существуетъ значительная разница, причемъ перевозка по желѣзной дорогѣ какъ разъ вдвое дороже. Водяные пути закрыты льдомъ отъ ноября до апрѣля. При перевозкѣ черезъ океанъ употребляются парусныя суда и пароходы; но разница между стоимостью ихъ за послѣднія пять лѣтъ была такъ незначительна, что нѣтъ надобности входить въ ея разсмотрѣніе.

Соображенія о стоимости производства пшеницы въ Америкѣ въ большинствѣ основываются въ разсчетахъ, взятыхъ изъ практики громадныхъ фермъ, гдѣ земля обработывается при помощи лучшихъ машинъ и при совершеннѣйшемъ экономическомъ хозяйствѣ. Другія цифры стоимости берутся изъ практики мелкихъ фермеровъ. Но тутъ очень мало придается цѣны труду самого фермера и его семейства. Немногіе имѣютъ понятіе о той упорной и неустанной работѣ, которая выпадаетъ на долю даже зажиточныхъ фермеровъ въ Америкѣ. Кромѣ быть можетъ жатвы, ни одинъ земледѣлецъ не тратитъ столько времени и силы въ своей дневной работѣ. Готовность, съ которою земледѣльцы въ Америкѣ берутся за машины, просто поразительна. Искусство и легкость, съ которыми они работаютъ, говорятъ въ пользу совершенства машинъ, но еще болѣе въ пользу смѣтливости и развитости фермера. Въ Америкѣ машины, сберегающія трудъ, даже на малыхъ фермахъ составляютъ абсолютную необходимость. Притомъ пріобрѣтеніе машинъ поощряется еще и тѣмъ, что земледѣлецъ всегда можетъ покупать ихъ въ долгъ и съ разсрочкой платежа. По своей конструкціи машины, употребляемыя на фермахъ, очень хороши, чрезвычайно легки и сподручны. Иногда слышатся отзывы о непрочности американскихъ земледѣльческихъ орудій, но въ этомъ виновато скорѣе неумѣнье европейскихъ земледѣльцевъ обращаться съ ними. Американскія машины по своему совершенству гораздо выше англійскихъ. Онѣ легче, изящнѣе и лучше.

Когда естественное плодородіе дѣвственной почвы истощится или производительная сила земли оскудѣетъ и явится нужда прибѣгнуть къ перемѣнѣ посѣвовъ для возстановленія ея производительности, то расходы по производству пшеницы въ этихъ западныхъ преріяхъ и бассейнѣ великой рѣки несомнѣнно возростутъ. Что это истощеніе при непрерывномъ пшеничномъ производствѣ, сопровождаемомъ сжиганіемъ соломы, должно настать современемъ—это несомнѣнно. Но оно настанетъ еще не вдругъ. Громадные растительные залежи,

накоплявшіеся вѣками, и массы всевозможной травы, сожигаемой и гніющей на преріяхъ, не могутъ быть истощены въ нѣсколько лѣтъ. Притомъ, когда пшеница начинаетъ показывать слабость роста, то простая перемѣна засѣва поля «индѣйскимъ хлѣбомъ» повидимому достаточна для возстановленія плодородія земли. Въ сѣверныхъ широтахъ, гдѣ индѣйскій хлѣбъ или маисъ не можетъ рости, для подобной же цѣли достаточно одногодняго посѣва клевера. Но оскудѣвшая производительность земли въ нѣкоторыхъ восточныхъ штатахъ и необходимость удобренія ея въ другихъ—ясно показываютъ, что какъ бы ни было велико плодородіе дѣвственной земли, она все-таки не неистощима.

Непосредственно за пшеницей по важности въ американскомъ хозяйствѣ слѣдуетъ кукуруза или такъ называемое индѣйское зерно,—маисъ. Кукуруза медленно, но постоянно отодвигаетъ пшеницу къ сѣверу и теперь занимаетъ всю обширную площадь отъ Мексиканскаго залива до береговъ великихъ озеръ. Стоимость производства ея опредѣляется въ $5^1/_2$ долларовъ съ акра, дающаго обыкновенно до 40 бушелей. Кукуруза служитъ удобнымъ зерномъ для возстановленія производительной силы земли. Земля покоится, очищается и насыщается отъ ея произрастанія. Притомъ это чрезвычайно надежный хлѣбъ. Пшеница капризна и урожай ея постоянно колеблется. Изъ 18 послѣднихъ жатвъ въ штатѣ Огайо только шесть дали полные сборы, нѣкоторыя сильно страдали отъ засухи; но кукуруза за все это время давала удовлетворительный урожай, въ среднемъ выводѣ 35 бушелей съ акра. Годичное производство ея за послѣднее время возросло въ громадной прогрессіи. Въ 1868 году ею засѣяно было около 35.000,000 акровъ, а въ 1878 году уже 51.500,000, но денежная стоимость ея постоянно понижалась. Этотъ увеличившійся избытокъ ея и дешевизна сдѣлали ее предметомъ важной заграничной торговли, такъ что по меньшей мѣрѣ 6 процентовъ ея идетъ за границу. Недавно она, какъ извѣстно, попыталась проникнуть даже въ Россію. Въ Америкѣ она

имѣетъ большое употребленіе. Она прежде всего идетъ на выкормку скота и свиней. Бушель кукурузы въ 25 центовъ, отданный свиньямъ, возвращаетъ уже 30 центовъ, если откормленная ею свинья продается даже по такой низкой цѣнѣ, какъ три цента за фунтъ живаго вѣса. Кромѣ того запросъ на нее великъ и собственно для человѣческаго питанія. Американцы любятъ ее и она подается къ столу во всевозможныхъ видахъ и формахъ. Въ качествѣ послѣ-обѣденнаго десерта янки ѣдятъ вареные початки, намазывая ихъ масломъ и посыпая перцемъ. Очень большое количество ея перерабатывается въ спиртъ и вывозится за границу. Ячмень мало производится въ Америкѣ, и зерна его нечисты, худы и неправильны, но зато овесъ постоянно увеличивается въ производствѣ. Въ 1874 году его было произведено 11.000,000 бушелей, а въ 1878 году уже болѣе 13.000,000.

Довольно важную отрасль въ сельскомъ хозяйствѣ составляетъ картофель, хотя въ общемъ производство его не особенно быстро возрастаетъ. Въ 1874 году его было произведено 1.333,333 бушеля, а въ 1878 году только 1.750,000. Нью-Іоркскій штатъ поставляетъ $^1/_5$ этого количества. Качество его вообще хорошо, за исключеніемъ юго-западныхъ штатовъ. Общій урожай его не особенно великъ, и оцѣнивается въ 88 бушелей на акръ, 60 фунтовъ на бушель. Въ Америкѣ существуетъ два рода картофеля — обыкновенный, извѣстный въ Россіи, и сладкій картофель. Послѣдній американцы любятъ едва ли не болѣе перваго, но для европейца онъ приторный, имѣетъ вкусъ обыкновеннаго картофеля, вываренаго въ патокѣ.

Американскія фермы производятъ громадное количество плодовъ всякаго сорта, и вообще каждая ферма извнѣ представляетъ нѣчто въ родѣ сада. Каждую весну на пространствѣ отъ Делаварскаго залива до между—океанской полосы сѣверо-запада цвѣтетъ болѣе 5.000,000 персиковыхъ деревъ. Въ среднихъ штатахъ и Новой Англіи сотни семействъ получаютъ значительный доходъ отъ сбора и продажи ди-

кихъ ягодъ—клубники, малины, земляники, черники, ежевики и множества другихъ, въ избыткѣ растущихъ по полямъ и лѣсамъ и по окраинамъ фермерскихъ загородей. Эти мелкіе плоды въ большинствѣ потребляются туземнымъ населеніемъ. Палисадники съ грушами и персиками разбросаны повсюду. Даже кладбища усажены грушевыми и персиковыми деревьями, гдѣ они и служатъ для свободнаго и даровaго употребленія американцевъ, любящихъ справлять тризны по своимъ предкамъ. Цѣлыя поля засѣяны подсолнечниками, причемъ стволы ихъ часто поднимаются выше 11-ти футовъ и самые диски бываютъ болѣе 13-ти дюймовъ въ поперечникѣ. Виноградъ въ избыткѣ родится въ Калифорніи, хотя своимъ качествомъ далеко уступаетъ нашему крымскому. Выдѣлываемыя изъ него вина и особенно такъ любимое здѣсь «калифорнское шампанское», по мнѣнію американцевъ, ничуть не хуже французскихъ, но европейскіе знатоки винъ только подсмѣиваются надъ ними. Арбузы и дыни производятся въ громадномъ количествѣ и въ нѣкоторыхъ штатахъ, особенно въ Георгіи, превосходнаго качества. Георгійскіе арбузы имѣютъ продолговатую форму и часто такъ велики, что не подъ силу поднять. Но самымъ крупнымъ предметомъ садоводства служатъ яблоки. Болѣе чѣмъ 2.000,000 акровъ земли засажены яблонями, и втеченіе послѣднихъ восьми лѣтъ разведеніе яблокъ быстро возрастало. Вмѣстѣ съ персиками яблоки тутъ что называется нипочемъ, и доступны для всѣхъ классовъ народа. Въ Нью-Джерси, Делаварѣ и Мэриландѣ много такихъ садовъ, въ которыхъ считается по 10,000, 20,000 и 30,000 деревъ.

Другую важную отрасль американскаго хозяйства составляетъ скотоводство. Впрочемъ кому приходилось видѣть въ Англіи великолѣпныхъ быковъ, называемыхъ американскими, и массивныя туши говядины, выгружаемыя въ Ливерпулѣ съ океанскихъ пароходовъ, тотъ составитъ себѣ ошибочное представленіе объ американскомъ рогатомъ скотѣ. Въ Америкѣ сравнительно очень немного скота хорошей породы. Конечно,

въ Кентукки и окружающихъ штатахъ пасутся тысячи крупнаго и чистаго короткорогаго скота, но въ восточныхъ штатахъ скотъ самый обыкновенный, происходящій отъ ординарныхъ предковъ, вывезенныхъ первоначальными поселенцами, и только изрѣдка встрѣчаются стада дѣйствительно хорошей породы. На югѣ и западѣ преобладаютъ техасскія и другія подобныя породы, происшедшія несомнѣнно отъ предковъ, вывезенныхъ изъ Испаніи.

За послѣдніе годы скотоводство получило громадное развитіе на равнинахъ Техаса и далекаго Запада. Техасъ издавна славился какъ великое царство рогатаго скота, но теперь и все то громадное пространство, которое еще недавно на картахъ обозначалось «великой американской пустыней», наводнено сотнями тысячъ скота. Огромное количество лучшихъ молодыхъ быковъ ежегодно гоняется на сѣверъ, гдѣ они на равнинахъ Колорадо и Вайоминга содержатся какъ бы въ ходячихъ магазинахъ до востребованія ихъ на рынокъ. По восточнымъ склонамъ Скалистыхъ горъ пасется множество молодыхъ телокъ, гдѣ онѣ выхаживаются на вкусной горной травѣ. Техасъ представляетъ великолѣпное мѣсто для разведенія и приплода скота, но замѣчательно, что въ немъ скотъ никогда не достигаетъ большаго роста; но тотъ же самый скотъ, переведенный въ другія мѣстности, получаетъ значительное увеличеніе въ объемѣ. Большіе жары, періодическія засухи и недостатокъ воды, такъ что иногда надо проходить до нея отъ тридцати до сорока миль, служатъ вѣроятно причинами этого, а также и того, что хорошія породы не могутъ существовать и размножаться въ Техасѣ. Эти громадныя равнины осенью представляютъ печальную картину. Все выжено и голо, и на цѣлыя мили невидно зеленаго лепестка. Короткая захирѣвшая трава кажется бурою и выженною до корня; но эта повидимому негодная трава есть въ сущности самодѣльное сѣно. Она быстро ростетъ весною и высушивается солнцемъ прежде созрѣлости. Если за засухой послѣдуютъ дожди въ іюнѣ, то трава можетъ

опять жить, но она затѣмъ скоро убивается морозомъ, и въ этомъ видѣ она почти совершенно негодна. Тамъ бываютъ иногда раннею осенью суровыя снѣжныя мятели, продолжающіяся по нѣсколько дней, но послѣ нихъ опять начинается великолѣпная теплая погода, часто вплоть до Рождества. Глубокіе снѣга бываютъ рѣдки. Когда выпадаетъ большой снѣгъ, то скотъ жестоко страдаетъ отъ него, но онъ скоро обыкновенно сносится вѣтромъ съ равнинъ, и стада безъ труда отыскиваютъ траву. Стада управляются молодыми пастухами, и ловкость, съ которою они набрасываютъ лассо на дикихъ телятъ, догоняя ихъ на своихъ жиденькихъ пони, изумительна. Каждый скотоводъ имѣетъ свое собственное клеймо, внесенное въ правительственную книгу, и поддѣлка подъ него строго наказывается. Первыя партіи скота для мяснаго рынка отправляются рано лѣтомъ, и послѣднія въ концѣ ноября. По общему признанію за послѣдніе годы чистый доходъ скотоводовъ въ среднемъ выводѣ равняется 33 процентамъ съ капитала. Нѣтъ сомнѣнія, что это одна изъ самыхъ выгодныхъ отраслей американскаго фермерскаго хозяйства, но для обезпеченія большаго процента необходимо имѣть большой капиталъ. Напримѣръ, владѣлецъ 10,000 головъ рогатаго скота съ 150 лошадьми долженъ имѣть 7 или 8,000 долларовъ наличныхъ денегъ для удачнаго веденія занятія. Малыя стада требуютъ сравнительно больше. Стадо въ тысячу головъ требуетъ для своего ухода почти столько же какъ и стадо въ 5,000. Стадо въ 5,000 должно имѣть 100 лошадей для пастуховъ, между тѣмъ какъ стадо въ 10,000 головъ требуетъ ихъ только 150. Расходы по содержанію хорошаго стада втеченіе года не превышаютъ обыкновенно 1½ доллара на штуку, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ спускаются до 1 доллора. Въ предѣлахъ ста квадратныхъ миль въ Вайомингской территоріи стада числятъ въ себѣ отъ 1,000 до 35,000 головъ. Средняя цѣнность ихъ опредѣляется въ 20 долларовъ за голову. Въ этой территоріи потери скота отъ всевозможныхъ причинъ опредѣляются только въ 2½ про-

цента въ годъ. Въ Техасѣ и другихъ округахъ онѣ оцѣниваются въ 5—10 процентовъ. Стадо въ 10,000 головъ ежегодно производитъ отъ 1,500 до 2,000 штукъ новаго поколѣнія. Четырехлѣтніе бычки продаются по 25 и 30 долларовъ, при стоимости выращенія каждаго не болѣе 10 долларовъ. Большинство скота сдается на рынкахъ въ Чикаго, а нѣкоторая часть прямо направляется въ Нью-Іоркъ, гдѣ онъ убивается и отправляется въ Англію. Надо удивляться, какія громадныя пространства проходятъ эти полудикіе техасскіе быки. Они проходятъ тысячи миль и за это путешествіе часто даже увеличиваются въ вѣсѣ. Иногда впрочемъ они много страдаютъ отъ засухъ и безводья, а иногда погибаютъ цѣлыми стадами, наѣвшись какой нибудь ядовитой весенней травы.

Въ громадномъ количествѣ съ чикагскихъ боенъ сырое мясо отправляется въ Нью-Іоркъ и восточные штаты. Съ этою цѣлью существуютъ особые мясные поѣзда съ спеціальными для мяса приспособленіями, охлаждающими аппарами, такъ что мясо и разные молочные продукты прибываютъ изъ Чикаго въ Нью-Іоркъ въ совершенно свѣжемъ состояніи, какіе бы ни свирѣпствовали жары. Изъ Нью-Іорка мясо спроваживается въ Англію на судахъ съ охлаждающими аппаратами, и въ Ливерпулѣ оно выгружается такимъ же свѣжимъ, какимъ оно было на мѣстѣ приготовленія, въ Чикаго. Въ Англіи уже нѣтъ такихъ приспособленій и мясо часто портится на пути отъ Ливерпуля до Лондона. Но это уже вина не американцевъ. «Не доводитъ же намъ свою опеку надъ мясомъ до самаго рта нашихъ милыхъ кузеновъ», отвѣчаютъ американцы на упреки англичанъ, что въ Лондонѣ мясо получается уже не столь свѣжимъ, какъ въ Ливерпулѣ.

На западныхъ равнинахъ стада держатся больше для мяса. На восточныхъ фермахъ, напротивъ, для молочнаго производства. Но молочное производство не особенно славится въ Америкѣ. Притомъ почему-то въ послѣдніе годы оно сдѣлалось особенно не доходнымъ и многія фермы сократили его до

скромныхъ размѣровъ. Еще недавно восточные штаты были главными производителями масла и сыра. Нью-Іоркскій штатъ въ этомъ отношеніи шелъ впереди всѣхъ. Но теперь начинаетъ перебивать въ этомъ отношеніи западъ и онъ снабжаетъ весь востокъ громаднымъ количествомъ сыра и масла. Что касается качества этихъ продуктовъ, то многаго нельзя сказать о немъ. Въ послѣднее время дѣлались усилія усовершенствовать производство масла, и повидимому достигнуты нѣкоторые результаты, но и теперь оно далеко не можетъ равняться съ европейскимъ. Теперь замѣчается впрочемъ у американцевъ стремленіе вообще для поднятія молочнаго производства пользоваться научно-хозяйственными указаніями. Болѣе удачи американцы имѣютъ въ приготовленіи сыра, и производство его до прошлаго года, когда послѣдовало паденіе цѣнъ, было очень выгодно. Но вообще, если о маслѣ надо сказать, что оно у американцевъ плохо, то о сырѣ можно сказать, что онъ довольно хорошъ, хотя опять не перваго сорта и не можетъ идти въ уровень съ европейскимъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ дѣлались попытки ввести производство различныхъ сортовъ европейскихъ сыровъ, но эти попытки еще не разрослись до такихъ размѣровъ, чтобы о ихъ результатахъ можно было сказать что нибудь опредѣленное и положительное. Американскій сыръ удивительно однообразенъ—одной и той же формы, одного и того же цвѣта и качества. Американцы мало употребляютъ его. Изъ производимаго количества въ 300.000,000 фунтовъ болѣе 40 процентовъ идетъ за границу. Масла производится около 1.000.000,000 фунтовъ, и оно почти все поглощается самими янки, за границу идетъ не болѣе двухъ процентовъ.

Коневодствомъ Америка не славится. Лошади на фермахъ существуютъ только въ количествѣ потребномъ для обыденнаго хозяйства. Они легки, быстры и употребляются для всякой цѣли. Лошадь пашетъ и свозитъ хлѣбъ до станціи желѣзной дороги, везетъ хозяина на базаръ въ городъ и его семейство по воскресеньямъ въ церковь. Упряжка впрочемъ

обыкновенно состоитъ изъ пары лошадей, какъ у нашихъ нѣмцевъ. Пары же лошадей обыкновенно достаточно для плуга. Обыкновенная цѣна хорошей фермерской лошади отъ 100 до 150 долларовъ, а молодые жеребчики отъ 200 до 250 долларовъ.

Овцеводство въ Америкѣ также незначительно. Это видно уже изъ того, что количество овецъ немного превосходитъ количество рогатаго скота. Большія стада овецъ содержатся на юго-западѣ единственно изъ-за шерсти. Не только количество доставляемаго ими мяса незначительно, но и самое качество его не высокаго достоинства, и притомъ стоимость перевозки такихъ маленькихъ животныхъ такъ велика, что почти не окупается этою стороной промысла. И въ отношеніи шерстянаго производства нѣтъ основаній предполагать, чтобы Америка втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ могла развить его до большихъ размѣровъ и приступить къ вызову шерсти. Въ настоящее время она сама ввозитъ большое количество шерсти изъ Англіи и ея колоній.

Болѣе чѣмъ овцеводствомъ, Америка можетъ похвалиться своимъ свиноводствомъ. Свинья—самый счастливый гражданинъ американской республики,—разумѣется изъ четвероногихъ. Она пользуется на фермахъ полною свободой, роется и спитъ, гдѣ ей вздумается. Благодаря такому приволью она въ сравнительно ранній возрастъ достигаетъ значительнаго вѣса. Средній живой вѣсъ свиньи, убитой зимой, равняется 280 фунтамъ, лѣтомъ—240 англійскимъ фунтамъ. Сбавка 20 процентовъ съ живаго вѣса обыкновенно даетъ вѣсъ свининой туши. Нигдѣ нельзя видѣть такихъ громадныхъ стадъ свиней, какъ въ кукурузныхъ штатахъ Америки. Кромѣ быть можетъ индѣйской территоріи, вы можете видѣть тысячи свиней и изъ нихъ одна другой лучше. Самая обыкновенная порода свиней—беркширская. Свиньи этой породы рано достигаютъ зрѣлости и отличаются большимъ количествомъ чистаго мяса пропорціонально съ саломъ. Другая наиболѣе распространенная порода — портландская. Эти свиньи чрез-

вычайно быстро жирѣютъ и достигаютъ огромнаго вѣса. Быстрота, съ которою свиньи убиваются и приготовляются для мяснаго рынка въ большихъ американскихъ бойняхъ, поразительна. Достаточно сказать, что свинью хватаютъ за заднюю ногу, вздергиваютъ вверхъ, закалываютъ, обвариваютъ, очищаютъ, потрошатъ, обезглавливаютъ, половинятъ и спроваживаютъ въ холодный складъ—все это въ какихъ нибудь 10—15 минутъ. Свиноводство въ Америкѣ, при всей его выгодѣ, иногда бываетъ не безъ ущерба. Американскія свиньи подвержены разнымъ болѣзнямъ, и особенно грозна для нихъ такъ называемая «свиная холера». Никакое средство противъ нея недѣйствительно, и самая причина ея появленія совершенно непостижима для свиноводовъ. Она чрезвычайно заразительна, и иногда цѣлые округи наголо очищаетъ отъ свиней. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она свирѣпствуетъ надъ несчастными животными съ такою силою, что фермеры на время прекращаютъ самое свиноводство.

Немного можно сказать въ похвалу американскаго птицеводства, кромѣ индѣекъ, которыя вообще довольно хороши и выращиваются безъ большихъ затрудненій. Но онѣ впрочемъ не достигаютъ вѣса хорошихъ европейскихъ породъ и по своей формѣ приближаются къ дикимъ породамъ. Куры вообще плохой породы. Если о техасскомъ скотѣ говорятъ, что онъ состоитъ только изъ «ногъ и рогъ», то объ американскихъ цыплятахъ надо сказать, что они состоятъ изъ «ногъ и крыльевъ». Въ ощипанномъ видѣ они при своей свѣтло-желтой кожѣ представляютъ далеко не аппетитную картину. Они слишкомъ легки и подвижны, и если бы для откормки ихъ не было такъ много дешеваго хлѣба, то едва ли бы они были пригодны для порядочнаго стола. Тѣмъ не менѣе американцы большіе цыплятники и въ каждый воскресный день цыпленокъ — непремѣнная принадлежность стола.

Если теперь обобщить изложенное, то нужно сказать, что Америка въ отношеніи естественныхъ богатствъ далеко не рай, хотя въ спорѣ за агрикультурное главенство она имѣетъ

значительныя выгоды, представляемыя новой неистощенной почвой. Особенно важную роль въ развитіи агрикультурнаго богатства Соединенныхъ Штатовъ играютъ желѣзныя дороги. Народъ не щадитъ никакихъ усилій, чтобы только какъ можно дальше протянуть эту правую руку цивилизаціи. Въ Америкѣ не населеніе идетъ впереди, а желѣзная дорога за нимъ, но послѣд- няя идетъ впереди какъ средство для перваго. Въ ней мало пріятныхъ ландшафтовъ, но есть непрерывная упорная борьба съ природой и есть умѣнье побѣждать. Америка богата предпріимчивостью, которая не останавливается ни передъ чѣмъ, и смѣтливостью, никогда не становящеюся въ тупикъ *).

«При агрикультурномъ соперничествѣ съ Америкой, говорилъ недавно по одному случаю англійскій «Times», намъ надо бояться не ея почвы, не климата или обширности земель, а несокрушимой энергіи, безграничной самоувѣренности и неистощимой изобрѣтательности гражданъ Соединенныхъ Штатовъ.

Если уже англичане—съ ихъ извѣстною упорною настойчивостью, медленною и молчаливою, но вѣрною дѣловитостью, придаютъ такой большой вѣсъ въ агрикультурномъ соперничествѣ превосходству нравственнаго характера американцевъ; то что же остается намъ, русскимъ, при нашей апатіи и дряблости, при нашей храбрости на фразѣ и трусости на дѣлѣ, при отсутствіи здоровой иниціативы и господствѣ традиціонной подавленности?

Остается конечно не падать духомъ, а учиться у нашихъ друзей и проникаться ихъ примѣромъ.

*) При очеркѣ американскаго хозяйства, авторъ пользовался отчетомъ англійскихъ агентовъ Пелла и Рида, которые по порученію «Королевской комиссіи по агрикультурѣ» въ концѣ 1879 года спеціально занимались изслѣдованіемъ этого вопроса.

V. Таннеръ или постящійся докторъ.

Постящійся докторъ.—Возбужденный имъ интересъ.—Мученикъ славы.—Окончаніе поста и торжественный обѣдъ.—Арбузъ вмѣсто аптекарскихъ дозъ.—Ужасъ и недоумѣнія.—Исторія поста.—Изъ прошлой жизни.—Виды на будущее.

Въ то самое время, какъ наши заатлантическіе друзья утопали въ хлѣбномъ богатствѣ, среди нихъ нашелся человѣкъ, который порѣшилъ удивить міръ необычайнымъ фактомъ сорокадневнаго голоданія. Это знаменитый докторъ Таннеръ. Будучи спеціалистомъ животной химіи, докторъ Таннеръ выработалъ теорію, по которой человѣкъ можетъ жить безъ пищи и воды гораздо дольше тѣхъ предѣловъ, которые обыкновенно полагаются медициной и физіологіей. Какъ истинный американецъ, онъ не ограничился словами, а открыто выступилъ со своей теоріей и предлагалъ какому нибуль ученому обществу свою личность, для опыта сорокадневнаго поста, прося за это всего только одной тысячи долларовъ. Какъ его теорія, такъ и особенно эта тысяча подняла бурю въ медицинскомъ мірѣ, и изъ среды его собратовъ по оружію нашлись такіе, которые не остановились ни передъ чѣмъ, чтобы только подорвать довѣріе къ постящемуся доктору и провозгласили его теорію большимъ humbug'омъ, какъ американцы обыкновенно называютъ обманъ подъ благовиднымъ предлогомъ. Постящійся докторъ, конечно, обидѣлся и порѣшилъ пристыдить своихъ противниковъ — подвергнувъ себя сорокадневному посту безъ всякаго вознагражденія.

Мѣстомъ этого небывалаго опыта онъ избралъ одну общественную залу и пригласилъ всѣхъ врачей, кто только интересуется опытомъ, присутствовать при его пощеніи и наблюдать за всѣми фазисами его голоданія. Большинство медиковъ и теперь отнеслось къ доктору съ ироніею и назы-

вало его чуть не сумасшедшимъ; но другіе выразили свое согласіе наблюдать за постящимся докторомъ и составили кружокъ, который поочередно долженъ былъ слѣдить за голоданіемъ доктора. И вотъ дѣйствительно 28 іюня Таннеръ въ послѣдній разъ скушалъ бифштексъ, и приступилъ къ посту. Врачи приняли всѣ предосторожности, какія только возможны, для наблюденія за дѣйствительностію пощенія. Обыскали все его платье, перетрясли постель, осмотрѣли комнату, чтобы не дать возможности скрыть какого нибудь питательнаго вещества, и разъединили его со всѣмъ окружающимъ міромъ. Газеты и письма передавались доктору только послѣ самаго тщательнаго осмотра. О всѣхъ его движеніяхъ и состояніяхъ велся подробный отчотъ въ книгѣ. Докторъ уже пожилой человѣкъ, обладаетъ значительнымъ юморомъ и съ веселымъ настроеніемъ отдался тяжелому подвигу. Онъ здоровъ собой, съ румянымъ лицомъ, хотя уже и съ сѣдыми волосами. Первые четыре дня докторъ былъ бодръ и свѣжъ, какбы ни въ чемъ не бывало, весело говорилъ и шутилъ со своими учеными наблюдателями и посѣтителями. Но на пятый и шестой день голодъ замѣтно сталъ заявлять о себѣ, и свѣтлые глаза его значительно потухли. Тѣ врачи, которые подсмѣивались надъ нимъ, тотчасъ же провозгласили неудачу опыта и предсказывали, что постящійся докторъ не проживетъ еще и двухъ дней, если не откажется отъ своего «безумнаго» опыта. Черезъ нѣсколько дней они однако же должны были значительно отодвинуть день смерти доктора. Пятый и шестой дни были, по мнѣнію самого постника, тяжелымъ для него кризисомъ, по прошествіи котораго опять должны наступить легкіе дни. И дѣйствительно, на слѣдующіе дни бодрость опять возвратилась къ доктору, огонь засвѣтился въ глазахъ, и даже румянецъ заигралъ на щекахъ, какъ будто постникъ скушалъ превосходный бифштексъ изъ кентуккскаго мяса и запилъ хорошимъ портеромъ. А между тѣмъ онъ не принялъ въ ротъ абсолютно ничего—ни крошки хлѣба и ни капли воды. Это до того поразило предсказывателей его смерти, что они поло-

жительно не знали, что дѣлать. Они стали даже подозрѣвать самихъ сторожащихъ врачей въ сообществѣ съ докторомъ и не прочь были всѣхъ ихъ обвинить въ обманѣ. Одинъ изъ врачей-скептиковъ, особенно настаивавшій на неизбѣжности смерти доктора на 7-й или 8-й день, явившись лично въ залу голоднаго опыта, произвелъ настоящую бурю, обвиняя всѣхъ въ обманѣ. Это такъ подѣйствовало на нервы постящагося доктора, что онъ послѣ рыдалъ какъ ребенокъ и заявилъ, что это потрясеніе стоило ему добрыхъ десяти дней поста. Тогда врачи настояли, чтобы онъ принялъ нѣсколько воды, и онъ дѣйствительно принялъ три унціи. Это чудесно оживило его, и онъ опять посвѣжѣлъ и ободрился. Наконецъ, когда прошли 10-й, 12-й, 14-й и 15-й дни пощенія, и докторъ Таннеръ все не умиралъ, какъ предсказывали ему врачи, то вниманіе къ нему стало быстро возростать.

Особенно замѣчательно въ этомъ пощеніи то, что докторъ совершенно не имѣлъ того покоя, который составляетъ главнѣйшее условіе успѣшности опыта. Онъ постоянно принималъ многочисленныхъ посѣтителей, бесѣдовалъ съ ними и докторами, гулялъ и уже на 14 день поста бѣгалъ по лѣстницамъ на верхнюю галлерею для прогулки съ такою быстротой, съ какою только демократическіе политиканы, по замѣчанію одного репортера (зала, въ которой постится докторъ, принадлежитъ демократамъ) бѣгаютъ послѣ митинговъ за виски.

Мало-по-малу слава о докторѣ Таннерѣ пронеслась не только по всей Америкѣ, но и по Европѣ, возбуждая повсюду интересъ, споры, недоумѣнія. Изо-дня-въ-день газеты печатали подробнѣйшіе отчоты о всѣхъ движеніяхъ и состояніяхъ постника, и публика читала ихъ на-расхватъ, какъ во времена наиболѣе важныхъ политическихъ событій. Интересъ естественно возрасталъ по мѣрѣ приближенія поста къ концу, и послѣдніе дни его были днями какой-то лихорадочной агоніи. Зала просто осаждалась посѣтителями и входная плата

въ послѣдніе дни давала ежедневнаго сбора по тысячѣ долларовъ. Навѣрное самая блистательная практика не дала бы доктору такого завиднаго дохода! А популярность, которою такъ дорожатъ американцы, возросла до такой степени, что несомнѣнно составляла предметъ зависти для наиболѣе видныхъ политикановъ. Ежедневно дамы изъ высшихъ круговъ заваливали постника букетами, по улицамъ при его обычной прогулкѣ народъ встрѣчалъ его восторженнымъ «ура», а небесно-окія леди украшали его коляску «розами и лиліями» своей ободряющей симпатіи. Письма къ нему ежедневно увеличивались въ количествѣ, такъ что постникъ наконецъ не въ силахъ былъ самъ справляться съ ними и при чтеніи ихъ пользовался услугами окружавшаго его легіона врачей и репортеровъ. Пари объ успѣхѣ его подвига объявлены были во множествѣ и на десятки тысячъ долларовъ. Заинтересованныя въ пари лица постоянно поддерживали его словами одобренія, обѣщая подѣлиться выигрышемъ въ случаѣ успѣха. Спекулянты набросились на постника съ своими услугами, стараясь воспользоваться его популярностью для своихъ цѣлей и окружили его невиданнымъ комфортомъ. Стѣны залы запестрѣли вывѣсками, гласящими: «великолѣпное піанино, услаждающее слухъ постящагося доктора доставлѐно фирмой Брука», находящейся тамъ-то; «лучшій въ мірѣ пружинный тюфякъ, на которомъ постящійся докторъ находитъ сладостный покой, приготовленъ» тамъ-то; «самое любимое чудеснымъ постникомъ качальное кресло доставлено» такою-то фирмой и т. д. Мальчуганы по улицамъ разносили цѣлыя кипы фотографическихъ карточекъ, представляющихъ доктора въ разныхъ фазисахъ его поста, а издательскія фирмы заранѣе извѣщали о приготовляемыхъ ими «исторіяхъ» поста. Однимъ словомъ, знаменитый постникъ сдѣлался центромъ, вокругъ котораго лихорадочно задвигался хаосъ разнородныхъ интересовъ—научныхъ, любознательныхъ, денежныхъ и даже сердечныхъ. Одна леди прислала ему нѣжно-любовное письмо, въ которомъ чарующими словами любящей женщины

ободряла его въ тяжеломъ подвигѣ и въ награду за успѣхъ предлагала ему свою руку и свое сердце. Различныя собранія засыпали его приглашеніями читать лекціи по сотнямъ долларовъ за вечеръ и т. д. и т. далѣе.

Среди этого кружащаго вихря разныхъ интересовъ какъ смертная тѣнь томился самъ несчастный постникъ, измѣряя отуманеннымъ взглядомъ дни и часы ужаснаго подвига. Экспериментъ этотъ по внѣшности физіологическій; но едва ли не болѣе интересенъ въ немъ психологическій элементъ. Въ самомъ дѣлѣ, обречь себя на цѣлыхъ сорокъ дней самой скучной и безсодержательной жизни, при постоянныхъ часъ-отъ-часу усиливающихся физическихъ страданіяхъ, при альтернативѣ смерти или всеобщаго посрамленія и осмѣянія, несомнѣнно ждавшихъ его въ случаѣ неудачности опыта—значило совершить грандіозный подвигъ, рѣшиться на который, а тѣмъ болѣе довести до конца, можно было только человѣку съ необыкновенною силой воли. Американцы чрезвычайно высоко цѣнятъ всякую силу, будь она физическая или психическая, и теперь просто благоговѣли предъ проявленною докторомъ силой воли, и многочисленныя овація ему вызывались главнымъ образомъ этой стороной опыта. Какъ овація, такъ и страданія доктора возростали по мѣрѣ приближенія поста къ концу. Послѣдніе три дня были почти роковыми для доктора, и врачи настойчиво требовали прервать постъ; но постящійся докторъ настоялъ на своемъ—и закончилъ его съ торжествомъ въ 12 часовъ въ субботу 7-го августа.

Въ сороковой день своего поста докторъ Таннеръ былъ положительно героемъ дня. Если постъ былъ интереснымъ явленіемъ, то еще болѣе интереснымъ событіемъ сталъ моментъ его прекращенія. Всѣхъ интересовалъ вопросъ, какъ докторъ начнетъ ѣсть послѣ такого продолжительнаго воздержанія. Многіе съ ужасомъ смотрѣли на этотъ моментъ, какъ самый опасный и роковой. Дѣйствительно, желудокъ его до того истощился, что выбрасывалъ даже воду, которую докторъ принималъ въ аптекарскихъ дозахъ. Совѣщанія между врачами отно-

сительно приготовленія соотвѣтственной пищи для своего постящагося паціента начались еще за недѣлю до окончанія поста. Всѣ предосторожности, какія только могла подсказать медицинская мудрость, были приняты. Было составлено нѣсколько рецептовъ, по которымъ должно было начаться питаніе испостившагося доктора. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ повалились для доктора частныя приношенія въ видѣ разныхъ кушаньевъ, и въ субботу громадный столъ въ его залѣ былъ положительно заваленъ всевозможными яствами. Сочные бифштексы, великолѣпные фрукты, цѣлыя дюжины разныхъ винъ и между ними дюжина бутылокъ такъ называемаго русскаго молочнаго вина—расположились стройными рядами въ цвѣточныхъ украшеніяхъ. Входная плата въ послѣдній день была назначена въ долларъ, и несмотря на это зала была переполнена народомъ, и извнѣ еще толпились массы, ожидая роковаго момента, когда докторъ начнетъ ѣсть. Самъ докторъ послѣдніе часы находился въ чрезвычайно возбужденномъ и нетерпѣливомъ состояніи. Онъ постоянно вынималъ и смотрѣлъ на свои часы, какбы высчитывая даже секунды. Наконецъ насталъ роковой и желанный моментъ. Въ противоположномъ домѣ фабричная машина свистомъ возвѣстила двѣнадцать часовъ, рабочіе вышли на крышу дома и гаркнули: «да здравствуетъ докторъ Таннеръ», и вся масса на улицѣ подхватила привѣтъ. Зала огласилась восторженными криками, и піанистъ заигралъ обѣденный маршъ: «Скорѣй, скорѣй къ трапезѣ благодатной»! Докторъ съ засвѣтившимся лицомъ сошелъ съ верхней галлереи и сѣлъ за роскошно убранный столъ. На столѣ было наставлено столько всякихъ кушаньевъ, что разбѣжались бы глаза даже у того, кто совсѣмъ не постился предъ тѣмъ. Поэтому докторъ, не обращая вниманія на столъ, вынулъ свой перочинный ножикъ и спокойно сталъ рѣзать персикъ, который онъ держалъ въ рукѣ уже за полчаса до окончанія поста, постоянно твердя, какъ онъ послѣ заявлялъ, молитву: «и не введи насъ во искушеніе». Персикъ живо улетучился въ пу-

стой желудокъ доктора, и зала огласилась неистовыми криками одобренія, которые мгновенно разлились и по улицѣ. Докторъ весело махнулъ публикѣ платкомъ и еще веселѣе сказалъ: «а, ну-ка, подайте мнѣ вонъ тотъ георгійскій арбузъ»! Восторженный смѣхъ и аплодисменты загремѣли по залѣ. Врачи выразили протестъ и предлагали доктору свои аптекарскія дозы. «Нѣтъ, господа, я сорокъ дней находился подъ вашимъ деспотическимъ правленіемъ; теперь я хочу быть свободнымъ; давайте арбузъ»! Зала опять задрожала отъ восторговъ, и великолѣпный арбузъ изъ штата Георгіи треснулъ подъ ножомъ постника. Затѣмъ докторъ пилъ молоко. На другой день съѣлъ бифштексъ. Врачи ужасались и недоумѣвали, а постникъ только слушалъ да ѣлъ. «Ужъ вы сглонули и бифштексъ»! въ благоговѣйномъ ужасѣ замѣтилъ одинъ студентъ медицины. «Да, сэръ! смотрите и вы подальше держитесь отъ меня, а то я и васъ сглону»! — острилъ постящійся докторъ. Такъ благополучно постникъ перешелъ этотъ ужасный рубиконъ, раздѣляющій постъ отъ питанія. На слѣдующіе дни постникъ продолжалъ ѣсть до утомленія челюстей и замѣчалъ только, что при этомъ въ немъ работалъ каждый мускулъ. «Ѣда теперь мое главное занятіе»! весело говорилъ онъ, уписывая бифштексъ за бифштексомъ.

Никогда еще медицинская наука не встрѣчалась съ такимъ загадочнымъ явленіемъ, какъ этотъ постъ доктора Таннера. Всѣ перипетіи его съ такою невѣроятною силою разрушали всѣ предсказанія и теоріи врачей, что въ средѣ ихъ произошелъ настоящій переполохъ, и въ обществѣ возникъ вопросъ о научной состоятельности современной медицины. Доселѣ медицина обыкновенно утверждала, что человѣкъ безъ пищи можетъ жить не болѣе 10—12 дней. Разсказываются случаи о болѣе продолжительной жизни безъ пищи; но всѣ эти случаи подвергались сомнѣнію, такъ какъ происходили внѣ всякаго регулярнаго наблюденія. Изъ опытовъ различныхъ ученыхъ надъ животными видно, что тѣ живот-

ныя живутъ дольше безъ пищи, которыя имѣютъ больше запаса въ жировыхъ частяхъ. Первые признаки умиранія отъ голода состоятъ въ пониженіи температуры. Докторъ Таннеръ оказался совершенно неподходящимъ подъ рамки этого наблюденія. Его температура за всѣ сорокъ дней поста терпѣла лишь самыя незначительныя колебанія и жировой запасъ его былъ не великъ. Обыкновенный вѣсъ доктора 184 фунта, а когда онъ началъ постъ, вѣсъ его былъ только 157½ фунтовъ. Очевидно онъ началъ свой экспериментъ въ одинъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ моментовъ. Въ животныхъ, подвергавшихся эксперименту голодной смерти, отъ продолжительнаго голоданія происходило мозговое отупѣніе. Такую непріятную перспективу врачи предсказывали и постящемуся доктору, но предсказанія ихъ совершенно не оправдались. Докторъ во все время оставался съ свѣжей головой, и даже въ послѣдніе дни поста его веселый юморъ постоянно забавлялъ многочисленныхъ посѣтителей. На 27-й день поста стало было замѣчаться ослабленіе памяти, но и это скорѣе происходило отъ внѣшней раздраженности и слабости, чѣмъ отъ истощенія мозга. Одинъ извѣстный здѣсь матеріалистъ говорилъ по этому поводу: «Этотъ постъ сдѣлалъ для потрясенія моей вѣры въ матеріализмъ болѣе, чѣмъ все, что я доселѣ зналъ. Мы, матеріалисты, думаемъ, что душа есть простая функція мозга и что при всякой мысли разрушается извѣстная мозговая клѣточка. Если истощается мозгъ, то истощается и ослабѣваетъ его функція—мысль. Теперь же я вижу, что докторъ Таннеръ почти до невозможности истощилъ свой мозгъ страшнымъ опустошеніемъ въ немъ фосфора, и однако же его мысль постоянно ясна и дѣятельна. Я не могу примирить этого съ моимъ убѣжденіемъ». Другою замѣчательною чертой поста было дѣйствіе воды на доктора. Когда онъ принималъ воду, его пульсъ усиливался, краска начинала играть въ лицѣ и онъ чувствовалъ общее оживленіе и укрѣпленіе. Его ткани поглощали воду какъ губка.

Пощеніе началось 28 іюня. Подъ этимъ числомъ въ

книгѣ, назначенной для записи наблюденій врачей надъ перипетіями поста, значится слѣдующее: «Докторъ Генри Таннеръ, 49 лѣтъ, явился въ Кларендонскую залу для совершенія сорока-дневнаго поста. Онъ говоритъ, что сегодня не ѣлъ твердой пищи, но за завтракомъ выпилъ кружку молока, тоже самое количество молока съѣлъ и за обѣдомъ за четверть до 12 часовъ дня. Вѣсъ его съ одеждой 157 1/2 фунтовъ; температура 99 градусовъ (Фаренгейта); пульсъ разнообразится отъ 21 до 24 въ четверть минуты, средній пульсъ 88 въ минуту; количество дыханій 18 въ мин. Докторъ былъ раздѣтъ до нага и тщательно обысканъ. Его платье было тщательно изслѣдовано, и въ немъ не оказалось никакой пищи ни въ какой формѣ». На первый и второй дни докторъ пилъ по нѣсколько унцій воды. Но когда услыхалъ о высказывавшихся подозрѣніяхъ, что онъ съ водой принимаетъ пищу, онъ рѣшился отказаться отъ воды и дѣйствительно долго стоялъ на своемъ рѣшеніи. Воздержаніе отъ воды продолжалось до 15-го дня. Его страданія отъ жажды были ужасны, но онъ переносилъ ихъ съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ. Онъ быстро терялъ вѣсъ, становился безпокойнымъ, нервнымъ и возбужденнымъ и показывалъ признаки скораго кризиса. Вынужденный собственною слабостью, онъ въ пятнадцатый день опять разрѣшилъ себѣ употребленіе воды и выпилъ одну унцію. Далѣе онъ не видѣлъ возможности выдержать опытъ безъ воды и потому рѣшилъ ограничить свой постъ только воздержаніемъ отъ пищи, воду сталъ пить въ волю. Вода дѣйствовала на него чудесно, онъ сталъ смотрѣть бодрѣе и свѣжѣе и ежедневно сталъ дѣлать прогулки въ коляскѣ по парку, разумѣется въ сопровожденіи врачей и репортеровъ. На 25-й день онъ получилъ простуду и къ страданіямъ пощенія чуть не прибавилась лихорадка. Но докторъ самъ вылѣчилъ себя горячею водою. Въ послѣдніе три дня поста особенно много безпокойства причинила постнику сильная рвота; желудокъ выбрасывалъ минеральную воду, которую докторъ принималъ

по совѣту врачей. Минеральная вода въ избыткѣ присылалась ему со всѣхъ сторонъ. Но одинъ кувшинъ воды, присланный изъ Филадельфіи возбудилъ подозрѣніе постника, такъ какъ послѣ нея усиливалась рвота. Онъ нашелъ ее отравленной и высказалъ дагадку, что она прислана ему какимъ нибудь участникомъ дорогаго пари, выигрышъ котораго обусловливался неудачей опыта. На сороковой день предъ началомъ обѣденнаго торжества, докторъ вѣсилъ 121½ фунтовъ. Потеря въ вѣсѣ за все время поста равняется 36 фунтамъ. Все количество выпитой имъ воды 667½ унцій или 44,5 фунта. Высшій пульсъ его былъ 116, низшій пульсъ 66. Высшая температура по Фаренгейту 100⅘, низшая температура 97⅘. Дыханіе разнообразилось отъ 13 до 18 въ минуту. Динамометръ различно показывалъ отъ 196 до 158 фунтовъ для правой руки и 194—158 для лѣвой. Внѣшнія чувства сохраняли свою неизмѣнную остроту и свѣжесть. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней докторъ удивилъ своихъ спутниковъ, когда при прогулкѣ въ Центральномъ паркѣ замѣтилъ крысу въ травѣ и обратилъ на нее вниманіе своихъ спутниковъ, замѣтивъ въ то же время; «вотъ вы говорили, что мои глаза ослабѣли»!

Почтенный постникъ родился въ Англіи и прибылъ въ Америку шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. На 23 году онъ женился на умной и энергичной дѣвушкѣ и велъ скудную жизнь, состоя рабочимъ въ одной каретной фирмѣ. Жена, составляя болѣе энергичную половину этого союза, заставила его открыть для нея фруктовую лавочку, а затѣмъ, неудовлетворяясь доходами и отъ этого промысла, побудила его учиться медицинѣ. Она сама вмѣстѣ съ нимъ поступила въ эклектическій медицинскій институтъ въ г. Цинциннати, и успѣшно оба окончили курсъ. Послѣ они года три занимались медицинскою практикой въ различныхъ мѣстахъ штата Огайо и вмѣстѣ съ тѣмъ въ одномъ городѣ содержали русско-турецкія бани съ разными научными усовершенствованіями и приспособленіями. Докторъ отъ природы не надѣленъ былъ

практическимъ тактомъ и постоянно преданъ былъ разнымъ теоріямъ и мечтаніямъ къ великой досадѣ его до конца волосъ практической жены. Вѣроятно это было причиной того, что они развелись нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Его жена послѣ заявляла, что ей житья не было отъ мужа съ его разными теоріями. Когда она стала прихварывать, то онъ будто бы чуть не уморилъ ея голодомъ, прилагая къ ней свою теорію лѣченія посредствомъ воздержанія отъ пищи. Послѣ развода жена доктора по прежнему продолжала вести медицинскую практику, а докторъ вполнѣ предался своей страсти къ теоріямъ. Не имѣя уже болѣе подъ руками своей жены для испробованія на ней эксперимента сорока-дневнаго поста, докторъ порѣшилъ употребить для этого свою собственную личность, и дѣйствительно первый опытъ такого поста блистательно выдержалъ въ своемъ кабинетѣ подъ наблюденіемъ своего коллеги и собрата по оружію. Тогда онъ будто бы выдержалъ постъ въ 42 дня. Наблюдавшій за нимъ во время этого перваго поста докторъ Мойеръ высказываетъ увѣренность, что Таннеръ честно воздерживался тогда отъ пищи въ продолженіе 42 дней. По его мнѣнію постникъ — честный энтузіастъ, чрезвычайно увлекающійся, пожалуй нѣсколько тронутый, но ничуть не обманщикъ; страдаетъ отъ излишней страсти къ пріобрѣтенію извѣстности, обладаетъ сильною волей и флегматическимъ расположеніемъ тѣла, что даетъ ему возможность по произволу останавливать дѣятельность своихъ органическихъ функцій. Между прочимъ и во время теперешняго поста врачи замѣтили за нимъ интересную черту, что онъ могъ засыпать по произволу, а такою способностью, какъ извѣстно, обладаютъ очень рѣдкіе люди и между прочимъ ею отличался Наполеонъ I-й. Во время теперешнято поста его разведенная жена съ интересомъ слѣдила за его опытомъ и заранѣе высказывала увѣренность, что онъ съ успѣхомъ окончитъ его. Она чрезвычайно увѣрена въ его энергіи и выносливости въ области теоріи, но считаетъ его совершенно неспособнымъ къ практической

жизни. У доктора живъ еще старикъ отецъ. Отъ старика долго скрывали страшный опытъ его любимаго сына, боясь встревожить его старые нервы. Но старикъ оказался истиннымъ отцемъ своего сына. Узнавъ о постѣ, онъ сказалъ: «Ну, если мой Генри сказалъ, что онъ выпоститъ, то онъ непремѣнно выпоститъ. Онъ никогда не нарушалъ своего слова».

По окончаніи своего перваго поста докторъ пытался воспользоваться молвой о немъ для пріобрѣтенія популярности и связанныхъ съ нею практическихъ выгодъ. Но тогда это ему не удалось. Первый опытъ его былъ встрѣченъ сомнѣніемъ и даже насмѣшками со стороны публики и его собратовъ по оружію. Зато теперь его страсть къ славѣ нашла полное удовлетвореніе. Онъ теперь самый извѣстный докторъ въ Америкѣ, а извѣстность здѣсь—деньги.

VI. Страсть къ состязаніямъ.

Рыцари черепахи и обжорливый генералъ.— Борцы и пѣшеходы.—Сочетаніе удовольствія съ пользой.—Лѣтняя перипатетическая школа философіи.—Царь изобрѣтателей и новое свѣтило для нашей планеты.—Романъ въ жизни Эдисона.

Въ то время какъ постящійся докторъ удивлялъ міръ своимъ абсолютнымъ голоданіемъ и боролся своимъ желудкомъ съ законами природы, въ другомъ мѣстѣ одинъ почтенный генералъ нарушалъ всѣ законы природы непомѣрнымъ обжорствомъ. Среди всякихъ курьезныхъ и странныхъ клубовъ, въ Нью-Іоркѣ есть и клубъ такъ называемыхъ «рыцарей черепахи». Главною своею цѣлью они считаютъ усовершенствованіе искусства въ приготовленіи черепашьихъ суповъ. Черепаха въ большомъ употребленіи въ Америкѣ, и рестораны

на Бродвеѣ въ качествѣ приманки и объявленія часто выставляютъ у дверей громадныхъ живыхъ черепахъ, которыя и двигаютъ своими лапами и головой на потѣху прохожихъ. Названный клубъ идетъ впереди всѣхъ по черепашьему вопросу и считаетъ это своею славою и гордостью. Надняхъ былъ годичный праздникъ въ клубѣ, и великолѣпный обѣдъ состоялъ главнымъ образомъ изъ черепашьихъ суповъ и шампанскаго. Предсѣдатель клуба назначилъ въ этотъ день премію тому, кто больше всѣхъ съѣстъ черепашьяго супа. Состязаніе естественно было страшное, члены клуба ѣли супъ что называется до кроваваго пота. По окончаніи обѣда, когда «рыцари» закурили сигары, президентъ торжественно объявилъ, что премія принадлежитъ генералу Барнарду, который съѣлъ больше всѣхъ. Доблестный генералъ съѣлъ девяносто девять (99) тарелокъ супа, тридцать три (33) яйца и выпилъ восемнадцать (18) стакановъ водки (бранди). Не всегда генералы могутъ похвалиться такими доблестями.

Трудно еще указать народъ, который бы такъ любилъ состязанія всякаго рода, какъ любятъ ихъ американцы. Въ этомъ отношеніи они, можно сказать, далеко превосходятъ даже англичанъ, этихъ извѣстныхъ любителей спорта. Газеты ежедневно объявляютъ о самыхъ причудливыхъ состязаніяхъ, надъ которыми можно только руками развести отъ ихъ ребяческой наивности, а между тѣмъ американцы — отъ сѣдовласыхъ янки до цвѣтущихъ миссъ — массами отправляются на зрѣлище ихъ, и печать посвящаетъ цѣлые столбцы на подробное до утомительности описаніе ихъ. Нечего уже и говорить, какимъ важнымъ событіемъ является такой фактъ, какъ, напримѣръ, бывшее недавно состязаніе американцевъ съ ирландцами въ мѣткости стрѣльбы. Американцы слѣдили за нимъ почти съ такимъ же замираніемъ сердца, какъ русскіе за осадою Плевны; по крайней мѣрѣ газеты передавали перипетіи состязаній съ такими подробностями, съ которыми ни въ какое сравненіе не могли идти у насъ извѣстія изъ-подъ Плевны; цѣлые столбцы занимались телеграфными корес-

понденціями съ мѣста дѣйствія въ Ирландіи, а между тѣмъ вѣдь каждое слово по океанскому кабелю стоитъ 75 центовъ или, по нашему курсу, 1½ рубля. Особенною любовью у нихъ пользуется также весельная гонка. Коллегіи ежегодно производятъ состязанія, и надо видѣть тотъ интересъ, съ которымъ общество слѣдитъ за ними. Вся честь коллегіи зависитъ отъ успѣха ея весельнаго состязанія. Коллегія-побѣдительница на цѣлый годъ окружается какимъ-то особеннымъ ореоломъ, и замѣчательно, общество считаетъ ее обыкновенно лучшею въ научномъ отношеніи, и отцы добиваются помѣщенія своихъ дѣтей въ эту коллегію, какъ особенной чести. Наконецъ и самыя коллегіи очень ревнивы въ поддержаніи своей чести и пріемъ воспитанниковъ обусловливаютъ извѣстнымъ цензомъ ихъ физической силы, извѣстною мѣркой ширины груди и толщины верхняго состава руки. Если воспитаннику хоть одного дюйма не достаетъ до установленной мѣрки въ груди и рукахъ, то будь онъ хоть семи пядей во лбу — ему не поступить въ славящуюся коллегію. Очень любимы также состязанія въ борьбѣ — въ родѣ древнихъ гладіаторскихъ, причемъ только вмѣсто мечей служатъ здоровенные кулаки. Борьба бываетъ обыкновенно чрезвычайно упорная, такъ какъ за ней часто кроются десятки тысячъ долларовъ; борцы бьютъ другъ друга съ звѣрскою ожесточенностью; у европейца сердце сжимается отъ ужаса, а небесноокія американки только съ невиннымъ ликованіемъ махаютъ платками и щеки ихъ горятъ огнемъ наслажденья. Весьма часто одного изъ борцовъ, а иногда и обоихъ съ арены отправляютъ прямо въ госпиталь, но зато головы ихъ съ избыткомъ украшаются побѣдными вѣнками отъ милосердствующихъ леди. Курьезный примѣръ любви американцевъ къ подобному удовольствію, особенно если за нимъ лежитъ крупный долларовый кушъ, представила въ послѣднее время одна счастливая чета, мужская половина которой надѣлена судьбой здоровыми кулаками. Изъ Южной Америки прибылъ сюда знаменитѣйшій боецъ, обладающій «самыми здоровыми

кулаками во всемъ южномъ полушаріи» земли и предложилъ свои услуги любителямъ этого удовольствія. Любитель конечно тотчасъ же нашелся и объявилъ побѣдное пари въ 15,000 долларовъ. Объявленіе нашло денежнаго состязателя, но не было еще кулачнаго. Тогда нѣжная половина счастливой четы сказала своей здоровенной половинѣ: «Милый Чали (уменьшительно-ласкательное названіе Чарльза), вотъ тебѣ хорошій случай сдѣлать деньги: иди и побѣди»! Здоровенная половина немножко съежилась отъ перспективы, но что сильнѣе любви и денегъ? — и Чали пошелъ на арену. Когда уже на аренѣ онъ встрѣтилъ предъ собой чудовищные кулаки своего противника, то мужество бѣдняги готово было уйти въ пятки, и ему въ пору было отказаться отъ борьбы. Вдругъ въ самый критическій моментъ съ балкона раздался нѣжный голосъ: «мужайся, милый Чали, и ты побѣдишь»! Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ свою нѣжную половину, которая въ лѣвой рукѣ держала побѣдный для него вѣнокъ, а въ правой таблицу съ крупною надписью: «пятнадцать тысячъ долларовъ»! Эта картина возвратила ему мужество, онъ ринулся въ битву, и чрезъ полчаса его противникъ валялся на полу, безсильно махая своими самыми здоровыми въ южномъ полушаріи кулаками. Таково могущество женщины и долларовъ.

Въ подобномъ кулачномъ состязаніи конечно можно найти еще нѣкоторыя интересныя черты, но мнѣ пришлось быть однажды на состязаніи пѣшеходовъ: скучнѣе трудно себѣ представить что нибудь, а между тѣмъ американцы просто сходили съ ума отъ восторговъ и ликованій. О состязаніи объявлено было пышными рекламами, и американцы тысячами валились въ громадную залу присутствовать при немъ и слѣдить за всѣми его перипетіями. «Были вы на состязаніи пѣшеходовъ»? спрашиваетъ меня мой знакомый докторъ-янки. «Нѣтъ еще, докторъ».—«Да какъ же это можно?» чуть не вспылилъ почтенный эскулапъ. «Вѣдь это величайшее въ мірѣ состязаніе. Только въ Америкѣ вы и увидите. Въ вашей Россіи ничего подобнаго. Непремѣнно, непремѣнно сходите»! —

«Схожу, схожу, докторъ», успокоилъ я негодующаго эскулапа. «Ну, какъ вамъ понравилось состязаніе пѣшеходовъ»? вдругъ спрашиваетъ меня знакомый методистскій пасторъ. «Извините, почтенный отецъ, я еще не былъ на состязаніи»! — «Вы еще не были? My lord, стыдитесь говорить это. Какое проявленіе терпѣливости, выносливости! Я вамъ просто приказываю сходить. Иначе вы никогда не увидите ничего подобнаго»! кипятился пасторъ. «Ну, какъ вамъ не стыдно, что вы до сихъ поръ не пригласили меня на пѣшеходное состязаніе»! съ упрекомъ говорили мнѣ хорошенькія губки. Тутъ уже не такъ легко было отдѣлаться какъ прежде, и я отправился на это величайшее въ мірѣ состязаніе. Громадная зала, вмѣщающая до 15 тысячъ народа, была переполнена зрителями. Оркестръ неустанно игралъ любимыя національныя пѣсни; народъ кричалъ и безумствовалъ; большая галлерея наполнена репортерами газетъ; наверху крупныя передвижныя цифры показывали количество пройденныхъ миль, а по большой круговой линіи какъ тѣни бродили несчастные состязатели—пѣшеходы. Состязаніе положено было семидневное, и это былъ уже пятый день. Почти совершенно безъ сна и отдыха состязатели изо дня въ день ходили по этой линіи, подгоняемые заинтересованными лицами, вложившими десятки тысячъ долларовъ пари. Нѣкоторые изъ пѣшеходовъ до того казались истощенными, что меня брало опасеніе быть свидѣтелемъ ихъ безчеловѣчной смерти. А американцы только ликуютъ и восторгаются, леди махаютъ платками и криками искажаютъ свои хорошенькіе ротики, бросаютъ цвѣты, которые торжествующимъ страдальцамъ не подъ силу даже поднять. И страдальцы опять напрягаютъ свои силы и ускоряютъ свои еле двигающіяся ноги. Всѣхъ состязателей было семь, и трое изъ нихъ ежедневно дѣлали почти по сотнѣ миль. Побѣдителемъ оказался одинъ молодой негръ, сдѣлавшій въ недѣлю 602 мили. Лишь только состязаніе объявлено было законченнымъ, какъ бѣдняга упалъ и мгновенно заснулъ, не смотря на восторженный ревъ десятитысячной толпы, привѣтство-

вавшей его побѣдителемъ. Благо, что хоть не дурно вознаграждается такая убійственная побѣда. Негръ получилъ за эту побѣду 17,000 долларовъ.

Такъ и многими другими способами дурачатся наши заатлантическіе друзья. Кромѣ описанныхъ выше «рыцарей черепахи» въ Нью-Іоркѣ много другихъ рыцарей подобнаго же рода, которые въ свои годичные праздники обыкновенно потѣшаютъ публику выходками шутовства и комизма. Замѣчательно отношеніе печати къ этимъ шутовскимъ праздникамъ. Она совсѣмъ не ворчитъ на нихъ, а тѣмъ болѣе не мечетъ громовъ и молній на рыцарей; напротивъ сама принимаетъ живое участіе въ нихъ и въ лучшихъ газетахъ вы можете читать обыкновенно юмористическое описаніе подобныхъ шутовскихъ празднествъ. Это не значитъ однако же, что наши друзья всецѣло проникнуты шутовствомъ. Въ нихъ чрезвычайно много живости и юмора, которые при веселости совершенно естественно переходятъ въ беззаботное ребячество и шутовство. Въ другихъ случаяхъ они умѣютъ и «серьезно» веселиться, соединяя пользу съ удовольствіемъ. Примѣромъ такого сочетанія пользы съ удовольствіемъ можетъ служить «философская школа на дачѣ». Американцы, какъ извѣстно, не особенно большіе любители философскаго превыспренняго умозрѣнія. Чистая выручка для нихъ неизмѣримо важнѣе самыхъ смѣлыхъ и плодотворныхъ философскихъ выводовъ. Есть однако же и исключенія между ними, люди всей душой преданные интересамъ философскаго знанія. Не будучи особенно оригинальными въ мышленіи, они, какъ истые американцы, оригинальны въ формахъ проявленія своей любви къ философіи. Одинъ изъ нихъ, богатый американецъ Алькотъ, возъимѣлъ страстное желаніе основать въ Америкѣ такую философскую школу, которая была бы полнымъ воспроизведеніемъ древнихъ философскихъ школъ, гдѣ философствовали Сократы, Платоны и другія свѣтила древняго міра. Сказано—сдѣлано. Въ сосѣднемъ штатѣ Массачузетъ, отличающемся наиболѣе романтическими красотами природы, есть незначительное мѣстечко Кон-

кордъ. Окрестности его такъ живописны и здоровы, что каждое лѣто обыкновенно занимаются тысячами дачниковъ со всѣхъ сторонъ. Алькотъ порѣшилъ здѣсь основать свою философскую школу. Въ запрошломъ году онъ воздвигъ великолѣпное зданіе для академіи, пригласилъ профессоровъ и открылъ лекціи. Дачники сначала дичились академіи, но потомъ мало по малу вошли во вкусъ. Теперь уже слава объ академіи разнеслась по всей странѣ и для присутствованія на лекціяхъ пріѣзжаютъ иные за тысячи миль. И вотъ философская академія дѣйствительно теперь въ полномъ ходу. Кромѣ регулярныхъ профессоровъ, для чтенія лекцій прибыло множество любителей, которые одинъ передъ другимъ услаждаютъ дачниковъ плодами своего философскаго умозрѣнія. Леди конечно не отстаютъ отъ джентльменовъ и нѣкоторыя изъ нихъ также читаютъ лекціи. Въ перемѣны играетъ оркестръ музыки, а неподалеку и «освѣжительное». По окончаніи лекціи ученики и учителя разсыпаются по великолѣпному парку и ведутъ частныя бесѣды по философскимъ предметамъ. Шумъ лѣсовъ и плескъ окрестныхъ водъ придаютъ романтическій характеръ этимъ философскимъ удовольствіямъ. Самъ основатель академіи, уже восьмидесятилѣтній старикъ, какъ ребенокъ прыгаетъ отъ удовольствія, видя осуществленіе своей давнишней мечты. Курсъ лекцій двухмѣсячный, ограничивающійся лѣтнимъ дачнымъ сезономъ.

Состязанія у американцевъ часто содѣйствуютъ научнымъ и техническимъ открытіямъ. Это подтвердилось на примѣрѣ великаго американскаго изобрѣтателя Эдисона. Какъ извѣстно, предъ великимъ геніемъ этого «царя изобрѣтателей» природа послушно открываетъ свои сокровенныя тайны. Только въ одномъ электрическомъ освѣщеніи она предпочла ему нашего Яблочкова, который и пожалъ богатые лавры. Но эти лавры вскружили голову «царю изобрѣтателей» и не давали ему спать. Онъ удалился въ свою лабораторію и поклялся: или никогда не выходить изъ нея, или выйти съ такой электрической лампой, которая удивитъ міръ. Полтора года Эдисонъ

усиленно работалъ надъ экспериментами въ этой области; о немъ не было ни слуху ни духу, и всѣ стали даже забывать о великомъ изобрѣтателѣ, какъ вдругъ въ воскресенье 21 декабря прошлаго года по городу разнесся кличъ: новое великое изобрѣтеніе великаго человѣка! «Herald» приложилъ къ своему воскресному номеру особый листъ, въ которомъ подробно, документально, съ гравюрами и политипажами описывалась изобрѣтенная Эдисономъ электрическая лампа, обѣщанная имъ. Передовая статья громко трубила, что великая проблемма, какъ *дешево*, *пріятно и безопасно* освѣщать улицы, церкви, театры и дома, наконецъ геніально разрѣшена. Извѣстіе это было такъ неожиданно, что неподготовленная публика не могла составить себѣ болѣе или менѣе опредѣленнаго представленія о его предметѣ, и оно произвело большое впечатлѣніе только въ биржевомъ мірѣ, гдѣ акціи газовыхъ обществъ сразу ухнули въ бездну, изъ чего смѣтливые люди не преминули извлечь не малые проценты. На другой и на третій день о новомъ изобрѣтеніи не было ни малѣйшихъ разъясненій, и сомнѣніе стало закрадываться въ душу: не есть-ли эта лампа одна изъ многочисленныхъ утокъ, которыя хитрые янки частенько пускаютъ по чистой водѣ? Но тутъ помогли разъясненію дѣла репортеры, эти вѣрные слуги газетъ и публики. Они разсыпались по городу и отчаянно стучали въ двери здѣшнихъ знаменитыхъ физиковъ и техниковъ, требуя впустить ихъ къ себѣ на добровольный экзаменъ. Бѣда здѣсь ученымъ! Они каждый часъ должны ожидать, что вотъ ворвется въ ихъ дверь репортеръ и спроситъ: а что вы думаете по такому-то вопросу? Извѣстный профессоръ Дрэперъ на подобный вопросъ репортера отвѣтилъ только съ улыбкой, что конечно Эдисонъ великій человѣкъ, но объ его новомъ изобрѣтеніи, до практическаго его примѣненія, онъ ничего не можетъ сказать,—и постарался поскорѣе выпроводить докучливаго собесѣдника. Другой профессоръ, знаменитый здѣшній технологъ Мортонъ, извѣстный своими изслѣдованіями по физикѣ, даже предупредилъ репортеровъ и прислалъ въ

одну изъ газетъ свой отзывъ, въ которомъ протестовалъ противъ провозглашенія о результатѣ опытовъ Эдисона въ области электрическаго освѣщенія, какъ о «чудесномъ успѣхѣ», такъ какъ «каждый, знакомый съ дѣломъ, съ увѣренностію можетъ предсказать о его неудачѣ».

Какъ бы то ни было, представители науки отказались дать какое-либо положительное разъясненіе о занимавшемъ всѣхъ открытіи. Тогда репортеры стали осаждать лабораторію самого Эдисона, требуя отъ него дальнѣйшихъ расъясненій. Одинъ изъ нихъ разсказываетъ слѣдующее о своемъ посѣщеніи «угольнаго дворца» Эдисона.

Послѣ обычнаго стука въ дверь, въ кабинетѣ встрѣтилъ репортера самъ «царь изобрѣтателей», небольшого роста, приземистый джентльменъ съ запачканными руками, и любезно повелъ его въ свою лабораторію, откуда должно выйти новое солнце для нашей планеты. «Вотъ та лампа, которая надѣлала вамъ такъ много хлопотъ», съ улыбкой сказалъ Эдисонъ, указывая на свое изобрѣтеніе, и сталъ объяснять ея особенности и секреты. Лампа эта образецъ простоты и экономіи. Свѣтъ въ лампѣ производится посредствомъ подковообразнаго кусочка обугленной бумаги, около двухъ съ половиной дюймовъ длины и въ нитку толщины. Подковка эта помѣщена въ стекляной колбочкѣ, изъ которой воздухъ вытянутъ настолько, насколько это возможно при данныхъ средствахъ науки, такъ что тамъ, быть можетъ, осталась какая-нибудь одна милліонная часть его.

Изобрѣтатель показалъ и практическое примѣненіе своего изобрѣтенія. Онъ стоялъ какъ разъ подъ обыкновенной газовой канделяброй, на которой горѣли двѣ его лампы. Онъ снялъ одну изъ нихъ и она оказалась простой стеклянной колбой. Онъ опять поставилъ ее на рожокъ и немедленно блестящая подковка золотымъ свѣтомъ освѣтила колбу. Повернувъ винтъ въ лампѣ, Эдисонъ уменьшилъ свѣтъ до степени искры, потомъ завернулъ совсѣмъ, какъ завертываютъ газъ, и послѣ опять отвернулъ, причемъ опять явилось ве-

ликолѣпное пламя. Изъ этого можно было видѣть, что электрическій свѣтъ въ его лабораторіи повинуется его волѣ такъ же, какъ газовый свѣтъ повинуется привыкшимъ обращаться съ нимъ рукамъ.

«Я могу сказать, — говорилъ съ видимымъ самодовольствомъ великій изобрѣтатель,—что электрическій свѣтъ усовершенствованъ вполнѣ, и всѣ проблеммы, которыя затрудняли меня въ теченіи послѣднихъ 18 мѣсяцевъ, разрѣшены. Я надѣюсь освѣтить здѣсь каждый домъ. Когда мнѣ удастся выставить нѣсколько лампъ на улицѣ, я оставлю ихъ горѣть день и ночь по крайней мѣрѣ недѣли на двѣ, чтобы хорошенько попробовать свой уголь. Я увѣренъ, что онъ нерасплавимъ, — я убѣдился въ этомъ посредствомъ опытовъ въ моей лабораторіи, производившихся цѣлыя недѣли,—но я хочу, чтобы и публика убѣдилась въ этомъ, и убѣдилась своимъ собственнымъ опытомъ. Я думаю, что моя обугленная бумага— единственное вещество, способное вполнѣ раскаляться и въ тоже время настолько огнеупорное, чтобы, проводя электрическій токъ, не разрушаться. Пустота въ колбѣ конечно не представляетъ ничего для горѣнія, но сильный жаръ, производимый электричествомъ, разрушилъ бы всякое вещество, кромѣ обугленной бумаги. Тутъ абсолютно нечему расплавляться: это простой, чистый уголь, и нашъ вѣкъ еще не знаетъ такой машины, которая могла бы произвести достаточно электричества для его разрушенія».

Имя «царя изобрѣтателей» послѣ полутора-годоваго молчанія о немъ опять у всѣхъ на языкѣ. У насъ въ Россіи также часто упоминаютъ о немъ, но едва ли извѣстна хоть десятая доля изъ его интересной, можно сказать, анекдотической жизни. Въ одной русской книгѣ мнѣ приходилось читать, что Эдисонъ угрюмый холостякъ. Это совершенная неправда. «Царь изобрѣтателей» хорошій семьянинъ и имѣетъ трехъ дѣтей. Женитьба его носитъ настолько романтическій характеръ, что можно разсказать ее здѣсь.

Еще въ 1873 году Эдисонъ, уже извѣстный изобрѣта-

тель, всецѣло занятъ былъ углемъ, батареями, химическими процессами и, казалось, не было такой силы, которая могла бы пробить кору внѣшности, чтобы добраться до его сердца. Но сила эта нашлась; имя ей — любовь. Дѣло было такимъ образомъ. Въ 1873 г. Эдисонъ чрезвычайно занятъ былъ опытомъ надъ усовершенствованіемъ автоматической системы телеграфа. Между приглашенными для работы на различныхъ относящихся сюда машинахъ лицами, была одна чрезвычайно застѣнчивая дѣвушка, которая всецѣло отдавалась своей работѣ и никогда не поднимала глазъ на начинающаго генія. Однажды Эдисонъ стоялъ и смотрѣлъ, какъ она работала своими пухлыми пальчиками. Дѣвушка, по обычаю не поднимая глазъ, нервными движеніями пальцевъ давала однако-же знать, что она была въ страшно смущенномъ состояніи. Наконецъ она не выдержала, опустила свои руки на колѣна и безнадежно взглянула въ лицо Эдисону. Улыбка блеснула на его лицѣ и онъ съ нѣкоторою неловкостью вдругъ обратился къ ней:

— Что вы думаете обо мнѣ, миссъ Мэри? Нравлюсь ли я вамъ?

— Зачѣмъ вы, мистеръ Эдисонъ, смущаете меня? Я... то есть... я...

— Не торопитесь отвѣчать мнѣ. Это не имѣетъ большой важности, если только вы не желаете выйти за меня замужъ.

Дѣвушка расположена была разсмѣяться, но Эдисонъ продолжалъ:

— Я серьезно говорю; однако-же не торопитесь отвѣчать. Подумайте хорошенько, переговорите съ вашей матушкой и скажите мнѣ, какъ только это удобно для васъ будетъ... Ну, хоть во вторникъ. Удобно это будетъ для васъ? Я разумѣю вторникъ слѣдующей недѣли. А?

Мастерская Эдисона въ то время находилась въ Нью-аркѣ, и одинъ его пріятель, служившій въ главной конторѣ Западнаго общества телеграфной компаніи въ Нью-Іоркѣ, возвращаясь

домой съ послѣднимъ поѣздомъ, увидѣлъ свѣтъ въ частной лабораторіи Эдисона и взбѣжалъ на лѣстницу, чтобы вывести своего пріятеля изъ его обычнаго состоянія полузабытья надъ какимъ-нибудь сложнымъ пунктомъ телеграфной науки.

— Эй, Томъ! закричалъ весело посѣтитель. Что вы тутъ дѣлаете до этой поздней поры? Пойдемте домой!

— Сколько времени? спросилъ Эдисонъ, сонливо протирая глаза и потягиваясь, подобно вдругъ пробужденному льву.

— Скоро полночь. Пойдемте.

— Неужели?—удивленно спросилъ Эдисонъ. — Такъ мнѣ надо идти домой. Вѣдь я *сегодня женился!*

Несмотря на такую кажущуюся невнимательность къ важному дню въ своей жизни, Эдисонъ, можно сказать, примѣрный семьянинъ, и семейство его, состоящее теперь изъ трехъ малютокъ—одно изъ самыхъ счастливыхъ.

VII. На берегу океана.

Лѣтнія убѣжища янки.—На берегу океана.—Чудеса построекъ.—Башня столѣтней годовщины и желѣзный ресторанъ.—Кубанецъ и гаитянинъ.—Морское купанье.—Народныя увеселенія.—Голова негра вмѣсто мишени. -Ночь на островѣ.—Ночная экскурсія по океану.

Бываютъ иногда въ человѣческой жизни моменты, когда самое существованіе становится невыносимымъ бременемъ. Такимъ моментомъ въ столицѣ Новаго Свѣта служитъ цѣлое лѣто. Жары стоятъ адскіе, солнце сверху, а раскаленная мостовая снизу какбы пламенемъ пронизываютъ васъ насквозь, и самые листья каштановыхъ деревъ, которыми въ избыткѣ

усажены тротуары, вмѣсто прохлады вѣятъ какимъ-то удушающимъ зноемъ. Къ счастью тутъ же подъ бокомъ расположился дѣдушка-океанъ, и вотъ всѣ, кому только есть возможность хоть на моментъ оторваться отъ убійственной машины «деньго-дѣланья», устремляются за-городъ въ лѣтнія убѣжища, во множествѣ разбросанныя по прибрежнымъ океанскимъ островамъ. Самымъ популярнымъ и любимымъ лѣтнимъ убѣжищемъ въ настоящее время служитъ Кроликовъ островъ (Coney Island), и описаніе его можетъ служить небезъинтересною картинкой изъ лѣтней жизни американцевъ.

Въ одинъ изъ самыхъ знойныхъ дней, когда термометръ смѣло грозилъ перешагнуть за сто градусовъ по Фаренгейту, я изъ опасенія заживо быть изжареннымъ отправился на Кроликовъ островъ. Трехъ-этажныя громады плавучихъ дворцовъ-пароходовъ одинъ за другимъ отправлялись съ пристани на рѣкѣ Гудсонъ, увозя массы истомленнаго потѣющаго люда. Въ рѣкѣ Гудсонѣ не только въ окружности Нью-Іорка, но и на 50 миль выше, вода соленая отъ постоянныхъ океанскихъ приливовъ, и потому уже при самомъ вступленіи на пароходъ чувствуется охлаждающее дыханіе морскаго зефира. Великолѣпный плавучій дворецъ «Леонора» двинулся въ путь. Съ передней платформы верхняго этажа открылся очаровательный видъ на всю панораму устья Гудсона. Съ правой стороны на возвышенномъ берегу высятся шпицы столицы сосѣдняго штата Нью-Джерси, слѣва тѣснятся къ берегу красныя и шоколадныя громады Нью-Іорка, вдали виднѣются ворота въ океанъ, а внизу роится густая масса всевозможныхъ судовъ и пароходовъ, какимъ-то чудомъ ускользающихъ отъ величаво-плывущаго дворца. На палубѣ всѣ усиленно вдыхаютъ свѣжій морской воздухъ, а неизбѣжный оркестръ отважно ударилъ популярную пѣсню: «Эхъ, Эмма, въ трудную ты поставила меня дилемму!» Между тѣмъ пароходъ уже вышелъ въ нью-іоркскій заливъ, миновалъ угрюмый островокъ, гдѣ обиталъ генералъ Генкокъ въ ожиданіи переселенія въ Бѣлый Домъ, — только бы демократы съумѣли

постоять за него,—и вотъ уже онъ въ воротахъ, ведущихъ въ открытый океанъ. Океанскій корабль изъ Гамбурга тихо подвигался ко входу въ Новый Свѣтъ, какбы истомленный отъ двухнедѣльнаго безостановочнаго пути, и массы европейскихъ эмигрантовъ удивленно глазѣли на американскій плавучій дворецъ. Немного въ сторону плавно двигалась парусами громадная барка, переполненная народомъ. Народъ находился въ страшномъ возбужденіи, тѣснился на носовой части, и отчаянное «ур-р-э-э!» непрерывно разносилось по океану. Взявъ бинокль, я увидѣлъ передъ баркой двѣ головы на поверхности воды, усиленно боровшіяся съ волной, и догадался въ чемъ дѣло. Это — состязаніе пловцовъ, которые, какъ я послѣ узналъ, за призъ въ 2,000 долларовъ должны были проплыть 25 миль. На баркѣ было болѣе тысячи человѣкъ съ платою въ полъ-доллара за входъ и съ обязательствомъ выпить цѣлыя бочки пива, догадливо запасенныя учредителями состязанія. А дворецъ все подвигается дальше въ океанъ—и вотъ уже впереди его невидно земли: одна безпредѣльная площадь воды, на которой изрѣдка бѣлѣютъ паруса одинокихъ судовъ и черными полосками въ голубомъ воздухѣ носятся морскія чайки. Чудесная картина! Но пароходъ, точно вдругъ опомнившись и испугавшись этой безпредѣльной дали, поворачиваетъ налѣво, и скоро предъ вами открывается знаменитый Кроликовъ островъ.

Если смотрѣть издали на береговую линію острова, то можно усомниться въ собственномъ чувствѣ зрѣнія. На блестящемъ бѣломъ пескѣ точно волшебныя громады возвышаются великолѣпные дворцы съ башнями, сверкающими кровлями, террасами, колоннами и неправильностями и украшеніями всякаго рода. Можно подумать, что это обманчивый миражъ, волшебная фатаморгана, а не дѣйствительность. И однако же это реальная американская дѣйствительность, хотя и не безъ примѣси волшебства. Еще какихъ нибудь пять лѣтъ тому назадъ этотъ островъ былъ песчаной пустыней, въ которой безмятежно обитали и прыгали одни кролики, а по бе-

регамъ кое-гдѣ ютились убогія хижины рыбаковъ. Мѣстоположеніе его однако же такъ выгодно въ смыслѣ передоваго поста на пути изъ Европы въ Америку, что правительство Нью-Іоркскаго штата порѣшило построить на немъ башню въ ознаменованіе столѣтней годовщины независимости, праздновавшейся въ 1876 году. И вотъ съ того времени взоры всѣхъ обратились къ острову, онъ сталъ все болѣе входить въ моду, и великолѣпные лѣтніе отели росли изъ песка точно грибы послѣ дождя. Въ настоящее время уже 20.000,000 долларовъ затрачено на береговыя постройки, и каждый годъ онѣ все болѣе расширяются и украшаются. Постройки тянутся по берегу верстъ на десять и даютъ помѣщеніе для десятковъ тысячъ постоянныхъ лѣтнихъ дачниковъ, а случайные посѣтители ежедневно считаются сотнями тысячъ. По воскреснымъ днямъ чуть не полъ-города переселяется на островъ—отдохнуть отъ недѣльнаго труда. Когда я подъѣзжалъ къ острову, то песчаный берегъ его почернѣлъ отъ массъ народа, двигавшагося по береговой линіи между рядомъ дворцовъ и плескомъ океана.

Пароходъ остановился у такъ называемой «Желѣзной пристани». Это первое чудо. Пристань вдается въ открытый океанъ на 150 саженъ и вся построена изъ желѣза и поддерживается надъ водой трубчатыми желѣзными колоннами. Она состоитъ изъ трехъ этажей. Верхній служитъ мѣстомъ прогулки: тутъ играетъ большой оркестръ и во всѣ стороны открывается чудесный видъ какъ на океанъ, такъ и на линію дворцовъ. Спускаетесь въ средній этажъ, и тамъ устроенъ богатый ресторанъ съ тысячами столовъ и приборовъ. Нижній этажъ занятъ купальными комнатами и уже подъ самою пристанью—мѣсто для купанья. При осматриваніи этого чуда архитектурнаго искусства иностранцу нельзя не придти въ изумленіе отъ демонической изобрѣтательности американскаго ума. Только демонъ при помощи доллара могъ выдумать и создать такой волшебный водяной дворецъ. Вся постройка чрезвычайно высокая, и самый сильный валъ океана не до-

стигаетъ даже перваго этажа и только сердито реветъ среди желѣзныхъ колоннъ.

По выходѣ изъ «водянаго дворца» на песчаный берегъ первое, что обращаетъ на себя особенное вниманіе, это — башня, памятникъ столѣтней годовщины. По своему устройству она похожа на «Желѣзную пристань», только идетъ не въ океанъ, а къ небу. Она построена изъ желѣза и представляетъ собою громадный рѣшетчатый прозрачный столбъ. Американцы утверждаютъ, что это высочайшее въ мірѣ зданіе, сдѣланное человѣческими руками. Если часть изъ этой мѣры отнять на долю американскаго хвастовства, отъ котораго они далеко не свободны, то все же башня будетъ очень грандіознымъ зданіемъ. Двѣ подъемныя машины постоянно работаютъ, поднимая охотниковъ на самую верхнюю площадку башни. Красоты открывающейся оттуда панорамы на всю окрестность далеко превосходятъ пятнадцати-центовую плату за подъемъ. Отъ высоты духъ захватываетъ на башнѣ, и вы не сразу осмѣлитесь взглянуть внизъ; а тамъ двуногій червь кишитъ и ползаетъ по песку и вамъ даже страшно становится, какъ бы океанъ не смылъ своею волной этого крохотнаго разумнаго червя. Перспектива океана раздвигается на безконечную даль, въ которой утопаютъ какъ облачка бѣлѣющіе паруса. Волшебная даль океана очаровываетъ васъ и вы не можете оторвать отъ нея глазъ. Мысль уносится въ эту даль и вамъ чудятся берега роднаго континента, — но звонокъ, извѣщающій о прибытіи новаго элеватора, выводитъ васъ изъ забытья и вы спѣшите вдоволь насмотрѣться во всѣ стороны за свои пятнадцать копѣекъ. Западная сторона перспективы, открывающая великолѣпный видъ на столицу Новаго Свѣта съ окружающею ее плеядой сосѣднихъ городовъ— Нью-Джерси, Бруклина, Гобокена, Вильямсбурга и др. — довершаетъ прелесть картины и вы съ вполнѣ удовлетвореннымъ чувствомъ спускаетесь внизъ. Для любителей высоты тутъ же рядомъ есть другое средство — совсѣмъ улетучиться въ голубую высь. На канатѣ въ 1,000 футовъ длиной при-

крѣпленъ громадный воздушный шаръ, который посредствомъ извѣстнаго механизма то притягивается къ землѣ, то опять отпускается въ небесную высь. За нѣсколько центовъ вы также можете испытать и это удовольствіе воздухоплаванія, и любителей обыкновенно такъ много, что шаръ улетучивается къ небу всегда переполненный человѣческимъ грузомъ. Я не имѣлъ духа рѣшиться на такой полетъ, тѣмъ болѣе, что предъ тѣмъ прочиталъ въ газетахъ очень непріятный случай изъ исторіи воздухоплаванія. Въ г. Цинциннати также устроенъ былъ подобный аэростатъ на канатѣ, и благополучно совершали на немъ воздушную экскурсію цѣлыя тысячи любителей. Въ одинъ прекрасный день парочка влюбленныхъ деревенскихъ голубковъ, пріѣхавшая въ городъ для закупки свадебныхъ принадлежностей, захотѣла испытать ощущенія любви въ голубой синевѣ. Съ веселымъ смѣхомъ сѣли они въ лодку аэростата, машина загремѣла и шаръ быстро понесся въ чарующую синеву небесъ. Вдругъ что-то хрупнуло, канатъ упалъ, и шаръ одинъ, уже на крыльяхъ буйной свободы, понесся въ безпредѣльную высь,—чтобы уже никогда не возвращаться. Крикъ отчаянія послышался со стороны несчастныхъ пассажировъ, но помочь имъ не было никакой возможности, скоро шаръ скрылся изъ глазъ — и мнѣ не приходилось послѣ читать о трагической развязкѣ этой ужасной экскурсіи.

Вмѣсто рискованнаго воздушнаго полета я предпочелъ отправиться въ «восточный» ресторанъ и потребовалъ себѣ бифштексъ и портеру. Тутъ я встрѣтился съ двумя своими пріятелями вестъ-индцами—французомъ съ острова Гаити и испанцемъ съ острова Кубы. Болтливый гаитянинъ, который и на этомъ отдаленномъ островѣ сохранилъ всю буйность парижской крови, по обычаю и уже въ сотый разъ сталъ одно и тоже разспрашивать о Петербургѣ, его нравахъ и удовольствіяхъ, увѣрялъ меня, что тамъ всѣ говорятъ пофранцуски и чрезвычайно любятъ вообще французовъ, и наконецъ въ заключеніе своей безконечной болтовни поклялся

независимостью и славой своей республики, что онъ непремѣнно побываетъ въ нашей Сѣверной Пальмирѣ.—«Милости просимъ!»—отвѣтилъ я ему и очень обрадовался, когда онъ быстро повернулся, раскланялся и куда-то помчался,—вѣроятно отыскивая новой жертвы для своей болтовни. Посмотрѣвъ въ слѣдъ этому порхающему гражданину великой Гаитянской республики, а уяснилъ себѣ, почему на островѣ Гаити, составляющемъ самостоятельное государство, почти каждый годъ бываетъ по двѣ революціи, и граждане его то прогонятъ президента и посадятъ на престолъ императора, то свергнутъ императора и опять водворятъ президента—до слѣдующей перемѣны декораціи. Совсѣмъ другаго сорта кубанецъ. Это молодой человѣкъ съ длинными черными усами и курчавою головой; въ глазахъ его горитъ тропическій огонь, но онъ чрезвычайно спокоенъ и даже нѣсколько меланхоличенъ.

— Ну, какъ дѣла, синьоръ Ронкильо?

— Такъ себѣ,—отвѣчалъ онъ нехотя.

— А какъ генералъ Гарсія?

— Дуракъ онъ, а не генералъ!—вспылилъ вдругъ кубанецъ, и глаза его сверкнули огнемъ негодующаго отчаянія.—Ему тысячу разъ говорили, что рано начинать, что еще не все было подготовлено, что непремѣнно онъ влопается какъ крыса въ ловушку. Нѣтъ, не послушался, скорѣе хотѣлъ сдѣлаться президентомъ Кубанской республики, и вотъ теперь предсѣдательствуетъ въ испанской тюрьмѣ, если только не болтается уже на висѣлицѣ. Я только что былъ въ его семействѣ, но тамъ разумѣется слезы, и я скоро ушелъ...

Кубанецъ закрутилъ свои черные усы и сердито застучалъ палкой по столу, требуя себѣ стаканъ веселаго шерри, чтобы разогнать грусть. Это онъ говорилъ объ извѣстномъ предводителѣ кубанскихъ инсургентовъ, который прошлой весной отправился изъ Нью-Іорка на о. Кубу для поднятія возстанія противъ испанскаго правительства и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ стычекъ съ испанскими войсками захва-

ченъ былъ въ плѣнъ съ своимъ главнымъ отрядомъ.—Какъ истинный кубанецъ, онъ живо интересуется судьбой своей родины и постоянно мечтаетъ объ освобожденіи острова отъ испанскаго ига. Сынъ богатаго плантатора на о. Кубѣ, онъ въ медицинской коллегіи приготовлялся къ профессіи врача; но когда десять лѣтъ тому назадъ на Кубѣ разразилось возстаніе, онъ вмѣстѣ съ десяткомъ своихъ товарищей бросилъ коллегію и ринулся на поле битвы. Въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ, голодный и полунагой, жилъ въ горахъ и лѣсахъ, сражаясь съ испанцами. Но когда наконецъ возстаніе стало терять всѣ шансы на успѣхъ, и участникамъ его угрожалъ неизбѣжный плѣнъ, онъ съ нѣсколькими своими товарищами на простой лодченкѣ бросился въ открытый океанъ, и послѣ трехъ дней плаванія благополучно присталъ къ о. Гаити, съ котораго перебрался затѣмъ въ Нью-Іоркъ, гдѣ и занимается теперь приготовленіемъ гаванскихъ сигаръ.

Между тѣмъ въ противоположномъ кіоскѣ оркестръ ударилъ чрезвычайно любимый американцами турецкій маршъ. Дико-сладострастные звуки его взволновали народныя массы, которыя заколыхались и ринулись къ занятію скамеекъ и креселъ предъ фронтомъ кіоска. Сзади же кіоска дѣдушка-океанъ неустанно продолжалъ наигрывать на песчаной арфѣ свою монотонную дикую пѣснь. И этотъ шумный плескъ могучихъ водъ имѣлъ для меня болѣе чарующей силы, чѣмъ даже изысканная мелодія искусства. Я прошелся по песчаному прибрежью, а волны океана мѣрными рядами все набѣгаютъ и набѣгаютъ на песокъ, и иныя не прочь схватить васъ за ноги, если вы не будете достаточно осторожны. Не подалеку надъ самой водой станція «морской желѣзной дороги», идущей вдоль берега предъ фронтомъ построекъ. За пять центовъ я взялъ билетъ, и поѣздъ помчался по самому прибрежью. Это чудесная поѣздка. Смотря изъ вагона въ окно и видя предъ собой только безпредѣльную массу воды, вы даже забываете, что мчитесь по землѣ, и вамъ чудится, что какая то чудовищная сила съ ужасающею быстротой

уноситъ васъ въ невозвратную даль океана. Чрезъ нѣсколько минутъ поѣздъ останавливается, и вы видите предъ собой другую часть острова. Здѣсь такіе же дворцы, съ башнями и террасами, но эта часть имѣетъ болѣе приспособленій для морскаго купанья. И вотъ дѣйствительно весь берегъ пестритъ купающимися, въ ихъ странныхъ фантастическихъ костюмахъ. Мужчины и женщины купаются вмѣстѣ, и изъ воды несется шумъ разнообразныхъ голосовъ—то пискливый крикъ пугливыхъ дѣвъ, то грохочущій хохотъ джентльменовъ. Противъ купанья величественная терраса для зрителей, а подъ террасой тысячи купальныхъ нумеровъ для раздѣванія. Билетъ на купанье и костюмъ 25 центовъ. Трудно что нибудь представить себѣ пріятнѣе океанскаго купанья послѣ удушающаго жара. Плавается по волнамъ легко и свободно, и въ наслажденіи здоровою прохладой вы совершенно забываете только что перенесенную муку отъ палящаго зноя. А волны одна за другою подхватываютъ васъ, а иная положительно выброситъ васъ на мягкій песокъ. Волны идутъ неровно, и вы не можете примѣниться къ нимъ, если не смотрите внимательно за рядомъ надвигающихся издали водяныхъ хребтовъ. Среди ряда валовъ, только омывающихъ ваши колѣна, вдругъ выдается такой валъ, который вдругъ покрываетъ васъ съ головой. Такіе валы иногда опасны. Австрійскій генеральный консулъ недавно жестоко пострадалъ. На своей лѣтней дачѣ онъ сидѣлъ на невысокомъ скалистомъ берегу океана и «удилъ» рыбу, любуясь, разумѣется, больше мелодическимъ плескомъ волнъ. Его нѣмецкая душа всецѣло погрузилась въ созерцаніе красотъ природы, какъ вдругъ совершенно неожиданно набѣжалъ громадный валъ, подхватилъ консула и грохнулъ его внизъ на скалистый грунтъ, причемъ у него раздробило колѣно. Для предупрежденія случаевъ увлеченія волной, мѣсто купанья здѣсь окружено рядомъ спасательныхъ лодокъ. Недавно было пронеслись слухи, что тутъ стали появляться акулы съ большимъ аппетитомъ на человѣческій кусочекъ, и между любителями купанья произошелъ немалый переполохъ; но

слухи эти, какъ оказалось послѣ, были не основательны и пущены въ ходъ спекулянтами-соперниками, желавшими подорвать это купальное учрежденіе.

Послѣ купанья чувствуется свѣжо и не излишенъ стаканъ шерри, а затѣмъ силъ хватитъ на обзоръ подробностей, которыя здѣсь очень разнообразны. Тутъ вы въ сторонѣ увидите и карусель, и кривляющагося «петрушку», и самодвижущіяся качели. Вонъ подъ фантастическою ротондой на пьедесталѣ стоитъ исполинская корова съ золотыми рогами. Народъ окружаетъ ее, а дѣвушки то и дѣло опускаются предъ ней на колѣни. Издали можно подумать, что это янки совершаютъ поклоненіе Апису, а подойдя поближе вы узнаете, что корова представляетъ собою громадный молочный резервуаръ, и дѣвушки доятъ изъ искусственныхъ титекъ молоко для желающихъ. Неподалеку американскій народный музей, съ платой за входъ въ 10 центовъ. Мнѣ не разъ уже приходилось бывать въ дешевыхъ музеяхъ въ Америкѣ, предназначенныхъ для простаго народа, и всегда меня особенно пріятно поражало то, что на первомъ планѣ вы всегда видите большую восковую группу «отцовъ республики», засѣдающихъ во время подписи «декларація независимости». Быть можетъ это было причиной того, что имена этихъ великихъ и мужественныхъ патріотовъ страны или, какъ ихъ обыкновенно называетъ народъ, «рукоприкладчиковъ» (signers), знаетъ наизустъ каждый уличный мальчишка. Вотъ и здѣсь безмолвно стояли эти великіе рукоприкладчики къ граматѣ свободы, которая съ того времени сдѣлалась богиней страны. Между механическими автоматами я замѣтилъ тамъ и доктора Таннера. Механическій двойникъ постящагося доктора въ точности изображаетъ свой живой оригиналъ въ сороковой день его поста. Блѣдный и истощенный, онъ лежитъ на кушеткѣ и слабо махаетъ на себя китайскимъ вѣеромъ. Затѣмъ множество курьезовъ, которые впрочемъ можно видѣть во всякомъ подобномъ музеѣ. Курьезнѣе другихъ вещей мнѣ показалась записная книга, въ которой посѣтители приглашаются

записывать свои имена, а также сдѣлать отзывъ о достоинствѣ музея. Зная по опыту щекотливое тщеславіе янки, я не преминулъ для курьеза тронуть эту слабую струнку и написалъ, что въ музеѣ «много курьезныхъ вещей, никогда невидѣнныхъ мною въ моемъ отечествѣ Россіи». Несомнѣнно янки не разъ самодовольно ухмыльнется, прочитавъ этотъ отзывъ. Рядомъ съ музеемъ пристроились другіе поставщики народныхъ увеселеній. Вотъ за пять центовъ вы можете тяжелымъ молоткомъ грохнуть по наковальнѣ, и она покажетъ силу вашего удара. Тутъ же ружейная стрѣльба въ цѣль, а съ боку пристроился краснокожій индѣецъ и предлагаетъ за центъ испробовать мѣткость стрѣльбы изъ индѣйскаго лука, и самъ для приманки то-и-дѣло пронизываетъ стрѣлой фигуру ненавистнаго «бѣлаго человѣка», служащаго цѣлью. Далѣе цѣлый рядъ фигуръ, изображающихъ разныя національности, и вы можете, смотря по вашей антипатіи, сбить мячемъ голову китайцу, турку, нѣмцу и т. д. и за всякій мѣткій ударъ получить билетъ на даровую бутылку пива въ сосѣднемъ ресторанѣ.

Американцы чрезвычайно любятъ всякаго рода упражненія, гдѣ можно показать силу или ловкость. Въ одномъ мѣстѣ происходило особенно оживленно бросаніе мяча въ цѣль. Предполагая найти тамъ что нибудь особенно интересное, я подошелъ поближе, но особеннаго на первый взглядъ ничего не было. Плотный янки въ соломенной шляпѣ съ широченными полями стоялъ и выкрикивалъ: «три мяча за пять центовъ! за мѣткій ударъ сигару»! и единокровные ему янки то-и-дѣло брали мячи и бросали въ цѣль. Цѣлью служила негритянская голова, высунувшаяся сквозь бѣлое полотно. Думая, что это механическая голова, я уже собирался уходить, какъ вдругъ къ своему изумленію замѣтилъ, что послѣ одного особенно мѣткаго удара глаза головы сильно заморгали и губы выставили рядъ бѣлыхъ зубовъ. Я присмотрѣлся, и не вѣрилъ своимъ глазамъ. Это была несчастная голова живаго негра! Я подошелъ сзади и увидѣлъ, что за полотномъ

устроенъ стульчикъ, на которомъ несчастный негръ сидитъ и чрезъ отверстіе въ полотнѣ высовываетъ свою голову на позоръ и страданіе. Никогда еще мнѣ не приходилось видѣть такого униженія человѣческаго достоинства. И это въ прославленной странѣ свободы, въ странѣ декларацiи человѣческихъ правъ! О свобода! Горькая иронія — тебѣ настоящее имя! А янки все выкрикиваетъ, его жестокіе, безчеловѣчные собратья все мечутъ шары въ несчастную голову, а жалкая голова все только моргаетъ и выплевываетъ табачную жвачку. Отвратительное зрѣлище!

Скоро однако же спустилась ночь и навѣрное прекратила позоръ и страданіе несчастнаго «цвѣтнаго джентльмена», но разумѣется только до завтрашняго дня. На глубокомъ темномъ небѣ засверкали звѣзды, а изъ таинственной утробы океана выплывалъ огненный шаръ луны. Прибрежье окуталось ночною мглой—но только на нѣсколько моментовъ. Лишь только луна успѣла подняться надъ водой, какъ мгновенно все прибрежье озарилось свѣтомъ электрическихъ солнцъ и газовыхъ звѣздъ. Опять разсвѣлъ день, но фантастическій день—съ цѣлою плеядой солнцъ, и предъ ними померкла луна и погасли звѣзды на небѣ. Надъ самымъ мѣстомъ купанья запылало три солнца и подъ ихъ волшебными лучами продолжали роиться, кричать и плескаться фантастическія фигуры любителей и любительницъ купанья.

Океанскій поѣздъ опять перенесъ меня къ желѣзной пристани и столѣтней башнѣ. Башня огненнымъ столбомъ уходила къ небу, а желѣзная пристань пылающею метлой терялась въ океанѣ. Украшенный разноцвѣтными огнями плавучій дворецъ подалъ свистокъ къ отходу, и я поспѣшилъ занять свое мѣсто. Пароходъ понесся въ темную глубь океана, а сзади весь берегъ сливался въ сплошное пылающее зарево. На палубѣ между тѣмъ среди массы веселыхъ пассажировъ послышались пѣсни. На лѣвой сторонѣ сгруппировались янки и затянули свою пѣсню про «глубокое синее море»; а на правой къ борту прижалась кучка французовъ и ударила какую-

то родную пѣсню, которая вызвала аплодисментъ со стороны публики. Янки обидѣлись и пошли на-перебой, взявъ какой-то болѣе энергическій мотивъ. Тогда французы поднялись со своихъ мѣстъ и, образовавъ кружокъ, грянули Марсельезу, мужественный мотивъ которой удачно совпалъ съ сильными и звучными голосами и совершенно заглушилъ козлиный хоръ янки. Въ противовѣсъ Марсельезѣ янки опять было ударили уже самый національный американскій гимнъ: «Янки Дудель ѣхалъ въ городъ, на маленькомъ пони»; но французы окончательно завоевали вниманіе публики, и хоръ янки ретировался, къ немалому удовольствію французовъ, которые не преминули гаркнуть: « Vive la république française!» Затѣмъ побѣдители пришли уже въ полный восторгъ и всю дорогу забавляли публику избранными пѣснями изъ роднаго репертуара. А на небѣ опять ярко блистали звѣзды и величественно плавала золотая луна, а вдали ужъ виднѣлись огни на набережной спавшей столицы.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНІЯ 1880 ГОДА.

I. Открытіе кампаніи.

Отъ лямки до президентства. — Частные кандидаты. — Президентскій бумъ. — Американская Пиѳія. — Конвенція республиканской партіи въ Чикаго.—Отчаянная борьба и пораженіе Гранта.—«Темный конь» и парящій орелъ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ на одномъ изъ каналовъ, составляющихъ водную систему въ окрестности великихъ озеръ, среди пестрой массы рабочихъ, занятыхъ сплавкой и проводомъ судовъ, можно было видѣть небольшаго пятнадцатилѣтняго мальчика, который работалъ на лямкѣ въ качествѣ погоньщика лошадей. Мальчикъ отличался умнымъ, открытымъ и энергичнымъ лицомъ, и былъ любимцемъ взрослыхъ рабочихъ. Трудъ его былъ не легокъ, но онъ съ бодростью отдавался ему каждый день, и былъ безконечно счастливъ, когда по окончаніи недѣли получалъ обычную плату въ нѣсколько долларовъ. Прошли съ того времени десятки лѣтъ и многіе изъ взрослыхъ рабочихъ теперь уже старики, но до сихъ поръ работаютъ на каналѣ, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ. А что сталось съ маленькимъ лямщикомъ? О, онъ много пережилъ перемѣнъ за это время и въ прошломъ году всенародно былъ избранъ президентомъ въ величайшей рес-

публикѣ міра. Но одинаково ли онъ счастливъ и теперь какъ тогда на каналѣ? — Объ этомъ можно узнать только отъ самого президента Гарфильда, который благодаря президентству теперь безсильно борется съ смертію...

Политическое движеніе, которое къ счастью или несчастью возвысило канальнаго лямщика на президентство, называется президентской кампаніей, и очеркъ ея можетъ служить небезъинтересной характеристикой политическихъ нравовъ нашихъ заатлантическихъ друзей. Первые признаки ея обнаружились съ начала президентскаго года. Каждая изъ главныхъ политическихъ партій (а ихъ двѣ—республиканская и демократическая) должна была выставить своего кандидата для всенароднаго избранія. Партіи въ свою очередь дѣлятся на разныя фракціи, и вотъ первая борьба началась между фракціями. Каждая изъ нихъ въ соотвѣтствіе своимъ частнымъ интересамъ старалась выставить своего кандидата, какъ наилучшаго представителя своихъ интересовъ. Борьба между этими частными кандидатами представляетъ живую картинку. Политиканы прибѣгаютъ ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы только возвысить и популяризировать своего кандидата и унизить противника. Они производятъ открытыя шумныя демонстраціи и тайныя собранія; ведутъ открытую и подпольную агитацію; издаютъ памфлеты и диѳирамбы; ставятъ кандидатовъ на театральную сцену съ выставленіемъ пороковъ чужихъ и добродѣтелей своего кандидата. На лавочныхъ вывѣскахъ вы можете то и дѣло видѣть кандидатовъ, фигурирующихъ въ томъ или другомъ положеніи, смотря по политическимъ воззрѣніямъ хозяина; на спекуляторскихъ объявленіяхъ, театральныхъ афишахъ и оберточной бумагѣ встрѣтите приглашеніе вотировать за этого, а не другаго кандидата. Однимъ словомъ, куда вы ни повернетесь, вездѣ и во всемъ встрѣтитесь съ кандидатами. Самую главную роль въ агитаціи однако же играютъ шумныя демонстраціи. Человѣкъ вообще, а американецъ въ особенности устроенъ такъ, что онъ больше всего обращаетъ вниманіе на то, гдѣ больше

шуму и грому, — тамъ-дескать больше силы. Пользуясь этою слабою стороною, партіи дѣйствительно «шумятъ», производя такъ называемый «boom». Въ газетахъ то и дѣло можно было читать, что въ такомъ-то штатѣ идетъ «бумъ» такого-то кандидата, а въ другомъ другаго. Это характерное названіе шумной демонстраціи въ президентской кампаніи взято изъ торговаго базарнаго міра. Иностранецъ, по прибытіи напр. въ Нью-Іоркъ, въ первые же дни встрѣтится съ бумомъ. Придя въ одинъ изъ первыхъ дней своего пребыванія здѣсь въ столовую на обычный завтракъ, я пораженъ былъ страшнымъ крикомъ, который въ нѣсколько голосовъ разносился по обыкновенно тихой улицѣ. Я бросился къ окну и увидѣлъ человѣкъ пять-шесть, которые какъ бѣшеные бѣгали по улицѣ, перебѣгая отъ одного подъѣзда къ другому и съ одного тротуара на другой, и отчаянно кричали какія-то непонятныя слова.

— Что это, что это такое?—почти съ испугомъ спросилъ я своихъ компаньоновъ; но тѣ, привыкшіе къ этому явленію, только засмѣялись надъ моимъ недоумѣніемъ и не объяснили въ чемъ дѣло. Тогда я обратился къ хозяйкѣ, американской старожилкѣ, прося у нея разъясненія; но и она отвѣтила мнѣ неопредѣленно, что это безумные люди кричатъ.

— Какъ безумные? Что же они кричатъ? Какія слова они кричатъ?—съ нетерпѣніемъ и досадой допытывался я.

— Мы знаемъ, что они кричатъ, а что́ они кричатъ, ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не знаетъ,—отвѣтила наконецъ американская старожилка.

Видя мое серьезное недоумѣніе, мои компаньоны американцы объяснили мнѣ, что эти люди просто производятъ «бумъ» или шумъ. Кто заинтересуется ихъ крикомъ и спроситъ въ чемъ дѣло, они скажутъ, что въ такомъ-то устричномъ дворцѣ получены самыя свѣжія въ мірѣ устрицы, или что въ такой-то театръ ангажированы три величайшія свѣтила міра въ женскихъ юпкахъ, причемъ сунутъ и карточку. Точно такой же бумъ производятъ и партіи за своихъ кандидатовъ.

Самый грандіозный бумъ въ республиканской партіи, о которой теперь только и будетъ рѣчь, производился приверженцами генерала Гранта. Агитація за него началась съ самаго вступленія его на американскую почву послѣ кругосвѣтнаго путешествія. Встрѣчать его собралось до 80 тысячъ человѣкъ. Затѣмъ начался рядъ блистательныхъ демонстрацій, устраивавшихся во всѣхъ городахъ, куда пріѣзжалъ генералъ. Грантовскій бумъ гремѣлъ по всей странѣ и ясно давалъ знать если не о силѣ, то о выработанности политической тактики въ рядахъ друзей генерала. Большая газета «Times», вторая по своей вліятельности въ Америкѣ, явилась выразительницею грантизма, какъ стало называться грантовское движеніе, которое въ скоромъ времени грозило заглушить всѣ другія движенія въ республиканской партіи. Причина такого успѣха грантизма объясняется какъ вліятельностью его друзей, такъ и особенно политическимъ и общественнымъ состояніемъ страны. Въ послѣднее время въ политической и общественной жизни нашихъ заатлантическихъ друзей стали обнаруживаться такіе симптомы, которые внушаютъ опасеніе друзьямъ республики. Въ правительственныхъ сферахъ въ ужасающихъ размѣрахъ развивается чиновничество съ искательствомъ должностей и взяточничествомъ, а въ экономической быстро подготовляются опасныя условія для столкновенія труда и капитала. Вслѣдствіе всего этого, люди, для которыхъ дороги интересы республики, не видя другаго исхода отъ угрожающихъ опасностей, начинаютъ терять вѣру въ здравый общественный смыслъ и спасеніе видятъ только въ такомъ «сильномъ человѣкѣ», который бы съумѣлъ и смогъ подавить опасные симптомы. Взоры ихъ остановились на генералѣ Грантѣ, который во время войны заявилъ о себѣ какъ объ энергичномъ бойцѣ за единство союза, а въ продолженіе двухсрочнаго президентства какъ объ энергичномъ правителѣ.

Но какъ вездѣ, такъ и въ политикѣ—что одному здорово, то другому смерть. То, что грантовцы считали спасеніемъ респуб-

лики, противники ихъ провозгласили величайшимъ бѣдствіемъ, неминуемо влекущимъ за собою гибель республики. Когда болѣе или менѣе выяснились взгляды грантовцевъ, то противники ихъ усмотрѣли въ нихъ ни болѣе ни менѣе какъ узурпаторскія стремленія, направленныя къ великому политическому перевороту, въ родѣ того, какимъ въ свое время удивилъ міръ покойный Наполеонъ III. Мысль эта какъ молнія пронеслась по странѣ и нашла выраженіе даже въ «Herald'ѣ», самой большой и распространенной американской газетѣ. Газета помѣстила рядъ статей, гдѣ серьезно громила и генерала и его партію за цезаризмъ, которымъ они угрожаютъ странѣ. Что особенно смущало политикановъ антигрантовскаго лагеря, такъ это то, что Грантъ добивается президентства на «третій срокъ», чего не было за все существованіе республики и опасаться чего завѣщалъ великій освободитель страны Вашингтонъ, самъ отказавшійся отъ президентства на третій срокъ. Если генералъ Грантъ теперь добивается президентства на третій срокъ—вопреки республиканскимъ преданіямъ страны и завѣщанію освободителя ея и учредителя республики, то ясно, что за этимъ кроется узурпація, цезаризмъ,—аргументировали антигрантонцы. Такимъ образомъ грантовская партія встрѣтилась съ серьезнымъ противникомъ, опиравшимся на живое республиканское чувство народа и дѣйствовавшимъ во имя этого чувства. Печать стала противъ Гранта, юмористическія и сатирическія газеты изображали его не иначе какъ въ коронѣ, и на сценахъ народныхъ театровъ появились комическія оперетки, изображавшія восшествіе генерала Гранта на императорскій престолъ подъ именемъ Улисса I. На колоссальномъ балу, на которомъ участвовало 15,000 народа, среди разгара танцевъ и удовольствій изъ боковой двери вдругъ показался всадникъ съ короной на головѣ, а за нимъ ринулась цѣлая масса царедворцевъ съ знаменами, трубами, литаврами и криками: «да здравствуетъ императоръ». Физіономія всадника съ удивительною точностью изображала генерала Гранта, а на зна-

менахъ красовались гербы съ именемъ Улисса I. Эта шутка надъ грантовской партіей имѣла большой успѣхъ и популярность.

Друзья американскаго императора однако же не унывали и съ полною увѣренностію отправились на республиканскую конвенцію въ Чикаго.

Въ центральной части Нью-Іорка, гдѣ фешенебельный элементъ начинаетъ брать перевѣсъ надъ промышленнымъ, подъ острымъ угломъ сходятся двѣ главнѣйшія и богатѣйшія улицы города—Бродвей и Пятое Авеню, образуя тонкую стрѣлку, обращенную къ тѣнистому скверу, любимому мѣсту вечернихъ гуляній горожанъ. Стрѣлка командуетъ всѣмъ обширнымъ сквѣромъ, обыкновенно переполненнымъ народомъ, и всѣмъ тѣмъ люднымъ пространствомъ, которое образуютъ соединившіяся улицы до самаго ихъ раздѣленія. Такое бойкое и видное мѣсто не могло остаться здѣсь безъ спеціальнаго употребленія. Одинъ смѣтливый янки устроилъ надъ стрѣлкой нѣчто въ родѣ волшебнаго фонаря, который посредствомъ машинъ, увеличительныхъ стеколъ и электрическаго свѣта каждый вечеръ даетъ зрѣлище громадныхъ картинъ, видныхъ со всего сквера и прилегающаго къ нему пространства. Картины смѣняются чрезъ пять-шесть минутъ, или вообще время, достаточное для прочтенія текста на нихъ. Текстъ же поучаетъ васъ, гдѣ вы можете кушать самыя свѣжія въ мірѣ устрицы, достать самый дешевый и однако же самый изящный костюмъ, нанять самую комфортабельную въ мірѣ квартиру, жениться на красивѣйшей и однако же самой скромной въ мірѣ женщинѣ и т. п. Однимъ словомъ, здѣсь вы видите преоригинальное примѣненіе волшебнаго фонаря къ области спекуляторскихъ объявленій. Картины только служатъ приманкой. Эта форма объявленій здѣсь пользуется большою популярностью, и счастливый изобрѣтатель фонаря просто заваленъ заказами и собираетъ большіе барыши. Но онъ въ то же время ярый политиканъ, и по временамъ его волшебный фонарь сообщаетъ прежде всѣхъ важные политическіе бюл-

летени. Во время президентскихъ выборовъ фонарь играетъ первостепенную роль и предъ нимъ на скверѣ и на всѣхъ свободныхъ мѣстахъ собираются несмѣтныя массы народа, ожидая отъ фонаря важныхъ извѣстій. Такими массами политиканствующаго люда запруженъ былъ скверъ въ первыхъ числахъ іюня 1880 года. Въ это время въ г. Чикаго происходила конвенція республиканской партіи для назначенія республиканскаго кандидата на президентство, и въ Нью-Іоркѣ всѣ съ жадностью ловили доносившіяся оттуда извѣстія. Когда 7-го числа фонарь сталъ показывать уже цифры, представлявшія счетъ голосовъ за того или другаго кандидата, то смотря по тому или другому ихъ наклону, площадь оглашалась то торжествующимъ ура, то злобнымъ шипѣніемъ, и толпа многихъ тысячъ страстно препирающихся политикановъ представляла интересное зрѣлище въ темнотѣ, подъ мерцаніемъ лишь звѣздъ на темномъ небѣ. Тѣ изъ политикановъ, которые почему либо сами не могли явиться на площадь, подсылали мальчугановъ, которые какъ бѣсенята шмыгали по толпамъ и, справившись съ показаніемъ американской пиѳіи, стрѣлой мчались къ своимъ таинственнымъ подсылателямъ. Такъ волновались политиканы за тысячу миль отъ мѣста самаго событія; что же происходило въ самомъ Чикаго на конвенціи—это трудно описать.

Республиканская конвенція въ Чикаго навсегда останется памятнымъ событіемъ въ исторіи американскаго народа. Она ясно обнаружила такія стороны въ политической жизни его, которыя дотолѣ не замѣчались. Съ внѣшней стороны она обращала на себя вниманіе уже тѣмъ, что самымъ сильнымъ кандидатомъ на ней выступалъ генералъ Грантъ, выборъ котораго на «третій срокъ» просто выводилъ изъ себя добрую половину республиканской партіи, видѣвшую въ этомъ вопіющее нарушеніе и оскорбленіе республиканскихъ традицій, явный цезаризмъ и узурпаторство. Вслѣдствіе этого борьба между приверженцами и противниками Гранта ожидалась ожесточенная и для наблюденія за перипетіями ея собралось въ Чикаго болѣе 100,000 человѣкъ. И безъ того многолюд-

ный, городъ въ первыхъ числахъ іюня представлялъ цѣлое море людей, и тѣмъ болѣе бурное, что въ каждомъ горячилась и кипѣла политическая кровь. Партіи производили здѣсь до начала засѣданій послѣдніе бумы за своихъ кандидатовъ, устраивали по городу шумныя процессіи съ знаменами и музыкой, а ловкіе коммисіонеры не съ двусмысленною любезностью встрѣчали депутатовъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и предлагали даровыя помѣщенія въ отеляхъ, — разумѣется на счетъ извѣстныхъ незнакомцевъ.

Каждый штатъ посылалъ на національную республиканскую конвенцію своихъ депутатовъ подъ предводительствомъ искусныхъ политикановъ. Всѣхъ депутатовъ было 756, изъ нихъ для избранія необходимо 379. Кандидатовъ явилось нѣсколько, но главныхъ было трое: генералъ Грантъ, имѣвшій за собою самую сильную партію; сенаторъ Блэнъ, искусный политикъ, и государственный секретарь Шерманъ, открыто употреблявшій свой важный финансовый постъ въ пользу своей кандидатуры. Было еще нѣсколько кандидатовъ, но совершенно незначительныхъ, поддерживавшихся только своими отдѣльными штатами. Центръ борьбы долженъ былъ находиться между тремя главными кандидатами. И борьба началась. Самую сильную партію представляли грантовцы, но однакоже въ рядахъ ихъ не всѣ одинаково были преданы Гранту, и многіе изъ нихъ склонны были предпочесть золотаго тельца самому доблестному генералу. Противники конечно смекнули это и открыли настоящій аукціонъ. Цвѣтные депутаты, которые вообще стоятъ за Гранта какъ за своего освободителя отъ рабства, оказались самыми податливыми, и многіе изъ нихъ пошли по такой цѣнѣ, по которой они не продавались во время рабства. По отношенію къ другимъ менѣе продажнымъ депутатамъ спорящія стороны употребляли другія средства; агитація въ залѣ собранія, вмѣщавшемъ болѣе десяти тысячъ народа, часто доходила до такой степени, что все собраніе казалось охваченнымъ маніей безумства и крика, и трудно было думать, что кто нибудь изъ депутатовъ останется

не глухимъ и не съ надорванными легкими. Приступать прямо къ баллотировкѣ каждая партія опасалась, и потому цѣлыхъ шесть дней они занимались предварительной борьбой, вырывая другъ у друга голоса.

Наконецъ началась подача голосовъ, и результатомъ ея явилась слѣдующая табличка:

Грантъ получилъ . .	304	Вашборнъ получилъ . .	32
Блэнъ » . .	284	Эдмундсъ » . .	40
Шерманъ » . .	96	Виндомъ » . .	10

Результатъ этотъ показалъ, что Грантъ имѣлъ все-таки за себя большинство голосовъ, но однако же не такое, которое могло доставить безспорную побѣду. Приверженцы другихъ кандидатовъ были всѣ противъ «третьяго срока», и потому въ случаѣ соединенія силъ на какомъ нибудь одномъ кандидатѣ они легко могли побить грантовцевъ. Но какъ бы то ни было первая подача никому не дала необходимаго для избранія числа голосовъ—379. Поэтому приступлено было ко второму голосованію. Результатъ оказался тотъ же самый. Партіи во время предварительной ожесточенной борьбы такъ перетасовались, что лучшей перетасовки депутатовъ и ожидать было нельзя. Во время втораго голосованія произошли лишь весьма незначительныя перемѣны въ распредѣленіи голосовъ и между прочимъ *одинъ* голосъ поданъ былъ за генерала Гарфильда, о которомъ при первой подачѣ и помину не было. На этотъ голосъ никто не обратилъ вниманія, но ему суждено было стать роковымъ для конвенціи. Такъ какъ необходимаго для выбора количества голосовъ опять не было, то приступлено было къ третьему голосованію — и опять съ тѣмъ же результатомъ. И такъ прошелъ цѣлый день, было сдѣлано двадцать голосованій, и двадцатое въ общемъ нисколько не разнилось въ распредѣленіи голосовъ отъ перваго. Потъ градомъ лилъ съ депутатовъ и тысячей зрителей, скученныхъ въ душной залѣ; многіе изъ нихъ готовы были голосовать за перваго попавшагося кандидата, чтобы только поскорѣе покончить съ этимъ дѣломъ; но другіе заявляли,

что они готовы вотировать цѣлое лѣто, лишь бы удержать поле битвы за своимъ кандидатомъ. Засѣданіе закончилось въ 11 часовъ ночи, партіи разошлись съ чувствомъ досады и неопредѣленности; только у грантовцевъ нѣкоторыя черты на лицѣ повеселѣли: двадцатая подача дала Гранту 308 голосовъ, на 4 больше противъ первой. Гарфильдъ съ своимъ однимъ голосомъ то появлялся, то опять исчезалъ.

Въ виду непоколебимой стойкости приверженцевъ крупныхъ кандидатовъ естественнѣе всего ожидать, что побѣда останется за кѣмъ либо изъ нихъ, такъ какъ приверженцы мелкихъ кандидатовъ неизбѣжно должны подать свой голосъ за того или другаго изъ крупныхъ. На самомъ же дѣлѣ политическая тактика, опирающаяся на распаленность страстей, выработала для подобныхъ случаевъ совсѣмъ иной исходъ. Президентъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ государственномъ отношеніи обладаетъ весьма незначительными правами, онъ просто олицетворяетъ только исполнительную власть по отношенію къ опредѣленіямъ конгресса. Но онъ имѣетъ весьма большое значеніе въ административномъ отношеніи; въ его непосредственномъ завѣдываніи находится обширная область государственной администраціи, съ цѣлой арміей должностныхъ лицъ или чиновниковъ. Въ этой связи чиновниковъ съ президентомъ заключается вся тайна и ожесточенной борьбы за кандидатовъ и доблестной стойкости ихъ приверженцевъ. Практика выработала такую форму избранія депутатовъ на конвенцію, что въ число ихъ въ большинствѣ попадаютъ или чиновники, или еще только чающіе хорошихъ мѣстечекъ. Вотъ они-то и шумятъ на конвенціи, всячески стараясь отстоять своего кандидата — въ полной увѣренности, что усердіе ихъ будетъ награждено по заслугамъ въ случаѣ удачи. Это чиновническое отношеніе къ президентскимъ выборамъ получило въ настоящее время страшное развитіе и угрожаетъ серьезною опасностью странѣ, внося порчу и растлѣніе въ республиканское правленіе государства. Имъ же объясняется и тотъ неожиданный исходъ, которымъ конвенціи все чаще начинаютъ озадачивать страну. Партіи

борются до послѣдней крайности, но когда видятъ наконецъ невозможность отстоять своего кандидата, обезпечить за нимъ необходимое количество голосовъ, то переносятъ свои голоса не на сторону сильнѣйшаго кандидата, чтобы дать ему превосходство,—нѣтъ, а на какого нибудь самаго незначительнаго кандидата, который прежде и въ разсчетъ не брался. Единственное соображеніе, которымъ руководятся при этомъ состоитъ въ томъ, что отдать свои голоса въ пользу сильнѣйшаго кандидата, значитъ только добровольно уступить всѣ должности съ ихъ жирнымъ жалованьемъ его приверженцамъ, не оставляя для себя ничего. При усиленіи же незначительнаго кандидата все-таки остается, въ случаѣ его избранія, надежда, что онъ, не имѣя спеціальныхъ клевретовъ, будетъ распредѣлять должности безпристрастно, поровну для всѣхъ партій. Ясно, что вмѣсто видныхъ и популярныхъ кандидатовъ изъ конвенцій при такомъ состояніи вещей только и могутъ выходить «темные кони» (dark horse), какъ называются эти неожиданно выскакивающіе кандидаты.

Двадцать голосованій 7-го іюня не рѣшили дѣла. На слѣдующій день съ новыми надеждами и страхами заведена была вновь скучная машина подачи голосовъ. Партіи стояли какъ каменныя стѣны. Одно за другимъ голосованія давали одни и тѣ же результаты. Тридцать третье голосованіе было почти тождественно со вчерашнимъ первымъ. Казалось и конца этой Сизифовой работѣ не будетъ. Но терпѣніе участниковъ ея наконецъ лопнуло. При тридцать четвертой подачѣ голосовъ маленькія партіи подались и наклонились въ пользу «темнаго коня». Гарфильдъ вмѣсто обычнаго одного голоса получилъ вдругъ 17. Это сразу должно было произвести деморализацію въ конвенціи, но она нашла противовѣсъ въ томъ, что и Грантъ въ тоже время выигралъ еще нѣсколько голосовъ и получилъ 312. Тридцать пятая подача однако же совершенно смѣшала ряды приверженцевъ крупныхъ кандидатовъ. Гарфильдъ получилъ въ этотъ разъ уже 50 голосовъ и судьба конвенціи была рѣшена. Всѣ сразу увидѣли, гдѣ

центръ тяжести, и тридцать шестая подача голосовъ была послѣднею. Она съ избыткомъ надѣлила голосами «темнаго коня». Вотъ какую таблицу представила эта послѣдняя подача:

Гарфильдъ.	399	Блэнъ	42
Грантъ.	306	Шерманъ	3

Самое сильное пораженіе потерпѣли хитрый сенаторъ Блэнъ и честолюбивый секретарь Шерманъ. Грантовская колонна осталась непоколебимою и съ честью вышла изъ этой адской борьбы. Самъ Грантъ первое извѣстіе о результатѣ конвенціи получилъ на телеграфной станціи. Получивъ эту неутѣшительную табличку, знаменитый генералъ пристально посмотрѣлъ на нее, кивнулъ головой и, сказавъ: all right (ну, ладно!), отправился домой. Всѣ эти три кандидата сразу же сошли съ политической сцены долой, а на ихъ мѣсто величаво выступила фигура бывшаго канальнаго лямщика, и онъ сталъ предводителемъ республиканской половины народа. Очевидно онъ выдвинутъ былъ неожиданно и вышелъ изъ конклава республиканцевъ какъ «темный конь»; но и такой выборъ его совпалъ съ политическимъ смысломъ народа, и въ самый день избранія Гарфильда многіе видѣли, какъ надъ скромнымъ домикомъ теперешняго президента царственно парилъ и кружился орелъ.

II. Демократы.

Угрюмый островокъ и его счастливый обитатель.—Демократическая конвенція.—Демократы и ихъ политическая программа. — Кандидаты и хитрость Тильдена.—Демократическій избранникъ и его государственный формуляръ.—Темный конь и сѣрый солдатъ.

Большой островъ, на которомъ расположилась столица Новаго Свѣта съ своимъ полуторамилліоннымъ населеніемъ, омывается двумя широкими потоками, образуемыми Гудсономъ и

Восточною рѣкою, отдѣляющими Нью-Іоркъ отъ цѣлой плеяды другихъ городовъ. Обогнувъ городъ, обѣ рѣки предъ самымъ выходомъ въ океанъ сливаются въ одну величественную круглую площадь воды — болѣе десяти квадратныхъ верстъ—носящую названіе Нью-іоркскаго залива. Трудно что нибудь представить себѣ живописнѣе этого залива. Гранитная набережная его, съ прилегающимъ къ ней паркомъ, въ лѣтніе жары служитъ однимъ изъ любимыхъ мѣстъ для прогулокъ. Тутъ вы можете подъ тѣнью каштановъ и при прохладномъ здоровомъ дыханіи залива отдохнуть отъ удушающаго зноя городской атмосферы. Панорама залива очаровательна. Зеркальную площадь его по всѣмъ направленіямъ разсѣкаютъ безчисленные суда и пароходы, составляющіе какъ бы живой мостъ между городами, а вдали виднѣются узкія ворота въ океанъ, которыми входятъ и выходятъ океанскіе исполины-пароходы. Среди площади залива, но ближе къ выходу въ океанъ, чѣмъ къ городу, расположился маленькій островокъ. Онъ покрытъ густою листвой, сквозь которую едва пробиваются на свѣтъ угрюмые дома тяжелой постройки. Но смѣлѣе чѣмъ дома выглядываютъ изъ зеленой листвы стальныя жерла пушекъ. Это главный нью-іоркскій фортъ и вмѣстѣ главная квартира начальника мѣстныхъ войскъ, генералъ-маіора Генкока. Въ счастливой странѣ, наслаждающейся дѣйствительнымъ, а не вооруженнымъ миромъ, сѣдалище бога войны не служитъ мѣстомъ поклоненія, и потому островокъ среди кипящей вокругъ его жизни смотритъ какбы заброшеннымъ сиротой. Обитатели его такъ же скучны, какъ ихъ пушки, и отправляютъ свои служебныя обязанности съ такою же механичностью какъ пушки, когда онѣ по большимъ историческимъ праздникамъ изрыгаютъ на заливъ сотни мѣрно разсчитанныхъ выстрѣловъ. Въ четвергъ, 24 іюня 1880 года, вдругъ произошло нѣчто необычайное. Дотолѣ заброшенный сирота, островокъ, вдругъ сдѣлался магнитомъ, къ которому потянулись безчисленные пароходы, проходившіе мимо него обыкновенно съ холоднымъ равнодушіемъ. На

островкѣ все ожило. Угрюмыя зданія украсились разноцвѣтными флагами, берега осаждались массами посѣтителей, рощи оглашались восторженныии криками, и стальныя пушки будто усиливались палить даже безъ зарядовъ. Причиной такой волшебной перемѣны въ жизни угрюмаго островка было то, что главный обитатель его, генералъ Генкокъ, былъ въ этотъ день назначенъ демократической конвенціей кандидатомъ на президентство. Здѣсь, въ этомъ сѣдалищѣ бога войны, демократическая партія нашла себѣ предводителя, который долженъ былъ вести ее противъ ненавистныхъ республиканцевъ, съ ихъ генераломъ Гарфильдомъ, и—побѣдить, при ноябрьскихъ выборахъ,

Демократическая конвенція, въ которой почетный билетъ на президентство палъ на счастливаго обитателя угрюмаго островка, происходила въ двадцатыхъ (22—24) числахъ іюня, въ городѣ Цинциннати, или такъ называемомъ американскомъ Парижѣ, хотя по его пыльной удушливой атмосферѣ къ нему болѣе бы шло названіе американскаго Саратова. Давно уже демократическая партія не имѣла столь важной конвенціи. Конвенція должна была рѣшить почти гамлетовскій вопросъ: быть или не быть? Съ самой гражданской войны демократическая партія не имѣла ни одного президента. Бѣлый домъ постоянно занимали республиканцы своими избранниками. При позапрошлыхъ выборахъ, именно въ 1876 году, счастье было улыбнулось демократамъ, и ихъ избранникъ Тильденъ готовъ уже былъ занести ногу чрезъ священный порогъ Бѣлаго Дома, какъ вдругъ республиканцы хитрой политической махинаціей отняли у него нѣсколько голосовъ и большинствомъ одного голоса перетянули президентство на свою сторону и водворили въ Бѣломъ Домѣ своего кандидата Гейеса. Ударъ былъ тяжелый для торжествовавшихъ уже было демократовъ, а самъ Тильденъ слегъ въ постель. Время однако же исцѣлило и партію и ея кандидата, и теперь они съ новыми силами и съ новою рѣшительностью выступили на политическую арену. Теперь имъ во что бы то ни стало слѣдовало побить своихъ

противниковъ, отмстить за прошлыя пораженія и поддержать честь своего знамени. Иначе партіи грозила политическая смерть.

Чтобы побѣдить, надо быть сильнымъ и имѣть во главѣ предводителя, который бы, воплощая въ себѣ принципы партіи, смогъ сплотить въ одну дружную силу всѣ разношерстныя фракціи партіи и предъ мощнымъ вѣяніемъ своего знамени заставить склониться знамя противниковъ. При позапрошлыхъ выборахъ партія между прочимъ проиграла потому, что ея предводитель не могъ привлечь къ себѣ нѣкоторыхъ фракцій, невидѣвшихъ въ немъ полнаго выразителя демократическихъ принциповъ. Что это за принципы?—Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо немного оглянуться назадъ. До войны за уничтоженіе рабства было двѣ партіи — демократовъ и виговъ, изъ которыхъ первые были приверженцами децентрализаціи и расширенія правъ мѣстныхъ штатовъ, а вторые сторонниками принципа централизаціи и ревностными охранителями единства союза. Предъ самой войной, когда началась агитація въ пользу отмѣны рабства, образовалась новая партія, которая, поддерживая начала виговъ, взяла на себя главнымъ образомъ задачу освобожденія рабовъ. Она стала называться республиканской и скоро слилась съ вигами, поглотивъ самое ихъ имя. Югъ былъ вполнѣ демократическимъ, сѣверъ республиканскимъ. Когда республиканскій сѣверъ сталъ настойчиво требовать освобожденія рабовъ и готовъ былъ опереться въ своемъ требованіи на государственное право, то демократическій югъ, котораго касалось это требованіе и который не хотѣлъ разстаться съ выгоднымъ ему рабствомъ, выставилъ противъ сѣверянъ свой принципъ мѣстной независимости и готовъ былъ совершенно отдѣлиться отъ союза. Столкновеніе этихъ противоположныхъ принциповъ повело къ междоусобной войнѣ, окончившейся пораженіемъ демократовъ и освобожденіемъ рабовъ. Такимъ образомъ во время войны демократы заявили себя рабовладѣльцами, а республиканцы освободителями рабовъ. Когда послѣ отмѣны раб-

ства демократамъ нельзя уже было опираться на рабовладѣльческій принципъ, то они остались при своемъ политическомъ принципѣ мѣстной независимости и онъ самыми крупными буквами обыкновенно пишется на ихъ знамени. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ соціальномъ отношеніи демократы круто повернули свой фронтъ. Презирая и угнетая своихъ прежнихъ рабовъ—негровъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ разыгрывать демагогическія роли по отношенію къ бѣлому низшему населенію; изъ ярыхъ рабовладѣльцевъ они перелиняли въ неменѣе ярыхъ демагоговъ, подобно тому, какъ нѣкоторые изъ нашихъ крѣпостниковъ ударились чуть не въ нигилизмъ, когда увидѣли, что доброе старое время кануло въ вѣчность. Въ частности принципы демократической партіи, какъ они опредѣлены на конвенціи, состоятъ въ слѣдующемъ: «оппозиція централизаціонизму и тому опасному духу, который усиливается сосредоточить правительственную власть въ одномъ департаментѣ и такимъ образомъ создать дѣйствительный деспотизмъ, подъ какою бы то ни было формою правленія; отдѣленіе церкви отъ государства; мѣстное самоуправленіе; подчиненіе военной власти гражданской и право свободнаго голосованія». Затѣмъ демократическая партія объявляетъ, что она «другъ труду и рабочему классу и считаетъ своею обязанностью покровительствовать имъ и защищать отъ притязаній капиталистовъ и общинъ»; требуетъ отмѣны бурлингамскаго трактата съ Китаемъ, въ силу котораго американскимъ правительствомъ дана полная свобода китайцамъ переселяться въ Америку съ обязательствомъ покровительствовать имъ. Демократическая партія требуетъ «полнаго запрета китайцамъ переселяться въ Америку, кромѣ какъ для путешествія, образованія и заграничной торговли—съ тщательнымъ наблюденіемъ за ними». Такъ опредѣляютъ свои принципы сами демократы. Не такъ смотрятъ на нихъ республиканцы. По ихъ мнѣнію, главные принципы партіи надо читать не въ строкахъ, а между ними; и тутъ между строкъ они начитываютъ такихъ ужасовъ, что

волосы становятся дыбомъ. Если бы дѣйствительно демократическая партія держалась приписываемыхъ ей началъ, то первый же годъ перехода правленія въ демократическія руки былъ бы послѣднимъ годомъ существованія всего государства. На самомъ же дѣлѣ демократы совсѣмъ не идутъ далѣе объявленныхъ ими началъ, да и въ изложенныхъ пунктахъ много уже такого, что просто сказано для краснаго словца. По крайней мѣрѣ при мѣстномъ правленіи, демократы въ дѣйствительности показываютъ себя далеко не столь «дружественными труду и рабочему классу», какъ это говорится въ ихъ политической программѣ. Не говоря уже о южныхъ штатахъ, гдѣ черное рабочее населеніе просто угнетается ими не хуже временъ рабства, такъ что въ прошломъ году цѣлые десятки тысячъ негритянскихъ семействъ бѣжали отъ этихъ притѣсненій на сѣверъ; въ среднихъ и сѣверныхъ штатахъ ихъ покровительство рабочему классу заявляетъ о себѣ только демагогическою лестью во время выборовъ, а самые выборы обыкновенно падаютъ на такихъ лицъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ трудомъ, какъ напр. излюбленный ими Тильденъ—желѣзнодорожный адвокатъ, темный капиталистъ и честолюбивый политиканъ. Въ составъ партіи, кромѣ южныхъ бывшихъ рабовладѣльцевъ, немного входитъ чисто американскаго населенія; зато эмигрантское населеніе—въ особенности ирландцы — почти исключительно демократы. Будучи малоразвитымъ политически, это населеніе служитъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ демагогствующихъ политикановъ. Въ численномъ отношеніи партіи почти равны, и перевѣсъ имъ при выборахъ даетъ только тотъ классъ такъ называемаго «независимаго» населенія, который, не принадлежа ни къ какой партіи, при выборахъ подаетъ свой голосъ на ту или другую сторону, смотря по кандидату, выставленному той или другой партіей.

Конвенція въ Цинциннати должна была избрать кандидата, который бы могъ быть самымъ способнымъ носителемъ знамени демократической партіи. Демократы отправлялись на

конвенцію съ торжествомъ. Когда республиканская конвенція въ Чикаго провозгласила своимъ знаменоносцемъ «темнаго коня»—генерала Гарфильда, то народнымъ ликованіемъ въ демократическомъ лагерѣ и конца не было. Этотъ республиканскій выборъ они открыто провозгласили синонимомъ пораженія партіи. Стоитъ только имъ избрать перваго изъ многочисленныхъ политическихъ вождей партіи и имя ему—несомнѣнная побѣда, какъ выражались наиболѣе горячіе демократы. И они въ нѣкоторомъ отношеніи были правы. Въ то время, какъ республиканская партія, избалованная долгимъ и почти безраздѣльнымъ господствомъ въ странѣ, допустила въ своей средѣ развиться искательству и интригѣ, благодаря которымъ дѣйствительно популярнымъ вождямъ партіи стало почти невозможнымъ достигнуть президентства, демократы, прочувствованные опытомъ постоянныхъ пораженій, напротивъ выработали въ себѣ болѣе здравый политическій смыслъ и стали опираться на своихъ лучшихъ и популярнѣйшихъ вождей. Претендентами на кандидатство въ ихъ лагерѣ въ настоящій разъ выступилъ цѣлый добрый десятокъ государственныхъ дѣятелей, изъ которыхъ каждый съ достоинствомъ могъ принять на себя президентскую кандидатуру. Каждый изъ нихъ, разумѣется, поддерживался своей особенной фракціей, но замѣчательно, что между этими фракціями совсѣмъ не было той ожесточенной борьбы, какою прославилась республиканская конвенція. Каждая изъ этихъ фракцій добровольно готова была пожертвовать своими голосами въ пользу любаго кандидата, къ которому склонится большинство. Самымъ сильнымъ кандидатомъ, разумѣется, выступалъ демократическій ветеранъ Тильденъ, котораго въ 1876 году такъ неожиданно оттолкнулъ отъ порога Бѣлаго Дома неизвѣстный выскочка Гейесъ. Его «бумъ» былъ почти столь же грандіозенъ, какъ бумъ Гранта въ республиканской партіи. До конвенціи у демократовъ только и рѣчи было что о Тильденѣ, и онъ дѣйствительно выступалъ великаномъ въ сравненіи съ республиканскимъ «темнымъ конемъ». Первостепенный по значенію

Нью-іоркскій штатъ на мѣстной демократической конвенціи единогласно вотировалъ за Тильдена, и его назначеніе казалось всѣмъ несомнѣннымъ. Но предъ самой конвенціей, когда пасторъ готовъ уже былъ читать молитву на открытіе засѣданій, вдругъ случилась странная неожиданность: Тильденъ прислалъ въ конвенцію письмо, въ которомъ отказывался отъ президентства. Письмо это явилось какъ снѣгъ на голову для ревностныхъ тильденцевъ, ряды ихъ смѣшались, и они не знали, что дѣлать. Но что для однихъ слезы, то для другихъ смѣхъ. Между тѣмъ какъ тильденцы серьезно смутились и не знали что дѣлать, противники Тильдена только подсмѣивались надъ «хитрымъ мудрецомъ» и въ письмѣ видѣли только политическую каверзу—для придачи себѣ большей популярности. Письмо дѣйствительно было составлено въ такомъ хитромъ родѣ, что отказъ соединенъ былъ прочнымъ мостомъ съ согласіемъ и походилъ на тотъ формальный отказъ, которымъ наши московскіе цари и патріархи прокладывали себѣ дорогу къ престолу. Каверза однако же не удалась и напротивъ испортила все дѣло. Горячіе приверженцы Тильдена остались въ смущеніи и нерѣшительности, а менѣе горячіе спокойно перешли на сторону другихъ кандидатовъ. Поэтому, когда началась подача голосовъ, Тильденъ вдругъ очутился чуть не въ хвостѣ таблицы. По первому голосованію изъ 738 делегатовъ за Тильдена подали голоса только 38. Львиная часть досталась генералу Генкоку; онъ сразу получилъ 171 голосъ, самое большое количество голосовъ изъ всѣхъ девятнадцати кандидатовъ, которые выступили въ первой таблицѣ. Первая подача была столь многознаменательною, что сразу рѣшила все дѣло. Всѣ увидѣли, гдѣ центръ тяжести, и вторая подача голосовъ почти единогласно провозгласила Генкока демократическимъ кандидатомъ на президентство. Вторая подача дала Генкоку 705 голосовъ и Тильдену только 1 голосъ... Судьба не часто смѣется такъ саркастически! Избранникъ оказался очень популярнымъ. Когда провозглашено было его имя, то все десятитысячное собраніе, присутствовавшее при голосо-

ваніи, точно объято было маніей крика, и вся громадная зала собранія была какбы однимъ чудовищнымъ ртомъ, изъ котораго оглушающее ура гремѣло и потрясало стѣны. Оркестръ ударилъ народный гимнъ, но отъ него не было слышно ни одного звука, какъ не слышно пищанія комара при ревѣ урагана. Только по отчаянному движенію смычковъ можно было судить о радостномъ восторгѣ исполнителей. Вѣсть о результатѣ конвенціи съ быстротою молніи разнеслась по всему государству, и повсюду, гдѣ только есть демократическая кровь, производила восторгъ и ликованіе.

Счастливый генералъ, такъ взволновавшій весь демократическій міръ, дѣйствительно очень симпатичный и достойный человѣкъ. Онъ одинъ изъ первоклассныхъ американскихъ генераловъ и занимаетъ почти непосредственное положеніе послѣ Гранта. По своему происхожденію онъ принадлежитъ къ древней почетной фамиліи, пріобрѣвшей себѣ имя во время борьбы за освобожденіе. Прадѣдъ генерала былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ великаго Вашингтона. Самъ генералъ оказалъ своими воинскими способностями очень важныя услуги государству во время междоусобной войны, когда онъ вмѣстѣ съ Грантомъ сражался за единство Союза противъ южанъ. Во всей своей жизни онъ является однимъ изъ честнѣйшихъ патріотовъ страны и по справедливости заслужилъ даваемое ему названіе «рыцаря безъ страха и упрека». Репутація его такъ чиста и безукоризненна, что республиканцы не могли выставить противъ его личности ничего болѣе укоризненнаго, кромѣ того, что онъ командовалъ отрядомъ при казни одной женщины, приговоренной судомъ къ разстрѣлянію.

Но при всей своей честности и симпатичности, генералъ Генкокъ есть не болѣе не менѣе, какъ «сынъ бога войны»; онъ никогда не былъ государственнымъ дѣятелемъ, и его «формуляръ» въ этомъ отношеніи не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ формуляромъ генерала Гарфильда, заявившаго о себѣ именно важною государственною дѣятельностью, въ

которой болѣе всего нуждается страна, необреченная судьбой на ужасы войны. Демократы сдѣлали тутъ курьезный поворотъ фронта. Противъ кандидатуры Гранта они между прочимъ выставляли въ качествѣ главнаго аргумента то, что страна не нуждается въ «сѣромъ солдатѣ», что ей нуженъ только государственный дѣятель; теперь же они сами избрали своимъ кандидатомъ именно «сѣраго солдата изъ сѣрыхъ», безъ капли государственной опытности. Такимъ образомъ странѣ предстояло дѣлать выборъ между «сѣрымъ солдатомъ» демократовъ и «темнымъ конемъ» республиканцевъ. Первый имѣлъ за себя личную безукоризненность и честность, второй государственную опытность и симпатичную судьбу. Выборъ былъ очевидно не легкій.

III. Зеленоспинники и леди.

Мелкія политическія партіи.—Гринбекеры или зеленоспинники.—Бумажныя деньги.—Конвенція зеленоспинниковъ.—Сочетаніе съ соціалистами.—Политиканствующія леди и исторія ихъ неудачныхъ похожденій.—Женскій вопросъ у нашихъ заатлантическихъ друзей.—Противники и защитники правъ женщинъ на голосованіе.

Кромѣ партій, которыя по своему значенію въ странѣ имѣютъ вѣрные или вѣроятные шансы на избраніе президанта изъ своей среды, въ Америкѣ есть и такія партіи, которыя не имѣютъ никакихъ шансовъ на такую честь. И тѣмъ не менѣе при выборахъ эти партіи кипятятся, волнуются не менѣе главныхъ. Онѣ также ведутъ агитацію, собираются на мѣстныя и національныя конвенціи и назначаютъ своихъ кандидатовъ на президентство. Между ними на первомъ мѣстѣ стоитъ

партія такъ называемыхъ гринбекеровъ. Главный принципъ партіи опредѣляется ея названіемъ отъ green back—зеленая спинка, какъ простой народъ называетъ бумажныя деньги, по зеленому цвѣту ихъ оборотной стороны. Эти зеленоспинники питаютъ нѣжную страсть къ бумажнымъ деньгамъ, недовольны теперешнимъ ограниченнымъ обращеніемъ ихъ въ странѣ и требуютъ неограниченнаго выпуска ихъ съ цѣлью пониженія цѣны бумажнаго доллара сравнительно съ золотымъ. Странные люди! Что у насъ въ Россіи нелицемѣрные либералы истерически оплакиваютъ, то они, эти американскіе нигилисты, считаютъ своимъ идеаломъ и всячески добиваются его осуществленія. Дѣло объясняется впрочемъ очень легко и притомъ не къ чести экономической прозорливости нашихъ газетныхъ плакальщицъ о паденіи бумажнаго рубля. Зеленоспинники, это — большею частью мелкіе фермеры, живущіе своими трудами по обработкѣ земли. Какъ производители, они естественно стараются о возможно большемъ возвышеніи цѣны на произведенія своего труда и главнымъ средствомъ для этого считаютъ неограниченное обращеніе бумажныхъ денегъ. Это для нихъ несомнѣнно выгодно. Паденіе бумажныхъ денегъ тяжело отзывается только на непроизводителяхъ и притомъ привыкшихъ къ изысканному комфорту, требующему для своего удовлетворенія высшихъ произведеній заграничной промышленности; для производителей же, и притомъ въ своихъ потребностяхъ ограничивающихся произведеніями своего собственнаго труда, оно сказывается только скопленіемъ въ ихъ рукахъ массы денежныхъ знаковъ, которые для ихъ обыденнаго хозяйства имѣютъ весьма большое, положительно обогащающее значеніе.

Если бы партія оставалась вѣрною своему основному принципу, то она была бы самою скромною и безобидною партіей, и притомъ болѣе экономической, чѣмъ политической. Но непреклонная судьба, постоянно дѣйствовавшая вопреки ей и нанесшая наконецъ ей самый жестокій ударъ полнымъ уравненіемъ бумажныхъ денегъ съ золотыми, повергла ее въ бездну

анархіи и почти бросила въ дружескія объятія соціализма. Такою по крайней мѣрѣ партія заявила себя въ послѣднее время, и подъ ея знамя стали собираться всякаго рода недовольные. Когда пришло время для назначенія кандидатовъ на президентство и главныя партіи составляли свои конвенціи, то и зеленоспинники не отставали отъ другихъ и созвали собственную конвенцію для той же цѣли. Ихъ конвенція происходила 10-го іюня въ Чикаго, и засѣданіе ея представляетъ недурную картинку изъ жизни и нравовъ американскихъ нигилистовъ.

Конвенція зеленоспинниковъ происходила вслѣдъ за конвенціей республиканцевъ и въ той же самой обширной залѣ «зданія выставки» въ Чикаго. Но какое различіе было между этими двумя конвенціями! Между тѣмъ какъ во время засѣданія республиканцевъ вся громадная зала была переполнена до удушливости и еще осаждалась извнѣ десятками тысячъ народа, старавшагося уловить хоть ничтожные отголоски засѣданія, теперь въ этой же самой залѣ сидѣли одни зеленоспинники: пустота царила на галереяхъ и на рядахъ многочисленныхъ креселъ. Теперь эта зала представляла, по выраженію одной мѣстной газеты, библейскую пещеру Адулламъ, ибо въ эту пещеру, по изреченію священнаго писанія, прибѣгалъ всякій кто былъ въ бѣдствіи, всякій кто былъ въ долгахъ, и всякій кто былъ недоволенъ. Тутъ были дѣйствительно представители всѣхъ этихъ классовъ, но пестрота членовъ конвенціи превратилась въ хаосъ, когда на засѣданіе допущены были чистые мѣстные соціалисты и когда они торжественно вошли въ залу со своимъ знаменемъ, возвѣщавшимъ о «свободѣ, равенствѣ и братствѣ». Тутъ же наконецъ сидѣли и онѣ, высокія, жилистыя леди, представительницы партіи женскихъ голосователей, недовольныя управленіемъ бородатаго пола и добивающіяся права голосованія для прекраснаго пола. Такое разнообразіе представителей недовольства во всѣхъ его видахъ было причиной того, что засѣданіе обѣщало быть чрезвычайно бурнымъ. Къ счастію конвенція

нашла замѣчательнаго смирителя въ знаменитомъ агитаторѣ Денисѣ Кернеѣ. Этотъ человѣкъ только-что передъ тѣмъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, въ которую онъ попалъ за возмущеніе рабочаго населенія въ Калифорніи противъ китайцевъ и капиталистовъ. Самъ буйный и неугомонный, теперь онъ на своей конвенціи явился охранителемъ порядка. По занятіи своего поста, онъ, скинувъ по обычаю свой сюртукъ и засучивъ рукава, такъ грозно прикрикивалъ на тѣхъ, кто съ неумѣренною ревностію заявлялъ о своемъ ораторскомъ искусствѣ, что предсѣдатель серьезно предупреждалъ членовъ конвенціи лучше заботиться о безопасности своихъ физіономій. Скоро однако-же найдено было необходимымъ усилить охранителя порядка нѣсколькими помощниками, а въ пособіе каждому помощнику придано было по полисмену съ строгимъ приказаніемъ арестовать всякаго, кто только осмѣлится обратиться къ собранію съ рѣчью безъ позволенія предсѣдателя. Конвенція дѣйствительно наконецъ смирилась и приступила къ обсужденію своего дѣла, вполнѣ наслаждаясь «свободой слова». Обсужденіе дѣла конечно было поставлено на широкую ногу, какъ и слѣдуетъ собранію, гдѣ каждый чѣмъ нибудь недоволенъ. Какъ представители свободы члены конвенціи прежде всего выразили свое презрѣніе къ тѣмъ политикамъ, которые выражали желаніе «сильнаго правительства» и добивались его осуществленія въ лицѣ генерала Гранта. Но тутъ же они съ нигилистическою послѣдовательностью формулировали требованіе, чтобы конгрессъ принялъ подъ свою опеку всѣ желѣзнодорожные и водяные пути сообщенія, уничтожилъ частное землевладѣніе, регулировалъ промышленныя учрежденія и захватилъ въ свои правительственныя руки множество другихъ вещей, объ отдачѣ которыхъ въ вѣденіе правительства не осмѣливался думать самый рьяный приверженецъ самаго «сильнаго правительства» и самой деспотической правительственной опеки. Затѣмъ соціалисты выставили свою резолюцію, по которой «свѣтъ, земля, воздухъ и вода свободные дары природы», и всякій осмѣливающійся захва-

тывать ихъ въ свою собственность—злѣйшій врагъ человѣчества, разбойникъ, хищникъ. Зеленоспинникамъ, составлявшимъ большинство въ конвенціи и владѣющимъ собственностью въ видѣ поземельныхъ фермъ, такая резолюція политическихъ друзей была хуже медвѣжьей услуги, но во имя солидарности они прошли ее молчаніемъ, зная, что резолюція никогда ихъ не коснется. Въ подобномъ родѣ конвенція рѣшала всѣ государственные и общественные вопросы, причемъ, благодаря разношерстности собранія, резолюція, удовлетворявшая однихъ, шла въ разрѣзъ съ интересами другихъ.

Довольно единодушной кажется была резолюція противъ китайцевъ, формулированная такъ: «такъ какъ рабство есть просто дешевый трудъ, а душевый трудъ есть просто рабство, и такъ какъ переселеніе китайцевъ въ Америку способствуетъ по необходимости пониженію цѣнности труда, то поэтому непремѣнно должны быть приняты мѣры къ отмѣнѣ бурлингамскаго трактата», обязывающаго Соединенные Штаты давать покровительство китайскимъ переселенцамъ. Но и эта резолюція, положенная депутатами отъ безземельнаго рабочаго населенія, была не особенно по вкусу зеленоспинникамъ, которымъ какъ землевладѣльцамъ не невыгодно имѣть на своихъ фермахъ наивозможно дешевыхъ рабочихъ. Хуже же всего на конвенціи досталось бѣднымъ леди. Когда одна изъ нихъ только было заикнулась просьбой къ почтенному собранію о содѣйствіи дѣлу женскаго голосованія, то неумолимый и до грубости прямодушный агитаторъ Денисъ Керней прервалъ ее замѣчаніемъ, что его жена наказала ему при отъѣздѣ на конвенцію не имѣть никакого дѣла съ вопросомъ о женскомъ голосованіи, иначе при возвращеніи она встрѣтитъ его вмѣсто супружескаго поцѣлуя желѣзной кочергой. Бѣдная леди совсѣмъ смутилась отъ такого пассажа со стороны всемогущаго заправителя конвенціи и отвѣтила несносному агитатору только скромнымъ замѣчаніемъ, что она очень довольна признаніемъ Кернея касательно того, кто истинный глава въ его семействѣ. Керней было жестоко

осердился на это замѣчаніе, но былъ успокоенъ и удовлетворенъ тѣмъ, что все собраніе стало на сторону «наказа» его жены и отложило вопросъ о правѣ женщинъ на голосованіе въ сторону. Послѣ продолжительныхъ разсужденій и преній по разнымъ радикальнымъ вопросамъ, конвенція наконецъ разрѣшилась назначеніемъ на президентство своего кандидата, нѣкоего Вивера, который на ряду съ кандидатами республиканской и демократической партій долженъ былъ подвергнуться всенародному голосованію въ будущемъ ноябрѣ. Но конечно гринбекерскій кандидатъ былъ лишь каррикатурнымъ героемъ ничтожнаго эпизода въ политической жизни страны, и на него никто не обращалъ вниманія. Республиканскій и демократическій кандидаты служили даже предметомъ спекуляціи, и вѣроятное избраніе кого нибудь изъ нихъ въ президенты послужило поводомъ къ предложенію со стороны нѣкоторыхъ политиканствующихъ спекулянтовъ пари на десятки тысячъ долларовъ; о кандидатѣ зеленоспинниковъ при этомъ не было и помина.

Конвенція закончилась блистательнымъ торжествомъ, и чикагскіе продавцы виски и пива не запомнятъ такого славнаго и доходнаго для нихъ времени. Керней поѣхалъ домой съ свѣтлою надеждой, что жена встрѣтитъ его не кочергой, а нѣжнымъ поцѣлуемъ. Зато бѣдныя леди ѣхали домой съ поникшими головами, проклиная въ душѣ всю породу джентльменовъ, этихъ тирановъ и злѣйшихъ враговъ прекраснаго пола. Американцы дѣйствительно очень невнимательны, если только не жестоки, къ своей прекрасной половинѣ. Уже давно бѣдныя леди добиваются равноправія съ ними, просятъ, умоляютъ распространить право голосованія при выборахъ и на прекрасный полъ, но тираны и слышать не хотятъ и только злостно подсмѣиваются надъ ними. Но американскія леди не таковы, чтобы отступать отъ своего дѣла, и непреклонно идутъ къ своей цѣли. Въ Нью-Іоркѣ существуетъ особое общество женскаго голосованія, которое постоянно ведетъ пропаганду въ пользу своего дѣла: издаетъ

журналъ, посылаетъ депутатовъ на крупные политическіе митинги и т. п. Тѣ бѣдныя леди, которыя засѣдали на конвенціи зеленоспинниковъ и съ которыми такъ неделикатно обошелся противный Керней, были депутатками отъ этого общества. Это не въ первый разъ онѣ присутствовали на конвенціи; онѣ были и на республиканской и потомъ на демократической конвенціяхъ, повсюду ратуя за свое святое дѣло. Исторія приключеній ихъ на этихъ конвенціяхъ очень назидательна. На одномъ торжественномъ собраніи въ обществѣ женскихъ голосователей, депутатки дѣлали интересныя сообщенія о результатѣ ихъ миссіи. Большая зала была наполнена прекраснымъ поломъ, на передней платформѣ занимали мѣста вожаки общества. Все это были высокія, тощія фигуры съ энергическими лицами, на которыхъ ясно была начертана рѣшимость во что бы то ни стало свергнуть тиранію мужчинъ. Японскіе вѣера порывисто двигались въ ихъ рукахъ, производя очевидно мало охлажденія въ распаленныхъ негодованіемъ лицахъ. Собраніе открылось гимномъ на тему «коварство и любовь», и затѣмъ предсѣдательница представила собранію партію леди, которыя должны были повѣдать о своей дѣятельности въ пользу святаго женскаго дѣла на разныхъ политическихъ конвенціяхъ. Первою вошла миссъ Анна Шестъ. Это замѣчательный типъ американскій леди. Она до того высока, что будто поставлена на ходули, и въ то же время такъ тонка, что для пропорціональности достаточно было бы только половины ея высоты. Пестрое платье ея, разнообразіемъ цвѣтовъ соперничающее съ пестротою тропическихъ птицъ, вплотную по англійской модѣ сходилось вокругъ шеи, украшенной тяжеловѣснымъ золотымъ медальономъ. На головѣ съ боку массивнаго шиньона пришпилена была новомодная шляпка, на которой главнымъ украшеніемъ служила совиная голова, съ ея страшными огненными глазами и загнутымъ носомъ. Умное, энергичное лицо политиканки свѣтилось нѣжною улыбкой, удачно скрывавшей нѣкоторыя черты, въ которыхъ безстыд-

ные грубіяны не прочь бы были распознать признаки увяданія. Вообще леди еще во цвѣтѣ лѣтъ и только развѣ самые злѣйшіе враги прекраснаго пола къ свойственною имъ наглостью назвали бы ее старою дѣвой. Раскланявшись съ собраніемъ, встрѣтившимъ ее одушевленными рукоплесканіями, миссъ Шестъ открыла рѣчь общимъ обзоромъ состоянія женскаго вопроса и затѣмъ перешла къ сообщенію приключеній, съ которыми ей и другимъ депутаткамъ пришлось встрѣтиться на политическихъ конвенціяхъ. На республиканскую конвенцію въ Чикаго общество женскаго голосованія отправило восемь депутатокъ. Пріѣхавъ туда, депутатки, по выраженію миссъ Шестъ, были поражены «грубою сатурналіей мужчинъ». Когда онѣ прибыли туда, то весь городъ представлялъ небывалое скопище мужчинъ, въ которыхъ политическія страсти заглушили всѣ благородные порывы сердца. Всѣ отели были заняты ими, и бѣднымъ леди не осталось даже мѣста, гдѣ главу преклонить. Наконецъ мѣсто кое-какъ было найдено; но когда онѣ потомъ обратились въ кассу за билетами на право входа въ залу собранія, то вдругъ — о ужасъ! — оказалось, что дерзкіе мужчины захватили всѣ 10,000 билетовъ, не оставивъ имъ ни одного. При такихъ горькихъ обстоятельствахъ депутатки обратились къ предводителю грантовской партіи, прося его содѣйствія къ допущенію ихъ на конвенцію. Но у того отъ политической борьбы голова шла кругомъ, и онъ съ истинно мужскою дерзостью отвѣтилъ имъ: «Ахъ, пожалуйста, попросите кого нибудь другаго»! Леди обратились къ предводителю шермановской партіи, но и тотъ отвѣтилъ: «Извините, пожалуйста попросите кого нибудь другаго»! Леди обратились къ третьему, но и отъ того услышали опять: «Попросите кого нибудь другаго». Да что же это наконецъ? воскликнули въ благородномъ негодованіи депутатки, и до того разсердились, что бросили республиканскую конвенцію, оставивъ ее съ одними грубыми мужчинами, безъ капли облагораживающаго и смягчающаго нравы женскаго вліянія. Съ лучшею надеждой отправились онѣ на кон-

венцію почтенныхъ зеленоспинниковъ. Мѣста теперь было много и имъ отведены были цѣлые ряды креселъ. Но туть несносный агитаторъ Денисъ Керней разрушилъ всѣ ихъ надежды, принеся ихъ святое дѣло въ жертву своей супружеской любви. Въ двадцатыхъ числахъ іюня происходила демократическая конвенція въ Цинциннати. Депутатки отправились туда попытать счастія. Мѣста тамъ также оказалось для нихъ много, и онѣ съ почетомъ введены были въ залу собранія любезными демократами. Тамъ онѣ съ интересомъ слѣдили за преніями и съ ликованіемъ встрѣтили назначеніе на президентскую кандидатуру генерала Генкока, этого «рыцаря безъ страха и упрека». По назначеніи кандидата, онѣ весело хотѣли выступить со своимъ собственнымъ дѣломъ, но демократы вдругъ объявили свою конвенцію закрытою. Бѣдныя леди такъ и остались ни причемъ—даже на конвенціи благородныхъ демократовъ. Эта печальная повѣсть почтенной политиканки была переполнена юморомъ и невольно вызывала сочувствіе. Въ этомъ же родѣ говорили и другія леди, причемъ отъ каждой доставалось на орѣхи «тиранствующему полу». Подъ конецъ сама предсѣдательница собранія сказала блистательную рѣчь въ пользу женскаго голосованія и заключила ее приглашеніемъ подписаться на издаваемый обществомъ журналъ. «Вѣдь всего только одинъ долларъ, сказала она, а между тѣмъ журналъ-то блестящій»!

Да, какъ ни славится Америка свободою, а женщинѣ въ ней еще далеко до полнаго равенства съ бородатыми джентльменами. Самое крупное общественное право — право голосованія при выборахъ—почти совершенно недоступно женщинамъ и дѣлаетъ робкіе шаги лишь въ нѣкоторыхъ самыхъ прогрессивныхъ штатахъ. Кромѣ практическихъ противниковъ, право голосованія женщинъ еще встрѣчаетъ и теоретическихъ противниковъ, которые литературнымъ путемъ, на основаніи философскихъ и политическихъ соображеній, отрицаютъ ихъ правоспособность въ этомъ отношеніи. Въ одномъ изъ выпусковъ «Сѣвероамериканскаго Обозрѣнія» нѣкто Парк-

манъ помѣстилъ подобнаго рода статью, въ которой философскимъ путемъ приходитъ къ отрицанію правъ женщинъ на голосованіе. По его мнѣнію, право голосованія въ своей основѣ коренится въ способности съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать предметъ голосованія. Народное правленіе въ сущности основывается на той истинѣ, что большинство всегда можетъ съ оружіемъ въ рукахъ заставить смириться предъ собой несоглашающееся съ нимъ меньшинство. Отсюда очевидно, что тотъ только можетъ участвовать въ голосованіи, кто можетъ сражаться. Относя, конечно, женщинъ къ неспособнымъ сражаться, Паркманъ рисуетъ ужасную картину того, что послѣдовало-бы за избраніемъ, въ которомъ большинство женщинъ восторжествовало бы надъ меньшинствомъ мужчинъ. Мужчины взялись-бы за оружіе и двумя-тремя незаряженными пушками обратили-бы въ бѣгство торжествующихъ женщинъ, преслѣдуя ихъ до самыхъ спаленъ, и такимъ возмутительно незаконнымъ образомъ завладѣли-бы правленіемъ. — Статья, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтила опроверженіе. Прежде всего, говоритъ по этому поводу одинъ защитникъ прекраснаго пола, надо сдѣлать исключеніе изъ общаго положенія, что женщины не могутъ сражаться. Паркманъ, очевидно, неженатый человѣкъ и потому мало знакомъ съ другимъ поломъ. Развѣ онъ никогда не слыхалъ о царѣ Дагомейскихъ амазонокъ? Или никогда не приводилъ къ себѣ въ домъ незваннаго гостя и не былъ встрѣчаемъ суровымъ, безжалостнымъ взглядомъ жены, худо скрывающей въ складкахъ платья грозный покеръ? *) Или не попадался онъ въ руки тещѣ и не попытался противорѣчить ей въ ея религіозныхъ тонкостяхъ? Женщина, по мнѣнію философа, нѣжное, боязливое существо; быть можетъ, это такъ, но она при всемъ томъ главная виновница въ преждевременномъ образованіи лысинъ, характеризующемъ женатыхъ джентльменовъ. Понятіе сраже-

*) *Poker*—коротенькая каминная кочерга, страшное оружіе въ рукахъ прекрасныхъ леди.

нія и побѣды Паркманъ, очевидно, не раздѣляетъ съ пушками и штыками. Но вѣдь есть и другіе способы борьбы. Развѣ языкъ злой женщины не страшнѣе обоюду-остраго меча, и упорная жена развѣ не сильнѣе заряженной пушки? А красота, а ласка женщины, а любовь—что можетъ устоять противъ этого оружія, которымъ располагаетъ женщина? А вотъ и иллюстрація. Выборы въ одномъ либеральномъ штатѣ, допустившемъ голосованіе женщинъ, производились на всѣхъ парахъ. Борьба партій кипѣла не на жизнь, а на смерть. Вожакомъ демократической партіи выступалъ молодой красавецъ, огненныхъ рѣчей и дьявольской энергіи котораго боялись республиканцы. Послѣ одной значительной побѣды, счастливый демократъ съ восторгомъ помчался къ своему «сладкому сердцу», что-бы съ нею раздѣлить свое торжество. Приходитъ и съ восторгомъ повѣствуетъ о своей побѣдѣ, но, къ удивленію, сладкое сердце по мѣрѣ разсказа все больше надуваетъ свои хорошенькія губки. «Что съ тобой, мое сладкое сердце?» спрашиваетъ наконецъ удивленный и смущенный побѣдитель: «ты желаешь отъ меня чего-нибудь? Проси всего: все исполню для тебя!»—Сладкое сердце блеснуло лукавыми глазками. «Ну, ну, проси: все исполню!» подтверждаетъ демократъ. «Милый мой, я одного только желаю: вотируй за нашего *республиканскаго* кандидата!» Какъ громомъ пораженъ былъ непобѣдимый демократъ, но лукавая Далила сняла съ Самсона его волоса и—демократическая партія потеряла своего сильнаго вождя.—Изъ всего этого видно, что глубокомысленному противнику правъ женщинъ на голосованіе нужно еще не мало поучиться какъ относительно способовъ сражаться, такъ и относительно силы женщинъ. Прежде же всего ему надо безъ отлагательства жениться. Это будетъ лучшимъ практическимъ опроверженіемъ его теоріи, будтобы женщина, какъ слабое существо, не можетъ заставить мужчинъ исполнять свою волю.

IV. На полѣ битвы.

Президентская кампанія и орудія борьбы.—Демократическій скверъ.—Негодующіе бурбоны.—Республиканская крѣпость.—Факельное шествіе Африки.—Положеніе цвѣтной расы въ политикѣ.—Грубое насиліе.—Колебаніе шансовъ.—Заслуги республиканской партіи передъ страною.—Картина благосостоянія.

Послѣ назначенія кандидатовъ, на сцену выступило во всемъ своемъ объемѣ то политическое движеніе, которое характерно называется «президентскою кампаніей» Это дѣйствительно кампанія и ведется по всѣмъ правиламъ, выработанной стратегіи. Партіи стоятъ другъ противъ друга какъ два враждебныхъ лагеря со своими предводителями во главѣ и ведутъ ожесточенную борьбу, причемъ пускаются въ ходъ всякія дозволенныя и недозволенныя средства, лишь бы только захватить плѣнныхъ въ противномъ лагерѣ и съ торжествомъ гаркнуть, что дескать «въ нашемъ полку прибыло». Въ качествѣ орудій борьбы выступаетъ прежде всего цѣлая кампанейская литература. Появляется цѣлая масса біографій кандидатовъ, причемъ свой кандидатъ изображается воплощеніемъ всѣхъ семи добродѣтелей, а чужой такимъ чудовищемъ порока, предъ которымъ содрогнулся бы самъ геній темнаго царства. Сенсаціонные памфлеты и брошюры дождемъ сыплются со всѣхъ сторонъ, и политиканствующіе композиторы слагаютъ особые боевые гимны, которые поются и исполняются оркестрами на митингахъ. Портреты кандидатовъ милліонами разносятся по странѣ и раздаются въ качествѣ объявленій, а надъ всѣми главнѣйшими улицами вывѣшиваются громадныя сѣтки, на которыхъ красуются фигуры, имена и разныя изреченія героевъ кампаніи. Въ «главныхъ квартирахъ» постоянно открыты двери для митинговъ и любителей-ораторовъ, а по улицамъ совершаются гран-

діозныя процессіи съ факелами и знаменами. Спекулянты открываютъ спеціальные магазины для президентской кампаніи и пышными рекламами извѣщаютъ о богатѣйшемъ выборѣ «орудій кампаніи»—знаменъ, флаговъ, факеловъ, портретовъ и особыхъ кампанейскихъ костюмовъ — «блистательныхъ и внушительныхъ, и однакоже самыхъ дешевыхъ въ мірѣ». Партіи раздѣлены даже пространственно, и относительно разныхъ площадей Нью-Іорка можно съ опредѣленностью сказать, какая изъ нихъ республиканская, и какая демократическая.

Въ самомъ центрѣ города расположился довольно обширный «Скверъ Союза». Среди сквера бьетъ сильный фонтанъ, по угламъ стоятъ мѣдныя статуи «отцовъ» республики, а по сторонамъ проходятъ богатѣйшія улицы города во главѣ съ Бродвеемъ или нью-іоркскимъ Невскимъ. Здѣсь главное сѣдалище демократіи штата. Отели, рестораны и общественныя залы тутъ находятся въ исключительномъ владѣніи демократовъ, и чрезъ всѣ выходы съ улицъ на площадь перетянуты сѣтки съ портретами ихъ кандидата генерала Генкока. Тутъ происходятъ ихъ митинги и здѣсь же главный механизмъ, заправляющій всею президентскою кампаніей демократической партіи. Въ большомъ отелѣ демократами занято было восемнадцать комнатъ, въ которыхъ постоянно работали телеграфные станки, безпрерывно щупавшіе пульсъ страны во всѣхъ ея частяхъ и направленіяхъ. Проходя однажды вечеромъ по скверу, я пораженъ былъ страннымъ зрѣлищемъ. Одинъ домъ представлялъ собою сплошную массу свѣта и среди ея по стѣнѣ бѣгала и кривлялась исполинская тѣнь человѣческой фигуры. Подойдя ближе, я разсмотрѣлъ портреты демократическихъ кандидатовъ (на президентство и вице-президентство), и понялъ въ чемъ дѣло. Это былъ демократическій митингъ. Для привлеченія къ нему вниманія, демократы обтянули всю переднюю часть дома полотномъ, за которымъ по стѣнѣ зажгли множество свѣчей и плошекъ, сливавшихся для зрителя извнѣ въ одну сплошную массу огня, такъ что весь домъ былъ какъ бы однимъ громаднымъ фонаремъ. Бѣгавшая по

нему тѣнь была не что иное, какъ тѣнь ораторовъ, поочередно занимавшихъ каѳедру, искусственно увеличенная до исполинскихъ размѣровъ. Чѣмъ ближе подходилъ роковой ноябрь, тѣмъ чаще зажигался этотъ чудовищный фонарь и тѣмъ энергичнѣе кривлялись на немъ тѣни. Кривляніе тѣней впрочемъ не вездѣ означаетъ дѣйствительный митингъ. Иногда, придя по указанію тѣни въ залу, вы найдете только какого нибудь шута, который по найму или по собственной охотѣ выдѣлываетъ ораторскіе пріемы совершенно передъ пустыми креслами, давая лишь знать, что «кампанія не стоитъ, агитація не дремлетъ». Залы для митинговъ разсыпаны по всему городу и на нихъ интересно присутствовать, чтобы видѣть, съ какою энергіей политиканствующіе ораторы ратуютъ за своихъ кандидатовъ и какими изысканными эпитетами надѣляютъ ненавистныхъ противниковъ. На этихъ частныхъ митингахъ впрочемъ уже обыденные ораторы развиваютъ и пережевываютъ для сѣраго люда то, что сказано главными вожаками партіи на какомъ нибудь генеральномъ митингѣ, и потому больше интереса для наблюдателя политической жизни имѣютъ эти послѣдніе.

Не подалеку отъ сквера находится обширное зданіе «академіи музыки», какъ американцы называютъ свой оперный театръ. Въ первыхъ числахъ августа прошлаго года «академія» была мѣстомъ восторженныхъ ликованій: то «бурбоны», какъ республиканцы почему-то величаютъ своихъ противниковъ, держали торжественный митингъ для окончательной ратификаціи «цинциннатскаго билета» или генерала Генкока въ званіи демократическаго кандидата на президентство. Героемъ вечера былъ знаменитый демократическій ветеранъ Тильденъ. Демократы до сихъ поръ не перестаютъ утверждать, что побѣда въ позапрошлой президентской кампаніи принадлежитъ имъ и что ихъ кандидатъ Тильденъ есть законно избранный президентъ Соединенныхъ Штатовъ, а президентъ Гейесъ былъ самозванецъ, водворенный въ Бѣломъ Домѣ посредствомъ низкаго обмана со стороны рес-

публиканской партіи. Самъ Тильденъ вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе, считалъ себя законнымъ президентомъ страны, какъ онъ это и высказалъ прямо въ своей рѣчи на этомъ митингѣ. Въ случаѣ избранія президентомъ демократическаго кандидата Генкока, Тильденъ, по слухамъ, предполагалъ устроить оригинальную демонстрацію: поѣхалъ бы вмѣстѣ съ новоизбраннымъ президентомъ въ Вашингтонъ и въ качествѣ дѣйствительнаго президента сталъ бы сдавать ему Бѣлый Домъ, какъ его законный владѣлецъ и хозяинъ. Если это не выдумка подсмѣивавшихся надъ старикомъ республиканцевъ, то это былъ бы характерный фактъ, свидѣтельствующій о томъ, до какой степени распалено соперничество партій и до какой степени дорого Тильдену президентство, для обезпеченія котораго за собой онъ, по сознанію самихъ демократовъ, израсходовалъ изъ своего несмѣтнаго богатства около 25 милліоновъ долларовъ. Достаточно пошумѣвъ и поликовавъ, демократы не преминули торжественно составить и поднести республиканцамъ горькую пилюлю въ видѣ слѣдующей резолюціи, не безъинтересной въ смыслѣ характеристики политическихъ отношеній между главными партіями. «Демократическая партія на своемъ торжественномъ митингѣ опредѣлила: что республиканская партія своимъ долгимъ злоупотребленіемъ властью; своею политическою распущенностью и чиновническою испорченностью; своимъ спеціальнымъ законодательствомъ въ интересахъ громадныхъ монополій; своею растратой общественныхъ денегъ въ видѣ субсидій гигантскимъ корпораціямъ; преступною раздачей 296.000,000 акровъ народной земли, составляющихъ почти четвертую часть всего общественнаго владѣнія и покрывающихъ вдвое большее пространство, чѣмъ находящееся подъ обработкой во всѣхъ штатахъ и территоріяхъ въ настоящее время; своею разорительною и самоубійственною политикой по отношенію къ торговлѣ страны; своимъ злобнонамѣреннымъ разжиганіемъ страстей и ненависти, порожденныхъ минувшею гражданскою войной; своими постоянными и возрастающими усиліями сосредоточить власть, предоставлен-

ную отдѣльнымъ штатамъ, въ рукахъ федеральнаго правительства, ободряя такимъ образомъ фракцію «третьяго срока» и ея предводителей въ ихъ заговорѣ для захвата абсолютной власти; однимъ словомъ республиканская партія своими злоупотребленіями во всѣхъ отрасляхъ правленія—потеряла довѣріе народа, и потому должна передать свою власть демократической партіи, какъ истинной выразительницѣ народной воли». Такова-то, по мнѣнію демократовъ, та партія, которая вотъ уже 20 лѣтъ держитъ въ своихъ рукахъ правленіе страны. Аттестація, надо сказать, не лестная для правящей партіи. Какъ еще при такомъ правленіи не рухнетъ небо и не колеблются основы земли.

Въ то время, какъ демократы произносили смертный приговоръ надъ своими противниками, эти послѣдніе въ свою очередь предавались ликованіямъ на другомъ скверѣ города, Мадисонскомъ. Тамъ при сліяніи Бродвея съ самою фешенебельною улицей столицы Пятымъ Авеню расположился обширнѣйшій и богатѣйшій въ городѣ отель «Пятаго Авеню». Отель этотъ представляетъ собою настоящую крѣпость республиканизма. Обширные корридоры его постоянно наполнены политиканствующими республиканцами. Тутъ работали республиканскіе телеграфные станки, подслушивая отголоски кипѣвшей кампаніи; тутъ происходятъ совѣщанія вожаковъ партіи, отсюда ведется агитація по всей странѣ и здѣсь же республиканцы дѣлали торжественный пріемъ своему избраннику генералу Гарфильду. Пріемъ былъ блистательный, рѣчи говорились отборными ораторами, и самъ генералъ Гарфильдъ сказалъ нѣсколько блистательныхъ спичей. Одна изъ его рѣчей касалась политическаго положенія «цвѣтной расы» или просто негровъ. Негры, какъ освобожденные отъ рабства республиканцами, остаются вѣрными республиканской партіи; они всегда вотируютъ за кандидата своихъ освободителей. Такъ какъ численность ихъ довольно велика, то они составляютъ чрезвычайно сильную опору для республиканской партіи. Быть можетъ даже своимъ долгимъ господствомъ въ странѣ

республиканская партія обязана этому своему черному легіону. Демократы понимаютъ это, и потому отъ всей души презираютъ и угнетаютъ негровъ, и самихъ республиканцевъ по черному цвѣту ихъ союзниковъ величаютъ «черными обезьянами». Республиканцы съ своей стороны дѣлаютъ все, чтобы удержать свое вліяніе надъ черной расой и для этого иногда даже жертвуютъ справедливостью. Нѣсколько времени тому назадъ въ Нью-Іоркѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію одинъ негръ за убійство женщины, совершенное съ цѣлью грабежа. Республиканское правительство штата готово было помиловать преступника, но общественное мнѣніе высказалось противъ помилованія съ такою энергіей, что правительство не осмѣлилось дѣйствовать противъ него, и негръ былъ повѣшенъ. Вслѣдъ за тѣмъ судомъ былъ приговоренъ также къ повѣшенію молодой итальянецъ за убійство своей жены, захваченной съ любовникомъ. Тутъ общественное мнѣніе стало на сторону преступника, и петиція о его помилованіи была подписана десятками тысячъ жителей города. Американскій законъ чрезвычайно суровъ къ убійцамъ и требуетъ всегда смерти за смерть,—отговорокъ «ненормальнымъ состояніемъ мозговыхъ функцій» не полагается. Но въ данномъ случаѣ справедливость требовала оказать снисхожденіе къ молодому человѣку, который имѣлъ несчастье жениться на развратной женщинѣ, своимъ поведеніемъ доведшей его до преступленія. За осужденнаго хлопоталъ и итальянскій консулъ и печать громко высказывалась за его помилованіе. Но все было напрасно и—итальянецъ также былъ повѣшенъ. Соображеніе, которымъ при этомъ упорствѣ руководилось республиканское правительство, единственно состояло въ томъ, что, не помиловавъ негра, оно не могло уже помиловать итальянца: иначе, что заговорили бы его союзники-негры? Такъ бѣдный итальянецъ палъ жертвою политической интриги.

Вечеромъ того же дня чернокожіе сыны Африки устроили великолѣпную факельную процессію въ честь генерала Гарфильда. Не смотря на свое званіе американскихъ гражданъ,

негры до сихъ поръ въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ и въ своемъ развитіи недалеко ушли отъ своихъ африканскихъ собратій. Какая-то наивная дикость всецѣло проглядываетъ изъ-подъ ихъ американскихъ костюмовъ. Надо было видѣть, съ какою наивною важностью маршировали они теперь по улицамъ, неся зажженные факелы и распѣвая воинственныя негритянскія пѣсни. Курьезная «кампанейская форма», въ которую они теперь всѣ были одѣты, наполняла ихъ повидимому неизмѣримою гордостью, и они съ непритворною серьезностью мѣрно отбивали военный шагъ, широко осклабляя свои африканскія физіономіи, когда уличные мальчишки кричали имъ—«браво».

— Вотъ вы постоянно утверждаете, что негры неспособны къ свободной политической жизни и что они просто стадо барановъ, подгоняемое республиканскимъ кнутомъ, обратился я къ своему пріятелю янки, рьяному демократу.—Смотрите, какую стройную организацію представляютъ они собой, съ какимъ гордымъ самосознаніемъ прославляютъ своего кандидата. Да и пріобрѣтеніе этихъ форменныхъ костюмовъ и вообще устройство процессіи чего нибудь стоитъ... А гдѣ расходъ для опредѣленной цѣли, тамъ значитъ есть идея, общее одушевленіе.

Демократъ какъ-то сердито и нервно ухмыльнулся.

— Если вы не шутите, то жестоко заблуждаетесь, сказалъ онъ.—Эта-то процессія болѣе всего и показываетъ, что они безсмысленное стадо барановъ, и подтверждаетъ ту истину, что насильственно освобожденные рабы остаются рабами и на свободѣ. Не думайте, что устройство и организація этой процессіи принадлежитъ ихъ собственной иниціативѣ. Ничуть не бывало. Это бездушныя маріонетки, заведенныя рукою республиканской интриги. Костюмы, факелы, музыканты—все это дано имъ республиканцами. Имъ самимъ принадлежитъ только эта глупая бравада; да и она естественно объясняется тѣмъ, что участникамъ процессіи республиканцы платятъ по два доллара въ день. Черная раса, это — проклятіе нашей

страны, и оно будетъ лежать на насъ, пока негры будутъ служить мертвымъ орудіемъ въ рукахъ республиканской партіи.

— Все равно какъ ирландцы служатъ въ рукахъ демократической партіи, хотѣлъ было я замѣтить демократу, но воздержался отъ нескромности.

Въ настоящее время впрочемъ негры не составляютъ уже такого вѣрнаго легіона для республиканской партіи, какъ прежде, и нѣкоторые изъ нихъ съ гордостью величаютъ себя демократами.

— Ахъ ты, черная обезьяна — негръ! обругалъ однажды посѣтитель ресторана цвѣтнаго половаго, который обсчиталъ его на нѣсколько центовъ.

— Я не негръ! взбѣшенно вскричалъ цвѣтной джентльменъ.

— Кто же ты, чернокожая собака?

— Я—демократъ! еще энергичнѣе закричалъ онъ, и страшные бѣлки его глазъ сверкнули на черной физіономіи.

По отношенію къ «чернымъ бестіямъ» демократы впрочемъ не церемонятся много, и живо превращаютъ ихъ въ демократовъ. Разъ произошелъ характерный случай, страшно взволновавшій весь республиканскій міръ. Въ южномъ штатѣ Алабамѣ происходила подача голосовъ. Многочисленное тамъ цвѣтное населеніе разумѣется стояло за республиканскаго кандидата. Но демократы съумѣли быстро повернуть его на свою сторону. Подъ предлогомъ того, что негры «застращиваютъ» бѣлыхъ голосователей и тѣмъ принуждаютъ ихъ противъ воли подавать голосъ за республиканскаго кандидата, демократы (въ одномъ округѣ) выставили для защиты послѣднихъ бѣлую милицію. Опираясь на нее, они затѣмъ сразу превратили черныхъ въ бѣлыхъ. Во время самаго баллотированія вдругъ кто-то завернулъ газовый рожокъ, и воцарилась тьма. Предводитель цвѣтнаго населенія, наблюдавшій за баллотированіемъ, съ ужасомъ бросился къ столу, стараясь захватить баллотировочный ящикъ, но напрасно водилъ онъ руками по поверхности стола: отъ ящика и слѣдъ простылъ.

Пока въ страшной суматохѣ опять успѣли зажечь огонь, ящикъ опять появился, но уже наполненный демократическими билетами. Большинство разумѣется оказалось за демократами, и они восторженно грянули свой боевой гимнъ: «за Генкока ударьте колокола»! и заглушили вопль «цвѣтнаго предводителя», низводившаго на головы демократовъ всѣ проклятія, какія только существуютъ на человѣческомъ языкѣ въ Африкѣ и Америкѣ.

Такъ шла президентская кампанія. Политиканы уже наперед пытались взвѣшивать относительные шансы кандидатовъ. Большинство изъ нихъ, разумѣется, смотря по принадлежности къ той или другой партіи, съ азартомъ провозглашали побѣду своего кандидата и несомнѣнное пораженіе противника. Политиканы республиканскаго клуба «желѣзно-дорожныхъ служащихъ» выставили у своихъ дверей курьезную картину. Два поѣзда съ страшною быстротою мчатся къ великолѣпному зданію, надъ которымъ виднѣется надпись: «Бѣлый Домъ». Одинъ поѣздъ уже тормазитъ по рельсамъ предъ самою дверью дома, и изъ вагона самодовольно выглядываетъ генералъ Гарфильдъ съ своимъ вице-президентомъ Артуромъ. Другой напротивъ соскочилъ съ рельсовъ и прыгаетъ по ухабистой почвѣ, а изъ вагона высунулись искривленныя ужасомъ и отчаяніемъ фигуры демократическихъ кандидатовъ Генкока и Инглиша. Демократическіе политиканы разумѣется въ своихъ клубахъ имѣли другаго сорта картины. Но есть и «независимые политики», которые судятъ безпристрастно.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ назначенія демократами на президентскую кандидатуру генерала Генкока общественное мнѣніе съ такимъ сочувствіемъ отнеслось къ этому «рыцарю безъ страха и упрека», что повидимому шансы сильно и безповоротно склонились на его сторону. Ликованіямъ въ демократическомъ лагерѣ и конца не было, объявлены были многочисленныя пари на десятки тысячъ долларовъ—что Генкокъ будетъ избранъ президентомъ, и въ обществѣ стала рости

мысль, что пора перемѣнить правительство, взять его изъ рукъ республиканцевъ и передать демократамъ. Но мало по малу шансы его пошатнулись. Дѣло въ томъ, что демократическая партія, вполнѣ увѣренная въ своемъ успѣхѣ, стала болѣе предаваться ликованіямъ, чѣмъ дѣлу, и въ организаціи кампаніи сдѣланы были важныя упущенія. Между тѣмъ республиканцы съ усиленною энергіею начали и повели кампанію и успѣли съ первыхъ мѣсяцевъ кампаніи повернуть шансы въ свою сторону. Да и мысль о необходимости перемѣны въ правительствѣ стала расплываться и глохнуть. Въ настоящее время страна достигла небывалой степени благосостоянія, а народъ не любитъ перемѣнять того правительства, при которомъ онъ благоденствуетъ.

Страна дѣйствительно многимъ обязана республиканскому правленію. По окончаніи гражданской войны она находилась въ ужасно бѣдственномъ состояніи. Финансы совершенно истощились и бумажныя деньги не стоили и половины ихъ номинальной цѣнности; теперь же онѣ, посредствомъ искусной операціи, вполнѣ уравнены съ золотомъ, и существуетъ даже излишекъ золотой монеты въ 130 милл. долларовъ. «Мы сразу перескочили отъ крайней нужды къ великому довольству, говорилъ на одномъ большомъ митингѣ государственный секретарь Шерманъ. Нашъ вывозъ за послѣдній фискальный годъ достигъ огромной суммы въ 835.000,000 долларовъ, на 320.000,000 больше противъ 1875 года. Нашъ ввозъ за послѣдній фискальный годъ былъ въ 668.000,000, на 135.000,000 больше противъ 1875 года, что вмѣстѣ для нашей внѣшней торговли составляетъ за послѣдній годъ сумму въ 1.500,000,000 долларовъ. Каждый народъ приноситъ намъ дань своими произведеніями. Наши мануфактурныя произведенія возросли во всѣхъ отрасляхъ, такъ что мы вывозимъ огромное количество ихъ для удовлетворенія потребностей другихъ народовъ. Мы теперь кормимъ Европу не только хлѣбомъ, но и мясомъ, масломъ, саломъ, плодами и другими произведеніями страны. Въ великихъ отрасляхъ промышленности — въ земле-

дѣліи, мануфактурѣ и горнозаводскомъ дѣлѣ — мы теперь стоимъ во главѣ народовъ. При избыткѣ денегъ, цѣнныхъ какъ золото, при избыткѣ работы для всѣхъ желающихъ трудиться, при дешевомъ капиталѣ, мы теперь имѣемъ еще богатѣйшія жатвы, какими когда либо только Провидѣніе благословляло землю. Мы имѣемъ одной пшеницы по 450.000,000 бушелей въ годъ и маиса 1.800.000,000 въ годъ. Демократы утверждаютъ, что мы всѣмъ этимъ благосостояніемъ обязаны Провидѣнію, а не республиканскому правленію. Это правда, что Провидѣніе благословило насъ богатыми жатвами, но и самыя жатвы явились только послѣ, когда правительство привело въ порядокъ финансы государства, дало странѣ цѣнныя деньги, расширило промышленность, давшія народу возможность дѣятельно участвовать въ благословеніяхъ Провидѣнія. Несомнѣнно же то, что ни одною частью этого благосостоянія мы не обязаны демократической партіи».

V. Въ станѣ демократовъ.

Въ бордингъ-гаузѣ.—Демократическая аттака.—Адская канонада ракетами и рѣчами. — Отношеніе партій.—Крайности республиканцевъ. — Семьдесятъ тысячъ, а можетъ быть и меньше, въ строю огненной арміи. — Препирательства изъ за цифръ.—Стоимость процессіи.

Небогатые и особенно одинокіе люди, зарабатывающіе 100—200 долларовъ въ мѣсяцъ, живутъ здѣсь попреимуществу въ бордингъ-гаузахъ. Это дома, гдѣ отдаются въ наемъ отдѣльныя комнаты съ общимъ столомъ. Жизнь въ нихъ сравнительно недорога, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ въ себѣ много интереснаго разнообразія. Тутъ за столомъ сливаются

въ одну семью, обыкновенно въ 10—15 человѣкъ, люди всякихъ націй, званій, занятій, характеровъ и убѣжденій. При такомъ разнообразіи каждому есть что сказать и потому трескучая болтовня есть самая характерная черта этого застольнаго собранія. Въ одномъ изъ такихъ домовъ жилъ и авторъ этихъ строкъ, на 17-й улицѣ, въ какихъ нибудь ста саженяхъ отъ демократическаго сквера Союза. Собраніе здѣсь самое разнохарактерное, какое только можно себѣ представить. Тутъ живетъ нѣмецкая актриса, умѣющая христосоваться по-русски, и городская учительница, неясно представляющая себѣ, въ которой части свѣта находится Россія, кубанскій инсургентъ, дѣлающій гаванскія сигары, и прусскій нѣмецъ, проклинающій Бисмарка; юмористическій шотландецъ, немилосердно коверкающій англійскій языкъ, и чистый лондонскій англичанинъ, съ благоговѣніемъ произносящій имя ея величества англійской императрицы; начинающій и потому постоянно проваливающійся адвокатъ и опытный инженеръ, которому машиной оторвало указательный палецъ; подсмѣивающійся республиканецъ и постоянно горячившійся демократъ и т. д. Въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ эта компанія сидѣла въ столовой и хоровой болтовней заглаживала только-что законченный обѣдъ. Было 7 часовъ вечера и на небѣ засверкали уже звѣзды. «Б-бумъ!» — вдругъ грохнула пушка, и стекла столовой лихорадочно задрожали.

— Что это такое? — спросилъ шотландецъ.

— А это демократы зарядили Генкокомъ пушку и выпалили имъ на луну: онъ тамъ будетъ избранъ президентомъ,— лукаво говорилъ республиканецъ, косясь на демократа.

— Нѣтъ, сэръ, извините, — отпарировалъ демократъ, — это первый сигналъ къ тому, чтобы кнутами гнать республиканцевъ изъ Бѣлаго Дома! А вонъ и другіе сигналы къ тому же: смотрите, смотрите на небо? — добавилъ демократъ съ видимымъ самодовольствомъ.

Вся компанія бросилась къ окнамъ, а нѣкоторые вышли на уличное крыльцо. Небо представляло интересное зрѣлище.

По всѣмъ направленіямъ его высоко-высоко поднимались огненныя дуги ракетъ, которыя съ шипящимъ свистомъ разрѣзывали воздухъ и какбы подъ самыми звѣздами съ трескомъ разрывались и разсыпались разноцвѣтно-огненнымъ дождемъ. Весь скверъ Союза окруженъ демократическими залами, и изъ всѣхъ ихъ теперь, равно какъ и съ самаго сквера, ракеты бросались съ безумною роскошью. Свистъ, трескъ и блескъ ракетъ, съ промежуточнымъ буханьемъ поставленной на скверѣ пушки, убили тишину пріятнаго вечера. Такой канонадой демократы открыли свою атаку на ненавистныхъ республиканцевъ, въ памятный для нихъ день 23 сентября.

Несчастьемъ демократической партіи издавна было то раздѣленіе, которое постоянно существовало въ ней со времени минувшей войны. Демагогствующіе политиканы, несогласные между собою болѣе по личнымъ счетамъ, чѣмъ по принципу, мало-по-малу образовали отдѣльныя фракціи, которыя стали враждовать между собою болѣе чѣмъ съ своимъ общимъ противникомъ—республиканскою партіей. Раздѣленіе это выразилось даже пространственно. Каждая фракція создала себѣ особую «залу», въ которой собираются ея члены для митинговъ и по которымъ стали называться самыя фракціи. Такъ, въ настоящее время наиболѣе извѣстны фракціи «Зала Таммани» и «Зала Ирвинга» (Tammany Halle, Irving Halle). До послѣдняго времени они были злѣйшими врагами, и этому обстоятельству демократическая партія главнымъ образомъ обязана своимъ пораженіемъ при позапрошлыхъ выборахъ. Въ минувшемъ году назначеніе на президентскую кандидатуру генерала Генкока способствовало отчасти примиренію между собою этихъ фракцій, и онѣ дѣйствительно единогласно объявили себя сторонниками этого кандидата; но въ то же время искра застарѣлой вражды продолжала тлѣть, и въ сентябрѣ прошлаго года чуть не воспламенилась опять въ открытую вражду.

Въ это время происходили совѣщанія относительно выбора новаго мэра для Нью-Іорка. Управленіе города нахо-

дится въ рукахъ демократовъ, и вотъ при этихъ совѣщаніяхъ между фракціями возникло соперничество; каждая желала выбрать мэра изъ своей среды. Соперничество грозило порвать только что установленное примиреніе. Къ счастью среди членовъ фракцій нашлись люди, которые пожертвовали своими личными интересами въ пользу общихъ интересовъ партіи и добились того, что между враждующими фракціями наконецъ былъ заключенъ формальный договоръ союза и подписанъ представителями ихъ. Это событіе было очень важно для демократической партіи, и демократы порѣшили отпраздновать его на славу. Пушечная пальба и ракеты были началомъ этого торжества.

Ракеты продолжали со свистомъ и трескомъ разрѣзать темносинюю мглу ночной атмосферы, и пушка періодически грохала, потрясая стекла домовъ, когда я отправился на мѣсто дѣйствія—скверъ Союза. Скверъ кишѣлъ уже народомъ, густыми массами занявшимъ тротуары и слѣдившимъ за огненными дугами. Стоящія по угламъ сквера статуи «отцовъ» республики украшены были разноцвѣтными огнями и флагами. Только одна статуя стояла какъ бы забытой сиротой: на ней ни огонька, ни лоскутка, и она смущенно пряталась отъ любопытныхъ глазъ въ ночной темнотѣ. Это статуя Линкольна: не любятъ ее демократы. На всѣхъ свободныхъ мѣстахъ сквера возвышались эстрады, украшенныя опять флагами, электрическими солнцами и полисменами съ ихъ неразлучными дубинками. Съ этихъ эстрадъ демократическіе ораторы должны были по программѣ открыть канонаду рѣчами. Одна эстрада отличалась особенною роскошью украшеній, была такъ сказать луной среди звѣздъ, кресломъ среди стульевъ. Она назначена была для самого Генкока, который съ нея долженъ былъ производить смотръ огненной арміи демократовъ. Къ великому горю демократовъ, ихъ вождь какъ разъ предъ самымъ торжествомъ схватилъ злокачественный насморкъ, и врачи отсовѣтовали ему выходить на открытый воздухъ.

Ровно въ 8 часовъ, когда ракеты достаточно подготовили почву для генеральнаго боя, выступили ораторы и открыли адскую канонаду рѣчами, которыя загремѣли со всѣхъ эстрадъ и вмѣстѣ съ ракетами лопались въ ночной темнотѣ. Въ Нью-Іоркѣ мнѣ впервые пришлось познакомиться съ ораторствомъ на открытомъ воздухѣ, и надо сказать, что трудно указать болѣе жалкое положеніе человѣка, чѣмъ когда онъ ораторствуетъ громадной толпѣ подъ открытымъ небомъ. Прежде всего толпа эта, состоявшая разумѣется не изъ однихъ демократовъ, но и республиканцевъ, пришедшихъ посмотрѣть на торжество своихъ противниковъ, была недостаточно внимательна и больше прислушивалась къ свисту ракетъ, чѣмъ къ треску ораторовъ. Затѣмъ она и недостаточно почтительна. Меня непріятно поразилъ случай, какъ у одной эстрады на всѣ голосовые переходы и восклицанія оратора отвѣчало грубое передразнивавшее эхо нѣсколькихъ голосовъ изъ толпы. Этотъ случай объяснилъ мнѣ, почему демократы, украшая свои эстрады огнями и флагами, нашли необходимымъ украсить ихъ и цѣлыми патрулями полисменовъ, которые и стояли по бокамъ ораторовъ. Наконецъ отсутствіе резонанса дѣлало тщетными всѣ усилія ораторовъ дать себя слышать болѣе или менѣе значительному количеству народа. Американскіе ораторы вообще отличаются сильными голосами, и мнѣ нигдѣ не приводилось встрѣчать такихъ громоносныхъ горлановъ, какъ здѣсь. Часто въ громадной залѣ ораторъ въ патетическихъ мѣстахъ реветъ, какъ разъяренный буйволъ—до оглушенія непривычныхъ слушателей. На выработку такихъ желѣзныхъ легкихъ здѣсь несомнѣнно вліяла издавна существующая практика публичнаго ораторства, отъ усилій котораго весьма многое зависитъ въ политической жизни народа. И теперь подъ открытымъ небомъ ораторы гремѣли съ невѣроятною силою, но при всемъ томъ глухой говоръ многотысячной толпы и свистъ ракетъ отнимали у рѣчей раздѣльность звуковъ и потому онѣ для большинства были лишь странными выкриками, безслѣдно пропадавшими въ воздухѣ. Впрочемъ нѣтъ нужды и жалѣть о

такой ихъ судьбѣ. Въ праздничныхъ рѣчахъ обыкновенно не много бываетъ смысла и онѣ состоятъ исключительно изъ трескучихъ фразъ, разсчитанныхъ на минутный эффектъ на подобіе ракетъ, и потому лопаются въ воздухѣ такъ же безслѣдно, какъ ракеты. Среди гвалта этихъ рѣчей только и слышно было, что демократическая партія есть истинно-народная партія, что республиканцы обманомъ и подкупомъ держатъ власть въ своихъ рукахъ, что теперь настало время демократамъ взять власть въ свои руки и т. д. въ этомъ родѣ. Чтобы лучше познакомиться съ принципами и стремленіями демократической партіи, надо обратиться къ такимъ рѣчамъ, которыя говорятся въ болѣе спокойные моменты, когда голова не поддается увлеченію страсти. Я приведу здѣсь нѣкоторыя основанія, по которымъ демократы особенно не любятъ республиканцевъ и желаютъ взять отъ нихъ власть въ свои руки.

Послѣ войны республиканская партія, какъ побѣдительница, вполнѣ захватила власть въ свои руки и, опираясь на нее, стала относиться къ противной партіи на основаніи принципа vae victis — горе побѣжденнымъ. Югъ за свои сепаратистскія стремленія долженъ былъ вынести множество непріятностей; республиканцы щедры были на примѣненіе къ нему разныхъ чрезвычайныхъ мѣръ — въ прямой ущербъ правъ, обезпечиваемыхъ конституціей. Въ одномъ случаѣ побѣдоносный сѣверъ распорядился было военными мѣрами искоренить среди южанъ остатки крамолы, и съ этою цѣлью генералу Генкоку даны были диктаторскія полномочія. Но доблестный генералъ, умѣющій быть въ то же время истиннымъ сыномъ своей республики, не увлекся такимъ всевластіемъ и при самомъ вступленіи въ должность диктатора объявилъ, что онъ свое диктаторство всецѣло подчиняетъ конституціи страны, и дѣйствительно вмѣсто чрезвычайныхъ репрессивныхъ мѣръ сталъ возстановлять на взволнованномъ югѣ чувство законности и порядка, водворяя тѣмъ гражданское спокойствіе и довѣріе къ закону. Это былъ дѣйствительно доблестный гражданскій актъ генерала Генкока и на этомъ

актѣ главнымъ образомъ основываются демократическія симпатіи къ нему; ему же онъ обязанъ и своимъ назначеніемъ на президентскую кандидатуру со стороны демократовъ. Довѣріе и преданность Союзу на югѣ скоро возстановились послѣ войны, но республиканцы до сихъ поръ подозрѣваютъ тамъ тлѣющую искру сепаратизма. Ихъ особенно смущаетъ то, что югъ представляетъ слишкомъ сплоченную демократическую организацію. Въ этой организаціи они видятъ крамолу. «Solid South», какъ они называютъ югъ вслѣдствіе такой его демократической сплоченности, служитъ для нихъ постояннымъ пугаломъ «кровавой сорочки». На самомъ же дѣлѣ «сплоченность юга» зависитъ совсѣмъ не отъ сепаратистскихъ стремленій его, а произведена самими республиканцами. Прежде всего, по объясненію одного демократа, сплоченность юга вызвана тѣми утѣсненіями, на которыя щедры были республиканцы по отношенію къ югу который для собственной самозащиты противъ такихъ угнетеній долженъ былъ по необходимости сплотиться въ одну дружную силу. Но теперь эта сплоченность поддерживается тѣмъ порядкомъ вещей, который водворили тамъ республиканцы, освободивъ негровъ отъ рабства и давъ имъ право голосованія наравнѣ съ ихъ прежними господами. «Вы, гг. сѣверяне, писалъ недавно демократическій сенаторъ-южанинъ Стюартъ, упускаете одинъ важный фактъ въ отношеніи южной политики. Вы забываете, что въ южныхъ штатахъ девять десятыхъ республиканской партіи состоялъ изъ цвѣтной расы. Раса эта еще недавно только освобождена отъ рабства. Она еще не имѣла достаточно времени подняться въ образованіи до уровня великихъ обязанностей, которыя были наложены на нее. Отдать власть и контроль общественныхъ органовъ на югѣ теперь республиканцамъ, значитъ отдать ее самымъ невѣжественнымъ и необразованнымъ классамъ или, что еще хуже, безнравственнымъ и безпринципнымъ демагогамъ, которые изъ-за личныхъ цѣлей обманываютъ и возбуждаютъ ихъ. Эти-то черные голосователи и заставляютъ югъ быть сплоченнымъ. Если бы избирательное право было удержано отъ нихъ, пока они не подня-

лись бы достаточно въ образованіи для пониманія своего долга, то сплоченный югъ давно бы расплылся. Но я прошу откровенныхъ сѣверянъ сказать, было ли бы разумно и выгодно для интеллигенціи, прогресса и собственности юга отдавать всѣ эти драгоцѣнные интересы управленію невѣжественныхъ и неимущихъ классовъ, которые въ большинствѣ не владѣютъ собственностью, неспособны понимать значенія законодательства или даже не умѣютъ читать билеты, которые они опускаютъ въ избирательную урну»? — Въ этой защитѣ демократы имѣютъ несомнѣнно значительную долю правды на своей сторонѣ. Долю правды имѣютъ также они и въ наступательныхъ аргументахъ. Они обвиняютъ республиканцевъ въ деспотическихъ поползновеніяхъ, и въ этомъ отчасти правы. Отличительнымъ принципомъ республиканской партіи постоянно было усиленіе централизаціи въ управленіи страны, и съ этою цѣлью она пользовалась всякимъ случаемъ къ урѣзыванію независимости отдѣльныхъ штатовъ. Благодаря продолжительному господству въ странѣ, она въ послѣднее время до того настойчиво стала проводить этотъ принципъ, что не останавливается даже предъ нарушеніемъ народныхъ традицій, какъ напр. въ послѣдней агитаціи за Гранта на «третій» президентскій срокъ, что прямо шло въ разрѣзъ съ великимъ завѣщаніемъ основателя республики Вашингтона. Наконецъ, продолжительное безраздѣльное господство въ странѣ послужило поводомъ къ тому, что въ средѣ ея въ страшныхъ размѣрахъ развилось чиновничество и такъ называемая «машинная политика», по которой чиновники начинаютъ орудовать государствомъ, не обращая особеннаго вниманія на дѣйствительныя требованія народа. Все это вмѣстѣ породило въ странѣ желаніе «перемѣны въ правленіи», о чемъ неустанно и трубятъ теперь демократы, и слово «перемѣна» въ устахъ ораторствующихъ демократовъ подвергается наиболѣе частымъ и немилосердымъ истязаніямъ. Съ другой стороны республиканцы имѣютъ свои солидныя основанія не отдавать власть демократамъ, и съ настойчивостью указываютъ народу на то

благосостояніе, котораго достигла страна при ихъ управленіи. Въ этомъ несомнѣнно теперь ихъ главная сила, тѣмъ болѣе, что демократы при напряженіи всѣхъ своихъ ораторскихъ силъ до сихъ поръ не находятъ противопоставить этому аргументу республиканцевъ ничего другаго, кромѣ какъ ссылки на Провидѣніе.

Между тѣмъ какъ неустанно продолжалась трескотня ракетъ и рѣчей, вечеръ подвинулся уже къ 9-ти часамъ, и съ Бродвея показалась на скверъ первая колонна огненной арміи. Народъ хлынулъ привѣтствовать ее, и тутъ происходила такая толкотня, какую легко могутъ выносить только желѣзнобокіе американцы. Первая колонна представляла блестящій отрядъ «красныхъ ребятъ», какъ величаютъ себя демократы въ противовѣсъ республиканскимъ «голубымъ ребятамъ». На красныхъ мундирахъ ея красовалась буква H (Hancock), а на знамени надпись: «Гибралтаръ демократіи». Затѣмъ слѣдовали одинъ за другимъ безчисленные отряды и легіоны всевозможныхъ названій и цвѣтовъ. Демократы организовали свою процессію весьма умно. Каждый отрядъ представлялъ не только разницу въ мундирѣ, но и разницу въ сословіи, ремеслѣ, націи и т. д. Вотъ раскачивался долговязый ирландскій легіонъ, за нимъ шлепалъ нѣмецкій легіонъ, затѣмъ французскій, итальянскій и наконецъ индѣйскій легіонъ въ своемъ національномъ костюмѣ и съ томогавками въ рукахъ. За національными легіонами двинулись ремесленные. Впереди другихъ шелъ легіонъ кузнецовъ и везъ за собой подвижную кузницу, въ которой при свѣтѣ бенгальскаго огня молоты гремѣли по наковальнѣ. Затѣмъ двигался легіонъ моряковъ и тянулъ на веревкахъ корабль съ эффектными надписями; далѣе пожарный легіонъ съ пожарной машиной, мясники съ громаднымъ быкомъ, портные со страшенными ножницами и т. д., и наконецъ цѣлый отрядъ леди съ громаднымъ огненнымъ шаромъ, на которомъ красовались слова: «Женское голосованіе». Шествіе было безконечное. Начиная съ 9 часовъ процессія непрерывно двигалась до 2 часовъ ночи и не могла

окончиться. Круговое пространство по городу назначено было для процессіи верстъ въ десять, и процессія не могла помѣститься на немъ. Передовая колонна, обойдя это пространство, возвратилась опять на мѣсто своего выхода, а тамъ еще цѣлыя тысячи не двигались съ мѣста, дожидаясь своей очереди. По среднему разсчету процессія состояла по меньшей мѣрѣ изъ 30,000 человѣкъ. Но у враждующихъ партій обыкновенно неодинаковая ариѳметика. Демократическія газеты объявили, что огненная армія состояла изъ 70,000 человѣкъ, а республиканскія насчитали только 20,000. Мало того, на слѣдующіе дни въ республиканскихъ газетахъ появились письма ревностныхъ республиканцевъ, которые будто бы нарочно считали факельщиковъ и увѣряли, что не было даже двадцати тысячъ, а всего какихъ нибудь 13,500 человѣкъ. До такой степени воюющія партіи цѣнятъ численность своихъ легіоновъ. При своей значительной численности, демократическіе легіоны не отличались стройностью организаціи, и нѣкоторые отряды просто представляли безпорядочную толпу. Американцы чрезвычайно высоко цѣнятъ выправку и стройность организаціи и теперь вмѣсто привѣтствій встрѣчали многіе легіоны общимъ шиканьемъ. Цѣлыхъ три дня послѣ газеты занимались препирательствами относительно этой процессіи, и общее впечатлѣніе осталось, что процессія не удалась и во всякомъ случаѣ не произвела такого впечатлѣнія, на которое разсчитывали демократы. Между тѣмъ въ организаціи открыты были и курьезы несовсѣмъ благовиднаго свойства. Такъ одинъ клубъ для обмундированія своего легіона ассигновалъ 1.000 долларовъ и организацію его поручилъ своему члену генералу, какъ опытному въ этомъ отношеніи человѣку. Но генералъ этотъ вѣроятно служилъ по интендантской части и на ассигнованную сумму съумѣлъ сдѣлать такую организацію, что она по самому большому разсчету стоила не болѣе 200 долларовъ. За то другіе демократы не жалѣли своихъ собственныхъ долларовъ, чтобы только не ударить лицомъ въ грязь. Одинъ купецъ пожертвовалъ 6,000 долларовъ на орга-

низацію легіона своего имени, и онъ былъ лучшимъ украшеніемъ процессіи.

Сколько стоила вся эта комедія?—спроситъ любопытный читатель. По среднему разсчету—100,000 долларовъ. Да, сто тысячъ долларовъ, по нашему курсу 200,000 рублей!! И все это въ одинъ вечеръ дымомъ и копотью разсѣялось въ воздухѣ,—къ утру отъ этихъ ста тысячъ не было уже даже и этихъ видимыхъ слѣдовъ! Но эта процессія сильно подзадорила республиканцевъ: они порѣшили во что бы то нистало превзойти демократовъ и ассигновали на свою процессію вдвое большую сумму. Homo, tuum nomen stultitia est!

VI. Курьезы президентской кампаніи.

Республиканская демонстрація. — Встрѣча Гранта.—Легіонъ милліонеровъ.—Карманные политики.—Переполохъ чиновниковъ.—Способы борьбы.—Презрѣнный металлъ въ кампаніи.—Антихристово число.—Китайское письмо.—Уженье рыбы въ мутной водѣ.

Человѣкъ предполагаетъ, а судьба располагаетъ. Чтобы подавить и затѣнить грандіозную демонстрацію демократовъ, республиканцы предполагали отдѣлаться 200,000 долларовъ, а пришлось израсходовать ровно полъ-милліона! Да, буквально полъ-милліона долларовъ, или по нашему одинъ милліонъ рублей. Но зато ужъ дѣйствительно демократамъ нанесено было пораженіе—на-голову. По мнѣнію старожиловъ, это была самая грандіозная демонстрація, какую только когда либо видѣла ново-свѣтская столица. Она устроена была въ честь генерала Гранта, осчастливившаго Нью-Іоркъ своимъ прибытіемъ, и неопровержимо дала знать, какою популярностью среди респуб-

ликанцевъ пользуется этотъ «молчаливый солдатъ», претендентъ на «третій срокъ» президентства и будущій императоръ Америки. На Мадисонскомъ скверѣ для него устроена была великолѣпная эстрада, съ которой онъ долженъ былъ дѣлать смотръ проходившей мимо него огненной арміи республиканцевъ. Армія состояла изъ 55,000 человѣкъ, въ блестящихъ и богатѣйшихъ мундирахъ. Какъ огненная лава двигалась она впродолженіе шести часовъ передъ ясными очами «молчаливаго солдата», отбивая военный шагъ, при громѣ музыки и кликовъ, при трескѣ и свистѣ ракетъ. Замѣчательною особенностью этой процессіи было то, что она состояла изъ богатѣйшихъ и высшихъ классовъ города. Тутъ были легіоны: «непобѣдимыхъ рыцарей» филадельфійскаго республиканскаго клуба, нарочно прибывшихъ изъ Филадельфіи въ количествѣ тысячи человѣкъ для участія въ процессіи; легіонъ адвокатовъ, легіонъ банкировъ, легіонъ студентовъ, грантовскій легіонъ и т. д. Меня всего болѣе интересовалъ легіонъ банкировъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ легіонъ милліонеровъ, такъ какъ въ немъ не было ни одного такого рыцаря, который бы, по американскому выраженію, не «стоилъ» милліона долларовъ. Онъ двигался однимъ изъ первыхъ въ огненной арміи и рѣзко отличался тѣмъ, что былъ безъ мундировъ, въ простыхъ черныхъ сюртукахъ и высокихъ шелковыхъ шляпахъ, съ тросточками «на плечо». Автору самому пришлось быть невольнымъ рыцаремъ этого легіона, благодаря одной штукѣ, продѣланной его смѣтливымъ компаньономъ—янки. Мнѣ хотѣлось видѣть генерала Гранта, но народныя массы такою непроницаемою стѣною загородили доступъ къ нему, что добраться до него не было никакой возможности. Тогда меня выручилъ янки и совершенно неожиданнымъ для меня образомъ. Ряды за рядами проходили мимо насъ мундирные легіоны, и вотъ показался безмундирный легіонъ милліонеровъ. Предъ нами всѣ легіоны дѣлали остановку, чтобы оправившись молодцоватѣе промаршировать предъ Грантомъ, ставка котораго находилась саженяхъ въ пятидесяти отсюда. Лишь только милліо-

нерскій легіонъ поровнялся съ нами, какъ мой компаньонъ ни слова не говоря схватилъ меня за руку и насильно примкнулъ къ одной изъ заднихъ шеренгъ, самъ ставъ въ переднюю. Я догадался, въ чемъ дѣло, и подавилъ невольное смущеніе. «Keep time» (выдерживай тактъ!) закричалъ предводитель, замѣтивъ нѣкоторое замѣшательство, и авторъ этихъ строкъ вмѣстѣ съ американскими банкирами, сдѣлавъ палку на плечо, началъ выплясывать на одномъ мѣстѣ военный тактъ: лѣво-право, лѣво-право. Скоро ударила музыка, раздалась команда «впередъ!» и легіонъ милліонеровъ вмѣстѣ съ безденежнымъ авторомъ двинулся предъ ясныя очи будущаго американскаго императора, махая шляпами и крича «уррэ» на привѣтливый поклонъ героя торжества. Генералъ Грантъ—здоровый, свѣжій человѣкъ среднихъ лѣтъ, былъ одѣтъ въ простое черное платье и съ сіяющимъ лицомъ постоянно снималъ и надѣвалъ свою шляпу, привѣтствуя проходившіе легіоны. Замѣчательна выносливость американскихъ милліонеровъ. Отъ исходнаго пункта процессіи они должны были промаршировать около шести верстъ по городу, чтобы добраться до ставки Гранта, и все это стройнымъ военнымъ шагомъ, иначе народныя массы встрѣчали бы ихъ позорнымъ шиканьемъ, чего хвастливые и честолюбивые американцы боятся хуже огня. Но еще замѣчательнѣе выносливость самого героя торжества. Процессія начала двигаться предъ нимъ въ 10 часовъ вечера, и послѣднимъ легіонамъ его усталая рука махала шляпой уже въ 4 часа утра. «Непобѣдимые рыцари» изъ Филадельфіи, пройдя предъ генераломъ въ 12 часовъ ночи, сѣли на поѣздъ и въ $2^1/_2$ часа ночи были уже дома—за 200 верстъ отъ Нью-Іорка, а послѣдніе нью-іоркскіе легіоны еще полтора часа послѣ двигались по направленію къ ставкѣ Гранта. Уже бѣлѣлъ востокъ, а полъ-милліона долларовъ все еще курились въ догоравшихъ факелахъ, и только черезъ часъ послѣ солнечнаго восхода свѣжій вѣтерокъ разсѣялъ дымъ и копоть—этотъ единственный остатокъ отъ сказаннаго полъ-милліона долларовъ.

Во время процессіи на улицы высыпало по общему разсчету болѣе пятисотъ тысячъ жителей. Это необозримое море зѣвакъ дало обширное поприще для дѣятельности партіи карманныхъ политиковъ. Едва ли есть въ мірѣ городъ, кромѣ Лондона, гдѣ бы карманная политика достигала такого высокаго развитія, такого совершенства организаціи и смѣлости, какъ въ Нью-Іоркѣ. При выходѣ на улицу среди бѣлаго дня вамъ здѣсь постоянно совѣтуютъ застегивать сюртукъ такъ, чтобы совершенно не видно было цѣпочки часовъ. Иначе поминайте, какъ ихъ звали. Здѣсь существуетъ по меньшему разсчету двадцать пять тысячъ профессіональныхъ карманныхъ воровъ, кромѣ множества случайныхъ рыцарей этого же ордена. У нихъ существуетъ строгая организація, есть свой исполнительный комитетъ, который заправляетъ всей махинаціей политики и руководитъ всѣмъ ходомъ кампаніи—обиранія чужихъ кармановъ. Въ настоящій разъ комитетъ выслалъ на карманную атаку дивизію карманныхъ рыцарей, и результатомъ ея доблестныхъ подвиговъ были цѣлые газетные столбцы, представлявшіе безконечный перечень улетучившихся часовъ, серегъ, денегъ, платковъ и т. д. Полиція, насколько позволяли ей силы, отбивала атаку и захватила до ста человѣкъ плѣнныхъ, изъ которыхъ одинъ оказался очень важнымъ плѣнникомъ. При немъ найдена была цѣлая кипа оффиціальной корреспонденціи почтеннаго ордена, давшей полиціи аріаднину нить въ самую глубь организаціи. Но легіонъ все-таки блистательно выполнилъ свое дѣло, и общее пріобрѣтеніе карманнаго ордена за этотъ вечеръ оцѣнивалось въ пятьдесятъ тысячъ долларовъ. Судебная хроника также пополнилась дѣлами всякаго рода. Американцы, при всей своей живости, отличаются замѣчательною любовью къ порядку и ведутъ себя спокойно даже въ такихъ собраніяхъ, гдѣ у насъ не можетъ быть ничего кромѣ дикаго хаоса. Но при полумилліонномъ собраніи уличныхъ зѣвакъ и здѣсь не могло обойтись безъ разныхъ случаевъ нарушенія порядка и послѣдовавшихъ арестовъ. Такъ у самой ставки генерала Гранта

пристроился неудержимо-рьяный демократъ и всѣмъ проходившимъ мимо его легіонамъ дѣлалъ привѣтствіе—показывая языкъ и крича разныя анти-республиканскія изреченія. На приглашеніе полиціи вести себя приличнѣе, онъ отвѣчалъ, что онъ американскій гражданинъ и можетъ дѣлать все, что ему угодно; а когда полисменъ поднялъ свою смирительную дубинку, то гражданинъ не только не убоялся ея, а сбилъ съ полисмена шляпу и швырнулъ ее ногой въ ряды легіоновъ, за что и понесъ мѣсячное заключеніе въ тюрьмѣ. Одинъ извозчикъ во время процессіи выстрѣлилъ изъ револьвера. На вопросъ, зачѣмъ онъ имѣлъ при себѣ револьверъ, извозчикъ отвѣчалъ, что онъ везъ сосиски, и револьверъ взялъ съ собой для защиты ихъ отъ голодныхъ республиканцевъ. Судъ приговорилъ оштрафовать его 1 долларомъ за выстрѣлъ и 10 долларами за ношеніе оружія. Чтобы носить оружіе, здѣсь надо испросить на то разрѣшеніе, какъ у насъ въ Россіи въ послѣднее время; за самовольное ношеніе револьвера полагается штрафъ въ 10 долларовъ. Въ этомъ родѣ было нѣсколько другихъ случаевъ, но совершенно незначительныхъ, ненарушавшихъ общаго впечатлѣнія порядочности, съ которой вела себя полумилліонная толпа.

Откуда берутся эти громадныя деньги, которыя съ такою щедростью превращаются въ дымъ и копоть процессій? Обыкновенно онѣ составляются изъ добровольныхъ взносовъ членовъ разныхъ политическихъ клубовъ. Когда бываютъ частныя процессіи отдѣльныхъ клубовъ, — а онѣ совершаются каждый день,—то клубъ ассигнуетъ деньги и на факелы, и на мундиры, и на ракеты. Но при такихъ общихъ и роскошныхъ процессіяхъ, какою была грантовская процессія, обыкновенныхъ клубныхъ средствъ оказывается недостаточно, и тогда политиканы прибѣгаютъ къ такимъ способамъ собиранія денегъ, отъ которыхъ приходится только ахнуть неопытному иностранцу. Страна находится въ рукахъ республиканцевъ, и всѣ многочисленныя правительственныя должности наполнены республиканскими чиновниками, которыхъ числится

около 100,000. Вся эта громадная армія живетъ единственно казенными жалованьями и по милости республиканскаго правительства. Какъ только республиканская партія потеряетъ свою власть и ее захватятъ демократы, такъ вся эта армія должна будетъ очистить всѣ столы и всѣ должности, на которыя возсядутъ голодные демократы. Такимъ образомъ для всей чиновнической арміи президентская кампанія не есть праздная забава, а борьба за свои животы, и вотъ она всѣми силами работаетъ въ пользу господствующей партіи. Правительство съ своей стороны, зная полную зависимость чиновниковъ отъ его существованія, предлагаетъ имъ подписные листы для «добровольныхъ» пожертвованій на расходы по веденію кампаніи и подписанную сумму вычитаетъ у нихъ изъ жалованья. Въ прошломъ году, когда президентская кампанія достигла небывалаго напряженія, требовавшаго необычайныхъ расходовъ, эти добровольные листы превратились въ обязательные и даже съ назначеніемъ, сколько и какой чинъ долженъ пожертвовать. Такой оборотъ дѣлъ страшно переполошилъ весь чиновный міръ. Особенно переполошились полицейскій и пожарный департаменты, которые до сихъ поръ были свободны отъ налоговъ, а теперь къ ужасу увидѣли появленіе въ своихъ домахъ этихъ противныхъ подписныхъ листовъ и съ рѣшительнымъ обозначеніемъ той суммы, какую каждый долженъ подписать. А сумма эта очень солидная. Такъ, полицейскіе чины, раздѣляющіеся на четыре разряда, должны были подписаться: городовой 12 долларовъ, сержантъ 25, лейтенантъ 50 и капитанъ 100 долларовъ. Пожарные въ этомъ же родѣ. И всѣ подписывались.

— Скажите пожалуйста, вѣдь это дикое насиліе, какъ чиновники терпятъ его?—обратился я къ одному американцу.

— Да они ничего не могутъ сдѣлать!—отвѣчалъ тотъ:— не хочешь платить, такъ съ должности долой. Лучше же заплатить незначительную сумму и удержать за собою должность, чѣмъ не платить, и совсѣмъ лишиться ея.

— Но во всякомъ случаѣ республиканское правительство

такой практикой наживаетъ себѣ не друзей, а враговъ, и многіе чиновники быть можетъ будутъ вотировать вслѣдствіе этого за демократическаго кандидата.

— О, совсѣмъ нѣтъ. Поступать такъ для чиновниковъ значило бы рубить тотъ сучекъ, на которомъ они сидятъ. Они выдержатъ даже двойной налогъ и все будутъ горячими республиканцами, ибо сидятъ на теплыхъ мѣстахъ,—острилъ американецъ.

Кромѣ чиновничьихъ сборовъ есть и другіе, къ которымъ по внѣшности болѣе идетъ названіе добровольныхъ. Изъ главныхъ квартиръ партій подписные листы разсылаются по всѣмъ частнымъ учрежденіямъ — въ магазины, банкирскія конторы, желѣзнодорожныя правленія и т. д., гдѣ только есть приверженцы партіи, и повсюду собираются значительныя суммы. Прежде всего конечно подписываются сами хозяева этихъ учрежденій, но главный сборъ составляется изъ взносовъ служащихъ, клерковъ и приказчиковъ, которыхъ въ иныхъ магазинахъ и конторахъ цѣлые легіоны. Тутъ опять также сплошь и рядомъ бываютъ факты грубаго насилія. Подписавшись самъ, хозяинъ посылаетъ подписной листъ къ своимъ служащимъ и они всѣ подписываются — подъ страхомъ лишенія должности. Бывали случаи, когда рьяно-политиканствующій хозяинъ за отказъ сдѣлать взносъ въ его партію разсчитывалъ всѣхъ своихъ служащихъ. Такое всевластіе хозяевъ надъ своими служащими здѣсь выродилось въ какую-то безобразную тираннію, и хозяева вполнѣ располагаютъ не только деньгами своихъ клерковъ, но—что хуже всего—даже ихъ голосами при выборахъ, заставляя ихъ вотировать за своего кандидата и свою партію, опять-таки подъ страхомъ грубаго turn out of office, изгнанія съ должности. Американская буржуазія есть самая грубая и бездушная тираннія, какую только можно себѣ представить.

Такими способами собираются громадныя деньги, которыя и превращаются щедрой рукой въ дымъ и копоть во время блистательныхъ процессій. На процессіи употребляется только

одна часть ихъ; другая часть идетъ на другіе способы президентской борьбы. Презрѣнный металлъ играетъ чрезвычайно важную роль въ президентской кампаніи, и особенно въ такъ называемыхъ «сомнительныхъ» штатахъ. Это штаты, въ которыхъ соперничающія партіи равносильны, и которые поэтому вотируютъ то за одну, то за другую партію, благодаря разнымъ случайнымъ причинамъ. При общемъ равносиліи партій эти-то штаты главнымъ образомъ и даютъ преобладаніе той партіи, къ которой они склонятся. Вслѣдствіе этого обѣ партіи употребляютъ всѣ усилія, чтобы склонить ихъ на свою сторону и однимъ изъ сильнѣйшихъ способовъ этого склоненія служитъ всемогущій долларъ. Подкупъ голосователей здѣсь самое обыкновенное дѣло и на него тратятся громадныя деньги. Какое важное значеніе придается доллару въ президентской кампаніи, можно видѣть даже изъ того, что партіи открыто хвалятся основнымъ капиталомъ, которымъ располагаютъ главныя квартиры. Нью-Іоркскій штатъ есть одинъ изъ сомнительныхъ штатовъ, и предводитель республиканской партіи въ немъ однажды съ самодовольствомъ высказывался, что «главная квартира» вполнѣ обезпечена съ денежной стороны и имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько милліоновъ долларовъ на нужды кампаніи.

На войнѣ всѣ средства позволительны. Это правило находитъ полное примѣненіе въ президентской кампаніи. Партіи прибѣгаютъ ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы только замарать кандидата противной партіи въ глазахъ народа. Тутъ пускаются въ ходъ интриги, небылицы въ лицахъ, до подноготной разбираются всѣ недостатки кандидатовъ и въ преувеличенной до безобразія формѣ выставляются на публичное посмѣшище, пускаются въ оборотъ вымышленные документы, подложныя письма, писанныя будто бы когда-то кандидатами и компрометирующія ихъ нравственную физіономію или политическія убѣжденія и т. д. Болѣе всего этимъ отличается демократическая партія, которая не знаетъ въ этомъ отношеніи предѣловъ приличія. Демократическая печать съ самаго

назначенія Гарфильда на кандидатуру пустилась въ какую-то дикую вакханалію изобличенія несчастнаго генерала въ разныхъ продѣлкахъ. Изо-дня въ день она отъискивала и печатала все новые и новые документы, свидѣтельствующіе будто бы о его безнравственности, чиновнической испорченности, продажности, и на бѣдномъ Гарфильдѣ не осталось такого пятнышка, которое бы не забросано было грязью. При видѣ этого у иностранца волосъ становился дыбомъ отъ мысли,— ну, а что какъ этотъ опозоренный, загрязненный кандидатъ будетъ избранъ президентомъ? Какъ цѣлая половина народа будетъ смотрѣть на такого правителя страны?

Гарфильда демократы болѣе всего изобличали въ спекуляторскихъ продѣлкахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь основалось обширное спекуляторское общество «Поземельнаго кредита», и для усиленія своей дѣятельности оно затянуло въ свои члены нѣкоторыхъ членовъ конгресса—вопреки прямаго закона, запрещающаго членамъ конгресса участвовать въ какихъ бы то ни было спекуляторскихъ учрежденіяхъ. Между ними будто бы былъ и Гарфильдъ. Демократы гдѣ-то откопали документъ, изъ котораго видно, что онъ получилъ отъ этого общества сумму въ 329 долларовъ. Этого открытія для нихъ было достаточно, чтобы провозгласить республиканскаго кандидата продажнымъ и испорченнымъ человѣкомъ. Напрасно Гарфильдъ клялся, что онъ получилъ эту сумму не какъ участникъ общества, а какъ адвокатъ за какую-то чисто юридическую услугу; демократы пронесли его имя по всей странѣ какъ человѣка, который, будучи членомъ конгресса, вопреки прямыхъ узаконеній былъ преступнымъ участникомъ спекуляторскаго общества и потому заслуживаетъ не президентства, а уголовнаго преслѣдованія; что эта цифра показываетъ процентный доходъ съ акцій этого общества, и что вознагражденіе за юридическую услугу могло быть только круглою цифрой—330, 350, но ни въ какомъ случаѣ не 329. Роковая цифра стала каждый день появляться въ заголовкѣ демократическихъ газетъ, и документъ, въ которомъ она найдена,

былъ напечатанъ въ милліонахъ экземпляровъ и пущенъ по всей странѣ съ надлежащими комментаріями. Мало по малу эта цифра сдѣлалась настоящимъ проклятіемъ для республиканскаго кандидата и стала преслѣдовать его по пятамъ. Ему стали во множествѣ присылаться письма, все содержаніе которыхъ состояло изъ цифры 329 со значкомъ, обозначающимъ доллары; какая-то невидимая рука стала начертывать эту цифру во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы только ни появлялся генералъ. Она появилась на креслѣ, на которомъ онъ засѣдалъ въ конгрессѣ, и на принадлежащемъ ему столѣ. Подъѣздъ его дома украсился вензелемъ 329; противная цифра проникла въ его частный кабинетъ и украсила всѣ стѣны въ немъ, и даже пробралась въ спальню и какъ Дамокловъ мечъ повисла надъ мѣстомъ его покоя. Мало этого. Вставъ поутру и взявшись за сапоги, онъ къ ужасу увидѣлъ на нихъ 329. Отправившись въ свою обычную утреннюю прогулку съ любимой собакой, онъ замѣтилъ на ея ошейникѣ все тоже антихристово число 329. Придя домой и снимая свое пальто, онъ въ отчаяніи увидѣлъ антихристово число у себя на спинѣ. Отправившись въ отдѣленіе своей жены для утреннихъ поздравленій, Гарфильдъ только ахнулъ, увидѣвъ на ея чепцѣ проклятое число 329. Однимъ словомъ, куда онъ ни повернется, вездѣ онъ встрѣчаетъ антихристово число 329. Отъ него проклятая цифра съ быстротою электричества стала распространяться по всей странѣ, и скоро всѣ главнѣйшіе предводители республиканской партіи сдѣлались ея жертвой. Между тѣмъ въ демократическихъ газетахъ появились цѣлыя поэмы въ честь таинственнаго числа 329, и множество соображеній, мѣтящихъ въ бѣднаго генерала. Между прочимъ оказалось, что сумма $3 + 2 + 9$ равняется 14, а таково именно количество буквъ въ имени Гарфильда (James A. Garfield). Отъ республиканскихъ вожаковъ антихристово число набросилось на всѣхъ вообще республиканцевъ, такъ что сплошь и рядомъ можно было видѣть цѣлую партію джентльменовъ, у которыхъ на спинѣ красовалась цифра 329. Наконецъ она пробралась даже въ храмъ науки—

университетъ. Почтенный профессоръ математики, начертавъ на доскѣ геометрическую теорему, обратился къ студентамъ съ предварительнымъ ея объясненіемъ. Окончивъ вступленіе, онъ обернулся къ доскѣ для практическаго демонстрированія теоремы на чертежѣ и вдругъ—остолбенѣлъ отъ изумленія: на доскѣ вмѣсто чертежа красовалась исполинская цифра 329. Республиканцы до того переполошились отъ этой небывалой казни, что поставили особыхъ сыщиковъ для уловленія таинственной руки, повсюду пишущей антихристово число. Но таинственная рука оказалась неуловимой и по прежнему продолжала класть антихристову печать на дверяхъ республиканскихъ домовъ.

Затѣмъ на полѣ битвы началась страшная перепалка изъ за такъ-называемаго «китайскаго письма». Американцы ужасно не любятъ китайцевъ, а рабочій людъ считаетъ ихъ своими смертельными врагами, такъ какъ они, массами прибывая въ Америку, при крайней нуждѣ нанимаются на работу по низкой цѣнѣ, содѣйствуя тѣмъ общему пониженію заработной платы. Въ послѣднее время китайскій вопросъ сдѣлался такимъ важнымъ, что правительство принуждено было снарядить особую экспедицію для пересмотра договора съ Китаемъ касательно китайской эмиграціи съ цѣлью возможнаго ограниченія ея. Въ виду такого значенія китайскаго вопроса, очень важнымъ сталъ вопросъ и касательно того, какихъ воззрѣній на него держатся теперешніе кандидаты на президентство. Въ удовлетвореніе общественнаго и народнаго запроса, они въ своихъ оффиціальныхъ письмахъ, излагая политическую программу своихъ будущихъ дѣйствій въ случаѣ избранія на президентство, оба высказались и по китайскому вопросу, причемъ оба указали на ненормальности китайскаго переселенія, вызывающія радикальный пересмотръ узаконеній относительно его. Гарфильдъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Новѣйшее движеніе китайцевъ къ нашему тихо-океанскому берегу слишкомъ похоже на ввозъ китайцевъ, чтобы привѣтствовать его безъ ограниченія; слишкомъ похоже на

нашествіе, чтобы смотрѣть на него равнодушно. Мы не можемъ позволить, чтобы среди насъ подъ видомъ эмиграціи вводилась какая бы то ни было форма рабскаго труда». Выраженія эти съ ясностью опредѣляютъ воззрѣнія Гарфильда на китайскій вопросъ. Но для политиковъ это ни почемъ. Ничтожная демократическая газета напечатала частное письмо Гарфильда, адресованное къ нѣкоему Морею, члену «союза нанимателей» въ городѣ Линнѣ. Въ письмѣ говорится: «Китайская проблемма подвигается къ дѣлу. По моему мнѣнію вопросъ о рабочихъ есть вопросъ частной и корпоративной экономіи, и частныя лица или компаніи имѣютъ право покупать трудъ тамъ, гдѣ только возможно достать его дешевле», и затѣмъ говорится, что договоръ съ Китаемъ долженъ быть свято сохраняемъ и отмѣна его вредно отозвалась бы на американской промышленности, лишая ее дешеваго труда. Очевидно, это совершенно противоположно оффиціальному заявленію. Демократы съ необычайнымъ восторгомъ схватились за это письмо, во всѣхъ газетахъ появились факсимиле, которыя давали знать, что это почеркъ Гарфильда. Вопросъ сталъ очень важнымъ. Республиканцы смутились, а демократы напечатали письмо въ милліонахъ экземпляровъ и пустили въ обращеніе между рабочимъ людомъ, для котораго китайскій вопросъ имѣетъ особенно большое значеніе. Независимыя газеты сдѣлали запросъ самому Гарфильду, дѣйствительно ли принадлежитъ ему это письмо, а онъ медлилъ отвѣтомъ, еще болѣе увеличивая смущеніе своихъ друзей и злорадство враговъ. На бѣднаго генерала уже столько было клеветъ, что если бы онъ на всѣ ихъ писалъ отвѣты, то и самому міру не вмѣстить бы писанныхъ книгъ. Онъ порѣшилъ было не отвѣчать и на это письмо, но тутъ дѣло приняло такой серьезный оборотъ, что онъ не могъ обойтись безъ отвѣта и написалъ оффиціальное письмо, въ которомъ объявляетъ, что онъ никогда не писалъ такого письма, не знаетъ личности, къ которой оно адресовано, что все письмо есть безстыдная поддѣлка подъ его почеркъ, и просилъ немедленно пустить въ

дѣло сыщиковъ для открытія «негодяя», выкинувшаго такую штуку. Дальнѣйшее разслѣдованіе дѣйствительно показало, что письмо—безсовѣстная поддѣлка, и адресовано къ такому лицу, котораго никто не знаетъ въ его собственномъ городѣ. Страшное негодованіе поднялось въ республиканскомъ лагерѣ. Пущенъ былъ въ дѣло цѣлый легіонъ сыщиковъ и одинъ республиканецъ назначилъ премію въ 5,000 долларовъ тому, кто найдетъ поддѣльщика письма. Между тѣмъ демократы имѣли уже неосторожность слишкомъ далеко пойти съ этимъ письмомъ, и полное раскрытіе этой гнусной продѣлки стало для нихъ мертвою петлей. А та газета, которая впервые пустила это письмо, воспользовалась этой продѣлкой для своихъ собственныхъ цѣлей. Она стала истерически рвать и метать, заявляя, что республиканскіе сыщики съ револьверами вторгаются въ ея контору и типографію, разоряютъ набранныя формы, боясь дальнѣйшихъ разоблаченій «преступной политики Гарфильда», и угрожаютъ смертью самимъ издателямъ и редакторамъ—и такимъ образомъ подъ шумокъ продавала втрое большее количество экземпляровъ.

VII. Рѣшеніе народной воли.

Конецъ президентской кампаніи.—Въ ожиданіи рѣшенія народной воли.—Всенародное голосованіе.—Счастливый лямщикъ и несчастный генералъ.—Обзоръ кампаніи.—Причины республиканской побѣды.—Сѣверъ и Югъ.—Республиканскій избранникъ.—Личность президента Гарфильда и его кабинетъ.

Свершилось наконецъ! Кончилась президентская кампанія, одна изъ самыхъ ожесточенныхъ въ исторіи страны. Нѣтъ больше лихорадочной агитаціи честолюбивыхъ политикановъ

нѣтъ страховъ и надеждъ, нѣтъ шутовскихъ костюмовъ и безумнаго курева факеловъ, нѣтъ криковъ объ обманѣ и подкупѣ, нѣтъ наконецъ и даровыхъ попоекъ. Самъ народъ выступилъ въ поле и рѣшеніемъ своей властной воли сбросилъ со сцены долой всю кутерьму мелкихъ страстей и препирательствъ, и избралъ своимъ правителемъ—огайскаго лямщика, который собственной волей и умомъ поднялся отъ лямки на каналѣ до высочайшаго положенія въ странѣ.

Всенародное голосованіе происходило 2-го ноября по новому стилю. Это было во вторникъ. Въ субботу передъ тѣмъ демократы производили послѣднюю демонстрацію—трескомъ ракетъ и спичей. Воскресенье было днемъ внѣшняго покоя и душевной тревоги вожаковъ партій. Понедѣльникъ, послѣдній день кампаніи, былъ днемъ томительныхъ страховъ и надеждъ. Въ главныхъ квартирахъ производились послѣднія выкладки относительно шансовъ выборовъ. Телеграфные станки неустанно работали, и вожаки партій до головной боли заняты были математическими соображеніями о возможныхъ результатахъ. Общее настроеніе было какбы предъ днемъ великой рѣшительной битвы. Для самихъ кандидатовъ рѣшеніе этого дня могло быть важнѣе, чѣмъ побѣда или пораженіе для главнокомандующихъ. Если признаніе со стороны народа правителемъ страны есть великая честь, то отверженіе имъ есть нравственная смерть. Можно поэтому понять, что въ ночь на 2-е ноября два человѣка въ Соединенныхъ Штатахъ были совсѣмъ оставлены безжалостнымъ богомъ Морфеемъ, и великолѣпный разсвѣтъ роковаго дня они встрѣтили съ истомленными болѣзненными лицами. «Мы съ философскимъ спокойствіемъ будемъ ожидать народнаго рѣшенія», сказала наканунѣ жена генерала Гарфильда; но безпокойство самаго тона опровергло философію, и догадливый репортеръ поспѣшилъ подкрѣпить ее увѣреніями въ избраніи ея мужа. Г-жа Гарфильдъ—высокообразованная дама, но ей больно было переносить ту мерзость личныхъ нападокъ на ея мужа, въ которой изощрялась демократическая печать въ продолженіе

пяти мѣсяцевъ, со времени назначенія его на президентство. Тѣмъ съ большимъ безпокойствомъ ожидала она теперь роковаго дня, такъ какъ неизбраніе ея мужа было бы народной санкціей всѣхъ этихъ низкихъ инсинуацій. Г-жа Генкокъ была болѣе увѣрена въ избраніи своего мужа и говорила только о томъ, что ей жаль будетъ разстаться съ теперешнимъ островкомъ, когда имъ нужно будетъ переселиться въ Бѣлый Домъ.

День народнаго избранія открылся великолѣпнымъ разсвѣтомъ. Солнце ярко взошло надъ страной и ласково манило народъ къ исполненію его великой обязанности. Осень въ Нью-Іоркѣ лучшій сезонъ въ году. Воздухъ сухъ, свѣжъ и здоровъ. Но съ ноября начинается еще такъ называемое индѣйское лѣто и къ хорошей осени прибавляются прелести ранней весны. Солнце 2-го ноября грѣло весенними лучами и много живости придавало пестрому движенію городскаго населенія. День избранія есть народный праздникъ, работы прекращаются и магазины закрываются. Уже съ ранняго утра массы народныя высыпали на улицы, и у конторъ избирательныхъ участковъ выстроились въ линіи толпы избирателей, терпѣливо ожидавшихъ своей очереди. Любопытно смотрѣть на эту пеструю толпу рѣшителей судьбы страны. Они идутъ къ роковому ящику съ готовыми билетами въ рукахъ. На всѣхъ лицахъ свѣтится созрѣвшая рѣшимость. Молча подвигаются они, ряды за рядами, къ великой урнѣ народной воли, и слагаютъ маленькіе билетики, выражающіе ихъ созрѣвшую волю. Какая пестрота одеждъ, лицъ и состояній въ этихъ легіонахъ избирателей! Вотъ блестящій джентльменъ въ шелковой шляпѣ и лайковыхъ перчаткахъ съ золотыми пуговочками; за нимъ стоитъ дюжій рабочій въ поношенномъ сюртукѣ и съ мозолистыми руками. Милліонеръ и безпріютный бѣднякъ; высокій общественный дѣятель и уличный сапожный чистильщикъ; желѣзнодорожный воротила и вагонный служитель; литераторъ и газетный разносчикъ; пасторъ и церковный сторожъ; адвокатъ, учитель, виноторговецъ, шарманщикъ, китаецъ, негръ, еврей, полякъ—всѣ, кто только прожилъ предъ тѣмъ

безвыѣздно пять лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ, теперь подвигались къ урнѣ для выраженія своей воли, для избранія правителя страны. За нѣсколько дней предъ тѣмъ происходила запись избирателей, и Нью-Іоркъ далъ въ этотъ разъ 216,000 избирателей, на 50,000 больше противъ позапрошлыхъ выборовъ. Такой приростъ объясняется не столько приращеніемъ въ населеніи, сколько ожесточенностью борьбы партій. Голосованіе не обязательно, и весьма многіе граждане не вотируютъ втеченіе всей своей жизни. Между тѣмъ въ прошломъ году шумъ президентской кампаніи такъ взволновалъ страну, что вывелъ изъ равнодушія множество такихъ гражданъ, которые никогда дотолѣ не вотировали. Голоса подаются не непосредственно за кандидатовъ на президентство, а за извѣстныхъ избирателей, которыхъ во всей странѣ полагается 369 человѣкъ. На голосованіе назначается только одинъ день — отъ восхода до заката солнца. Когда послѣдніе лучи солнца догорали за прибрежными высотами Гудсона, народъ слагалъ послѣдніе билеты, и въ 4½ часа урны были уже закрыты. Дѣло избранія было уже сдѣлано, народъ сложилъ свое рѣшеніе, президентъ уже былъ избранъ — хотя еще никто не зналъ, на кого выпало народное избраніе. Только счетъ голосовъ могъ опредѣленно сказать, кому народъ ввѣрилъ представительство своей воли. И вотъ затрещали телеграфные станки во всѣхъ главныхъ квартирахъ, и цифры со всѣхъ концовъ страны полетѣли по желѣзнымъ нервамъ земли въ главные центры и отсюда мгновенно переносились на улицы и показывались народу посредствомъ электрическихъ бюллетеней. А народъ густыми массами занялъ всѣ площади предъ этими бюллетенями, и ночной воздухъ во всѣхъ концахъ города дрожалъ отъ кликовъ народныхъ. То народъ дивовался своей собственной волѣ, и партіи, смотря по тому или другому наклону цифръ, то беззавѣтно ликовали, то злобно негодовали, а сердца кандидатовъ и ихъ женъ то радостно трепетали, то болѣзненно сжимались и замирали. Всю ночь происходилъ счетъ голосовъ, и до самаго утра цифры все ко-

лебались. Только уже къ солнечному восходу вѣсы народной воли окончательно установились. Республиканская чаша грузно опустилась, а демократическая безнадежно вздернулась кверху, и тамъ въ отчаяніи сидѣлъ генералъ Генкокъ. Республиканцы побѣдили, и ликованіямъ ихъ не было конца, а демократы въ отчаяніи опустили головы. Гарфильдъ съ своимъ семействомъ съ молитвеннымъ благодареніемъ встрѣчалъ восходящее свѣтило дня, а Генкокъ сердито бѣгалъ въ своемъ кабинетѣ изъ угла въ уголъ, проклиная день своего назначенія кандидатомъ на президентство. Узнавъ окончательный результатъ избранія, Генкокъ надѣлъ пальто и отправился въ ближайшую цирюльню постричься. Негръ-цирюльникъ, большой политиканъ и болтливый какъ трещотка, съ недвусмысленно сіяющимъ лицомъ встрѣтилъ пораженнаго генерала и съ простодушною ядовитостью началъ тиранить своего великаго кліента своей болтовней.

— Какъ вы себя чувствуете, генералъ?—спросилъ вѣжливый «джентльменъ цвѣта».

— Хорошо,—рѣзко отвѣтилъ генералъ.

— Пріятная погода, генералъ!—перемѣнилъ тему разговора цвѣтной джентльменъ.

— Хорошая погода,—угрюмо отвѣтилъ генералъ.

— Какъ прикажете стричь?—смущенно спросилъ цвѣтной джентльменъ.

— По возможности молча!—уже совсѣмъ сердито закричалъ генералъ, такъ что цвѣтной джентльменъ перетрусилъ и, пробормотавъ извиненіе, молча защелкалъ ножницами.

По возвращеніи домой, генералъ нашелъ массу друзей и знакомыхъ, пришедшихъ выразить ему свое сожалѣніе.

— Что вы думаете, генералъ, о результатѣ избранія? — спросилъ одинъ изъ его друзей.

— Я могу повторить только то, что я и прежде говорилъ, что я вполнѣ признаю рѣшеніе народной воли. Наша страна—республика и большинство должно править.

— Такъ вы не жалѣете о томъ, что вы поражены?

— Жалѣть безполезно, отвѣчалъ генералъ.

— Но тутъ есть одно великое утѣшеніе, генералъ: этимъ пораженіемъ вы освободились отъ предстоявшихъ вамъ хлопотъ и многосложныхъ заботъ, связанныхъ съ президентствомъ.

Неудавшійся кандидатъ подозрительно взглянулъ на всѣхъ, натянуто улыбнулся такому утѣшенію и, ни слова не говоря болѣе, раскланялся и отправился на обычный утренній смотръ своихъ войскъ. Такими маленькими курьезами закончились большія усилія демократической партіи въ минувшей президентской кампаніи.

Настоящее пораженіе демократической партіи тѣмъ болѣе жестоко, что оно совсѣмъ неожиданно для нея. Никогда еще она со времени войны не выступала въ президентскую кампанію съ такими надеждами и съ такою увѣренностью, какъ въ этотъ разъ. Уже при выборахъ 1876 года демократическая партія развернула такую боевую силу, что республиканцамъ угрожало полное пораженіе. Да оно и нанесено уже было имъ по убѣжденію демократовъ, и только республиканская интрига лишила ихъ плодовъ побѣды. Если же четыре года тому назадъ народная воля высказалась въ пользу демократической партіи съ такою силою, что республиканцамъ пришлось интригами и обманомъ удерживать правленіе въ своихъ рукахъ, то за эти четыре года демократы увѣренно разсчитывали пріобрѣсти такую силу, предъ которой уже не посмѣетъ выступить интрига. Съ такою увѣренностью демократы начали президентскую кампанію. Обстоятельства сначала слагались такъ, что могли только поддерживать и укрѣплять самоувѣренность партіи. У республиканцевъ произошелъ расколъ. Самая сильная республиканская фракція поддерживала генерала Гранта на «третій срокъ», возбуждая противъ себя сильное народное недовольство и открытыя подозрѣнія въ затаенныхъ посягательствахъ на свободныя учрежденія страны. Этимъ республиканцы значительно ослабляли себя, усиливая въ то же время противниковъ. Если бы Грантъ устоялъ на чикагской конвенціи и назначенъ былъ республи-

канскимъ кандидатомъ на президентство, то дѣло партіи было бы совершенно проиграно, ея предполагаемая сила обратилась бы въ слабость, такъ какъ всѣ независимые голосователи были противъ «третьяго срока» и потому подали бы свой голосъ за демократическаго кандидата. Демократы вполнѣ сознавали эту дилемму и съ своей стороны дѣлали все, чтобы подставить республиканцамъ такую ловушку. Но генералъ Грантъ не выдержалъ оппозиціи и не получилъ назначенія. Вмѣсто него изъ конвенціи вышелъ «темный конь», генералъ Гарфильдъ, что опять-таки было не въ пользу республиканской партіи и какъ нельзя больше на руку демократамъ. Генералъ Гарфильдъ въ качествѣ «темнаго коня» былъ неожиданнымъ продуктомъ чиновнической деморализаціи республиканской партіи и, помимо своихъ личныхъ достоинствъ, былъ живымъ изобличителемъ вырожденія государственнаго смысла въ правящей партіи. Страна смутилась отъ такого исхода республиканскаго конклава, и невольно зародилась мысль о перемѣнѣ правленія. Вниманіе народа обратилось къ демократической партіи, и онъ съ большимъ интересомъ ждалъ, кого назначитъ своимъ кандидатомъ эта партія. Когда изъ демократической конвенціи вышелъ доблестный генералъ Генкокъ, популярный по своимъ военнымъ заслугамъ предъ страною и безупречный въ своей частной жизни, то общественное вниманіе повидимому безповоротно остановилось на демократическомъ кандидатѣ и тѣмъ самымъ обѣщало ему народное избраніе. Демократы ликовали, предвкушая всѣ выгоды власти, а республиканцы трепетной рукой держали бразды правленія, предчувствуя свое пораженіе. Въ такомъ настроеніи прошли первые мѣсяцы по назначеніи кандидатовъ. Между тѣмъ схлынули лѣтніе жары, народъ собралъ богатѣйшую жатву, какую только когда либо приходилось ему собирать, и осенняя промышленность страны развернулась до небывалыхъ размѣровъ. Демократическіе политиканы весело провели время на дачахъ и возвратились на политическое поприще съ полною увѣренностью, что имъ стоитъ только прид-

ти, увидѣть и—побѣда несомнѣнна. И вотъ они дѣйствительно пришли, увидѣли и—только ахнули. Народъ оказался до того удовлетвореннымъ своимъ состояніемъ, своими жатвами и своею промышленностью, что всецѣло отдался своимъ домашнимъ дѣламъ и совсѣмъ не интересовался политикой. Напрасно демократы гремѣли проклятіями на правящую партію, предсказывали неминуемое разрушеніе страны отъ дальнѣйшаго ея правленія, доказывали необходимость перемѣны въ правленіи, угрожали цезаризмомъ, который постепенно ростетъ въ республиканской партіи—все было напрасно. Народъ былъ сытъ и доволенъ, а сытое брюхо къ политикѣ глухо. Народъ былъ сытъ и желалъ быть такимъ, и вслѣдствіе этого именно не желалъ перемѣны, которую ему обѣщали демократы. Въ виду такого положенія вещей ясно, на чьей сторонѣ была сила. Республиканцы живо поняли, гдѣ ихъ главная крѣпость, и народное довольство сдѣлали главнымъ аргументомъ въ пользу своей партіи. И этотъ аргументъ оказался столь доказательнымъ и убѣдительнымъ для народа, что онъ подавляющимъ большинствомъ отвергъ партію перемѣны.

Это, по моему мнѣнію, главная причина побѣды республиканцевъ. Но тутъ были кромѣ того многія частныя причины, которыя тоже содѣйствовали успѣху правящей партіи. Прежде всего республиканская партія была уже сильна тѣмъ, что она держала правленіе страны въ своихъ рукахъ. За 20 лѣтъ своего правленія она успѣла пустить такіе глубокіе корни въ странѣ, вырвать которые могло только какое нибудь общее конвульсивное движеніе народа. Въ ея рукахъ находится вся обширная область государственной администраціи съ цѣлою арміей должностныхъ лицъ, для которыхъ господство партіи стало вопросомъ жизни и смерти. Втеченіи 20-ти лѣтъ успѣло смѣниться нѣсколько поколѣній чиновниковъ, которые воспитались въ этой средѣ и обязаны ей всѣмъ своимъ существомъ. Всѣ они поэтому ратуютъ за правящую партію, и ихъ вліяніе, какъ представителей администраціи, весьма сильно и важно. Затѣмъ двадцатилѣтняя правительствен-

ная практика выработала въ вожакахъ партіи замѣчательный тактъ въ умѣньи понимать условія и потребности страны и пользоваться ими для своихъ цѣлей. Въ минувшую кампанію партія выставила столькихъ государственныхъ дѣятелей съ сильнымъ ораторскимъ и политическимъ талантомъ, что демократамъ приходилось выдвигать всѣ свои резервы, чтобы только хоть сколько нибудь противостоять имъ. Къ тому же республиканцы имѣли у себя больше матеріала для самозащиты. Многолѣтній опытъ правленія давалъ имъ неистощимый запасъ аргументаціи въ свою пользу, такъ что они всегда могли опираться на тѣ или другія заслуги, которыми имъ обязана страна. Демократы не имѣли такихъ выгодъ. Имъ приходилось опираться только на отрицательные аргументы, на обличеніе недостатковъ правящей партіи и на обѣщанія тѣхъ благъ, которыя польются на народъ, лишь только онъ ввѣритъ свою власть демократамъ. Но если обличенія производили нѣкоторое впечатлѣніе, то обѣщанія были при настоящемъ положеніи вещей пустымъ словомъ. Народъ былъ доволенъ, и потому демократическія обѣщанія въ сущности могли вызывать только его недовѣріе и насмѣшки. Такъ относились народныя массы вообще къ аргументамъ демократической партіи. Но среди нихъ есть одинъ классъ, который и не можетъ иначе относиться къ ней. Это многочисленный классъ дѣловыхъ людей — мануфактурной промышленности. Однимъ изъ отличительныхъ принциповъ республиканской партіи всегда былъ высокій протекціонной тарифъ. Онъ неизмѣнно существовалъ втеченіе всѣхъ двадцати лѣтъ правленія партіи и подъ его вліяніемъ образовался упомянутый классъ дѣловыхъ людей. Благодаря этому тарифу, мануфактурная промышленность достигла высокаго развитія, дала заработокъ милліонамъ лицъ и накопила значительныя богатства въ рукахъ многочисленныхъ промышленниковъ. Будучи обязаны своимъ богатствомъ такому принципу республиканской партіи, этотъ сильный классъ естественно крѣпко держится за партію, давшую ему не только богатство, но и самую жизнь, и всячески противодѣйствуетъ

демократической партіи, которая держится какъ разъ противоположнаго принципа въ торговлѣ. Этотъ классъ годъ отъ году крѣпнетъ въ странѣ, и теперешнее четырехлѣтіе правленія республиканцевъ будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ конечно только еще большее усиленіе его и пропорціональное уменьшеніе шансовъ демократической партіи когда либо достигнуть положенія правящей партіи.

Кромѣ соціальныхъ причинъ, съ замѣчательною силою въ настоящій разъ выказалась и одна политическая причина пораженія демократовъ. Въ политическомъ отношеніи партіи разнятся тѣмъ, что республиканская партія постоянно работаетъ въ пользу централизаціи, и есть дѣятельная охранительница цѣлости и единства Союза штатовъ. Она постоянно утверждаетъ, что Соединенные Штаты не простой политическій или географическій союзъ, а единая, нераздѣльная нація, имѣющая одно общее верховное правительство, которому должны подчиняться всѣ отдѣльные штаты. Демократы, напротивъ, усиливаются отстаивать отдѣльныя права штатовъ, и настаиваютъ на томъ, что Соединенные Штаты совсѣмъ не нація, а простой добровольный союзъ самостоятельныхъ государствъ и можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока эти отдѣльныя государства желаютъ того и находятъ для себя выгоднымъ такой союзъ. Особенно живуча такая идея на Югѣ и однажды она повела уже къ братоубійственной войнѣ. Со времени войны и до настоящаго времени эта идея постоянно заявляла о себѣ въ южныхъ штатахъ и выразилась особенно въ непримиримой оппозиціи «сплоченнаго Юга» по отношенію къ Сѣверу. Между тѣмъ Сѣверъ, разъ спасшій Союзъ отъ распаденія, пошелъ въ силу реакціи въ этомъ отношеніи все дальше и дальше, породивъ даже наконецъ идею о цезаризмѣ. Этотъ цезаризмъ конечно проблематическаго характера и есть скорѣе вздутая выдумка демократовъ, но несомнѣнно однакоже то, что идея національнаго единства штатовъ крѣпко засѣла въ сознаніи народа, и онъ въ этомъ отношеніи предпочитаетъ принципъ республиканскаго знамени. Этимъ объяс-

няется тотъ еще небывалый фактъ, что при настоящихъ выборахъ весь Сѣверъ единогласно подалъ свой голосъ за республиканскаго кандидата, и всѣ такъ называемые сомнительные штаты вотировали за Гарфильда, давъ ему преобладающее большинство. Поступая такъ, Сѣверъ производилъ грандіозную демонстрацію въ пользу національнаго единства противъ сепаратистскаго юга. Демократическая печать такъ и поняла эту демонстрацію, и одна изъ наиболѣе откровенныхъ газетъ такимъ образомъ привѣтствовала избраніе республиканскаго кандидата: «Ave Caesar Imperator! Гарфильдъ—президентъ, король, императоръ! Народъ Соединенныхъ Штатовъ своимъ собственнымъ актомъ, добровольно и свободно, избралъ своимъ правителемъ человѣка, который есть воплощеніе интриги, обмана и преступности. Мы должны признать народное рѣшеніе. Но не будемъ закрывать себѣ глазъ. Отселѣ страна должна вступить въ новую эру. Мы раздѣлались съ республикой. Давайте привѣтствовать имперію. Народныя права потоптаны ногами. Они попраны и затоптаны въ грязь. На развалинахъ республики возстанетъ олигархія чиновниковъ, аристократія буржуазіи, имперія самоизбранныхъ честолюбцевъ. Не преувеличиваемъ ли мы положенія? О, нѣтъ»... и т. д. Эта тирада звучитъ выкриками помѣшаннаго, обезумѣвшаго отъ безсильной злобы, но она отражаетъ въ извѣстной степени общее настроеніе демократической партіи. Эта партія, надо замѣтить, состоящая главнымъ образомъ изъ бывшихъ рабовладѣльцевъ Южныхъ Штатовъ, до сихъ поръ носитъ на себѣ слѣды деморализующаго рабства. Демократы — неисправимые аристократы, горячи, честолюбивы и легкомысленны. Они не любятъ медленнаго, усидчиваго и упорнаго труда и желаютъ, чтобы все дѣлалось по магическому движенію ихъ властныхъ бровей. Они честолюбивые демагоги и любятъ держать народныя массы въ полномъ своемъ подчиненіи. Для этого они держатъ народъ въ самомъ темномъ невѣжествѣ, и демократическій Югъ въ умственномъ отношеніи стоитъ по меньшей мѣрѣ на 50 лѣтъ позади республиканскаго Сѣвера.

При небольшой удачѣ они теряютъ головы въ вихрѣ ликованій, при малѣйшей неудачѣ предаются отчаянію и въ неистовыхъ воплях изливаютъ свою безсильную злобу. Ясно, что здравомыслящему, практическому, разсчетливому, интеллектуальному Сѣверу не трудно бороться съ такимъ Югомъ и побѣждать его. Благодаря своей страстной запальчивости и непрактичности, демократы надѣлали множество ошибокъ во время самой кампаніи. Когда они увидѣли, что на почвѣ принципа имъ невозможно было устоять противъ республиканцевъ, они безумно ударились въ личную политику, открыли настоящую вакханалію личныхъ нападокъ, клеветъ и инсинуацій противъ республиканскаго кандидата. Втеченіе пяти мѣсяцевъ кампаніи демократы не выпускали такого листка, въ которомъ бы Гарфильдъ не обвинялся во взяточничествѣ, спекуляторскихъ продѣлкахъ, чиновнической испорченности, клятвопреступности и тому подобныхъ ужасныхъ преступленіяхъ, и наконецъ доблестно завершили эту кампанію сплетенъ и выходокъ изобрѣтеніемъ подложнаго «китайскаго письма», разсчитаннаго на возстановленіе противъ республиканскаго кандидата рабочаго населенія. Сначала эта личная вакханалія, повидимому, производила нѣкоторое дѣйствіе, но затѣмъ своею неумѣренностью и слишкомъ прозрачною тенденціозностью обличила саму себѣ, а несчастнымъ «китайскимъ письмомъ» окончательно оскандалила себя предъ глазами всего народа. Авторъ этого письма скоро былъ арестованъ, оказался сотрудникомъ одной демократической газеты, и судомъ доказана была злонамѣренная подложность письма. Презрительное и исполненное непоколебимаго достоинства молчаніе Гарфильда среди всей этой неистовой оргіи личныхъ на него нападокъ только больше придавало ему величія, завоевывало общественныя и народныя симпатіи и дѣлало его неуязвимымъ. Раскаленныя угли обличеній и клеветъ обращались на головы самихъ обличителей. Народъ говорилъ, что демократы потому слишкомъ набросились на Гарфильда, что имъ нечего было больше говорить за себя. Такъ демократическая партія сама

подкапывала подъ собой почву, и пораженіе ея было бы навѣрно еще больше, если бы она не нашла нѣкоторой поддержки въ личныхъ достоинствахъ своего кандидата. Всѣ эти общія и частныя причины привели къ тому, что изъ 369 избирательныхъ голосовъ на Генкока выпало только 150, а на Гарфильда 219, на 34 больше противъ необходимаго для избранія числа 185.

Избранникъ республиканской партіи, теперешній президентъ Джемсъ Гарфильдъ, по своимъ личнымъ качествамъ человѣкъ весьма симпатичный. Онъ обращаетъ на себя вниманіе уже по самой своей романтической судьбѣ, выдвинувшей его изъ темной бѣдности на теперешнюю первостепенную роль въ государствѣ. Сынъ бѣднаго фермера, онъ по смерти отца предоставленъ былъ на попеченіе капризной судьбѣ, и она повидимому не имѣла особенной заботливости о немъ. Бѣдный мальчикъ сверхъ силъ принужденъ былъ работать вмѣстѣ съ своими братьями на маленькой оставленной отцомъ фермѣ и совсѣмъ не видѣлъ ласковаго привѣта со стороны суровой судьбы. Непосильный физическій трудъ легко могъ задавить умственныя дарованія, но этотъ мальчикъ, одаренный отъ природы сильною волею и смѣтливостью, самъ проложилъ себѣ дорогу. Онъ замѣтилъ, что рабочіе на каналѣ получаютъ больше денегъ, чѣмъ онъ могъ заработать на фермѣ или плотничествомъ, которымъ онъ занимался въ зимнее время. Не долго думая онъ поступилъ въ лямку и скоро возвысился до положенія кормчаго. Послѣ такого успѣха онъ рѣшился сдѣлаться матросомъ судна на родномъ озерѣ Эри, но жестокая горячка разстроила его планы, и онъ пролежалъ въ постели три мѣсяца. По выздоровленіи онъ съ своимъ ничтожнымъ денежнымъ запасомъ и двумя лепешками въ карманѣ отправился въ сосѣднюю школу. По окончаніи курса здѣсь, онъ перешелъ въ такъ называемый «эклектическій институтъ». Днемъ слушалъ лекціи,а по утрамъ и вечерамъ плотничалъ, заработывая деньги на содержаніе; занималъ убогую комнатку и самъ готовилъ для себя кушанье. Сочетаніе физическаго труда съ умственнымъ

только укрѣпляло даровитаго юношу. Изъ института онъ вышелъ съ блистательнымъ дипломомъ, хорошимъ реальнымъ и классическимъ образованіемъ и 450 долларами долга, которые онъ занималъ для уплаты за слушаніе лекцій. Женившись на умной и скромной дѣвушкѣ, учившейся вмѣстѣ съ нимъ въ школѣ, онъ построилъ себѣ маленькую хижину и началъ бѣдную, но счастливую жизнь, состоя учителемъ въ одной коллегіи. Это было предъ гражданской войной. Происходившая тогда агитація въ пользу отмѣны рабства дала ему возможность выступить на политическую арену; онъ произнесъ нѣсколько блистательныхъ рѣчей противъ рабства, которыя произвели такое впечатлѣніе, что онъ обратилъ на себя вниманіе республиканской партіи, взявшей на себя задачу отмѣны рабства. Когда разразилась война, онъ принялъ дѣятельное участіе въ организаціи мѣстной милиціи роднаго штата Огайо и въ 1861 г. избранъ былъ начальникомъ для мѣстнаго полка. Во время войны онъ заявилъ о себѣ какъ о дѣльномъ полководцѣ и достигъ высшихъ военныхъ степеней. Не будучи особенно блистательнымъ воиномъ и не составивъ здѣсь себѣ громкаго имени, онъ однако же былъ извѣстенъ какъ умный и осторожный начальникъ, не мало содѣйствовавшій успѣху сѣверной арміи. Эта извѣстность дала ему возможность послѣ быть избраннымъ въ конгрессъ. Если во время войны его осторожность нѣсколько мѣшала его славѣ, то на мирномъ поприщѣ государственной дѣятельности она выдвигала его. Состоя членомъ конгресса, онъ не былъ праздным отбывателемъ своей должности, а далъ себѣ трудъ подробно изучить архивъ конгресса и ежедневно, какъ неутомимый и упорный ученый, работалъ въ пыли бумагъ, за что получилъ даже прозвище педанта отъ своихъ собратовъ. Это дало ему такое практическое знаніе государственнаго дѣлопроизводства, которому завидовали его собраты и которое служило страшнымъ оружіемъ въ его рукахъ для всякаго невѣжества, легкомыслія или рутины.

Какъ президентъ, Гарфильдъ несомнѣнно представляетъ

собою одного изъ достойнѣйшихъ и опытнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей страны. Онъ ясно и глубоко понимаетъ нужды государства и обладаетъ достаточно сильною волею, чтобы настойчиво прилагать къ дѣйствительности свои просвѣщенные взгляды. Это онъ доказалъ съ первыхъ шаговъ своей государственной дѣятельности, смѣло и мужественно выступивъ на борьбу съ административной язвой чиновничества, развившейся за послѣднее десятилѣтіе въ гнусное общественное зло. Темное зло конечно не могло сразу уступить, и выслало даже негодяя, который занесъ злодѣйскую руку на народнаго избранника, рѣшившагося честно и открыто дѣйствовать во благо своей страны. Но злодѣйскій выстрѣлъ Гито былъ сигналомъ пробужденія грознаго общественнаго негодованія, и въ энергичной поддержкѣ общества президентъ Гарфильдъ, если только онъ оправится отъ покушенія, найдетъ вѣрную опору для нанесенія злу смертельнаго удара. Въ тоже время избраніе президентомъ Гарфильда вновь внесло въ федеральное правительство американской республики ту истинно народную атмосферу, которая въ послѣднее время стала было уступать мѣсто нарождавшейся атмосферѣ аристократизма и плутократіи. Кабинетъ президента Гарфильда теперь самый демократическій въ мірѣ. Какъ жена самого президента, такъ и жены двухъ его главнѣйшихъ министровъ, являющіяся теперь руководительницами высшаго американскаго общества, еще не въ далекомъ прошломъ были простыми сельскими учительницами. На этотъ кабинетъ американцы могутъ съ гордостью указывать, какъ на доказательство того, что въ нихъ еще живы преданіи ихъ отцовъ, завѣщавшихъ имъ великія начала истиннаго народоправства.

ПО ПУТИ ИЗЪ АМЕРИКИ.

I. Чрезъ океанъ.

Возвращеніе на родину.—На палубѣ нѣмецкаго корабля.—Жертва акулы.—Потомокъ варяговъ. — Братъ-славянинъ и международный языкъ славянскихъ народовъ.—Воскресный день и двѣ проповѣди.—Американскій проповѣдникъ.—Берегъ стараго свѣта.—Каналъ и Нѣмецкое море.—Горе и радость.

«Гдѣ хорошо, тамъ и родина—Ubi bene, ibi patria», гласитъ правило космополитизма. Ничего не можетъ быть ложнѣе этого правила. Оно — досужее произведеніе праздной фантазіи людей, никогда не бывшихъ въ чужой сторонѣ, или тѣхъ, въ вывѣтренной душѣ которыхъ нѣтъ ни капли нравственнаго чувства. Чужая сторона можетъ быть интересна для наблюденія, выгодна для заработка, но она ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить отечества или заставить забыть его. Симпатію можно встрѣтить въ людяхъ и на чужой сторонѣ, но эта симпатія даетъ мало сердцу человѣка, и оно тоскливо рвется туда, гдѣ живутъ сладостныя воспоминанія его дѣтства, гдѣ взлелѣяны его надежды, гдѣ всѣ, которые его любятъ, и всѣ, которыхъ онъ самъ любитъ и которыхъ не можетъ не любить. Я пробылъ въ Америкѣ полтора года. Это одна изъ тѣхъ странъ, которыя могутъ заглушить тоску по родинѣ массою интересныхъ и разнообразныхъ впечатлѣній. Но и это только на время. Есте-

ственное чувство беретъ свое. Вотъ почему я получилъ извѣстіе о возможности отправиться на родину съ такимъ радостнымъ восторгомъ, который испытывается не часто.

У громаднаго дока на рѣкѣ Гудсонѣ исполинскій корабль «Donau» уже готовъ былъ двинуться въ далекій океанскій путь. Машины поднимали сходни, и сердца пассажировъ и провожавшихъ ихъ родныхъ и знакомыхъ дрогнули болью разлуки. Заревѣлъ послѣдній свистокъ, корабельный оркестръ ударилъ прощальный маршъ, машина закряхтѣла, взрослые прослезились, дѣти закричали, прощальные платки запестрѣли надъ головами и синія волны закипѣли подъ могучими ударами исполинскаго винта. Живописные берега замелькали по обѣимъ сторонамъ, а впереди уже чуялось прохладное дыханіе дѣдушки-океана. Пассажиры тоскливо слѣдили за убѣгающими берегами; каждый былъ погруженъ въ свои думы. Разлука всегда печальна, хотя бы она производилась свободно и за нею имѣлась въ виду радостная встрѣча; тѣмъ болѣе разлука на такой далекій и сопряженный со всякими случайностями и опасностями путь. Лѣтнее путешествіе чрезъ океанъ считается самымъ благопріятнымъ и тысячи болѣе или менѣе состоятельныхъ американцевъ отправляются въ Европу просто для удовольствій лѣтняго сезона. Тѣмъ не менѣе необъятность воднаго пути сохраняетъ свою устрашающую силу для воображенія. Сердце невольно содрогается отъ мысли, что въ продолженіе цѣлыхъ десяти дней придется жить подъ страхомъ не милости со стороны капризной стихіи. Для меня путешествіе чрезъ океанъ не было уже новостью. Я испыталъ его въ одинъ изъ самыхъ бурныхъ сезоновъ — позднею осенью. Теперь я уже смѣло смотрѣлъ на предстоявшій путь и желалъ только, чтобы полотняныя крылья корабля сильнѣе надувались попутнымъ вѣтромъ и быстрѣе несли меня къ берегамъ роднаго континента. Между тѣмъ великолѣпная панорама Нью-Іорка и плеяды сосѣднихъ съ нимъ городовъ сливалась уже въ безразличную сѣрую массу, и когда огненный шаръ заходящаго солнца спускался къ лазурной поверхности океана,

американская митрополія безсильно боролась съ волной, которая вскорѣ захлестнула ее и она скрылась изъ глазъ. Корабль оказался въ заколдованномъ кругѣ воды и неба, съ котораго привѣтливо улыбались вечернія звѣзды.

Корабль «Дунай» принадлежитъ къ богатой нѣмецкой компаніи «Сѣверогерманскаго Ллойда» и совершаетъ рейсы между Нью-Іоркомъ и Бременомъ. Это въ полномъ смыслѣ нѣмецкій корабль—съ нѣмецкою дешевизною, нѣмецкимъ столомъ и нѣмецкими матросами, хотя въ здоровыхъ широкихъ лицахъ послѣднихъ явно проглядываетъ славянскій типъ, заѣденный нѣмецкой культурой. До Бремена «Дунай» взимаетъ такую же плату, какую англійскіе корабли берутъ до Ливерпуля и французскіе до Гавра, не смотря на значительную разницу въ разстояніи. Океанскій переѣздъ стоитъ въ первомъ классѣ 100 долларовъ, во второмъ 60 и въ третьемъ 30. Для американцевъ это равняется такому же количеству рублей, но для русскаго путешественника, благодаря низкости нашего курса и разницѣ въ заработной платѣ, это составляетъ ровно вдвое большую сумму. Каюты были переполнены нѣмцами, кое-какъ ломавшими англійскій языкъ. Интересно смотрѣть на эти типы американскихъ нѣмцевъ. Всѣ они полноправные граждане американской республики, но въ тоже время они подданные своего милаго фатерлянда. Большинство изъ нихъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ прибыли въ Америку убогими эмигрантами. Счастье улыбнулось имъ въ новомъ отечествѣ, они разбогатѣли, обзавелись семействами, и теперь отправлялись взглянуть на свое прежнее отечество, повидать родныхъ и друзей дѣтства. Исторія ихъ жизни запечатлѣна на всей ихъ внѣшности. Все это суровыя, карявыя лица, въ глубокихъ морщинахъ которыхъ іероглифически значится повѣсть ихъ трудовой многоиспытанной жизни, но на рукахъ виднѣются массивные бриллiантовые перстни и на груди висятъ тяжелыя золотыя цѣпи отъ золотыхъ карманныхъ часовъ. Старики продолжаютъ говорить провинціальнымъ нѣмецкимъ жаргономъ, а молодое поколѣніе уже совсѣмъ объамериканилось, говоритъ

чистымъ англійскимъ языкомъ и употребляетъ нѣмецкій языкъ только для утѣшенія стариковъ. Матеріальное благосостояніе даетъ нравственное довольство и пассажиры, освободившись отъ грусти разлуки, за великолѣпнымъ ужиномъ перваго дня превратились въ общество веселыхъ и беззаботныхъ людей. Когда послѣ ужина, на палубѣ корабля, подъ звѣзднымъ небомъ и при гармоническомъ плескѣ тихихъ волнъ, оркестръ ударилъ нѣмецкій вальсъ, нѣмцы закружились въ вихрѣ роднаго танца.

Веселье разлилось по поверхности пловучаго мірка. Когда оркестръ закончилъ свою музыку, то образовались кружки пѣвцовъ и дѣдушка-океанъ до глубокой полночи слушалъ смѣшанные мотивы нѣмецкихъ и американскихъ пѣсенъ счастливыхъ тевтоновъ. Но счастье зависитъ не столько отъ внѣшняго довольства, сколько отъ внутренней удовлетворенности. Когда нѣтъ послѣдней, внѣшнее веселье только еще больше удручаетъ душу. Среди беззаботно веселившихся пассажировъ была молодая дѣвушка, которая уединенно прижалась къ борту и тоскливымъ неподвижнымъ взглядомъ слѣдила за бѣгущими волнами. Никто не говорилъ съ ней и она не говорила ни съ кѣмъ. На другой день она стояла на томъ же мѣстѣ и не принимала никакого участія въ непрерывной болтовнѣ знакомящихся другъ съ другомъ пассажировъ. Это былъ воскресный день. Солнце ярко свѣтило на безоблачномъ горизонтѣ и нѣмецкій оркестръ открылъ свой предъобѣденный концертъ священнымъ гимномъ: «Мой Богъ есть моя твердыня». Торжественная музыка священнаго гимна, вмѣстѣ съ музыкой тихо плещущихъ волнъ океана, разливала блаженство въ довольныхъ душахъ, но для несчастной души угрюмой пассажирки она была погребальнымъ гимномъ. Когда закончился гимнъ и подъ его впечатлѣніемъ водворилась благоговѣйная тишина, дѣвушка поднялась надъ бортомъ, чтобы повидимому лучше всмотрѣться въ разсѣкаемыя кораблемъ волны. Но вотъ еще одинъ моментъ и—надъ бортомъ только мелькнуло платье несчастной и она рухнулась въ воду, гдѣ

ее тотчасъ же закрутило кипящей отъ ударовъ винта волной. Пассажиры вскрикнули отъ ужаса, раздался тревожный сигналъ, живо спущена была спасательная лодка, но несчастная была уже погребена въ бездонной водяной могилѣ. Печаль водворилась на палубѣ, пассажиры угрюмо смотрѣли на волны, поглотившія человѣческую жизнь, а онѣ попрежнему беззаботно струились и журчали, и только изъ кипящей поверхности ихъ повременамъ показывалась черная спина страшнаго морскаго чудовища, ждавшаго новой жертвы. Несчастная дѣвушка сдѣлалась добычей акулы, которая такимъ образомъ навсегда поглотила и ее и приведшее ее къ ужасному самоубійству горе.

Этотъ страшный случай набросилъ тѣнь скорби на все общество пассажировъ. Но чужая скорбь мимолетна, и вечеромъ того же дня попрежнему водворилось веселье. Между пассажирами, кромѣ нѣмцевъ, были лица всевозможныхъ націй, званій и состояній. Тутъ были: «поистинѣ достопочтенный» (какъ гласитъ офиціальный титулъ) американскій епископъ изъ Клевеланда, съ своей супругой отправлявшійся на лѣтнюю экскурсію въ Европу, и американскій комерсантъ, пробиравшійся по торговымъ дѣламъ въ страну пирамидъ; нѣмецкая писательница, изучавшая общественную жизнь янки и норвежскій авантюристъ, возвращавшійся на родину изъ дикихъ дебрей американскаго далекаго запада, гдѣ онъ единственно ради приключеній прожилъ девять мѣсяцевъ въ средѣ краснокожихъ индѣйцевъ; американскій проповѣдникъ, отправлявшійся для наблюденія надъ религіозно-нравственною жизнью Стараго Свѣта, и испанскій артистъ, везшій на родину пожатые въ Америкѣ денежные лавры и т. д. Все это разнохарактерное собраніе, по необходимости сплоченное ограниченнымъ пространствомъ палубы корабля, слилось въ одну интимную семью. Для меня все это были одинаково чужіе люди. Но замѣчательна растяжимость чувства родственности. Чѣмъ дальше вы отъ родины, тѣмъ болѣе широкій кругъ захватываетъ это чувство. Ближайшими ко мнѣ оказались тѣ, которые были одинаковы по профессіи, но наиболѣе роднымъ

былъ норвежецъ, и единственно потому, что онъ изъ страны, географически наиболѣе близкой къ моей родинѣ. Онъ больше другихъ знакомъ съ Россіей, имѣетъ брата въ шведскомъ посольствѣ въ Петербургѣ и болѣе другихъ знакомъ съ нашей исторіей, что необыкновенно пріятно встрѣтить послѣ обычнаго у иностранцевъ темнаго невѣденія въ этомъ отношеніи. По естественной ассоціаціи разговоръ перешелъ къ вопросу о варягахъ и норвежецъ оказался рьянымъ приверженцемъ норманской школы въ этомъ вопросѣ. По его отзыву, норвежскіе историки тщательно разработали этотъ періодъ и у нихъ нѣтъ даже сомнѣнія въ томъ, что варяги были кто либо другіе, а не норманскіе витязи. Слово варягъ до сихъ поръ сохраняется въ языкѣ скандинавскихъ и англосаксонскихъ народовъ. Понорвежски waranger и поанглійски warrior значитъ воякa, воитель, воинъ. Слушая одушевленную рѣчь новѣйшаго варяга, нельзя было не думать, что онъ прямой потомокъ тѣхъ доблестныхъ варяговъ, которые призваны были водворить порядокъ въ нашей обильной, но неустроенной землѣ. У насъ очень мало знакома древняя исторія Скандинавскаго полуострова, а тщательное изученіе ея несомнѣнно пролило бы значительный свѣтъ на все еще темный вопросъ о происхожденіи нашихъ первыхъ квязей, изъ за котораго наши историки до сихъ поръ безплодно ломаютъ копья. Тѣмъ же доблестнымъ варягамъ принадлежитъ честь перваго открытія Новаго Свѣта. Очень мало извѣстенъ, а однакоже съ несомнѣнностью установленъ норвежскою и американскою исторіей тотъ фактъ, что Америка видѣла на своихъ берегахъ бѣлыхъ людей пятью вѣками раньше, чѣмъ смѣлый генуезецъ во всеуслышаніе провозгласилъ открытіе этого материка. Еще въ началѣ XI стол. норвежскіе викинги отважно рыскали по всей ширинѣ сѣверной половины Атлантическаго океана, имѣли поселенія въ Исландіи и Гренландіи, и одинъ изъ нихъ, именно Лайфъ Эриксонъ, пробрался въ Америку, гдѣ въ предѣлахъ теперешняго штата Нью-Іоркъ основана была колонія, отъ которой найдены археоло-

гическіе останки. Колонія была слишкомъ слаба, чтобы выдерживать напоръ краснокожихъ, и колонисты должны были оставить ново-открытую землю, и имя Эриксона вмѣстѣ съ проложеннымъ имъ путемъ было забыто на цѣлые вѣка. Теперь въ Америкѣ предполагается сооруженіе памятника въ честь доблестнаго викинга, что и слѣдовало бы давно сдѣлать, какъ заявилъ мой интересный собесѣдникъ, который видимо переполнялся патріотическою гордостью при воспоминаніи о своихъ историческихъ предкахъ.

Такъ въ праздныхъ бесѣдахъ проходили дни за днями, а корабль неустанно мчался по синимъ волнамъ океана, ежедневно дѣлая по пятисотъ верстъ. Погода стояла превосходная, и все время держалась такою, не смотря на отчаянные прыжки морскихъ свинокъ, которыя по наблюденію моряковъ обыкновенно предвѣщаютъ бурю. Лѣтомъ океанъ гораздо оживленнѣе чѣмъ зимою, и намъ ежедневно встрѣчалось по нѣсколько судовъ и кораблей, которые какъ точки проходили по окраинамъ водянаго круга. Однажды, при лучахъ заходящаго солнца, я стоялъ на носовой части корабля и всматривался въ безпредѣльную синеву, ожидая появленія какого либо встрѣчнаго судна. Ко мнѣ подошелъ краснощекій самодовольный нѣмецъ и спросилъ, какой я націи. На мой отвѣтъ, онъ сказалъ, что въ третьемъ классѣ есть молодой больной человѣкъ, который не говоритъ ни на какомъ европейскомъ языкѣ, между тѣмъ онъ крайне безпомощенъ и быть можетъ ему можно бы помочь въ чемъ нибудь. Ужъ не русскій ли, мелькнула у меня мысль въ головѣ и я отправился къ нему по указанію нѣмца. Блѣдный и исхудалый, бѣдно одѣтый молодой человѣкъ тоскливо и одиноко сидѣлъ на лавкѣ и представлялъ живую картину горя-злосчастья, скорбныя черты которой еще ярче выступали отъ окружающей картины нѣмецкаго самодовольства. Я обратился къ нему по-русски и угрюмыя черты его лица мгновенно просіяли. Онъ понялъ меня и обрадовался возможности прервать невыносимое молчаніе. Оказалось, что это православный сербъ.

Всего шесть мѣсяцевъ тому назадъ онъ отправился на сколоченныя усиленнымъ трудомъ деньги въ Америку, надѣясь тамъ найти для себя лучшее счастье. Къ сожалѣнію онъ не зналъ никакого другаго европейскаго языка, кромѣ роднаго славянскаго, и потому могъ служить только въ качествѣ тяжелой рабочей силы. Непосильная работа живо надломила его организмъ, онъ заболѣлъ и теперь въ отчаяніи возвращался на родину. Мнѣ прежде приходилось встрѣчаться съ сербами и они обыкновенно плохо понимаютъ порусски, но этому молодому человѣку какъ будто нужда вложила особый разумъ языкознанія и онъ отлично понималъ каждое слово. Притомъ я нарочно одѣвалъ свою рѣчь въ церковно-славянскую форму и это несомнѣнно весьма много облегчало ему пониманіе. Наши славянофилы при своихъ всеславянскихъ стремленіяхъ постоянно встрѣчались съ тѣмъ охлаждавшимъ ихъ порывы къ всеславянскому братству фактомъ, что различныя славянскія племена не понимаютъ другъ друга, такъ что для болѣе или менѣе серьезныхъ сношеній приходится обращаться къ посредству какого-либо европейскаго и по преимуществу нѣмецкаго языка. Мнѣ всегда казалось, что у славянскихъ, покрайней мѣрѣ православныхъ народностей, есть такой общій, неизмѣнный, классическій языкъ, который можетъ служить международнымъ для нихъ языкомъ и превосходнымъ средствомъ сношенія ихъ между собою и нравственнаго единенія. Это именно церковнославянскій языкъ, на которомъ у всѣхъ ихъ одинаково совершается богослуженіе и который они съ дѣтства всѣ привыкаютъ понимать. Слѣдовало бы только больше обратить на него вниманія при народномъ образованіи, и тогда всѣ православные славянскіе народы легко могли бы говорить между собою на общемъ и притомъ священномъ языкѣ и не было бы нужды обращаться за помощью къ нѣмецкому языку, который служитъ однимъ изъ сильнѣйшихъ орудій германизаціи славянъ. Мой собесѣдникъ славянинъ фактически подтвердилъ истинность этой теоріи. Чтобы сдѣлать свою рѣчь болѣе понятною

для меня, онъ также сталъ облекать ее въ церковнославянскую форму, и скорбную повѣсть своихъ приключеній заключилъ восклицаніемъ: «гей, брате, здраву человѣку въ Америцѣ благо есть быти, не здраву же шицко злѣ!» Бѣднякъ не имѣлъ совершенно денегъ на проѣздъ отъ Бремена до родины, и потому радость его не могла быть выражена ни на какомъ языкѣ, когда, при дѣятельномъ посредствѣ американскаго проповѣдника, въ пользу его собрана была маленькая сумма германскихъ марокъ. На кораблѣ былъ еще другой безпомощный человѣкъ, швейцарецъ, отравившійся свинцовымъ ядомъ на фабрикѣ, гдѣ онъ работалъ въ Америкѣ. Въ немъ принялъ живое участіе американскій епископъ и также собралъ въ его пользу нѣкоторую сумму. Что бы ни говорили философы о чистомъ гуманизмѣ, какъ вполнѣ достаточномъ источникѣ для благотворенія, но дѣйствительной основой его можетъ быть только религія. Многіе изъ пассажировъ сочувствовали обоимъ несчастнымъ, но безъ дѣятельной инціативы служителей религіи это сочувствіе едва-ли выразилось бы въ дѣйствительномъ благотвореніи.

Океанскій исполинъ кряхтѣлъ и работалъ неустанно больше недѣли, а все не могъ выбиться изъ заколдованнаго круга воды и неба. Можно бы даже усомниться въ томъ, подвигается ли онъ впередъ, если бы на картѣ ежедневно не отмѣчалось количество пройденныхъ миль и не указывался пунктъ, въ которомъ онъ въ данный день находился. Ко второму воскресному дню этотъ пунктъ на картѣ уже далеко передвинулся за половину океана. По соображенію оставалось только два дня пути до береговъ Англіи, и пассажиры, соскучившіеся отъ утомительнаго однообразія пути, вновь оживились. На нѣмецкихъ корабляхъ по воскреснымъ днямъ не совершается регулярнаго богослуженія, какъ это бываетъ на англійскихъ. Но тѣмъ не менѣе морская жизнь самымъ своимъ характеромъ внушаетъ молитвенное настроеніе, и обычный утренній концертъ въ этотъ день весь состоялъ изъ священныхъ гимновъ. Послѣ концерта пассажиры были пригла-

шены въ залъ, куда чрезъ нѣсколько моментовъ явился американскій епископъ въ полномъ церковномъ облаченіи и произнесъ проповѣдь на ветхозавѣтный текстъ: «люди ходятъ туда и сюда и отъ сего возрастаетъ ихъ мудрость»; епископъ краснорѣчиво изобразилъ значеніе путешествій для нравственнаго и умственнаго развитія людей и обозрѣлъ факты, произшедшіе на кораблѣ за минувшую недѣлю. Послѣ епископа выступилъ также съ проповѣдью американскій проповѣдникъ и къ серьезному впечатлѣнію, произведенному рѣчью епископа, прибавилъ нѣсколько юмористическихъ чертъ, обычныхъ въ американскомъ проповѣдничествѣ.

Обѣ проповѣди были одинаково интересны и назидательны, но изъ самихъ проповѣдниковъ для меня была болѣе интересною личность послѣдняго. Это характерный типъ американскаго проповѣдника. Онъ чрезвычайно общителенъ, первый познакомился со всѣми, интересный собесѣдникъ и съ первыхъ же дней сдѣлался душою всего общества. Въ одномъ изъ западныхъ городовъ въ Америкѣ у него есть приходъ, въ которомъ онъ состоитъ пасторомъ и проповѣдникомъ. Теперь онъ отправлялся для лѣтняго отдыха въ Европу, и приходъ взялъ на себя всѣ его путевыя издержки. По платью и по внѣшности онъ нисколько не отличался отъ другихъ пассажировъ, но въ тоже время онъ съ перваго дня всѣмъ далъ знать, что онъ проповѣдникъ. Проповѣдничество есть не только его профессія, но и его душа. Безъ проповѣдыванія онъ не можетъ жить совсѣмъ и буквально исполняетъ заповѣдь апостола: «проповѣдуй благовременно и безвременно». Кромѣ воскресенья, онъ и по буднямъ собиралъ пассажировъ въ столовую и говорилъ имъ проповѣди, съ замѣчательнымъ искуствомъ умѣя заинтересовать ихъ вниманіе. Однажды густой туманъ застилалъ весь океанъ; корабль то и дѣло подавалъ свистки изъ опасенія столкновенія съ какимъ-либо встрѣчнымъ судномъ; поссажиры отъ скуки собрались въ обѣденный залъ и распивали пиво. Проповѣдникъ явился въ ихъ компанію, самъ предложилъ присут-

ствовавшимъ по стакану пива, и лишь только нѣмцы чокнулись за его здоровье, какъ онъ вынулъ свою записную книжку и предложилъ имъ назидательную лекцію. Послѣ его пива очевидно надо было слушать и его лекцію, и нѣмцы дѣйствительно обратились во внимательныхъ слушателей. Одинъ только, болѣе другихъ выпившій, нѣмецъ очевидно не въ силахъ былъ настроить свое вниманіе къ назиданію и пользовался каждымъ свисткомъ корабля, чтобы подтянуть ему соотвѣтствующимъ звукомъ. Но проповѣдникъ такъ энергично застучалъ кулакомъ по столу, что невнимательный нѣмецъ долженъ былъ стушеваться и присмирѣть. Мнѣ казалась очень интересною эта оригинальная сцена. Американскій проповѣдникъ не только по заповѣди апостола проповѣдывалъ «безвременно», но умѣлъ въ тоже время «настоять, умолить и запретить».

Чрезъ два дня послѣ воскресенья на восточной окраинѣ водянаго круга показалась синяя полоска, появленіе которой пассажиры привѣтствовали радостнымъ крикомъ: «зе́мля, земля»! Это былъ берегъ Англіи, передовой постъ Стараго Свѣта. Еще нѣсколько часовъ и корабль проходилъ уже мимо самаго берега, который острой скалой вдавался въ океанъ. На скалѣ высилось грандіозное зданіе чрезъ-океанскаго телеграфа, по которому тотчасъ же и дано было знать въ Нью-Іоркъ о благополучномъ прибытіи корабля. До Бремена оставалось еще два дня пути, и по отзыву моряковъ этотъ путь по Англійскому каналу и Нѣмецкому морю, вслѣдствіе подводныхъ скалъ и мелей, гораздо опаснѣе всего океанскаго пути. Но при видѣ земли какъ-то уже трудно было вѣрить этому. По пути то и дѣло показывался то французскій, то англійскій берегъ, и пестрота судовъ и пароходовъ, во множествѣ разсѣкавшихъ по всѣмъ направленіямъ воду, внушала чувство увѣренности и безопасности. 23 іюня, ровно чрезъ двѣнадцать дней плаванія, корабль вступилъ въ мутное устье рѣки Везера, бросилъ якорь и рѣчные пароходы приняли пассажировъ для перевозки на берегъ.

Какъ ни радостно было ступить на землю, но въ то же время какъ-то грустно было и разстаться съ кораблемъ. Когда при отвалѣ парохода, на кораблѣ оркестръ ударилъ послѣдній прощальный маршъ и весь экипажъ на прощанье замахалъ платками и шляпами, у многихъ невольно навернулись слезы, и всѣ пассажиры въ послѣдній разъ гаркнули прощальное ура доблестному экипажу корабля. На берегу пассажировъ ожидала масса друзей и родныхъ и выраженіямъ радостной встрѣчи не было конца. Но среди всеобщихъ ликованій, какъ страшный призракъ смерти, стоялъ одинъ сѣдовласый старецъ. Отчаяніе, ужасъ и безпредѣльное горе исказили черты его лица и онъ страшными блуждающими глазами озиралъ всѣхъ прибывшихъ пассажировъ. Сначала онъ какъ будто ничего не понималъ, но потомъ бездна его страшнаго горя отверзлась предъ его сознаніемъ со всею ужасающею ясностью, и онъ ударился о кирпичную стѣну вокзала и зарыдалъ какъ ребенокъ. Это былъ злополучный отецъ несчастной дѣвушки, бросившейся съ корабля въ бездну океана. Предъ отъѣздомъ изъ Америки она извѣстила его телеграммой, что отправляется въ Европу и просила придти встрѣтить ее на пристани. Старикъ съ радостью пришелъ встрѣтить свою единственную дочь, а встрѣтилъ лишь одно безпредѣльное горе, которое несомнѣнно подвинетъ его ближе къ могилѣ.

Между тѣмъ поѣздъ подалъ свистокъ и помчалъ пассажировъ въ самый городъ Бременъ, отстоящій отъ пристани верстъ на тридцать, и въ этомъ богатомъ и роскошномъ членѣ древняго ганзейскаго союза пассажиры «Дуная» простились между собой—быть можетъ навсегда. Для нѣкоторыхъ впрочемъ случайное знакомство на кораблѣ привело къ тѣснѣйшему союзу, связавшему на вѣки: одинъ молодой человѣкъ усваталъ молодую пассажирку во время пути и въ Бременѣ порѣшено было обвѣнчаться.

II. Отъ Бремена до С.-Петербурга.

Ганзейскій городъ.—Воспоминанія о быломъ.—Нѣмецкая земля.—Столица бога войны.—Русскій духъ въ сердцѣ нѣмечины.—Ярославцы въ Берлинѣ и борьба русской культуры съ нѣмецкою.—На палубѣ парохода на Балтійскомъ морѣ.—Прусскіе офицеры и русскія барыни.—Кронштадтъ и видѣніе Петра Великаго.—Опять на родной землѣ.

Океанское путешествіе оставляетъ по себѣ чувство утомленія даже и въ самый благопріятный сезонъ, въ какой совершился нашъ переѣздъ, и потому необходимо отдохнуть на первомъ же пунктѣ твердой земли. Такимъ пунктомъ былъ ганзейскій городъ Бременъ. Я остановился въ немъ на два дня и, надо сказать, что трудно отыскать другой городъ болѣе удобный для нравственнаго и физическаго успокоенія. Судя потому, что Бременъ одинъ изъ богатѣйшихъ торговыхъ пунктовъ средней Европы и чрезъ него идетъ непрерывный потокъ европейской эмиграціи, направляющейся въ Америку, можно бы предположить, что это шумный базаръ житейской суеты. Въ дѣйствительности же это одинъ изъ изящнѣйшихъ городовъ, какіе только мнѣ приходилось видѣть. Улицы необыкновенно чисты и опрятны и великолѣпные дома утопаютъ въ морѣ зелени и цвѣтовъ. Видно, что культура здѣсь достигла высокаго развитія и съумѣла изъ базара житейской суеты сдѣлать пріятную резиденцію изящества и красоты. Самыя улицы носятъ названіе героевъ культуры и мнѣ приходилось встрѣчать на бланкахъ надписи, что это Шиллерова улица, а это Гумбольдтова улица и т. д. Какъ древній историческій городъ, Бременъ имѣетъ много важныхъ достопримѣчательностей, но я упомяну только о соборѣ, который въ своихъ стѣнахъ заключаетъ древнѣйшія преданія города. Величественный порталъ его обращенъ къ площади рынка. Пло-

щадь эта теперь малолюдна и главный рынокъ передвинулся ближе къ морю. Но соборъ помнитъ и то время, когда она кишѣла народомъ — гостями заморскими, и могъ бы разсказать повѣсть о томъ, какъ изъ-за далекаго моря Варяжскаго приходили гости богатые—изъ Новагорода Великаго и Пскова, его младшаго братца, привозили съ собой мѣха пуховые и ткани браныя, раскладали ихъ на площади на диво и зависть красавицъ нѣмецкіихъ, качальному звону церкви заморской дивилися и, снявъ шапки дорогія, набожно крестилися, родной звонъ святой Софіи Великой вспоминаючи. Теперь тутъ уже и духа нѣтъ гостей новгородскихъ и псковскихъ, и при видѣ собора невольно чувствуется грусть, что нѣмецкій городъ успѣлъ удержать свою древнюю славу до настоящаго времени, а слава нашихъ нѣкогда великихъ и богатыхъ городовъ, принадлежавшихъ къ ганзейскому союзу, едва даетъ о себѣ знать въ убогихъ и обветшалыхъ останкахъ сѣдой старины. Бременъ до сихъ поръ вольный городъ и почти чудесно сохраняетъ свою независимость отъ всезахватывающей руки желѣзнаго канцлера. Поэтому при въѣздѣ въ городъ ни паспортъ не спрашивается, ни вещи не подвергаются осмотру. Но лишь только вы вступаете въ воксалъ желѣзной дороги, ведущей въ предѣлы Германской имперіи, какъ васъ встрѣчаютъ мундированные аггелы неумолимаго канцлера и запускаютъ руки въ багажъ, отыскивая что нибудь подлежащее денежному обложенію. Въ этомъ отношеніи канцлеръ неумолимъ и вся политика его въ настоящее мирное время какъ извѣстно сводится къ тому, чтобы отыскать у нѣмцевъ еще что-нибудь свободное отъ налога и обложить его подъ какимъ либо мудренымъ или гуманнымъ предлогомъ.

Поѣздъ между тѣмъ помчался въ самое царство Бисмарка, въ сердце Германской имперіи—Берлинъ. По пути предъ вами разстилаются далекія и широкія равнины, кое-гдѣ пересѣкаемыя лѣсными рощами и почти сплошь занятыя нивами колосящейся ржи и зеленѣющаго картофеля. Эти равнины удивительно напоминаютъ русскія равнины среднихъ губерній.

На первый взглядъ въ нихъ не видно слѣдовъ нѣмецкой культуры, и напротивъ чуется раздолье и ширь вольной славянской природы. Можно бы подумать, что тутъ до сихъ поръ обитаютъ наши братья-славяне,—тѣ доблестные братичи и лютичи, которые нѣкогда занимали все Балтійское поморье, били нѣмцевъ и намъ дали, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, нашихъ первыхъ князей. Но достаточно попристальнѣе вглядѣться въ эти равнины, чтобы увидѣть на нихъ слѣды нѣмецкой руки. Эта рука даетъ о себѣ знать во всемъ: въ чисто обработанныхъ поляхъ, въ прочищенныхъ рощахъ, канализированныхъ болотахъ и уютныхъ деревушкахъ, показывающихъ свои красныя черепичныя кровли изъ благоухающей зелени садовъ. На станціяхъ встрѣчается множество широкихъ бородатыхъ лицъ, въ которыхъ явно просвѣчиваетъ славянскій типъ; но и этотъ типъ заѣденъ нѣмецкой культурой, одѣтъ въ нѣмецкій мундиръ, сосетъ нѣмецкую крючковатую трубку и поетъ нѣмецко-патріотическій гимнъ Wacht am Rhein. Чѣмъ ближе къ Берлину, тѣмъ сильнѣе сгущается нѣмецкій духъ, а самый Берлинъ ужъ истовое сердце теперешней нѣмечины.

Было около восьми часовъ вечера, когда я ступилъ на мостовую Германской столицы. Полицейскій у воксала далъ мнѣ номеръ на «Droschken», какъ почему-то у нѣмцевъ называются громадныя кареты, и мундированный нѣмецъ-кучеръ покатилъ меня вовнутрь города. Мы проѣзжали мимо величественной мраморной колонны, на вершинѣ которой какая-то золотая крылатая фигура горѣла и ослѣпительно блистала въ лучахъ заходящаго солнца. Тевтонъ не преминулъ объяснить, что это памятникъ нѣмецкихъ побѣдъ въ минувшую войну надъ французами, и лишь только я успѣлъ обнаружить свой интересъ къ этому памятнику, какъ нѣмецъ повезъ меня вокругъ его, чтобы въ картинныхъ изображеніяхъ его показать иностранцу всю славу доблестныхъ тевтоновъ. На этихъ изображеніяхъ бѣдные французики подвергаются такому безпощадному избіенію, какого они не терпѣли и въ дѣйствительности. Выслушавъ объяснительную лекцію кучера, я просилъ его скорѣе

ѣхать въ отель, тѣмъ болѣе, что плата за извощиковъ у разсчетливыхъ нѣмцевъ берется по количеству минутъ. Тѣмъ не менѣе колонна бога войны произвела глубокое впечатлѣніе. Для нѣмцевъ это несомнѣнно источникъ неизмѣримой гордости, но для французовъ это невыносимый памятникъ позора, и кто знаетъ, какія событія ожидаютъ этотъ памятникъ въ будущихъ судьбахъ исторіи? Если нѣмцы разъ взяли Парижъ, то нѣтъ ничего невозможнаго, что и французы когда-либо возьмутъ Берлинъ, и тогда отъ этого памятника не останется камня на камнѣ. Несомнѣнно же то, что подобные памятники не упрочиваютъ мира на землѣ и благоволенія въ человѣцѣхъ... Патріотическій извощикъ между тѣмъ подвезъ меня къ величественному отелю «Императорскаго Двора» (Der Kaiserhof) и мнѣ пришлось заплатить ему не только за провозъ, но и за объяснительную лекцію.

Самый городъ Берлинъ настолько извѣстенъ и близокъ къ намъ, что нѣтъ надобности его описывать. Но надо замѣтить, что господствующее у насъ мнѣніе о немъ не дѣлаетъ ему справедливости. Расхаживая по великолѣпной улицѣ «Подъ Липами», я удивлялся, какъ у насъ могло образоваться мнѣніе о немъ какъ казарменномъ городѣ. Сплошь и рядомъ вы видите прелестныя зданія, удачно сочетающія колоссальность съ изяществомъ, и на всемъ лежитъ несомнѣнно отпечатокъ высшей культуры. Магазины поражаютъ своею роскошью и между ними то и дѣло пестрятъ книжные магазины, которые за зеркальными стеклами выставляютъ на показъ литературную мудрость всѣхъ народовъ и между прочимъ русскаго. Смотря на цѣлые ряды русскихъ книгъ, можно подумать, что нѣмцы зачитываются произведеніями русскаго ума. Несомнѣнно же то, что они живо интересуются нашими внутренними и внѣшними дѣлами, и я видѣлъ множество нѣмецкихъ книгъ, имѣющихъ своимъ предметомъ роковую катастрофу 1-го марта. Случайно развернувъ одну изъ нихъ подъ заглавіемъ: «Александръ II какъ человѣкъ и какъ правитель», я прочиталъ горькія слова, что «Россія была не достойна такого прави-

теля, и онъ былъ недосягаемо выше своего народа»... Съ болью сердца я поспѣшилъ оставить и книжку и магазинъ. Одинъ конецъ улицы «Подъ Липами» занятъ дворцами и какъ разъ противъ императорскаго дворца красуется величественный храмъ науки — университетъ. Такое близкое сожительство высшей науки съ императорскимъ правительствомъ даетъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ къ какому мы привыкли въ печальныхъ фактахъ послѣдняго времени. Если что и придаетъ Берлину казарменный видъ, такъ это масса военнаго и вообще мундирнаго люда, который пестритъ по улицамъ. Но въ этомъ отношеніи онъ только напоминаетъ нашу сѣверную Пальмиру. Вообще Берлинъ очень много похожъ на Петербургъ и я, послѣ пребыванія вдали отъ родины, ощущалъ въ немъ уже близость роднаго.

Не смотря на близость Берлина къ русской землѣ, русская колонія въ немъ очень незначительна, и состоитъ только изъ случайныхъ перелетныхъ птицъ, которыя весною тянутся на воды, а осенью съ водъ, и при этомъ Берлинъ дѣлаютъ своимъ главнымъ становищемъ для роздыха. Разъ только нѣмецкая столица почуяла въ себѣ дѣйствительно русскій духъ— въ его истой самобытности.

Какъ ни хитеръ нѣмецъ, а все таки онъ не можетъ такъ хорошо валять войлока, какъ это дѣлаютъ наши ярославцы, и вотъ однажды спекулянтъ-еврей надумалъ сдѣлать этимъ хорошій гешефтъ. Онъ основалъ въ Берлинѣ русскую войлочную фабрику и выписалъ для нея настоящихъ русскихъ ярославскихъ мужиковъ, которые и отправились въ количествѣ двадцати человѣкъ въ сердце нѣмечины. Они принесли съ собой истовую русскую культуру, какой еще и не видывали нѣмцы. Носили они бороды широкія и полушубки дубленые, рубахи на нихъ были красныя и сапоги дегтемъ мазаные. По воскреснымъ днямъ они всей партіей являлись въ русскую церковь, а послѣ обѣда гурьбой выходили «подъ липы», занимая всю широкую панель и заставляя сторониться всѣхъ гуляющихъ нѣмцевъ, которые изумленно глазѣли на «варварскихъ

руссовъ». Чтобы внести въ нѣмечину всю полноту русской культуры, ярославичи выписали себѣ съ родины бабу, которая стала имъ варить родные щи и завела все русское хозяйство, со всѣми его необходимыми аттрибутами и даже тараканами. Такъ счастливо водворилась было русская культура въ самомъ сердцѣ нѣмечины. Но увы — прискорбно сказать, что мало по малу она стала подчиняться нѣмецкой культурѣ. По исконному прадѣдовскому обычаю ярославичи спятъ въ повалку на нарахъ и мясо ѣдятъ только по праздникамъ. Въ подражаніе этому, еврей-спекулянтъ также и въ Берлинѣ устроилъ для нихъ нары и мясомъ кормилъ порусски. Сначала ярославичамъ и на умъ не приходило, что тутъ что-то не ладно. Но потомъ обживясь и замѣтивъ, что нѣмцы спятъ на отдѣльныхъ кроватяхъ и мясной пищи ѣдятъ вдоволь, смекнули, что у нихъ «порядки-то законные», и потому не долго думая отправили въ русское посольство ходатаевъ съ жалобой на жида, что онъ держитъ ихъ не «понѣмецкому». Такъ противная нѣмечина возобладала даже надъ представителями истой русской культуры. Но зато послѣдняя чуть дорого не отплатила нѣмцамъ за ихъ культурную побѣду. Разъ ярославичи пошли въ окрестный лѣсокъ грибковъ посбирать, и напали на славную удачу, набрали большой кузовъ, и баба посолила ихъ. На другой день у нихъ былъ великъ праздникъ-разгулъ: засѣли ярославичи во веселъ кружекъ, поставили ведерцо зелена-вина, пили ковшикъ-чару великую, грибками во сладость закусываючи, родную землю вспоминаючи и веселы пѣсни распѣваючи. Но — баба ли не такъ посолила, али ужъ нѣмецкій грибъ таковъ, только на другой день всѣ ярославичи легли во лоскъ, и приключилась имъ лиха бѣда—хворобь несчастная. По Берлину пронеслась роковая вѣсть, что русская колонія охвачена холерой; печать забила тревогу, санитарные комитеты пришли въ движеніе и живо поставлены были крѣпкіе карантины вокругъ жилья-бытья нашихъ ярославичей. Но знамо дѣло—нѣмецъ трусъ. Холеры ничуть не бывало, а такъ себѣ занемоглось немнож-

ко, и скоро ярославичи оправились, и войлочекъ по прежнему поваливали, душевно грибъ нѣмецкій проклинаючи. Скоро однакоже ярославичамъ душно стало въ нѣмечинѣ, заползла въ ихъ грудь могучую грусть-кручинушка тяжелая, и бросили они жида-антихриста съ его выдумкой проклятою, и отправились на родину-отчизнушку, во ту ли землю ярославскую—къ своимъ женкамъ, дѣтушкамъ родимыимъ. Нѣкоторые изъ нихъ однакоже настолько поддались нѣмецкому вліянію, что остались въ нѣмечинѣ и по прекращеніи войлочнаго производства, и въ настоящее время представляютъ собой интересный типъ русскаго человѣка, заѣденнаго нѣмецкой культурой. Въ жизни этой простонародной русской колоніи было много другихъ интересныхъ явленій. Въ ней интереснѣйшимъ образомъ столкнулась непосредственная русская культура съ нѣмецкой, и болѣе подробное наблюденіе надъ этимъ столкновеніемъ несомнѣнно дало бы массу интересныхъ фактовъ, могущихъ имѣть болѣе чѣмъ курьезное значеніе.

Изъ Берлина ведутъ въ родную землю два пути—желѣзный и морской. Лѣтомъ такъ пріятно наслаждаться свѣжестью морскаго воздуха, что я предпочелъ взять морской путь, и съ этою цѣлію отправился въ Штетинъ, откуда регулярно отправляются пароходы въ Россію. На р. Одерѣ уже разводилъ пары нѣмецкій пароходъ «Moscau» и раннимъ утромъ двинулся въ путь. На нѣмецкой «Москвѣ» оказалось только съ десятокъ пассажировъ и пассажирокъ. Все это были нѣмцы и нѣмки, но съ задатками обрусѣнія. За первымъ же столомъ я услышалъ русскія слова съ нѣмецкой приправой. Часть изъ нихъ уже побывала въ варварскомъ Руссландѣ, и набивъ мошну ѣздила повидать свой милый фатерландъ; другіе только еще ѣхали попытать своего счастья. Въ этомъ отношеніи Россія для западноевропейцевъ составляетъ тоже, что и Америка. Какъ въ ту, такъ и въ другую западноевропейцы эмигрируютъ для наживы, съ тою только разницею, что Америка ассимилируетъ на своей почвѣ этихъ налетныхъ коршуновъ, а изъ Россіи они опять улетаютъ, унося съ со-

бой грузную добычу. Между пассажирами обращали на себя особенное вниманіе двое красивыхъ мужчинъ, изъ подъ обыкновеннаго платья которыхъ явственно выглядывали строго дисциплинированныя манеры. Во всякое свободное время они садились въ уголокъ и усердно читали какія-то мудреныя книги, требовавшія страшнаго напряженія. Я прислушался и понялъ, что они мудровали надъ русской грамматикой и одною изъ повѣстей Тургенева. Оказалось, что это прусскіе офицеры, ѣхавшіе въ Россію для практическаго изученія русскаго языка, теоретическая основа котораго уже заложена ими въ офицерской школѣ, гдѣ русскій языкъ у нихъ обязателенъ наравнѣ съ французскимъ. Офицеры оказались очень развитыми, образованными и любезными господами, и я съ удовольствіемъ короталъ съ ними однообразное время плаванія; но только холодная дрожь пробѣгала при мысли, что эти образованные люди не кто иные, какъ эмисары того кровожаднаго демона нѣмецкаго милитаризма, который держитъ всю Европу подъ грознымъ мечомъ Дамокла, каждый моментъ угрожающаго ужасами разрушенія и кровопролитія. Офицеры ѣхали въ подмосковныя деревни, гдѣ ихъ съ сердечными томленіями ожидали одного русская графиня N, а другаго русская же княгиня X. Эти русскія барыни, сами изживши въ себѣ весь русскій смыслъ по заграничнымъ блужданіямъ, теперь очевидно уже служатъ только русскими печками, на которыхъ отогрѣваются ядовитые для родной земли змѣи и скорпіоны. Несомнѣнно офицеры подъ ихъ внимательнымъ руководствомъ въ совершенствѣ познаютъ русскій языкъ и тогда — о, еслибы этого никогда не было! — предводя дикими полчищами нѣмецкихъ дружинъ, въ десять кратъ больше сдѣлаютъ вреда для бѣдной Россіи...

Грузный пароходъ между тѣмъ неустанно разрѣзывалъ тихую площадь Балтійскаго моря, и вотъ онъ уже вступилъ въ Финскій заливъ. Скоро должна была показаться родная земля, и я съ трепетнымъ вниманіемъ всматривался въ вос-

точную окраину водянаго круга. Ничего еще не видѣлъ глазъ, но сердце уже чуяло близость роднаго, и невидимое дѣлалось какбы видимымъ. Но вотъ надъ водой сразу засвѣтилось какбы двѣ свѣчи воску бѣлаго, и чрезъ нѣсколько моментовъ глазъ явственно различалъ въ нихъ церкви Божіи. И сердце радостно затрепетало, и отъ сладостнаго волненья въ головѣ кровь зашумѣла. Между тѣмъ изъ воды все болѣе и болѣе стала вырѣзываться чудесная панорама коронаго города и прибрежныхъ поселеній — надъ которыми возвышались стройныя золотоглавыя башни. Эта чудесная панорама вмѣстѣ съ густымъ роемъ всевозможныхъ судовъ и пароходовъ, среди которыхъ величаво стоялъ стройный рядъ исполинскихъ мониторовъ, представляла почти волшебную картину, и я, съ восхищеніемъ схвативъ обоихъ офицеровъ за руки, восторженно воскликнулъ: «Смотрите, вотъ земля Царя! Видѣли-ли вы когда что нибудь подобное»? Нѣмцы видимо были очарованы волшебной картиной и серьезно отвѣчали: sehr imposant, sehr imposant (весьма внушительно!), а одинъ изъ нихъ глубокомысленно прибавилъ: «Дивная картина, но я удивляюсь здѣсь не столько тому, что я теперь вижу, сколько самому Петру Великому, который своимъ геніемъ съумѣлъ на болотахъ создать все это!...»

Еще нѣсколько томительныхъ часовъ, и я былъ уже на почвѣ земли родной. Благополучно пройдя мытарства таможни и взявъ извощика, я весело покатилъ вдоль царственно широкой площади Невскаго проспекта, и невольно размышлялъ о томъ, какъ много за это время родная земля пережила грозныхъ вулканическихъ потрясеній, какъ много произошло въ ней ужасныхъ и исторически знаменательныхъ перемѣнъ и какъ страшно вмѣстѣ съ тѣмъ вздорожали въ ней извощики.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ